

ШКОЛА
for
ДОБРА И ЗЛА

ЗОМАН ЧЕЙНАНИ

Первое похищение случилось две сотни лет назад. В какие-то года пропадало по два мальчика, в другие — по две девочки, а порой по одному мальчику и девочке. Но, если поначалу выбор казался случайным, вскоре схема стала ясна. Один ребенок всегда был пригож и хорош, такого хотели был любые родители. Другой же оказывался неказист и странен, был изгоем с рождения. Вот такая пара противоположностей отбиралась в юном возрасте и исчезала неведомо куда.

В этом году две лучшие подруги, Софи и Агата, обнаружили, куда отправляются все пропавшие дети: в легендарную «Школу Добра и Зла», где обучаются обычные мальчишки и девчонки, чтобы стать сказочными героями и злодеями. Самая красивая девочка Гавальдона, Софи, всю свою жизнь мечтала быть похищенной, чтобы оказаться в этом волшебном мире. В своем розовом платье, хрустальных башмачках и с преданностью добрым делам, она знала, что будет получать наилучшие отметки в Школе Добра и выпустится прекрасной сказочной принцессой. В то время как Агата, в своем бесформенном черном балахоне, со злой кошкой и неприязнью почти ко всем, кажется, идеально подходила Школе Зла.

Но, когда обе девочки очутились в Бесконечных лесах, они обнаружили, что над их судьбами кто-то пошутил — Софи забрасывает в Школу Зла, чтобы обучаться Уродствам, Смертельным проклятьям и Натаскиванию Приспешников, в то время как Агата обнаруживает себя в Школе Добра, среди прекрасных принцев и дев, на уроках по Этикету для принцесс и Общению с животными... Но что, если эта ошибка окажется первым намеком на разгадку того, кто такие на самом деле Софи и Агата?

Школа Добра и Зла — это эпическое путешествие в великолепный новый мир, где оказывается, что единственный выход из сказки состоит в том, что необходимо пережить это путешествие.

Зоман Чейнани
Школа Добра и Зла

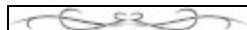

В лесной глуши стоит одна
 Школа Добра и Зла...
 Две башни словно близнецы
 Высятся вдали.
 Одна для чистых духом,
 Другая — злостью больных недугом.
 Попробуй сбежать
 И потерпишь фиаско;
 Здесь выход один —
 Персонажем стать в сказке.

Глава 1

Принцесса и ведьма

Софи всю свою жизнь мечтала, что бы её похитили.

Но сегодняшней ночью все остальные дети Гавальдона корчились и мучились в своих кроватках. Если их заберет Школьный директор, они больше не вернутся. Никогда не заживут полной жизнью. Никогда вновь не увидят свои семьи. Сегодня этим детям снился красноглазый вор с телом зверя, который придет за ними, чтобы оторвать от их простыней и заглушить их крики.

Софи же снились принцы.

Она прибыла на бал, устроенный в ее честь, лишь за тем, чтобы увидеть там сотню женихов и ни одной девушки. Здесь находились те, которые были ее достойны. Так думала она, пока шла вдоль выстроившихся кавалеров. Волосы блестящие и густые, под рубашкой переливаются мускулы, кожа гладкая и загорелая, красивые и чуткие, какими и должны быть принцы. Но как только она подошла к тому, который показался ей лучше всех: с яркими голубыми глазами и светлыми, белокурыми, волосами, тот, с кем чувствовалось, будет «Долго и Счастливо»... сквозь стену залы пролетел молот, осыпая принцев осколками.

Глаза Софи распахнулись. Молот был реальным. Принцы — нет.

— Отец, если я не просплю девять часов, то у меня будут опухшие глаза.

— Все только о том и судачат, что тебя заберут в этом году, — сказал отец, прибывая уродливую балку над окном её спальни, которая теперь оказалась полностью затененной

затворами, штырями и болтами. — Мне советуют остричь тебе волосы и грязью лицо, как будто я верю в весь этот сказочный вздор. Но сегодня сюда никто не проникнет. Это уж точно, — и он красноречиво оглушительно стукнул молотком.

Софи потеряла уши и хмуро глянула на свое некогда чудесное окошко, теперь оно напоминало окошко в логово ведьмы.

— Замки. Почему никто не додумался до этого раньше?

— Вот уж не знаю, почему все считают, что это ты, — сказал он. Его серебристые волосы блестели от пота. — Если этому парню, Школьному директору, нужна сама доброта, то он заберет дочь Гунильды.

Софи напряглась.

— Белль?

— Идеальный ребенок, — умилился её отец. — Приносит домашние обеды на мельницу своему отцу. Отдает остатки бедной старой карге на площади.

Софи услышала упрек в голосе отца. Она ни разу не приготовила ему полноценного ужина, даже после смерти матери. Естественно у неё на то была весома причина (масло и чад могут забить поры её кожи), но она знала, что для него это была большая тема. Это не означало, что её отец ходил голодным. Взамен она предлагала ему свою любимую еду: свекольное пюре, брокколи на пару, отварную спаржу, тушеный шпинат. Его не раздуло как шар, в отличии от отца Белль, именно потому, что она не носила ему на мельницу домашнее фрикасе из ягнятины и сырное суфле. Что касается старой карги, бедной старухи на площади, утверждавшей, что голодает дни напролет, то она была более, чем упитана. И, если Белль не имела к этому никакого отношения, то она вообще не могла считаться доброй, и это худший вид зла.

Софи в ответ улыбнулась отцу.

— Ну, как ты и сказал, все это вздор. — Она соскользнула с кровати и захлопнула дверь в ванную.

Она рассмотрела в зеркале свое лицо. Бесцеремонное пробуждение возымело эффект. Длинные до талии волосы цвета золотых нитей не имели привычный блеск. Её желтовато-зеленые глаза казались выцветшими, а сочно-алые губы оказались сухими на ощупь. Даже сияние её кремново-персековой кожи потускнело. *«Но все равно принцесса»*, — подумала она. Её отец не видел, что она особенная, но не мать.

— Ты слишком прекрасна для этого мира, Софи, — сказала она, издав последний вздох. Её мать ушла в лучший из миров и там теперь ей и быть.

Сегодня вечером ее заберут в лес. Сегодня у нее начнется новая жизнь. Сегодня она начнет жизнь в сказке.

А теперь необходимо заняться делом.

Для начала она втерла себе в кожу рыбью икру, которая воняла грязными ногами. Затем она помассировала себя тыквенным пюре, смыла все это козьим молоком, и наложила на лицо маску из дыни и желтка черепашого яйца. Пока Софи ждала, когда маска высохнет, она полистывала сказки и потягивала огуречный сок, который сохранял её кожу увлажненной. Она пролистала до своей любимой части, где ведьма скатывается вниз по склону в бочке с вколоченными в неё гвоздями. От ведьмы остался лишь браслет, сделанный из костей маленьких мальчиков. Глядя на ужасное украшение, Софи почувствовала, что ее мысли плавно перетекают к огурцам. Допустим, в лесу нет никаких огурцов? Допустим, другие принцессы истощили все запасы? Нет огурцов! Она усохнет, начнет увядать, она...

Сухой кусочек дыни упал на страницу. Она повернулась к зеркалу и увидела, что её лоб сморщился от беспокойства. Сначала разбудили, теперь морщины. Такими темпами к обеду она превратится в старую каргу. Она расслабила лицо и отогнала мысли об овощах.

Что касается остальной части заведенного распорядка Софи по наведению красоты, то это могло быть все что угодно, почерпнутое ею из дюжины книг со сказками (достаточно сказать, что это включало в себя гусиные перья, маринованный картофель, лошадиные копыта, крем из кешью и пузыри с коровьей кровью). После двух часов тщательного приведения себя в порядок, она вышла из дома в легком розовом платье, в сверкающих хрустальных башмачках и с безупречно заплетенной косой. У неё оставался всего один день до появления Школьного директора и она собиралась использовать каждое мгновение, чтобы напомнить ему, почему она, а не Белль или Табита, или Сабрина, или другая какая самозванка, должна быть похищена.

Лучшая подруга Софи жила на кладбище. Учитывая ее ненависть ко всему мрачному, серому или плохо освещенному, можно было бы ожидать, что та станет приходить в гости в домик к Софи, или Софи найдет себе новую лучшую подругу. Но вместо этого, она каждый день на этой неделе, осторожно, чтобы не потерять улыбку, взбиралась по Могильному холму, стоявшему на самой его вершине, потому что это, в конце концов, был добрый поступок.

Чтобы попасть туда, ей пришлось пройти около мили от красочных коттеджей на берегу озера, с зелеными карнизами и залитыми солнцем крышами-башенками, напрямик к краю мрачного леса. Когда она проходила мимо, до неё долетало эхо от стука молотков — это отцы заколачивали двери, а матери набивали чучела, мальчики и девочки, сторбившись каждый на своем крыльце, с головой ушли в сказки. В последней представшей картине не было ничего необычного, потому что дети в Гавальдоне мало что читают помимо сказок. Но сегодня Софи заметила, что их глаза осоловели и неистово просматривали каждую страницу, как будто от этого зависела их жизнь. Четыре года назад, она видела точно такое же отчаяние, с которым они искали возможности избежать проклятья, но тогда это её никак не касалось. Школьный директор забирал только тех, кому уже минуло двенадцать и они уже не казались детьми.

Теперь пришел её черед.

Когда Софи взобралась на Могильный Холм с корзинкой для пикника в руке, то почувствовала, как у неё горят бедра. Не стали бедра ли от этих подъемов толще? У всех принцесс в сказках были одни и те же идеальные пропорции; толстые бедра — так же маловероятны, как крючковатый нос или большие ступни. Чувствуя тревогу, Софи решила отвлечь себя перечислением добрых дел совершенных ею накануне. Во-первых, она кормила озерных гусей смесью чечевицы и лука-порей (природное слабительное, чтобы компенсировать сыр, брошенный туповатой ребятней). Затем, она передала в дар домашнее лимонное мыло городскому сиротскому приюту (ибо, как она настаивала, вручая его озадаченному меценату: — Правильный уход за кожей — величайший подвиг). Наконец, она повесила зеркало в церковном туалете, с тем, чтобы люди могли вернуться к скамейкам выглядя наилучшим образом. Разве этого недостаточно? Разве с ними можно сравнить домашнюю выпечку и подкармливание бездомной ведьмы? Её мысли нервно сместились к огурцам. Возможно, ей удастся припрятать личные запасы с едой в лесу. У неё все еще оставалось достаточно времени, чтобы собраться до наступления ночи. Но огурцы не

тяжелые? Может за ними послать школьного лакея? Может, ей из них лучше сделать сок, прежде чем она...

— Куда собралась?

Софи обернулась. Бледно-рыжий Рэдли улыбался во все свои торчащие в разные стороны зубы. Он жил не пойми где, неподалеку от Могильного холма, но завел себе привычку таскаться за ней днями напролет.

— Повидаться с подругой, — ответила Софи.

— Почему ты дружишь с ведьмой? — спросил Рэдли.

— Она не ведьма.

— У неё нет друзей, и она дурнушка. Что автоматически делает её ведьмой.

Софи воздержалась от указания на то, что и Рэдли грозит подобная участь. Вместо этого, она улыбнулась, чтобы напомнить ему — она уже делает доброе дело, терпя его присутствие.

— Школьный директор заберет её в Школу Зла, — сказал он. — И тогда тебе понадобится новый друг.

— Он заберет двух детей, — сказала Софи сквозь зубы.

— Другой будет Белль. Нет никого такой же хорошей, как Белль.

Улыбка Софи испарилась.

— Но я буду твоим новым другом, — сказал Рэдли.

— На данный момент, у меня полно друзей, — огрызнулась Софи.

Рэдли стал цвета малины.

— Ой, ну да...я просто подумал...

Убежал он как побитый пес.

Софи смотрела, как его всклокоченные волосы удалялись вниз с холма. *«Ну, что же ты наделала»*, — думала она. Месяц добрых дел и натянутых улыбок, а теперь все коту под хвост из-за Рэдли. Почему было не осчастливить его? Почему нельзя было просто ответить:

— Я бы почла за честь иметь такого друга!

И подарить идиотское мгновение, которое он бы вспоминал на протяжении многих лет? Она знала, что это был бы разумный поступок, потому что Школьный директор, наверное, будет судить её почти как Святой Николай в ночь перед Рождеством. Но она не могла этого допустить. Она была красавицей, Рэдли — уродом. Только злодей станет его обманывать. Разумеется, Школьный директор все поймет.

Софи толкнула ржавые ворота входа на кладбище и почувствовала, как сорняки принялись царапать ей ноги. Она шла по холму с покрытыми плесенью надгробиями, беспорядочно высывающимися из дюны мертвых листьев. Протискиваясь между темными могилами и прогнившими ветвями, Софи аккуратно считала ряды. Она никогда не смотрела на могилу своей матери, даже на похоронах, не собиралась смотреть и сегодня. Пройдя шестой ряд, девочка уставилась на плакучую иву и напомнила себе, где она будет завтра.

Посреди кучки могил стоял Могильный холм, 1. Дом не был заколочен или закрыт на засовы, как коттеджи на берегу озера, но это не делало его привлекательнее. Ступени, ведущие на крыльцо, светились зеленой плесенью. Мертвые березы и виноградные лозы протискивались между темным деревом, а крыша под резким углом, черная и тонкая, нависала, как ведьмина шляпа.

Поднимаясь по стонущим ступенькам, Софи постаралась не обращать внимания на запах — смесь чеснока и мокрого кота, и не смотреть на безголовых птиц, усыпавших собой

округу, без сомнения жертв последнего.

Она постучала в дверь и приготовилась к перепалке.

— Убирайся, — раздался ворчливый голос.

— Разве так говорят с лучшей подругой, — пропела Софи.

— Ты не моя лучшая подруга.

— Кто же тогда? — спросила Софи, гадая, неужели Белль каким-то образом пробралась по её тропке на Могильный холм.

— Не твое дело.

Софи сделала глубокий вздох. Ей не хотелось еще одного инцидента, как с Рэдди.

— Агата, мы вчера так хорошо провели время. Я думала, что мы сегодня это повторим.

— Ты выкрасила мои волосы в оранжевый цвет.

— Но мы же все исправили, разве нет?

— Ты всегда проверяешь на мне свои мази и эликсиры, чтобы посмотреть их действие.

— А разве не для этого нужны друзья? — спросила Софи. — Чтобы помогать друг другу?

— Мне никогда не стать такой милой, как ты.

Софи попыталась подобрать какие-нибудь приятные слова, но она тянула слишком долго и услышала, как шаги затопали прочь.

— Это не означает, что мы не можем быть подругами! — отозвалась Софи.

С крыльца на неё зашипел знакомый кот, лысый и сморщенный. Она опять принялась колотить в дверь.

— Я принесла бисквиты!

Шаги затихли.

— Настоящие или сама испекла?

Софи отпрянула от подкрадывающегося кота.

— Воздушные и маслянистые, прямо как ты любишь!

Кот зашипел.

— Агата, позволь мне войти...

— Ты скажешь, что от меня воняет.

— От тебя не воняет.

— Тогда почему ты так сказала в последний раз?

— Потому что в последний раз от тебя воняло! Агата, кошачья рвота...

— Может он унюхал скрытые мотивы.

Кот обнажил когти.

— Агата, открой дверь!

Кот набросился на неё, метя прямо в лицо. Софи закричала. Между ними возникла рука, ударом отбросившая кота вниз.

Софи подняла глаза.

— Жнец извел всех птиц, — сказала Агата.

Отвратительный купол её волос выглядел так, будто их покрыли нефтью. Ее неповоротливое черное платье, бесформенное как картофельный мешок, не могло скрыть странно бледную кожу и выступающие кости. Глаза божьей коровки были навывкат на её впалом лице.

— Я подумала, мы сходим погуляем, — сказала Софи.

Агата прислонилась к двери.

— Все никак в толк не возьму, почему ты со мной дружишь?

— Потому что ты милая и забавная, — ответила Софи.

— Моя мама говорит, что я резкая, и брюзга, — сказала Агата. — Так что одна из вас лжет.

Она протянула руку к корзинке Софии, и откинула салфетку, чтобы обнаружить под ней сухое печенье без отрубей и без масла. Агата одарила Софи уничтожающим взглядом и удалилась в дом.

— Ну, так мы можем прогуляться? — спросила Софи.

Агата начала закрывать дверь, но потом увидела её унылое лицо. Словно Софи была вся в предвкушении от их предстоящей прогулки.

— Только быстро. — Агата прошла мимо неё. — Но, если ты ляпнешь нечто самодовольное или высокомерное, или мелкое, я выпущу за тобой из дому Жнеца.

Софи бросилась за ней вдогонку.

— Но тогда ведь я не смогу разговаривать!

Спустя четыре года, наступила страшная одиннадцатая ночь одиннадцатого месяца. По окончании солнечного дня, площадь кипит подготовкой к прибытию Школьного директора. Мужчины заточили мечи, расставили ловушки, и установили ночных стражей, пока женщины выстроили детей и хорошенько над ними поработали. У красавиц были отрезаны волосы, зубы вычернены, а одежда разодрана в лохмотья; неказистые на вид отмыты до блеска, укутаны в яркие цвета и закрыты вуалью. Матери умоляли своих прилеженков ругаться или избивать своих сестер, худшие были подкуплены молиться в церкви, в то время как остальные пели деревенский гимн: «Блаженна будь Обыкновенность».

Страх превратился в заразное поветрие. В полутемном переулке мясник с кузнецом обменивали книжки со сказками на подсказки, как спасти их сыновей. Под покосившейся башней с часами две сестры перечисляли имена сказочных злодеев в поисках прототипов. Группка мальчишек приковала себя друг к другу, а несколько девчонок спрятались под школьной крышей; из-за кустов в маске выскочил ребенок, чтобы напугать свою мать, за что тут же отхватил подзатыльник. Даже бездомная карга ожила, прыгая перед скудным огнем, каркая:

— Сжечь сказки! Сжечь их все!

Но никто не послушался и никакие книги не сжег.

Агата вытаращилась, не веря своим ушам.

— Да как это весь город верит в эти сказки?

— Потому что они взаправдашние.

Агата остановилась.

— Ты же не можешь на самом деле верить, что легенда правдива.

— Ну конечно же, я верю, — ответила Софи.

— Что Школьный директор похищает двоих детей, забирает их в школу, где одного учат Добру, другого — Злу, и они попадают в сказки?

— Именно так.

— Скажи, если увидишь печь.

— Почему?

— Хочу засунуть туда голову. И чему именно, скажи на милость, учат в этой школе?

— Ну, в Школе Добра, учат мальчиков и девочек, как я, как стать героями и

принцессами, как справедливо править королевствами, и как найти свое «Долго и Счастливо», — объяснила Софи. — В Школе Зла, тебя научат, как превращаться в злобных ведьм и горбатых троллей, как накладывать проклятья и плести злые чары.

— Злые чары? — хихикнула Агата. — Кто до этого додумался? Четырехлетка?

— Агата, доказательства в книгах-сказках! На картинках пропавшие дети! Джек, Роза, Рапунцель — у них всех есть свои сказки...

— Ничего я *не вижу*, потому что *не читаю* тупых сказочек.

— Тогда почему у тебя стопка книг рядом с кроватью? — спросила Софи.

Агата сердито насупила брови.

— Слушай, кто вообще это сказал, что книги вправда такие? Может это проделки книготорговцев. Может Старейшины отпугивают нас от леса. Каким бы ни было объяснение — это не Школьный директор и не злые чары.

— Так кто же ворует детей?

— Да никто. Каждые четыре года, два идиота уходят плутать в лес, в надежде испугать своих родителей, только для того, чтобы заблудиться или стать добычей волков, и, как там говорится, легенда продолжает жить.

— Это самое дурацкое объяснение из всех, что мне доводилось слышать.

— Не думаю, что я здесь Дурочка, — парировала Агата.

Что-то такое в том, что её обозвали дурочкой, заставило кровь Софи закипеть.

— Тебе просто страшно, — сказала она.

— Ну да, — Агата рассмеялась. — И с чего бы мне было страшно?

— Потому что знаешь, что отправишься вместе со мной.

Агата перестала смеяться. А потом её взгляд скользнул мимо Софи на площадь. Деревенские смотрели на них, как на прекрасное разрешение загадки. Добро — в розовом, Зло — в черном. Идеальная пара для Школьного директора.

Все еще застывшая Агата наблюдала за тем, как её буравили дюжины испуганных глаз. Ее первой мыслью было, что послезавтра они с Софи будут в мире и спокойствие наслаждаться прогулками. Рядом с ней, Софи наблюдала, как дети запоминали её лицо на случай его появления однажды на страницах сказки. Её первой мыслью было, коли на Белль они смотрели точно так же.

А потом, в толпе, она увидела её.

Голова обрита, платье грязное, Белль стояла на коленях в грязи, лихорадочно пачкая свое лицо. Софи втянула носом воздух. Белль была как все. Ей хотелось выйти замуж за мужчину, который располнеет, обленится, и станет придиричивым. Ей хотелось монотонных будней за готовкой, уборкой, шитьем. Ей хотелось копаться в навозе, доить овец и убивать визжащих свиней. Ей хотелось гнить в Гавальдоне до тех пор, пока её кожа не покроется коричневыми пятнами, а зубы не выпадут. Школьный директор никогда не заберет Белль, потому что она не принцесса. Она... ничто.

Победа, снова просияла Софи от вида жалких деревенских жителей и наслаждалась их взглядами, как сияющими отражениями...

— Пошли, — сказала Агата.

Софи развернулась. Глаза Агаты приклеились к толпе людей.

— Куда?

— Подальше от людей.

Когда солнце ослабло до красного шара, две девочки, одна красивая, другая уродливая,

сидели бок о бок на берегу озера. Софи упаковывала огурцы в шелковый мешочек, пока Агата чиркала спичкой и тушила её об воду. После десяти спичек, Софи зыркнула на неё.

— Это меня расслабляет, — сказала Агата.

Софи попыталась втиснуть последний огурец.

— Почему кому-то, такому как Белль хочется остаться? Кто бы выбрал *это* вместо сказки?

— И кто по доброй воле решит оставить свою семью *навсегда*? — фыркнула Агата.

— Хочешь сказать, за исключением меня, — уточнила Софи.

Они замолчали.

— Ты когда-нибудь интересовалась, куда делся твой отец? — спросила Софи.

— Я же тебе говорила, он ушел сразу после моего рождения.

— Но куда он отправился? Мы окружены лесом! И вот такое неожиданное исчезновение... — Софи повернулась. — Может, он нашел дорогу в сказку! Может, он обнаружил магический портал! Может он ждет тебя по другую сторону!

— А может он вернулся к своей жене, притворившись, что меня никогда не было и умер через десять лет на мельнице из-за несчастного случая.

Софи прикусила губу и продолжила заниматься огурцами.

— Твоей мамы никогда нет дома, когда я прихожу в гости.

— Она сейчас в городе, — сказала Агата. — Возле дома мало пациентов. Наверное, он неудачно расположен.

— Уверена, что так и есть, — сказала Софи, зная, что никто не стал бы доверять матери Агаты лечение опрелостей, не говоря уже болезни. — Мне кажется от вида кладбища людям слегка не по себе.

— У кладбищ есть свои преимущества, — возразила Агата. — Нет любопытных соседей, коммивояжеров. Ни тебе сомнительных «подружек», носящих маски и поедающих печения, сообщающих, что ты отправишься в Злобную Школу в Волшебной Стране.

Она с наслаждением чиркнула спичкой.

Софи отложила свой огурец.

— Значит теперь я сомнительная.

— А кто тебя просил показываться мне на глаза? Мне и одной было прекрасно.

— Ты всегда меня впускаешь.

— Потому что ты всегда кажешься такой одинокой, — сказала Агата. — И я испытываю к тебе жалость.

— Испытываешь *ко мне* жалость?! — Глаза Софи сверкнули. — Да тебе повезло, что вообще кто-то приходит тебя проведать, когда никто другой не хочет. Тебе повезло, что кто-то, такой как я собирается стать твоей подругой. Тебе повезло, что этот кто-то такой *хороший человек!*

— Я так и знала! — вспыхнула Агата. — Я твой Добрый Поступок! Просто пешка в твоей дурацкой фантазии!

Софи довольно долго ничего не говорила.

— Ну может я и стала твоей подругой, чтобы впечатлить Школьного директора, — наконец призналась она. — Но теперь это не совсем так.

— Потому, что я вывела тебя на чистую воду, — проворчала Агата.

— Потому, что ты мне нравишься.

Агата повернулась к ней.

— Вот, никто меня здесь не понимает, — сказала Софи, глядя себе на руки. — Никто, кроме тебя. Ты понимаешь, кто я. Вот почему я продолжаю приходить. Агата, ты больше не добрый поступок.

Софи подняла на неё взгляд.

— Ты моя подруга.

Шея Агаты покраснела.

— Что не так? — нахмурилась Софи.

Агата ссутулилась в свое платье.

— Просто... гмм... у меня... ммм... прежде не было подруг.

Софи улыбнулась и взяла её за руку.

— Что ж, теперь мы будем подругами в нашей новой школе.

Агата застонала и отодвинулась.

— Скажем, что я опустилась до твоего уровня интеллекта и притворилась, что поверила во все это. Зачем мне отправляться в школу злодейств? С чего бы всем избирать меня Повелительницей Зла?

— Никто не говорит, Агата, что ты — зло, — Софи вздохнула. — Ты просто другая.

Агата сощурилась:

— *Как это* другая?

— Ну, для начала, ты носишь только черное.

— Потому что черный не пачкается.

— Ты не выходишь из дома.

— Там на меня не смотрят люди.

— Для конкурса «Напиши сказку», ты отправила сказки, которые заканчиваются тем, что Белоснежку съели стервятники, а Золушка утопилась в лохани.

— Я посчитала это лучшими концовками.

— На мой день рождение ты подарила мне дохлую лягушку!

— Чтобы напомнить тебе, что все мы умрем и в конечном итоге будем гнить под землей, поедаемые червями, а посему должны наслаждаться нашими днями рождениями, пока они у нас есть. Я сочла, что тут есть над чем поразмыслить.

— Агата, на Хэллоуин ты оделась как *невеста*.

— Свадьбы такие пугающие.

Софи изумленно уставилась на неё.

— Ладно. Значит, я немного другая, отличная от других, — Агата сверкнула глазами. — И что?

Софи помедлила.

— Ну, просто в сказках, в сказках отличность от других превращается, гмм... *в зло*.

— Ты говоришь, что я собираюсь превратиться в Великую Ведьму, — обиженно сказала Агата.

— Я же сказала, что бы ни произошло, у тебя будет выбор, — мягко сказала Софи. — Мы обе сможем выбрать, чем закончатся наши сказки.

Агата какое-то время молчала. А потом коснулась руки Софи.

— Почему ты так сильно хочешь покинуть это место? Потому что ты веришь в сказки, хотя и знаешь, что они врут?

Софи встретилась с большими искренними глазами Агаты. И впервые позволила себе усомниться.

— Потому что я не могу жить здесь, — сказала Софи, запинаящимся голосом. — Я не могу жить обычной жизнью.

— Забавно, — заметила Агата. — Вот, почему ты мне нравишься.

Софи улыбнулась.

— Потому что, как и я не можешь жить обычной жизнью?

— Потому что ты заставляешь меня почувствовать себя обычной, — ответила Агата. —

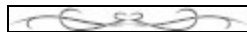
А это все, чего мне когда-либо хотелось.

Часы на колокольне мрачно пропели тенором шесть или семь часов, ибо они потеряли счет времени. И когда эхо растворилось в суете площади где-то там вдали, обе, Софи и Агата, загадали желание, что завтра они всё ещё будут вместе.

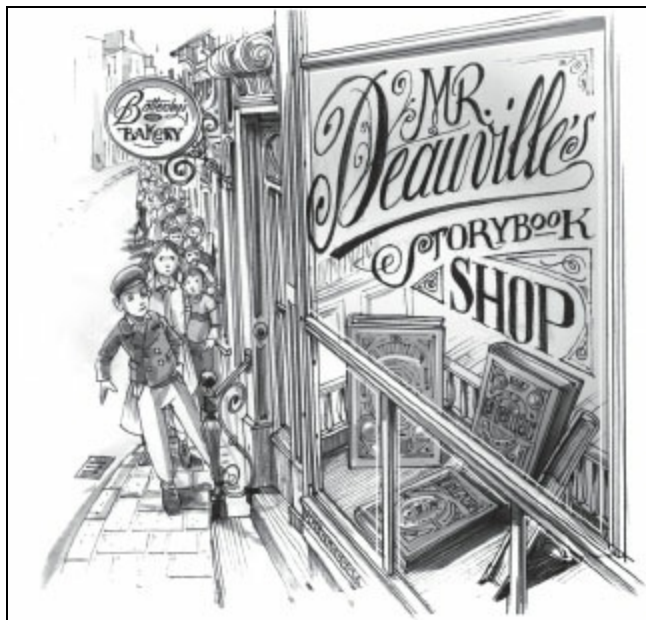
Где бы они ни оказались.

Глава 2

Искусство похищения

К тому моменту, как погасло солнце, дети уже долго были заперты. Через закрытые ставни они поглядывали на вооруженных факелами отцов, сестер, бабушек, выстроившихся в линию вокруг темного леса, отважно, отрезая дорогу Школьному директору, беря его в огненное кольцо.

Но пока дрожащие от страха дети сильнее заколачивали окна, Софи готовилась к тому, чтобы освободить своё окно. Ей хотелось быть похищенной с максимальным комфортом. Забаррикадировавшись в комнате, она выложила шпильки, невидимки, заколки, пилочки для ногтей и приступила к работе.

Первое похищение случилось две сотни лет тому назад. Какое-то время похищались по два мальчика, потом по две девочки, а случалось по мальчику и девочке. Возраст похищенных тоже был разным: одним могло исполниться уже шестнадцать, другим четырнадцать, или обоим только-только исполнилось двенадцать. Но, если поначалу выбор казался случайным, то вскоре схема стала предельно ясна. Один ребенок всегда был красив и прилежен. Такого хотел бы иметь каждый родитель. Другой неказист и странен, став с рождения изгоем. Пара противоположностей, выбиралась из юнцов и увозилась в неизвестном направлении.

Естественно деревенские обвиняли во всем медведей. Никто, правда, не видел ни одного медведя в Гавальдоне, но это только заставило их быть более настойчивыми в своих поисках оных. Спустя четыре года, когда исчезла еще пара детей, крестьяне признали, что объяснения должны быть более конкретными и объявили виновниками черных медведей, потому как те настолько черные, что не видны в ночи. Но, когда дети продолжили исчезать каждые четыре года, деревенские переключили свое внимание на норных медведей, а после и на призрачных медведей, а потом на медведей в маскировке... пока не стало ясно, что медведи здесь совсем ни при чем.

Но покуда ополоумевшие крестьяне строили все новые и новые теории («Теория о воронке», о «Летающем людоеде») дети Гавальдона начали замечать нечто подозрительное. Когда они изучали дюжины плакатов о без вести пропавших пришибленных на площади, лица мальчиков и девочек на них выглядели до странности знакомыми. Вот тогда-то они и открыли свои книги сказок и обнаружили в них похищенных детей.

Джек, украденный за сотню лет до этого, ни чуточку не стал старше. Вот он, нарисованный с той же лохматой гривой волос, ямочками на щеках и кривоватой улыбкой, которая сделала его таким популярным среди девиц Гавальдона. Только теперь в глубине его сада рос бобовый стебель, а у самого него была слабость к волшебным бобам. Между тем, Агнус, веснушчатый хулиган с заостренными ушами, исчезнувший в тот же год вместе с Джеком, превратился в веснушчатого великана с заостренными ушами, прибывал на самом верху бобового стебля. Два мальчика нашли свои дороги в сказку. Но когда дети представили свою Сказочную теорию взрослым, те ответили, как обычно реагирует большинство взрослых. Они гладили детские головы и возвращались к теориям о воронках да людоедах.

Но затем дети показали им портреты знакомых лиц. Украденная пятьдесят лет назад, милейшая Аня теперь сидела в рисунке на камнях, залитых лунным светом, будучи Русалочкой, в то время, как жестокая Эстра превратилась в хитрую морскую ведьму. Филипп, честный сын священника, вырос в Хитрого портняжку, в то время, как напыщенная Гула — в пугавшую детей Лесную Ведьму. Десятки детей, похищенные парно, обрели новую жизнь в мире сказок. Одни на стороне Добра, другие — Зла.

Книги пришли из магазина сказок мистера Довиля — затхлого уголка, ютившегося между Пекарней «Изтеста» и пабом «Маринованная свинья». Проблема, разумеется, состояла в том, откуда сам мистер Довиль доставал свои книги.

Раз в год, утром, предсказывать каким именно он не брался, мистер Довиль приходил в свой магазинчик и обнаруживал, что внутри его ждет коробка с книгами. Четыре совершенно новые сказки, по одному экземпляру каждую. Мистеру Довилю приходилось вешать табличку на дверь: «Закрывается на неопределенное время». А потом он день за днем проводил в своей каморке, старательно переписывая новые сказки, чтобы их хватило на всех детей в Гавальдоне. Как и таинственные оригиналы, однажды утром они появлялись в витрине магазинчика, в знак того, что мистер Довиль наконец-то закончил свою утомительную работу. Он открывал двери своего магазина и в него выстраивались трехмильные очереди, которые змеями извивались на площади, вниз по склону, вокруг озера. Дети жаждали новых сказок, а родители отчаянно искали в нынешних сказках известия о пропавших.

Само собой разумеется, что у Совета Старейшин имелось много вопросов к мистеру Довилю. Когда его спрашивали, кто присылал ему книги, то мистер Довиль отвечал, что понятия не имеет. Когда ему задавали вопрос, с каких пор стали приходить книги, то мистер Довиль отвечал, что не может вспомнить того времени, когда книги не приходили. Когда у него интересовались, возникали ли у него когда-либо сомнения о волшебном способе появления книг, мистер Довиль удивлялся:

— А как они еще могли бы попасть ко мне?

А потом Старейшины заметили еще кое-что про книги мистера Довиля. Все деревушки в них были похожи на Гавальдон. Те же приозерные домики и красочные карнизы. Такие же фиолетовые и зеленые тюльпаны вдоль узких грунтовых дорожек. Такие же малиновые телеги, магазинчики с деревянными прилавками, желтая школа, криво стоящая башня с

часами. Только преподносилось это все, как страна, находящаяся за тридевять земель. Деревни в этих сказках служили только одной цели: чтобы начать и завершить сказку. Все, что находилось между началом и концом происходило в темной бескрайней дремучей чаще, который окружал город.

Вот, когда они обратили внимание, что Гавальдон так же был окружен темными бесконечными лесами.

Когда дети только начали пропадать, крестьяне бежали в лес, чтобы искать их там, но лес встречал их бурями, наводнениями, циклонами и падающими деревьями. Когда же они наконец все это преодолевали, то обнаруживали скрывающийся за деревьями город, который немедленно брали в осаду, только ради того, чтобы в итоге обнаружить, что это их собственный город. И, правда, с какой бы стороны леса они не входили, непременно оказывались в тех местах, в которых они входили. У леса, похоже, не было никакого желания возвращать похищенных детей. И в один прекрасный день они поняли почему.

В тот год, когда мистер Довиль заканчивал распаковывать книжки со сказками, он обратил внимание на большое пятно, прячущееся в сгибе коробки. Дотронувшись до него пальцем, Довиль обнаружил, что оно было мокрым, его оставили чернила. Приглядевшись, он увидел, что это была печать со сложным гербом — изображением черного и белого лебедей, увенчанные тремя буквами:

Ш.Д.З.

Ему не было необходимости гадать, что эти три буквы означали. Расшифровка этих букв была написана ниже. Маленькие черные буквы объясняли, куда забирались крестьянские дети:

ШКОЛА ДОБРА И ЗЛА

Похищения продолжились, но теперь у вора появилось имя. Его прозвали Школьный директор.

Спустя минут десять, Софи сняла последний замок с окна и со скрипом открыла ставни. Ей был виден край леса, где её отец, Стефан, стоял с остальными стражами, охранявшими периметр. Но, вместо того, чтобы выглядеть так же взволнованно, как и остальные, он улыбался, положив руку на плечо вдовы Гоноры. Софи скривилась. Она все никак не могла понять, что отец нашел в этой женщине. Когда-то давным-давно, её мать была самым совершенством, словно сказочная королева, в то время как Гонора была обладательницей маленькой головы, круглого тела и напоминала индюшку.

Её отец что-то озорное прошептал на ухо вдове, и щеки Софи вспыхнули румянцем. Если бы маленьким сыновьям Гоноры грозила участь быть похищенными, то он был бы предельно серьезен. Правда, Стефан запер её на закате, поцеловал, в общем, повел себя как истинный любящий отец. Но Софи была известна правда. Она видела его лицо каждый день на протяжении всей своей жизни. Отец не любил свою дочь. Потому что она не была мальчиком. Потому что она не напоминала ему его самого.

Теперь он хотел жениться на этом чудовище. Спустя пять лет после смерти матери, это не будет казаться неправильным или бесчувственным поступком. Простой обмен клятвами и

у него появятся два сына, новая семья и новое начало. Но ему нужно, чтобы дочь объявила Старейшинам своё благословение, чтобы ему был позволен новый брак. Отец уже пытался несколько раз поговорить с ней об этом, но Софи меняла тему разговора или громко кромсала огурцы, или улыбалась в той же манере, что и с Рэдли. Потому больше Стефан не упоминал имени Гоноры.

Пусть этот трус женится на ней, когда я исчезну, думала она, глядя на него сквозь ставни. Вот, когда она исчезнет, только тогда он и поймет, что никто не сможет её заменить. Только с её исчезновением до него дойдет, что он породил кого-то лучше сына.

Он родил принцессу.

Софи с нежностью разложила на свой подоконник пряники в форме сердечек для Школьного директора. Впервые в жизни она испекла их, добавив сахар и масло. В конце концов, они были особенными. Они как бы сообщали, что она идет по своей воле.

Устроив голову поудобнее на подушке, она закрыла глаза, позабыв про вдов, отцов, сырых и убогих Гавальдона, и с улыбкой принялась отчитывать секунды до полуночи.

Как только голова Софи исчезла в окне, Агата сунула пряничное сердечко себе в рот. *«Единственное, кому они послужат приглашением — это крысы»*, — подумала она, кроша выпечкой на свои черные уродливые башмаки. Она зевнула и уставилась на городские часы, стрелки которых медленно прошли четверть часа.

Оставив Софи, после их совместной прогулки, Агата отправилась домой, только для того, чтобы мысленно представить себе, как Софи помчится в лес, чтобы найти эту Школу для дураков и психов и закончить тем, чтобы быть затоптанной кабаном. Поэтому она вернулась в сад Софи и осталась ждать за деревьями, слушая, пока Софи освобождала окно от досок (напевая глупую песенку о принцах), собирала свои сумки (теперь уже распевая про звон свадебных колоколов), красилась и переодевалась в своё лучшее платье (все любят принцесс в розовом?!) и наконец-то (наконец!) запихнула себя в кровать. Агата растерла своей здоровой туфлей в порошок последние крошки и поплелась в сторону кладбища. Софи была в безопасности и, проснувшись завтра утром, почувствует себя полной дурой. Агата не стала заострять на этом внимание. Теперь она станет еще больше нужна Софи и Агата будет рядом с ней. Здесь в этом безопасном изолированном мире, они вдвоем создадут свой собственный рай.

Когда Агата топала вверх по склону, то заметила дугу темноты в освещенной факелом границе леса. Очевидно, стражи, ответственные за кладбище, решили: то, что живет внутри — не стоило защищать. Столько, сколько Агата себя помнила, у нее был талант к тому, чтобы отпугивать людей. Дети сбегали от нее как от вампировой летучей мыши. Взрослые прижимались к стенам, когда она проходила мимо, опасаясь, что она может проклясть их. Даже смотрители кладбища разбежались с холма, завидев её. С каждым новым годом шепотки в городе становились все громче — *«ведьма»*, *«злодейка»*, *«Школа Зла»* — пока она искала оправдания не выходить. Первые дни, затем недели, пока она не стала затворницей в своем доме, как привидение.

Существует множество способов развлечь себя. Она сочиняла стихи (*«Эта жалкая жизнь»* и *«Кладбище — это Рай»* — были самыми лучшими), рисовала портреты Жнеца, который боялся мышей больше, чем настоящий кот, и даже пробовала свои силы в написании сказок, *«Долго и Мрачно»*, о красивых детках, которые умерли ужасной смертью. Но она никому ничего из этого не показывала до тех пор, пока однажды в её дверь не постучалась Софи.

Жнец лизнул её лодыжки, когда она ступила на скрипучие крыльцо. Она услышала пение, доносившиеся изнутри...

— *В лесной глуши стоит одна
Школа Добра и Зла...*

Агата закатила глаза и толчком открыла дверь.

Её мама вернулась и весело распевала, складывая в сундук черные накидки, метлы и остроконечные ведьмины шляпы.

— *Две башни словно близнецы
Высятся вдали.
Одна для чистых духом,
Другая — злостью больных недугом.
Попробуй сбежать
И потерпишь фиаско;
Здесь выход один —
Персонажем стать в сказке...*

— Планируем экзотический отдых? — поинтересовалась Агата. — Когда я в последний раз проверяла, покинуть Гавальдон можно будет, если у тебя вырастут крылья.

Калис обернулась.

— Как думаешь трех накидок будет достаточно? — спросила она. Глаза навывкате, волосы засалено лоснились.

Агату передернуло, до чего же они похожи.

— Они же одинаковые, — пробормотала она. — Зачем тебе три?

— На случай, если тебе понадобится одолжить одну своей подруге, дорогая.

— Так это для меня, что ли?

— Я кладу две шляпы на случай, если одна сомнется, метлы на случай, если они будут с душком, и несколько флакончиков с собачьими языками, лапками ящериц и пальцами лягушек. Кто знает, сколько их там просидели!

Агата знала ответ, но все равно спросила:

— Мама, для чего мне нужны накидки, шляпы и лягушачьи пальцы?

— Разумеется, чтобы новая ведьма была радушно встречена! — пропела Калис. — Ты ведь не хочешь попасть в Школу Зла и выглядеть там любительницей.

Агата сбросила башмаки.

— Давай отбросим в сторону тот факт, что так полагает городской доктор. Почему так трудно допустить, что я и здесь счастлива? У меня есть все, что нужно. Кровать, кот и подруга.

— Что ж, тебе есть чему поучиться у своей подруги, дорогая. По крайней мере, она чего-то хочет от жизни, — сказала Калис, запирая сундук. — Серьезно, Агата, что может быть грандиознее, чем судьба стать Сказочной Ведьмой? Я мечтала отправиться в Школу Зла! Но вместо меня Школьный директор забрал этого идиота Свена, который закончил тем,

что был обхитрен принцессой в «Бесполезном Огре» и подожжен. Не удивлена. Этот мальчик едва мог зашнуровать собственные ботинки. Уверена, что если Школьный директор смог бы все переиграть, то выбрал бы меня.

Агата проскользнула под свои покрывала.

— Ну, все в этом городе, однако, считают тебя ведьмой, так что твое желание, в конце концов, исполнилось.

Калис резко развернулась.

— Мое желание заключается в том, чтобы ты убралась отсюда, — прошипела она, глядя на нее черными как уголь глазами. — Это место сделает тебя слабой, ленивой и боязливой. По крайней мере, я сама что-то делаю. Ты же просто прозябаешь и тухнешь здесь, пока не приходит Софи, чтобы выгуливать тебя, как собачку.

Агата ошеломленно уставилась на мать.

Калис беспечно улыбнулась и вернулась к сбору вещей.

— Но обязательно позаботься о своей подруге, дорогая. Школа Добра может показаться гирляндой из роз, но её там многое удивит. А теперь ложись. Школьный директор уже скоро будет здесь и ему будет проще, если ты будешь спать.

Агата натянула простыни себе на голову.

Софи не могла уснуть. Пять минут до полуночи и никаких признаков вторжения. Она села в кровати на колени и выглянула через ставни. На окраинах Гавальдона тысячи охранников размахивали факелами, чтобы осветить лес. Софи нахмурилась. *Как же ему удастся пройти через них?*

И тогда она заметила, что пряничные сердечки, оставленные на подоконнике, исчезли.

Он уже здесь!

Через окно были перекинуты три розовых вещмешка, за ними следом на землю опустились две ноги в хрустальных башмачках.

Агата села в постели, стряхнув ночной кошмар. Калис громко храпела на всю комнату, Жнец лежал рядом с ней. Рядом с кроватью стоял запертый сундук, с пометкой «Агата из Гавальдона, дорога на Могильный холм, 1», к которому прилагался мешочек с медовыми кексиками для путешествия.

Жуя кекс, Агата смотрела на улицу через разбитое окно. Там внизу у холма, горящие факелы образовали плотное кольцо, но здесь на Могильном холме, остался всего лишь один грузный страж. Каждая ручища его была размерами со все тело Агаты, а ноги как у курицы. Он старался не заснуть, тягая разбитое надгробье, как штангу.

Агата дожевала последний кусочек медового кекса и взглянула на темный лес.

В ответ на неё взирали блестящие синие глаза.

Агата поперхнулась и нырнула обратно к себе в постель. Она медленно подняла голову. Ничего. Включая стража.

А потом она обнаружила его лежащим без сознания, на разбитом надгробном камне, факел был потушен.

От него крадучись отползла костлявая горбатая человеческая тень. Никакого тела к тени не прилагалось.

Тень поплыла по морю могил без малейшего признака спешки. Она проскользнула под воротами кладбища и, все так же крадучись, спустилась с холма, двигаясь в эпицентр

огненного круга — Гавальдон.

Агата почувствовала, как ужас сковал её сердце. Он был настоящим. Кем бы он ни был.

И я ему не нужна.

Её захлестнула волна облегчения, а потом обрушилось цунами паники.

Софи.

Она должна разбудить маму, она должна позвать на помощь, она должна... Нет времени.

Притворяясь спящей, Калис слышала спешные шаги Агаты, а потом дверь закрылась.

Она покрепче обняла Жнеца, чтобы быть уверенной, что кот не проснется.

Софи присела за деревом, ожидая, когда же Школьный директор схватит её.

Она ждала и ждала. А потом кое-что заметила на земле.

Крошки выпечки, раздавленные чьей-то ногой. След от башмака был таким мерзким и противным, что мог принадлежать только одному человеку. Кулаки Софи сжались, а кровь закипела от злости...

Чьи-то руки закрыли ей рот, а ноги впили обратно через её же окно. Софи рухнула на кровать, а когда повернулась, то увидела Агату.

— Ты жалкий вредоносный червь! — прокричала она, прежде чем успела заметить выражение ужаса на лице своей подруги. — Ты его видела! — ахнула Софи...

Агата прикрыла одной рукой рот Софи и придавила её к матрацу другой. Пока Софи отбивалась в знак протеста, Агата поглядывала в окно. Скрюченная тень выплыла на площадь Гавальдона, мимо не обращающей на неё никакого внимания вооруженной охраны, и направилась к дому Софи. Агата сглотнула, пытавшийся вырваться крик. Софи высвободилась и схватили подругу за плечи.

— Он красивый? Как принц? Или выглядит как заправский учитель с жилете и очках и...

БУМ!

Софи и Агата медленно повернулись к двери.

БУМ! БУМ!

Софи сморщила нос.

— Он что не мог просто постучать, а?

Замки трещали. Петли гремели.

Агата вжалась в стену, в то время как Софи расправила платье, будто ожидала, что сейчас им нанесет визит королевская особа.

— Самым лучшим будет дать ему, что он хочет, без суеты.

Когда дверь прогнулась, Агата спрыгнула с кровати и бросилась к ней. Софи закатила глаза.

— Ох, ради Бога, успокойся и сядь.

Разволновавшись, Агата изо всех сил потянула ручку — дверь, с оглушительным треском, распахнулась, и ее отбросило в другой конец комнаты.

Это был отец Софи, белый как снег.

— Я что-то видел! — тяжело выдохнул он, размахивая факелом.

А после Агата заметила скрюченную тень на стене, наступавшую на его широкий силуэт.

— Там! — закричала она.

Стефан повернулся, но тень задула факел. Агата выхватила из своего кармана спичку и

зажгла её. Стефан без сознания лежал на полу. Софи исчезла.

Снаружи раздались крики.

Она увидела в окно кричащих жителей, несущихся за Софи, которую тень волокла к лесу. Все больше и больше становилось кричащих преследователей...

Улыбка Софи растянулась до ушей.

Агата выпрыгнула через окно и побежала вслед за ней. Но как только деревенские добрались до Софи, их факелы волшебным образом взорвались и люди оказались в ловушке огненного кольца. Агата обогнула кольцо и бросилась спасать подругу, прежде чем тень утянет её в лес.

Софи почувствовала, что тело уже не скользит по мягкой траве, а волочится по каменистой грязи. Она начала сердиться от мысли, что явится в школу в грязном платье.

— Я на самом деле думала, что будут лакеи, — сказала она тени. — Или, по крайней мере, карета из тыквы.

Агата бежала изо всех сил, но Софи уже почти скрылась за деревьями. Все вокруг стало охватывать пламенем, языки которого поднимались все выше и выше, готовые поглотить всю деревню.

Увидев начало пожара, Софи испытала облегчение, что никто больше не мог её спасти. *Но где же второй ребенок?* Где тот, что предназначался для Зла? Все это время она ошибалась на счет Агаты. Когда она почувствовала, что её утаскивают в чащу, Софи взглянула на поднимающееся все выше пламя и послала прощальный поцелуй постылой серой жизни.

— Прощай, Гавальдон! Прощай серость и посредственность...

А потом она заметила Агату, рванувшую через пламя.

— Агата, *нет!* — выкрикнула Софи...

Агата приземлилась сверху на неё и их обеих поглотила тьма.

Тут же пожар вокруг крестьян перестал полыхать. Они бросились в лес, но деревья, как по волшебству стали толще и тернистее, не пуская их вглубь.

Было слишком поздно.

— **ЧТО ТЫ ТВОРИШЬ!** — во все горло заорала Софи, толкая и царапая Агату, когда тень поволокла их в самую непроглядную лесную глушь. Агата яростно отбивалась, пытаясь разжать хватку тени и оторвать от нее Софи. — **ТЫ ВСЕ РАЗРУШИЛА!** — вопила Софи. Агата укусила её за руку. — **ААААА!!!!** — пронзительно завопила Софи и перевернула свое тело таким образом, что Агату потащило по земле. Агата вернула Софи в исходное положение и начала взбираться по ней к тени. Её башмаки уперлись в лицо Софи.

— **КОГДА МОИ РУКИ НАЙДУТ ТВОЮ ШЕЮ...**

Они почувствовали, как отрываются от земли.

Когда их окружило что-то веретенообразное и холодное, Агата нащупала спичку в своем платье, ударила ею по костлявому запястью и побледнела. Тень исчезла. Они были обернуты ветвями вяза, которые переправили их на огромное дерево и опустили на самую низкую ветку. Обе девочки посмотрели друг на друга и попытались восстановить дыхание, чтобы начать говорить. Первой это удалось Агате.

— Мы *прямо сейчас* отправляемся домой.

Ветка зашаталась, нагнулась назад как рогатка, и выстрелила ими словно пулями. Перед тем, как успеть закричать, они приземлились на другую ветку. Агата взмахнула очередной спичкой, но ветка размахнулась и бросила их к следующей, а та, в свою очередь, перекинула

их на другую.

— *ДА КАКОЙ ЖЕ ВЫСОТЫ ЭТО ДЕРЕВО!* — выкрикнула Агата.

Девочек словно мячики бросало все выше, они сталкивались, ударялись друг о друга, платья рвали колючки и маленькие веточки, лица врезались в конечности, пока, наконец, они не добрались до вершины.

Оказавшись на вершине вяза, они увидели гигантское черное яйцо. Девочки, не понимая, уставились на него. Скорлупа треснула, забрызгав их черной клейкой жидкостью, а из яйца появилась безумно большая птица, состоящая только из костей. Птица единственный раз взглянула на парочку и заклекотала так, что у них чуть не полопались барабанные перепонки. Потом она когтями схватила их обеих и спорхнула с дерева. Наконец они закричали, будучи уже согласные друг с другом хоть в этом. Костяная птица летела через черный лес, Агату хлестали ветви деревьев, и она в отчаянии зажгла спичку, поднесла ее к ребрам птицы, давая им возможность разглядеть сверкающие красные глаза и свирепые тени. Ветви деревьев так и норовили выхватить девочек, когда птица то поднималась, то опускалась, облетая их, пока у них над головой не прогремел гром, и они не ворвались в бушующую грозу. Огненные молнии ударяли по ветвям, которые протягивали к ним деревья, а они укрыли свои лица от дождя, грязи и веток, паутины, улей и змей, пока птица не погрузилась в смертельные колючки. Девушки, побелев от страха, закрыли глаза в ожидании боли...

А потом все стихло.

— Агата...

Агата открыла глаза потоку солнечного света. Она посмотрела вниз и вскрикнула.

— *Все взаправду.*

Далеко внизу под ними, в лесу раскинулись два парящих в воздухе замка. Один сверкал в солнечном легком тумане, с розовыми и голубыми стеклянными башенками, нависающими над искрящимся озером. Другой вырисовывался почерневшими зазубринами и острыми шпильями, которые врезались в грозовые тучи, напоминая зубы чудовища.

Школа Добра и Зла.

Костяная птица зависла над Башнями Добра и ослабила хватку когтей вокруг Софи. Агата в ужасе подхватила подругу, но потом увидела, как лицо Софи светится счастьем.

— *Агги, я принцесса.*

Но вместо неё птица сбросила Агату.

Ошеломленная, Софи наблюдала, как Агата падала в розовый, похожий на сладкую вату, туман.

— *Постойте....нет...*

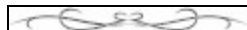
Птица решительно устремилась к Башням Зла, её челюсти потянулись за новой добычей.

— *Нет! Я — Добро!* Это ошибка! — закричала Софи...

Но без колебания была сброшена в адскую тьму.

Глава 3

Огромная ошибка

Софи открыла глаза и обнаружила себя плавающей во рву, заполненном зловонной жижей. Со всех сторон её окружали мрачные стены тумана. Она попыталась подняться, но ноги не находили дна и она стала тонуть, жижа заполняла нос и обжигала горло. Задышавшись, она за что-то уцепилась и увидела, что это были останки наполовину съеденного козла. Она вскрикнула и попыталась отплыть прочь, но ничегошеньки не видела дальше собственного носа. Над её головой эхом пронеслись крики, и Софи задрала голову вверх.

Воздух рассекали с десяток костяных птиц и сквозь туман, визжа, в ров полетели дети. Когда их крики сменили всплески грязи, прибыла следующая волна птиц, затем еще и еще, до тех пор, пока все небо не затмили падающие дети. Софи заметила, как одна птица мчится прямо на неё и убралась с дороги, как раз вовремя, чтобы в лицо, словно пушечное ядро, не влетел сноп слизи.

Она стерла липкую массу с глаз и лицом к лицу оказалась с мальчиком. Первое, что она заметила, на нем не было рубашки. Его грудь была тщедушной и бледной, без малейшей надежды на мускулы. Из маленькой головы выпирал длинный нос, изо рта торчали зубы, а черные волосы нависали над крошечными глазками. Он был похож на маленькую зловещую ласку.

— Птица съела мою рубаху, — пожаловался он. — Можно я потрогаю твои волосы?

Софи резко отпрянула.

— Они обычно не оставляют злодейкам такие шикарные волосы, — сказал он, по-собачьи подгрывая к ней.

Софи отчаянно искала, что-нибудь, чтобы можно было использовать в качестве оружия — палку, камень, мертвого козла...

— Может быть, мы могли бы стать соседями по комнате или лучшими друзьями, или вроде того, — сказал он, находясь теперь совсем близко. Он был похож на Рэдди, который превратился в грызуна и набрался мужества. Мальчишка протянул худую руку, чтобы прикоснуться к ней и Софи уже была готова ударить его в глаз, когда между ними

плюхнулся кричащий ребенок. Софи бросилась в противоположном направлении, а когдаглянула назад, то Мальчик-Грызун исчез.

Софи видела сквозь туман тени детей, осторожно переступавших через плавающие сумки да сундуки, в поисках своего багажа. Тем, кому удалось его отыскать, продолжали двигаться вниз по течению, в направлении зловещего завывания вдали. Софи последовала за плывущими силуэтами, пока туман не рассеялся, явив берег, со сворой волков, стоящих на двух ногах, одетых в кроваво-красные солдатские мундиры и черные кожаные бриджи. Волки щелкали кнутами о землю, тем самым заставляя новоиспеченных выстроиться в шеренгу.

Софи ухватилась за берег, чтобы вытащить себя на сушу, но замерла, когда краем глаза заметила свое отражение в грязной жиже канавы. Её платье было погребено под грязью и желтком, лицо перемазано вонючей жижой, а в волосах уже успела поселиться семейка дождевых червей. От увиденного у неё перехватило дыхание...

— *Помогите!* Я не в той шко...

Волк выдернул её из канавы и толкнул в общую шеренгу. Она открыла рот, чтобы выкрикнуть возражение, но увидела Мальчика-Грузуна, который плыл к ней и визгливо кричал:

— Подожди меня!

Софи тут же встала в одну шеренгу с детьми-тенями, тащившими за собой сквозь туман сундуки. Если кто-то начинал идти медленнее, то волк немедленно отвечивал затрещину, так что Софи продолжала идти в нервном темпе, всевремя вытирая платье, вынимая из волос червей, и оплакивая свой идеально упакованный багаж, который теперь уже был где-то далеко-далеко.

Башенные ворота были сделаны из железных пик, обмотанных колючей проволокой. При приближении к воротам, она увидела, что это вовсе никакая не колючая проволока, а море черного змеиноного отродья, которое извивалось и шипело в её направлении. Ворота со скрипом открылись и Софи опроретью бросилась через них. Оглянувшись, она увидела ржавые буквы, которые держали два чёрных лебедя:

ШКОЛА ПО ОБУЧЕНИЮ ЗЛОДЕЙСТВУ И РАСПРОСТРАНЕНИ ПОРОКА

Впереди, словно крылатый демон, выросла школьная башня. Главная башня, выстроенная из изрешеченного, будто покрытого оспинами, черного камня, пронзающая закопченные облака, словно туловище чудища. По бокам главной башни торчали два толстых, кривых шпиля, крыши которых были увиты красным плющом, испещренным прожилками, напоминающим кровоточащие крылья.

Волки пригнали детей ко входу главной башни, длинному зубчатому тоннелю, напоминающему по форме крокодилю пасть. Софи зазнобило, когда тоннель стал все больше и больше сужаться, до тех пор, пока она едва ли могла разглядеть детей впереди. Она протиснулась между двумя острыми камнями и очутилась в фойе с протекающим потолком, в котором воняло протухшей рыбой. Вниз с каменных стропил, с зажженными факелами в пастях, съехали демонические горгульи. В угрожающем пламени огня замахивалась яблоком железная статуя лысой беззубой карги. Вдоль стен на осыпающейся колонне была нарисована огромная черная буква *H*, украшенная злобными физиономиями бесов, троллей и

гарпий, которые взбирались вверх и вниз по ней, как по дереву. На следующей колонне была нарисована уже кроваво-красная *И*, составленная из замахивающихся кулачищами великанов и гоблинов. Продвигаясь вперед в бесконечной шеренге, Софи сумела сложить из букв на колоннах — Н-И-К-О-Г-Д-А — когда внезапно обнаружила, что находится в глубине помещения, и теперь есть возможность разглядеть тех, кто шел перед ней. Она впервые получила полное представление о других детях и чуть не рухнула в обморок.

У одной девочки был ужасно неправильный прикус, редкие пучки волос, и один глаз вместо двух, находящийся аккурат посреди лба. Какой-то мальчишка со своим выпирающим животом, лысой головой и отечными конечностями напоминал комок теста. Вначале тащилась высокая ухмыляющаяся девчонка с болезненно-зеленой кожей. У мальчишки перед ней было столько волос на теле, что он мог бы вполне сойти за обезьяну. Всем им было на вид столько же лет, сколько ей, но на этом их сходство заканчивалось. Здесь была масса жалких личностей, изуродованных телами, с отталкивающими лицами и жестокими выражениями на них, коих ей еще ни разу в жизни не приходилось видеть, будто они искали что бы возненавидеть. Взгляд каждого из них в итоге падал на Софи и они находили, что искали. Ошеломленная принцесса в хрустальных башмачках и золотыми кудрями.

Роза красная среди колючек.

А на другой стороне рва Агата едва не убила фею.

Очнулась она под красными и желтыми лилиями, которые, похоже, оживленно беседовали. Агата была уверена, что предметом разговора была она, поскольку лилии довольно грубо тыкали в её сторону своими листьями и бутонами. Но потом, цветы как видно о чем-то договорились и, сгорбившись, будто разобидевшиеся старушки, обернули свои стебли вокруг запястий девочки. Они рывком поставили Агату на ноги и та увидела поле, полное девочек, которые, словно цветочные бутоны окружили мерцающее на солнце озеро.

Она не верила глазам. Девочки вырастали прямо из земли. Сначала из мягкой почвы выныривали головки, потом появлялись шеи, затем плечи, а потом они стремились все выше и выше, пока их руки не начинали тянуться к пушистому синему небу и они не оказывались на земле в изящных башмачках. Но не это необычное появление девочек заставило разнервничаться Агату, а то, что ни у одной из этих девочек не было *ничего общего* с ней.

Их лица, у кого-то светлые, у кого-то темные, выглядели безупречными и лучились здоровьем. Их волосы ниспадали сияющим каскадом гладких локонов, как у кукол, и все были одеты в платья с пышными юбками персиковых, желтых и белых расцветок, как яйца в корзине Пасхального кролика. Одни выросли невысокими, другие были гибкими, как тростинки и высокими, но у всех имелась тонкая талия, стройные ноги, и узкие плечи. Пока поле зацветало все новыми и новыми студентками, каждую поджидала команда из трех фей с блестящими крылышками. Феи звенели, будто колокольчики и суетливо отряхивали девочек от земли, отпаивали их нектарным чаем, и разбирались с их сундуками, которые точно так же появлялись из земли, как и их владелицы.

Агата не имела ни малейшего представления, как и откуда взялись эти красавицы. Все, чего ей хотелось, чтобы в этой толпе появился хоть кто-нибудь не столь красивый и она бы себя не чувствовала такой неуместной. А это бесконечное цветение было по части Софи, которое возникало везде, за что бы она не бралась. У Агаты засосало под ложечкой от такого знакомого чувства стыда. Ей необходимо забиться в кукую-нибудь нору, спрятаться на

кладбище, как-нибудь заставить их всех уйти прочь...

И вот тогда её и укусила фея.

— Что за...

Агата попыталась смахнуть надоедливое звенящее существо с руки, но фея подлетела и укусила её за шею, а потом за зад. Другие феи попытались усмирить грубиянку, когда девочка взвыла от боли, но нахалка укусила и их, а потом вновь напала на Агату. Возмущенная подобным обращением, девочка постаралась поймать фею, но та двигалась быстрее молнии, так что Агате оставалась только ловить руками воздух, а грубиянка продолжала кусаться, пока по ошибке ни влетела девочке в рот и та её случайно не проглотила. Агата с облегчением вздохнула и подняла глаза.

На неё в изумлении уставились шестьдесят красивые девушек. Кошка в гнезде соловья.

Агата почувствовала ожесточенный пинок в горле и выплюнула фею. К её удивлению феей оказался мальчик.

Вдали, за озером, из потрясающе красивого замка из розового и синего стекла, доносился мелодичный колокольный перезвон. Феи похватили своих девочек за плечи, подняли их в воздух, и перенесли через озеро к башням. Агата поняла, что у неё появилась возможность сбежать, но не успев сделать и шагу, почувствовала, как двумя феями поднимается в воздух. Когда Агата поплыла по воздуху, она бросила взгляд через плечо на третью, вернее на третьего, мальчика, укусившего её, который остался твердо стоять на земле. Он скрестил на груди руки и качал головой, как бы недвусмысленно намекая, что происходящее — ужасная ошибка.

Когда феи перенесли девочек к стеклянному замку, они отпустили девочек и позволили им самим свободно продолжить путь. Но две феи Агаты вцепились в её плечи мертвой хваткой и потащили девочку вперед, будто пленницу. Агата оглянулась на озеро. *Где же Софи?*

На середине кристально чистая вода озера превращалась в склизкую жижу рва; серый туман скрывал все, что бы там не простиралось на другом берегу. Если Агата собиралась спасти свою подругу, то ей необходимо было найти способ, как пересечь ров. Но для начала ей нужно высвободиться из хватки этих крылатых вредителей. Ей необходим отвлекающий маневр.

Над аркой золотых ворот зеркальной поверхностью сверкали слова:

ШКОЛА ОБУЧЕНИЯ ДОБРУ И ВОЛШЕБСТВУ

Агата заметила свое отражение в буквах и отвернулась. Она ненавидела зеркала и любой ценой избегала их. (*Свиньи с собаками не выискивают, где бы полюбоваться на себя*, — считала она.) Продвинувшись вперед, Агата взглянула на будто тронутые глазурью замковые двери, украшенные двумя белыми лебедями. Но как только двери распахнулись и феи загнали девочек в узкий зеркальные коридор, все принялись толкаться на месте, и группка девочек, словно акулы, окружила Агату.

Они уставились на неё, будто ждали, что она вот-вот скинет свою маску и перед ними предстанет принцесса во всей своей красе. Агата попыталась встретиться взглядом с каждой, но вместо этого встретила с тысячью отражений своего лица, и немедленно перевела взгляд в мраморный пол. Несколько фей суетливо летали вокруг, пытаясь заставить всех двигаться дальше, но большинство уселось на плечах своих девочек и наблюдали.

Наконец, одна из девочек сделала шаг вперед. У неё были длинные до талии золотые волосы, сочные губки и глаза цвета топаза. Она была такой красивой, что казалась ненастоящей.

— Здравствуй, я — Беатрикс, — сказала она любезно. — Я не расслышала твоего имени.

— Это потому, что я его не называла, — ответила Агата, уставившись в землю.

— А ты уверена, что попала куда следует? — спросила Беатрикс, еще слаще прежнего.

У Агаты закрутилось какое-то слово на языке, но нужное ей, было слишком размытым, чтобы она могла понять, что это.

— Гмм, я...

— Возможно, ты просто приплыла не в ту школу, — улыбнулась Беатрикс.

Вот оно нужное слово, осенило Агату: *Блеф*.

Агата посмотрела в сияющие глаза Беатрикс.

— Это ведь Школа Добра, не так ли? Легендарная школа для красивых и достойных девушек, которым суждено стать принцессами?

— О, — сказала Беатрикс, поджав губы, — значит, ты не заблудилась?

— Или перепутала школы? — сказала другая со смуглой кожей и черными, как смоль волосами.

— Или ослепла? — сказала третья с насыщенно рубиновыми кудрями.

— В таком случае, уверена, что у тебя имеется пропуск в Цветник, — заявила Беатрикс.

Агата моргнула:

— Что?

— Твой *билет* в Цветник, — сказала Беатрикс. — Ну, знаешь, в то место, куда мы все направляемся. Только у *официально* принятых студентов есть билеты в Цветник.

Все девочки подняли вверх позолоченные билеты, демонстрируя свои имена, написанные каллиграфическим почерком, заверенные штампом с черным и белым лебедями Школьного директора.

— Ооо, *этот* пропуск в Цветник, — усмехнулась Агата. Она запустила руки к себе в карманы. — Подойдите ближе и я вам его покажу.

Девочки с опаской придвинулись поближе. Тем временем пальцы Агаты перебирали в поисках чего-нибудь отвлекающего — спички... монеты... высушенные листья...

— Гмм, ближе.

Недовольно бормоча, девочки подошли еще ближе.

— Он не так уж и мал, — раздраженно сказала Беатрикс.

— Подсел при стирке, — сказала Агата, соскребая со спичек расплавленный шоколад, перебирая обезглавленных птиц (Жнец припрятал их у неё в одежде). — Он должен быть где-то здесь...

— Возможно, ты его посеяла, — сказала Беатрикс.

Шарики нафталина... ореховые скорлупки... еще одна мертвая птица...

— Или куда-нибудь его дела, — сказала Беатрикс.

Птица? Спичка? Поджечь птицу спичкой?

— Или солгала, что он у неё вообще был.

— О, кажется, нашла.

Но все, что чувствовала Агата, это усилившуюся нервную сыпь на шее...

— Ты ведь знаешь, что бывает с непрошеными гостями, да? — уточнила Беатрикс.

— Вот же он...

Сделай что-нибудь!

Девочки, столпились вокруг Агаты, зловеще уставившись на неё.

Немедленно сделай что-нибудь!

Она сделала первое, что ей пришло на ум — громко пукнула.

Эффектный отвлекающий маневр посеял неразбериху и панику. Агата добилась результативности по обоим пунктам. С появлением мерзких паров в коридоре визжащие девочки обратились в бегство, а феи лишь услышав запах, падали в обморок, расчистив ей дорогу к двери. Только Беатрикс осталась стоять у неё на дороге, слишком шокированная, чтобы пошевелиться. Агата сделала шаг вперед и склонилась к ней, как волк.

— *Бу.*

Беатрикс бросилась со всех ног бежать прочь.

Кинувшись к двери, Агата с гордостью оглянулась назад на девочек, жавшихся к стенам, толкавшим друг друга, пытавшихся оказаться подальше от Агаты. Сконцентрировавшись на спасении Софи, она рванула через глазурные двери и стремглав понеслась к озеру, но как только очутилась на его берегу, немедленно поднялась гигантская волна, которая хлынула на неё и отшвырнула обратно через двери в визжащих девочек. В итоге Агата оказалась на полу в луже воды.

Она, пошатываясь, поднялась на ноги и замерла.

— Добро пожаловать, Новая Принцесса, — сказала парящая в воздухе семифутовая нимфа. Она сдвинулась в сторону, чтобы стал виден холл, такой величественный, что у Агаты перехватило дыхание. — Добро пожаловать в Школу Добра.

Софи так и не смогла притерпеться к запаху этого места. Когда она, покачиваясь, шла в общей шеренге, то зажала рот руками, спасаясь от запаха невымытых тел, заплесневелых камней, и вонючей шерсти волков. Софи встала на цыпочки, чтобы разглядеть, куда же двигается шеренга, но все, что она увидела — это бесконечный парад уродцев. Другие студенты бросали на неё неодобрительные взгляды, но она лишь отвечала наидобрейшей улыбкой, на случай, если это было испытанием. Это должно быть испытанием или ошибкой, или шуткой, или *вроде того*.

Она повернулась к серому волку.

— Не считите за сомнение в вашем авторитете, но могла бы я видеть Школьного директора? Мне кажется он... — Волк зарычал, забрызгав её слюной. Софи решила больше не лезть к нему с вопросами.

Неожиданно Софи оказалась в вестибюле, в котором три черные скрюченные лестницы изгибались в идеальный ряд. Перила одной, покрытой резными монстрами, гласили: «ЗЛОБА», второй, испещренная пауками: «ВРЕДИТЕЛИ», а третьей со змеями: «ПОРОК». За третьей лестницей Софи заметила стены, увешанные разноцветными картинными рамками, в каждой из которых был портрет ребенка, а рядом висела картина эпизода из сказки, рассказывающая о том, кем он станет после обучения. Вот в золотой раме висит портрет элифийской маленькой девочки, а рядом с ним — изумительный рисунок её же, но уже в образе отвратительной ведьмы, нависшей над девой в коматозном состоянии. По двумя картинами висела золотая табличка, гласившая:

КЭТРИН ИЗ-ЗА ЛИСЬЯ

Маленькая Белоснежка (Злодейка)

В следующей золотой раме был портрет ухмыляющегося мальчишки содной толстой сросшейся бровью, кроме него, на картине была еще и женщина, к горлу которой он приставил нож.

ДРОГАН С РОПЩУЩИХ ГОР

Синяя борода (Злодей)

Под Дроганом висела серебряная рама с тощим мальчишкой с лохматой светлой шевелюрой, повернувшегося к дюжине огров, безжалостно топчущих деревню:

КИР ИЗ ТЕМНОЛЕСЬЯ

Мальчик-с-пальчик (Подручный)

А потом Софи заметила обшарпанную бронзовую рамку внизу с крошечным лысым мальчиком с широко распахнутыми глазами. Она знала этого мальчишку. Его звали Бейн. В Гавальдоне он перекусал всех хорошеньких девочек, пока его не похитили четыре года назад. Но рядом с Бейном не было никакого рисунка. Просто ржавая табличка, на которой было написано:

ИСКЛЮЧЕН

Софи посмотрела на перекошенное устрашающее лицо Бейна и почувствовала, как у неё свело живот. *Что с ним случилось?* Она обвела взглядом тысячи золотых, серебряных и бронзовых рамок, под завязку забивших залу: ведьмы, убивающие принцев; великаны, пожирающие людей; демоны, сжигающие детей; мерзкие огры; абсурдного вида горгоны; безголовые всадники — безжалостное море чудищ. В одночасье превратившиеся в них из неловких подростков. Теперь же запечатлены в портретах в качестве абсолютного зла. Даже злодеи, умершие ужасной смертью — Румпельштильцхен, Великан с Боба, Волк из *Красной шапочки* — были запечатлены в величайшие моменты своей жизни, будто это они вышли победителями в своих сказках. У Софи снова свело живот, когда она обратила внимание, с каким благоговением другие дети смотрят на эти портреты. И наконец её осенило — она стоит в одном ряду с будущими убийцами и чудовищами.

Её прошиб холодный пот. Ей срочно необходимо найти кого-нибудь из преподавателей. Кого-нибудь, кто бы мог свериться со списком зачисленных учеников и понял, что она попала не в ту школу. Но пока, единственные, кого она смогла найти были волки, которые говорить-то нормально не могли, не то, что сверятся со списками.

Свернув за угол в широком коридоре, Софи увидела впереди на высокой стремянке, краснокожего рогатого гнома, прибывающего еще портреты на стену. У неё свело зубы от надежды, когда она стала медленно продвигаться к нему в шеренге. Когда Софи решила привлечь его внимание, то вдруг заметила, что на этой стене в рамках висели знакомые лица. Был здесь и похожий на борова мальчишка, которого она уже видела, надпись на портрете которого гласила «БРОН ИЗ РОХОВ ШИПОВ». Рядом с ним весел портрет одноглазой, с редкими пучками волос на голове, девочки: «АРАХНА ИЗ-ЗА ЛИСЬЯ». Софи оглядела портреты своих одноклассников, чтобы узнать, какие злодейские преобразования им предстоять. Её глаза остановились на мальчишке Грызуне. «ХОРТ ИЗ КРОВАВОЙ СКАЛЫ». *Хорт. Звучит-то как болезнь.* Она двинулась вперед шеренги, готовая окрикнуть

Гнома...

А потом она увидела рамку под его молотом.

Ей улыбалось ее собственное лицо.

Софи с воплем вылетела из шеренги, вскарабкалась вверх по стремянке и вырвала портрет из пальцев ошеломленного гнома.

— Нет! Я из *Школы Добра!* — прокричала она, но гном вырвал обратно картину и два раза шлепнул её этим портретом по голове, а потом принялся пинаться и толкаться до тех пор, пока Софи не выдержала и не отвесила ему пощечину. Гном заверещал как маленькая девочка и замахнулся на неё своим молотком. Софи увернулась, но потеряла равновесие, стремянка заходила ходуном и рухнула между стенами, так и застряв. Распластавшись в полете на ступеньках, она глянула вниз на скалившихся волков и тарасившихся студентов.

— Мне нужен Школьный директор! — а затем руки её все-таки разжались и она съехала по ступенькам, приземлившись в самое начало строя.

И темнокожая ведьма с большущим фурункулом на щеке сунула ей в руки пергамент.

Софи из-за леса	
Первый год обучения Злу	
Бащина Порочность 66	
← Расписание занятий	→ Преподаватели
1. УРОДОВЕДСТВО	Проф. Биллус Мэнли
2. НАТАСКИВАНИЕ ПРИСЛЕШНИКОВ	Кастор
3. ПРОКЛЯТЯ И СМЕРТЕЛЬНЫЕ ЛОВУШКИ	Леди Лессо
4. ИСТОРИЯ ЗЛОДЕЙСТВА	Проф. Огуст Сэгер
5. ОБЕД	
6. ОСОБЫЕ ТАЛАНТЫ	Проф. Шеба Шикс
7. КАЗОЧНОЕ ВЫЖИВАНИЕ	Юба Гном
(Лесная группа №3)	

Софи, опешив, уставилась на листок.

— Увидимся на занятиях, Ведьма из-за леса, — прохрипела старая карга. И прежде, чем Софи успела что-то на это ответить, огр всучил ей в руки стопку учебников, перевязанных лентой.

Лучшие злодейские монологи, 2-е изд.

Заклинания, вызывающие страдания, год первый

Руководство для чайников по похищениям и убийствам

Распространение уродства внутри и снаружи

Как готовить детей (дополнено новыми рецептами!)

Книги и без того были ужасны, но потом Софи увидела и ленту, которой они были

перевязаны — лентой оказался живой угорь. Она закричала и отшвырнула учебники, прежде чем рябой сатир всучил ей затхлую черную ткань. Развернув её, Софи отпрянула, обнаружив унылую, в лохмотьях, тунику, напоминающую больше изодранные шторы.

Она с изумлением уставилась на других девочек, радостно надевающих свою вонючую школьную форму, перебиравших свои книги, и сверявшихся с расписанием. Софи медленно перевела взгляд на свою грязную черную робу. А потом на книги, перемазанных слизью книги. А потом на себя, улыбающуюся с портрета на стене.

Она бежала за своей жизнью.

Агата знала, что находилась не в том месте, потому что даже преподаватели бросали на неё озадаченные взгляды. Они вместе выстроились на четырех винтовых лестницах просторного стеклянного фойе. Две лестницы были розовыми, другие две — голубыми. Выстроившихся учеников сверху осыпали конфетти. Женщины-профессора были одеты в, одинакового фасона, но разных цветов обтягивающие платья с высоким воротником, с блестящей серебряной брошью-лебедем над сердцем. Но каждая внесла в свое платье индивидуальные особенности: кто инкрустировал его кристаллами, иные украсили цветами из бисера, или даже бутонами из тюли. Меж тем мужчины-профессора все были одеты в светлые костюмы радужных цветов, с соответствующими жилетами, узкими галстуками и цветными платками, заправленными в карманы, расшитыми точно такими же серебряными лебедями.

Агата сразу же обратила внимание, что все взрослые были гораздо красивее, чем все те, которых ей приходилось встречать в своей жизни. Даже преподаватели преклонного возраста и те были до ужаса элегантны. Агата всегда старалась придерживаться мнения, что красота бессмысленна, потому что она всего лишь временное явление. Но вот появилось наглядное доказательство, что она могла длиться вечно.

Учителя постарались тыкать друг друга локтями как можно незаметнее, а шептаться как можно тише, при виде промокшей насквозь неуместной ученицы, но Агата давно привыкла к подобному и легко подмечала такие вещи. А потом она заметила еще одного, не похожего на остальных. Окруженного ореолом, стоящего возле витражного окна в костюме цвета зеленого трилистника. У него были серебристые волосы и блестящие карие глаза, и он смотрел на неё так, будто она попала именно туда, куда нужно. Агата покраснела. Любой бы, кто подумал, что она принадлежит этому месту, был явно не в себе. Она почувствовала себя уютнее, отвернувшись от негодующих взглядов девочек, бросающих их исподлобья, которые явно не простили её за инцидент в зале.

— А где мальчики? — услышала Агата голос какой-то девочки, когда они оказались перед тремя невероятно огромными нимфами с неоновыми волосами и губами, которые раздавали их расписания, учебники и форму.

Поскольку Агата плелась в самом конце, то у неё был лучший обзор на величественную лестничную залу. На противоположной стене розовели нарисованные огромные буквы *НА*, вокруг которых резвились так же нарисованные милovidные ангелочки и сильфиды. На остальных трех стенах также имелись буквы, которые складывались все вместе в единое *НА-ВС-ЕГ-ДА* розового и голубого цветов. В углу каждой стены симметрично располагались винтовые лестницы, освещавшиеся высокими витражами. На перилах у одной из двух голубых лестниц было высечено *ЧЕСТЬ*, наряду со стеклянным офортом рыцарей и королей в то время как на другой, украшенной голубыми рельефами охотников и луков, можно было

прочесть ДОБЛЕСТЬ. Две лестницы из розового стекла были подписаны позолотой ЧИСТОТА и МИЛОСЕРДИЕ, и украшали их нежные фризы девушек, принцесс и добрых животных.

В центре комнаты на великом хрустальном обелиске, который тянулся от молочно-мраморного пола до стеклянного потолка, висели портреты выпускников. Выше на обелиске весели портреты в золотых рамках. Они принадлежали студентам, которые стали принцами и королевами после окончания школы. В середине висели серебряные портреты тех, кому достались не такие значимые роли — бойкие помощники, примерные домохозяйки и крёстные феи. В самом низу колонны, испещренные пылью, были портреты в бронзовой оправе; принадлежавшие тем, кто стал лакеями и слугами. Но независимо от того, стали ли они Снежной Королевой или трубочистом, Агата увидела студентов с одними и теми же красивыми лицами, добрыми улыбками и проникновенными глазами. Здесь в стеклянном дворце в середине леса, лучшие из лучших, собрались на службе у добра. И вот она, Мисс Ничтожность, на службе у кладбищ и пуков.

Агата ждала, затаив дыхание, пока, наконец, не подошла и её очередь оказаться перед розово-волосой нимфой.

— Произошла путаница! — выпалила она. С Агаты ручьем лились вода и пот. — Здесь должна быть моя подруга Софи, а не я.

Нимфа улыбнулась.

— Я пыталась её остановить, — сказала Агата, голосом преисполненным надеждой, — но я смутила птицу и вот теперь я здесь, а она в другой башне. Но она красавица и любит розовый цвет, а я... да, вы только взгляните на меня. Знаю, вам нужны ученики, но Софи моя лучшая подруга и, если она остается, тогда и я должна остаться, а мы не можем остаться, так что прошу вас помогите мне найти её, чтобы мы могли вернуться домой.

Нимфа вручила ей листок пергамента.

<i>Агата из-за леса</i>	
<i>Первый год обучения Добру</i>	
<i>Башня Правды 51</i>	
<i>Написанные лекции</i>	<i>Преподаватели</i>
1. КРАСОПОВЕДЕНИЕ	Проф. Дана Анепон
2. ЭПИКЕЛИ ПРИНЦЕСС	Полтуке
3. ПОНИМАНИЕ ЯЗЫКА ЖИВОТНЫХ	Принцесса Гла
4. ИСТОРИЯ ГЕРОЙСТВА	Проф. Оуест Одер
5. ОБЕД	
6. ДОБРЫЕ ДЕЛА ПРОФ.	Проф. Кларисса Доби
7. СКАЗОЧНОЕ ВЫЖИВАНИЕ	Юна Туна

(Лесная группа №3)

Агата, пораженная, уставилась на нимфу.

— Но...

Зеленоволосая нимфа сунула ей корзину с книгами. Она заметила там:

Преимущество красоты

Завоюй своего Принца

Рецепты Красоты

Предназначение принцессы

Речь животных 1: Лай, ржание и чириканье

После синеволосяя нимфа подала девочке школьную форму: ужасно короткий розовый платье-сарафан, с рукавами вычурно украшенными гвоздиками, который следовало носить поверх белой кружевной блузы, на которой, казалось, не хватало трех пуговиц.

Ошеломленная Агата обвела взглядом принцесс вокруг себя, втискивающих в свои розовые платья. Она посмотрела на книги, которые говорили ей, что красота была привилегией, что ей мог достаться идеальный принц, что она могла научиться разговаривать с птицами. Она посмотрела на расписание, предназначавшееся для кого-то красивого, изящного и доброго. А потом она взглянула на прекрасного учителя, все еще улыбающегося ей, как будто он ждал чего-то грандиозного от Агаты из Гавальдона.

И Агата сделала то единственное, что она знала, как это делается, когда сталкивалась с ожиданиями.

Она бросилась бежать вверх по синей лестнице ЧЕСТЬ, через залы цвета морской волны, а вслед за ней летели феи, звеня от ярости. Она мчалась через залы, карабкалась по лестницам, и у неё не было времени, чтобы осознать, что же она видит — полы из нефрита, комнаты для занятий из леденцов, библиотеки из золота — пока не добралась до последней лестницы и не ворвалась через дверь из матового стекла на крышу башни. Перед ней открылся захватывающий освещенный солнцем вид подстриженной скульптурной изгороди. Но прежде, чем Агата успела разглядеть, что же из себя представляют эти живые скульптуры, вслед за ней ворвались феи, выстреливая ртами липкие золотые паутины, чтобы поймать её. Она поднырнула вниз, чтобы ускользнуть от них, скорчившись на подобие жука, поползла через огромные живые изгороди. Встав на ноги, она пробежала и прыгнула на самую высокую скульптуру мускулистого принца, поднявшего меч высоко над прудом. Она проползла по листовенному мечу к его разящему кончику, отбрыкиваясь от роящихся вокруг фей. Но вскоре их стало слишком много и они оплевали её своими сияющими паутинами, Агата не удержалась и рухнула в воду.

Когда она открыла глаза, то была совершенно сухой.

Должно быть, пруд был порталом, потому что сейчас она была снаружи под кристально-голубой аркой. Агата подняла глаза кверху и остолбенела. Она находилась на краю узкого каменного моста, который тянулся сквозь густой туман через озеро к прогнившей башне. Это был мост между двумя школами.

У неё из глаз брызнули слезы. Софи! Она могла спасти Софи!

— Агата!

Агата прищурилась и увидела как из тумана выбегает Софи.

— Софи!

Раскинув руки, девочки побежали по мосту, выкрикивая имена друг друга...

Они врезались в невидимый барьер и отлетели в разные стороны, упав на землю.

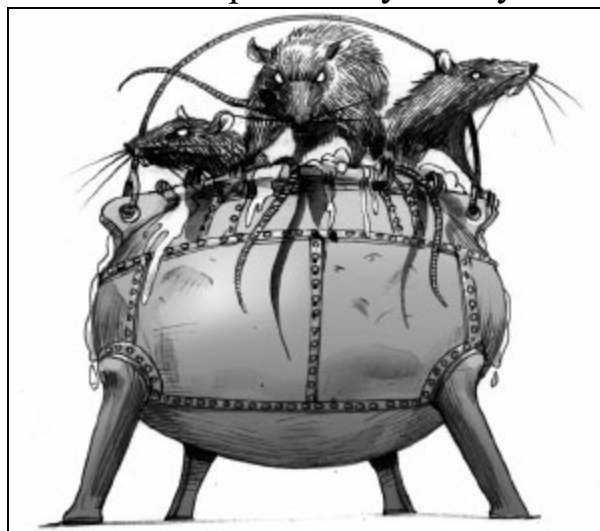
Оторопелая от боли, Агата наблюдала, как волки схватили Софи за волосы и потащили обратно к Школе Зла.

— Вы не понимаете, — прокричала Софи, видя, как феи утаскивали Агату. — Это ошибка!

— *Не было никакой ошибки*, — прорычал волк.
Девочки потеряли дар речи.

Софи не знала, почему шестеро волков наказывали именно её, но она предполагала, что они хотели сделать из нее пример. Они привязали её к вертелу, засунули в рот яблоко, и понесли как банкетную свинью на шестой этаж зала Злобы. Все встретившиеся им по пути новые студенты смеялись, тыча пальцами. Но смех их превратился в оскалы, когда они поняли, что эта дурында будет жить с ними. Волки протащили скулившую Софи мимо комнат 63, 64, 65, пинком открывая комнату 66, они забросили её внутрь. Софи покатила по полу, пока лицом не затормозила об бородавчатую ногу.

— Сказала же, что к нам попадёт, — сказал кислый голос.

Всё ещё привязанная к вертелу, Софи подняла глаза, и увидела высокую девчонку с сальными чёрными волосами, чёрной помадой, кольцом в носу, и ужасной татуировкой рогатого демона с красным черепом вокруг шеи. Её чёрные глаза вперились в Софи.

— Эта даже воняет, как Счастливица...

— Тогда феи довольно скоро эту заберут, — раздался голос из другого конца комнаты.

Софи повернула голову к девчонке-альбиносу с мертвенно-белыми волосами, белой кожей и прикрытыми красными глазами, наливавшей из котла какого-то варева трем черным крысам.

— Жалость какая, а то мы могли бы перерезать этой глотку и повесить в качестве зального украшения.

— Как грубо, — откликнулась третья. Софи повернулась к улыбающейся шатенке на кровати, круглой, как воздушный шар, в каждом увесистом кулаке которой было зажато шоколадное мороженое. — Кроме того, убийство других студентов против правил.

— А что, если мы эту чутка покалечим? — предложила альбиноска.

— Мне кажется, она изменится, — сказала толстуха, врезаясь зубами в мороженный лед. — Не все злодеи воняют и депрессивно выглядят.

— Она не злодейка, — в унисон рявкнули альбиноска с татуированной девчонкой.

Когда Софи выпуталась из веревок, она повернула шею и перед её взором впервые предстала вся комната. Когда-то давным-давно комната вполне возможно была прелестным

и уютным помещением, пока кто-то не устроил здесь пожар. Кирпичные стены были обожжены до черна. Потолок украшали черные и коричневые подпалины, а пол был похоронен под слоем пепла. Даже мебель смотрелась поджаренной. Но, пока Софи шарила глазами по комнате, то поняла, что у неё появилась проблема куда больше, чем комната.

— А где зеркало? — воскликнула она.

— Дайте-ка угадаю, — фыркнула девчонка с татуировкой. — Здесь у нас Белла, или Ариэль, или Анастасия.

— Больше похоже на Лютик или Драже, — сказала альбиноска.

— Или Кларабель, или Роза Красная, или Уиллоу Морская.

— Софи. — Софи стояла в облаке сажи. — Меня зовут Софи. Я не злодейка, я не «эта», и да, очевидно, что мне здесь не место, так что...

Альбиноска и девчонка с татуировкой согнулись пополам от смеха.

— Софи! — захихикала вторая. — Это даже хуже, чем можно было вообразить!

— Всему что зовется Софи не место здесь, — прохрипела альбиноска. — Этому надлежит сидеть в клетке.

— Я принадлежу другой башне, — сказала Софи стараясь быть выше их язвительности, — и потому мне необходимо встретиться со Школьным директором.

— Мне необходимо встретиться со Школьным директором, — передразнила её альбиноска. — А как насчет того, чтобы выпрыгнуть из окна и проверить поймает ли он тебя?

— Никакого воспитания, — прочавкала круглая девчонка с набитым ртом. — Я — Дот. Это Эстер, — сказала она, тыча пальцем в девчонку с татуировкой. — А этот лучик света, — сказала она, тыча пальцем уже в альбиноску, — Анадиль.

Анадиль сплюнула на пол.

— Добро пожаловать в комнату номер шестьдесят шесть, — сказала Дот, и взмахом руки смела пепел с невостребованной кровати.

Софи поморщилась, взглянув на зловещные дыры, проеденные молью в простынях.

— Спасибо за радушный прием, но мне действительно нужно идти, — сказала она, пятясь к двери. — Не подскажите, где находится кабинет Школьного директора?

— Принцессы должно быть очень растеряются, когда тебя увидят, — сказала Дот. — Большинство злодеек не похожи на принцесс.

— Да не злодейка она, — простонали Анадиль и Эстер.

— Для того, чтобы попасть к нему, мне необходимо записаться на прием? — продолжала настаивать Софи. — Или я могу послать к нему записку, или....

— Ты могла бы слетать, полагаю, — сказала Дот, вытаскивая два шоколадных яйца из кармана. — Но стимфы^[1] могут тебя слопать.

— Стимфы? — переспросила Софи.

— Птички такие, которые посбрасывали нас сюда, душечка, — коверкая слова, жуя, сказала Дот. — Ты должна была с ними пересечься. И понимаешь, как сильно они ненавидят злодеев.

— Последний раз говорю, — резко сказала Софи, — я не злоде...

На лестнице послушался звон. Такой сладостный, утонченный, такой изящный, что его могли издавать только...

Феи. Они пришли за ней!

Софи с трудом подавила крик. Она не осмелилась ничего высказать по поводу своего

неминуемого спасения (кто знает насколько серьезны они были настроены в отношении украшения зала). Она отступила к двери и слушала, как звон становился все громче.

— Не знаю, с чего это люди взяли, что принцессы красивые, — ковыряя бородавку на пальце ноги, сказала Эстер. — У них такие маленькие носы, напоминающие пуговицы, которые так и хочется оторвать.

Феи на нашем этаже! Софи хотелось прыгать вне себя от радости. Как только она доберется до башни Добра, то примет самую долгую ванну в своей жизни!

— И у них всегда такие длинные волосы, — поддержала Эстер Анадиль, помахивая дохлой мышью, которая должна была стать крысиным десертом. — Так и хочется их повырывать.

Осталось всего несколько комнат...

— А эти их фальшивые улыбочки, — сказала Эстер.

— А эта их одержимость розовым цветом, — сказала Анадиль.

Феи уже совсем близко!

— Не могу дождаться, когда же убью первую, — сказала Эстер.

— Можно начать прямо сегодня, — сказала Анадиль.

Они здесь! Софи распирало от радости — новая школа, новые подруги, новая жизнь!

Но феи пролетели мимо её комнаты.

Сердце Софи разорвалось на части! Что случилось! Как они могли пропустить её! Она бросилась мимо Анадиль к двери, распахнула ее, и перед ней мелькнул волчий мех. Софи в ужасе отпрянула, а Эстер захлопнула дверь.

— Из-за тебя нас всех накажут, — прорычала Эстер.

— Но они здесь были! Они искали меня! — выкрикнула Софи.

— *А ты уверена, что мы не можем её убить?* — спросила Анадиль, наблюдая за тем, как её крысы жадно пожирают мышь.

— Так из каких лесов ты к нам пожаловала, душечка? — спросила Дот Софи, поглощая шоколадную лягушку.

— Я не из леса, — тут же ответила Софи, и выглянула в глазок. Волки без сомнения прогнали фей прочь. Ей необходимо было выбраться на мост и разыскать их. Но прямо сейчас, коридор охраняли три волка, поедая с чугунных тарелок жареную репу.

Волки едят репу?! Вилками?

Но на волчьих тарелках присутствовало еще что-то странное.

Феи, подбирающие остатки еды за зверюгами.

Глаза Софи расширились от ужаса.

Милый мальчуган-фей поднял на неё взгляд. *Он видит её!* Заламывая руки, Софи произносит одними губами: — Помоги! — через стекло. Фейчик понимающе улыбается, и что-то шепчет волку на ухо. Волк смотрит на Софи, и одним оглушительным ударом превращает глазок в стеклянные осколки. Софи отступает назад, слыша дружное изящное хихиканье и рычащий смех.

Феи не собирались её спасать.

Софи затряслась всем телом, готовая вот-вот разрыдаться. А потом она услышала, как кто-то откашлялся и повернулась.

На неё взирали все три девочки с одинаковым озадаченным выражением лица.

— Что ты имела в виду под тем, что ты «не из леса»? — спросила Эстер.

Софи была не в состоянии отвечать на глупые вопросы, но сейчас эти три бандитки

были её единственной надеждой разыскать Школьного директора.

— Я из Гавальдона, — сказала он, подавляя слезы. — Вы втроем, похоже, много знаете об этом месте, так что я была бы вам очень признательна, если бы вы рассказали мне, гд...

— Это недалеко от Ропщущих гор? — спросила Дот.

— Только Несчастливцы живут в Ропщущих горах, дура ты эдакая, — проворчала Эстер.

— Бьюсь об заклад, рядом с Радужным вихрем, — сказала Анадиль. — Оттуда обычно самые противные Несчастливцы.

— Простите, что-то я совсем запуталась, — нахмурилась Софи. — Счастливы? Несчастливы?

— Типа защищенные Рапунцели-запертые-в-башне, — сказала Анадиль. — Это все объясняет.

— Счастливыми мы зовем творящих добро, душечка, — ответила Дот Софи. — Ну, знаешь, весь их этот бред с поисками своего «И жили они долго и счастливо».

— Таким образом, вы становитесь «Несчастливыми»? — спросила Софи, вспомнив буквы на колоннах в комнате с лестницей.

— Сокращенный вариант для «Никакогодолгоисчастливо» — «Никогдабольше», — радостно сообщила Эстре. — Рай для Злодействующих. У нас будет неиссякаемое могущество в Никогдабольше.

— Подчинение времени и пространства, — сказала Анадиль.

— Превращение в кого захотим, — сказала Эстер.

— Разделение наших душ.

— Победа над смертью.

— Туда могут попасть самые злобные злодеи, — сказала Анадиль.

— И самая лучшая часть, — сказала Эстер. — Никаких людей. Каждый злодей получает свое собственное королевство.

— Вечное уединение, — сказала Анадиль.

— Больше похоже на наказание, — сказала Софи.

— Это люди одно сплошное наказание, — сказала Эстер.

— Агате бы это понравилось, — пробормотала Софи.

— Гавальдон...это у Пустяшных холмов? — весело спросила Дот.

— Да во имя сказочника, нет с нами рядом ничего, — простонала Софи. Она протянула Дот свое расписание на самом верху которого было написано «СОФИ ИЗ-ЗА ЛЕСА». — Гавальдон находится за лесом. Он окружен лесом со всех сторон.

— Из-за леса? — спросила Эстер.

— А кто у вас король? — спросила Дот.

— Нет у нас короля, — сказала Софи.

— А кто твоя мать? — спросила Анадиль.

— Она умерла, — ответила Софи.

— А отец? — поинтересовалась Дот.

— Он работает на мельнице. Это очень личные вопросы...

— А он из какой сказочной семьи? — спросила Анадиль.

— И теперь они просто прикалываются. Ни из какой он не из сказочной семьи. Он из обычной семьи с обычными недостатками. Как любой из ваших отцов...

— Я так и знала, — сказала Эстер Анадиль.

— Что именно? — спросила Софи.

— Только Чтецы могут быть такими не проходимыми тупицами, — сказала Анадиль Эстер.

Софи покраснела.

— Извините, но не я тут дурочка, если кроме меня никто не умеет читать, так что пойдите гляньте на себя в зеркало, если сможете найти хоть одно...

Чтец.

Почему никто здесь не тосковал по дому? Почему все плыли к волкам во рву вместо того, чтобы спастись бегством? Почему не звали маму и не шарахались от змей у ворот. Откуда они столько знали про эту школу?

«А из какой он сказочной семьи?»

Глаза Софи наткнулись на тумбочку Эстер. Рядом с вазой с мертвыми цветами, свечой в форме когтя, и стопкой книг — *Как обвести вокруг пальца детей-сирот, Почему злодеи проигрывают, Часто совершаемые ведьмины ошибки* — стояла сучковатая деревянная рамка для картины. Внутри был неуклюжий детский рисунок ведьмы перед домом.

Дом был построен из пряников и конфет.

— Мама была такой наивной, — сказала Эстер, поднимая рамку с рисунком. По лицу было видно, что она погрузилась в воспоминания. — Печь? Да я вас умоляю. Насадить надо было на вертел для гриля. Избежала бы осложнений. — У неё сжалась челюсть. — Уж я-то сделаю все как надо.

Софи перевела глаза на Анадиль и у неё засосало под ложечкой. Её любимая сказка заканчивалась тем, что ведьму затолкали в бочку, утыканную гвоздями, а потом пустили катиться до тех пор, пока единственным, что осталось от ведьмы, был браслет, сделанный из маленьких костей мальчиков. Теперь этот браслет болтался на руке у её соседки по комнате.

— Она-то у нас в ведьмовском деле подкована, — зловеще ухмыльнулась Анадиль. — Бабуля бы ей гордилась.

Софи повернулась к плакату над кроватью Дот. На нем кричал красавец-мужчина в зеленом, когда его голову отрубал топор палача.

РАЗЫСКИВАЕТСЯ:

РОБИН ГУД

Живым или мертвым (предпочтительнее мертвым)

По приказу шерифа Ноттингемского

— Папа обещал мне право первого удара, — сказала Дот.

Софи в ужасе оглядела своих подружек по кроватям.

Им не нужно читать сказки. Они сами из них пришли.

Они были рождены, чтобы убивать.

— Принцесса и Чтец, — сказала Эстер. — Два самых худших качества, какие только могут быть в человеке.

— Даже Счастливым она не нужна, — сказала Анадиль. — В противном случае, они бы уже явились за ней.

— Но они должны прийти за мной! — выкрикнула Софи. — Я — Добро!

— Застряла ты здесь, дорогуша, — сказала Эстер, взбивая пинком подушку Софи. — Так что если хочешь выжить, постарайся-ка соответствовать.

Соответствовать ведьмам! Соответствовать людоедам!

— Нет же! Послушайте меня! — умоляла Софи. — Я — *Добро!*

— Опять ты заладила. — Эстер молниеносно схватила её за горло и пригвоздила над открытым окном. — А где *доказательства?!*

— Я жертвую корсеты бездомным старухам! Я хожу в церковь каждое воскресенье! — взвыла Софи, зависнув над смертельно-опасной пропастью.

— Гмм, никаких признаков феи-крестной, — сказала Эстер. — Попробуй еще раз.

— Я улыбаюсь детям! Пою птичкам! — Софи поперхнулась. — Не могу дышать!

— Так же никаких признаков Прекрасного принца, — сказала Анадиль, хватая её за ноги. — Последний шанс.

— Я подружилась с ведьмой! Вот какая я Хорошая!

— И по-прежнему никаких фей, — сказала Анадиль Эстер и они подняли её вверх.

— Она должна быть здесь, а не я! — застонала Софи...

— Никто не знает, почему Школьный директор приносит вас ничтожных уродов в наш мир, — прошипела Эстер. — Но здесь может быть только одна причина. Он *глупец*.

— Спросите Агату! Она вам скажет! Это она злодейка!

— Знаешь, Анадиль, а ведь нам пока никто не рассказал ничего о правилах, — сказала Эстер.

— Поэтому они не могут наказать нас за их нарушение, — усмехнулась Анадиль.

Они подняли Софи через край.

— Раз, — сказала Эстер.

— Нет! — заверещала Софи.

— Два...

— Вам нужны доказательства! Я дам вам доказательства! — прокричала Софи...

— Три...

— *ПОСМОТРИТЕ НА МЕНЯ И ПОСМОТРИТЕ НА СЕБЯ!*

Эстер и Анадиль уронили ее. Ошеломленно, они смотрели то друг на друга, то на Софи сгорбившуюся на кровати, глотающую слезные вздохи.

— Сказала же вам, что она злодейка, — прощепетала Дот откусывая кусок кекса.

Гвалт в коридоре заставил всех в комнате повернуться к двери. Дверь с треском распахнулась и в комнату ворвались три волка, схватили всех за шкуру и швырнули в толпу студентов, одетых в точно такие же чёрные одежды. Студенты толкали и пихали друг друга; некоторые упали и не смогли подняться. Софи боясь быть затоптанной, прижалась к стене.

— Куда мы идем! — крикнула она Дот.

— В школу Добра! — сказала Дот. — На Приветс... — Людоедно-подобный пацан пинком отправил её вперёд.

Школа Добра! Преисполненная надеждой, Софи последовала за отвратительной толпой вниз по лестнице, прихорашивая свое розовое платье для ее первой встречи со своими истинными одноклассниками. Кто-то схватил её за руку и отбросил Софи к перилам. Ошеломленная, она подняла взгляд на злобного белого волка, который протягивал ей черную школьную форму, вонявшую смертью. Блеснув ухмылкой, он оскалил зубы.

— Нет... — ойкнула Софи...

Тогда волку пришлось самому обо всем позаботиться.

Хотя принцессы Чистоты все проживали по трое, Агате досталась личная комната.

Розовые стеклянные лестницы связывали все пять этажей башни Чистоты, спираль

которых была покрыта точной резной копией бесконечных волос Рапунцель. На двери Агатиной комнаты висела блестящая табличка в сердечках: «Добро пожаловать Рина, Миллисент, Агата!» Но Рина и Миллисент, надолго не задержались. Рина, благословленная прекрасной арабской кожей и блестящими серыми глазами, с трудом затащившая свой огромный сундук в комнату, увидев Агату, сразу же потащила его обратно.

— Она выглядит такой злой, — слышала Агата из коридора. — Я не хочу умирать! — (— Переезжай ко мне, — слышала она Беатрикс. — Феи поймут.) И действительно, феи поняли. И они поняли, когда рыжеволосая Миллисент, со вздернутым носиком и тонкими бровями, симулировала боязнь высоты и потребовала комнату на нижнем этаже. И так Агата осталась одна, отчего она почувствовала себя как дома.

Однако, комната вызывала в ней тревогу. С розовых стен на неё глядели массивные зеркала, украшенные драгоценными камнями. На замысловатых фресках запечатлены поцелуи прекрасных принцесс с лихими принцами. Над каждой кроватью аркой висел белый шелковый полог, создавая в целом иллюзию королевской кареты, а потолок покрывали величественные фрески облаков с улыбающимися купидонами, пускающих любовные стрелы. Агата отошла от всего этого великолепия, как можно дальше и, скорчившись, присела в уголке окна, прижавшись черным платьем к розовым стенам.

Через окно ей было видно, как сверкающее озеро, окружавшее Башни Добра превращалось в грязный ров на полпути, чтобы защитить Башни Зла. «Срединный залив», — прозвали его девочки. А там в глубине тумана, простирается узкий каменный мост, соединяющий две школы. Но здесь было всего два замка, а что за ними?

Влекомая любопытством, Агата вскарабкалась на подоконник, вцепившись в стеклянную балку. Она взглянула вниз на Башню Чистоты, потянувшись к её острому розовому шпилью — одно неверное движение, и она окажется нанизана, как кусок баранины на вертел. Агата встала на цыпочки на краю подоконника, и выглянула за угол, и чуть не рухнула от удивления. За Школами Добра и Зла простирался массивный синий лес. Деревья, кусты, цветы расцветали всеми оттенками синего, от ледяного до цвета индиго. Буйная растущая синяя роща разворачивалась на довольно большое расстояние, заходя даже на территорию дворов школ, прежде чем была огорожена со всех сторон золотыми воротами. За воротами же, лес становился зеленым и убегал в черноту небытия.

Когда Агата соскользнула обратно, она что-то такое увидела перед школой, поднимающиеся из Срединного залива. Это нечто находилось как раз посередине, на границе ила и кристально чистой воды. Она едва могла разглядеть сквозь туман...высокую, тонкую башню из сверкающего серебристого кирпича. Вокруг шпиля гудело множество фей, в то время как волки с арбалетами стояли в дозоре на деревянных досках, которые виднелись из башенного основания, торчащего из воды.

Что они там охраняют?

Агата покосилась на верхушку башни уходящей в небеса, но все, что ей удалось увидеть, было одинокое окно, окруженное облаками.

А потом на окно упал свет, и она заметила силуэт.

Скрючившуюся тень, что их похитила.

Башмак подскользнулся и тело смертельно опасно свесилось из башни Чистоты. Размахивая конечностями из стороны в сторону, она ухватилась за оконную перекладину, успев как раз вовремя, и ввалилась в комнату. Агата потерла ушибленный копчик, развернулась — но тени и след простыл.

Сердце Агаты заколотилось быстрее. Кто бы их сюда не притащил — он находился в той башне. И кто бы это ни был — он мог все исправить и вернуть их домой.

Но сначала ей нужно спасти свою лучшую подругу.

Спустя несколько минут, Агата отпрянула от зеркала. Рукава розовой школьной формы обнажали части её бледного тощего тела, которые никогда не видели солнечного света. Кружевной воротник вызывал зуд на шее, которая то и дело её беспокоила, когда она волновалась; гвоздики по канту рукавов заставляли её чихать, а подобранные в соответствующие розовый туфли на высоких каблуках, вынуждали балансировать, будто она передвигалась на ходулях. Но эта отвратительная одежда — единственный шанс на побег. Её комната находилась в противоположном конце от лестницы. Чтобы вернуться к мосту, ей нужно было незамеченной проскользнуть через коридор, а потом вниз по лестнице.

Агата сжала челюсти.

Ты должна смешаться с остальными учениками.

Она сделала глубокий вдох и со скрипом отворила дверь.

В коридоре уже собрались пятьдесят красавиц. Все девочки были в розовых сарафанах, они хихикали, обменивались сплетнями, платьями, обувью, сумочками, браслетами, кремами и всякой всячиной, которой они набили в свои здоровенные сундуки, в то время как феи сновали между ними, стараясь понапрасну собрать их для Приветствия. Агата увидела через всю эту сутолоку, как на другом конце коридора промелькнула лестница. Уверенный проход и её след бы простыл — они даже ничего бы не заметили. Но она не могла пошевелиться.

У неё ушла вся жизнь на то, чтобы обзавестись единственной подругой. А всем этим девочкам хватило каких-то минут, чтобы стать лучшими подружками, как будто завести друзей — раз плюнуть. Агата почувствовала укол досады. В этой Школе Добра, где все должны быть добрыми и любящими, она по-прежнему чувствовала себя одинокой и презираемой. Ее везде принимали за злодейку.

Она с шумом захлопнула дверь, оборвала лепестки со своих рукавов, сорвала розовые шпильки с ног и вышвырнула их в окно. Она прислонилась к стене и закрыла глаза.

Заберите меня отсюда.

Она открыла глаза и увидела своё уродливое лицо, в инкрустированном драгоценностями, зеркале. Но прежде, чем она успела отвести взгляд, помимо своего отражения, ей попало на глаза еще кое-что. Потолочная плита с улыбающимся купидоном была слегка смещена.

Агата снова запихнула ноги в свои черные жесткие башмаки. Она взобралась на кровать с балдахином и сдвинула потолочную плиту, открывая над комнатой темный проход. Она схватилась за края отверстия и задрала одну ногу вверх, потом другую, пока не оказалась сидящей на узкой платформе внутри ската.

Она кралась впотьмах, руки с коленями на ощупь перебирали по холодному металлу — пока металл внезапно не превратился в воздух. На этот раз ей ничего не удалось предпринять.

Падая слишком быстро, чтобы успеть закричать, Агата со свистом пролетела по желобу, её мотало туда-сюда, и она скользила вниз до тех пор, пока кувырком не пролетела через решетку и не приземлилась на бобовом стебле.

Она обняла толстый зеленый ствол, благодарная за то, что все еще пребывает в целости и сохранности. Но, когда Агата огляделась по сторонам, то увидела, что вокруг нет ни сада,

ни леса, вообще ничего такого, где бы мог произрастать бобовый стебель. Агата попала в темную комнату с высокими потолками, заполненную картинами, скульптурами, стеклянными витринами. В углу её глаза обнаружили матовую дверь, на стекле были вытравлены золотом слова:

ГАЛЕРЕЯ ДОБРА

Агата медленно начала спускаться по стеблю, пока её башмаки не коснулись мраморного пола.

Длинную стену по всей ширине покрывала роспись с панорамным видом на парящий замок, свадьбу отважного принца и прекрасной принцессы под сверкающей аркой, в то время как тысячи приглашенных позвякивали в колокольчики и танцевали в честь торжества. Целующуюся пару благословило само ясно солнышко, у них над головами парили ангелочки и осыпали лепестками красных и белых роз. Выше над панорамой из-за облаков выглядывали блестящие золотом буквы, простирающиеся от одного конца панно до другого:

В О В Е К И В Е К О В

Агата поморщилась. Она всегда высмеивала Софи за веру в «Долго и Счастливо». (Да кому захочется быть счастливым постоянно?) Но глядя на эту фреску, она была вынуждена признать, что школа проводила чертовски хорошую работу по продвижению этой идеи.

Она пристально взгляделась в стеклянную витрину, содержащую тоненькую книжицу, исписанную витиеватым почерком, и мемориальную доску рядом: БЕЛОСНЕЖКА ЭКЗАМЕН ПО ЗНАНИЮ ЯЗЫКА ЖИВОТНЫХ (ЛЕТИЦИЯ ИЗ ДЕВИЧЬЕГО ДОЛ. следующих витринах она обнаружила синий плащ мальчика, ставшего принцем Золушки, студенческая подушка Красной шапочки, дневник Девочки со спичками, пижама Пиноккио, и другие реликвии звездных студентов, которые предположительно вышли замуж или попали в замки. На стенах она увидела еще больше рисунков «Долго и Счастливо» бывших учеников, экспонаты, относящиеся к Школьной истории, баннеры празднования знаковых побед, и стена с надписью «Староста Класса», составленная из портретов студентов из каждого класса. В музее становилось все темнее и темнее, поэтому Агата воспользовалась спичкой, чтобы разжечь лампу. И вот тогда она увидела мертвых животных.

Над ней угрожающе нависали десятки чучел, набитых и вмонтированных в розовые стены. Она стерла пыль с их табличек для того, чтобы обнаружить Кота в сапогах, любимого крысеньша Золушки, не проданную корову Джека, отпечатанные вместе с именами детей, которые оказались недостаточно хороши, чтобы стать героями или подельниками или слугами. И для этого всего никакого «Долго и Счастливо». Просто крюки в музее. Агата ощутила на себе их жуткий стеклянный взгляд и отвернулась. И вот только тогда она заметила посверкивающую табличку на стволе бобового стебля. ХОЛДЕН ИЗ РАДУЖНОЙ БУРИ. Этот несчастный стебель когда-то был *мальчиком*.

У Агаты кровь застыла в жилах. Все эти сказки, в которые она никогда не верила. Но вот теперь они стали до невозможности реальными. За две сотни лет, ни один из похищенных детей так и не вернулся в Гавальдон. С чего она решила, что Софи будет первой? И что заставляет её думать, что они в итоге не окажутся вороном или розовым кустом?

А потом она вспомнила, что их отличало от всех остальных.

Мы есть друг у друга.

Им придется действовать сообща, чтобы разрушить это проклятье. Или они обе в конечном итоге превратятся в отработанный материал сказки.

Внимание Агаты привлек укромный уголок, завешанный картинами, нарисованными одним и тем же художником, на которых были изображены одни и те же сцены: дети читали сказки. Картины были нарисованы в размытом импрессионистском стиле. Когда она поближе взглянула на картины, то её глаза расширились. Потому что она узнала, где находились все эти дети.

Все они были в Гавальдоне.

Она прошла от первой картины к последней, на которых сидели читающие дети напротив таких знакомых холмов и озера, покосившейся часовни и хлипкой церкви, нарисована была даже тень от дома на Могильном холме. Агата почувствовала сильную тоску по дому. Она насмеялась над детьми, считая их спятившими и придурками. Но как выяснилось, они знали то, чего не знала она — что граница между вымыслом и реальностью очень тонка.

Когда она приблизилась к последней картине, та оказалась совсем не похожей на остальные. На этой неистовствующие дети швыряли свои книги сказок в костер на площади и наблюдали, как те сгорали. Темный лес, вокруг них, занимался пламенем, заполняя небо фиолетово-красным и черным дымом. Глядя на это, Агата ощутила, как у неё по спине побежали мурашки.

Послышались голоса. Она нырнула, спрятавшись за гигантскую карету из тыквы, ударившись головой о табличку. ГЕНРИХ ИЗ ТЕМНОЛЕСЬЯ. Агата стала тише воды.

В музей вошли две учительницы: женщина постарше в платье фисташкового цвета с высоким воротником, расшитым переливающимися зеленым крыльями жуков, и женщина помоложе, в пурпурном одеянии с остроконечными плечами, шлейф которого волочился за ней. Женщина в фисташковом платье была обладательницей пышной прически, собранной из белых волос, но кожа у неё сияла, а карие глаза излучали спокойствие. У женщины в пурпурном были темный волосы, заплетенные в длинную косу, аметистовые глаза, и очень бледная кожа, натянутая на кости, как у барабана.

— Кларисса, он изменяет сказки, — сказала та, что в пурпурном.

— Школьный директор не может контролировать Сказочника, леди Лессо, — ответила Кларисса.

— Он на твоей стороне и тебе это известно, — кипятилась леди Лессо.

— Он ни на чьей стороне... — Кларисса замерла как вкопанная. Как и леди Лессо.

Агата проследила за их взглядами. Они смотрели на последнюю картину.

— Я так понимаю, вы приняли на ура еще одно заблуждение профессора Сэдера, — заметила леди Лессо.

— Это *его* галерея, — вздохнула Кларисса.

Глаза леди Лессо сверкали от ярости. Картина волшебным образом оторвалась от стены и приземлилась на стеклянную витрину, всего в дюймах от Агатиной головы.

— Вот почему их нет в нашей школьной галерее, — сказала Кларисса.

— Любой, кто верит в Пророчества Чтеца — дурак, — прошипела леди Лессо. — В том числе и Школьный директор.

— Директор должен защитить равновесие, — мягко сказала Кларисса. — И он видит

Чтецов частью этого равновесия. Даже, если мы с вами этого не понимаем.

— Равновесие! — с издевкой повторила леди Лессо. — Тогда почему Зло с его приходом еще ни разу не одержало вверх? Почему Зло уже *двести лет* не может победить Добро?

— Возможно, мои ученики лучше образованы, — предположила Кларисса.

Леди Лессо окончательно рассердилась и ушла. Взмахнув пальцем, Кларисса передвинула картину на место и поспешила догнать леди Лессо.

— Может быть ваш новый Чтец докажет, что вы ошибались, — сказала она.

Леди Лессо фыркнула:

— Слышала, она носит *розовое*.

Агата слышала, как их шаги удалялись.

Она посмотрела на смятую картину. Дети, костер, Гавальдон сгорает дотла. Что бы все это значило?

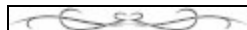
По воздуху эхом прокатилась волна блесков. Не успела она и шелохнуться, как в музей ворвались феи, которые принялись обыскивать каждую щель, словно фонарики. Агата увидела в дальнем конце музея двери, через которые ушли две учительницы. И в то мгновения, когда феи добрались до тыквы, она со всех ног ринулась к тем дверям. Феи пронзительно закричали от удивления, когда она проскользнула между тремя чучелами медведей в распахнутые двери...

Одноклассницы, одетые в розовое, двумя стройными шеренгами шли по фойе. Когда Агата увидела, как девочки держатся за руки и хихикают, словно закадычные подружки, она почувствовала тот же укол досады. Все в её теле твердило: «Закрой опять дверь и спрячься». Но на этот раз вместо того, чтобы думать о всех тех друзьях, которых у неё нет, Агата подумала об одном друге, который у неё все-таки был.

Феи устремились за ней всего лишь с секундным опозданием, но все, что им удалось обнаружить — это принцесс, шагающих на Приветствие. Когда же они разозленные взлетели повыше, в поисках провинившегося, Агата уже влилась в парад розового цвета, нацепив улыбку...и попыталась смешаться с остальными девочками.

Глава 5

Мальчики все крушат

У каждой школы имелся свой собственный вход в Театр Сказок, который был разделен на две половины. Западные врата открывались для студентов Добра и были оформлены розовыми и голубыми скамейками, хрустальными фризами и сверкающими букетами стеклянных цветов. Для студентов Школы Зла открывались восточные врата, кривыми деревянными лавочками, резным орнаментом, отображающим убийства и пытки, и смертельно опасными сталактитами, свисающих с обгоревшего потолка. Как только студенты вошли в свои проходы для Приветствия, феи с волками выстроились охранять серебристо-мраморный проход между ними.

Несмотря на свою ужасную школьную форму, Софи не собиралась сидеть со Злом. Ей хватило всего одного взгляда на блестящие волосы, ослепительные улыбки и розовые платица девочек из Добра, чтобы понять, что в девочках из Добра она обретет сестер. Если уж феи её не спасли, то уж её подружки-принцессы не подведут. Злодеи подтолкнули её вперед, и Софи попыталась привлечь внимание девочек Добра, но те игнорировали в Театре её сторону. Наконец, Софи удалось пробиться к проходу, и она открыла рот, чтобы закричать, когда кто-то дернул её и утащил под прогнившую скамью.

Агата схватила её в объятия.

— Я обнаружила башню Школьного директора! Она стоит во рву и её охраняют, но, если бы нам удалось туда взобраться, то возможно...

— Привет! Рада тебя видеть! Дай мне свою одежду, — сказала Софи, уставившись на розовое платье Агаты.

— Чего?

— Быстро! Это все решит.

— Ты же не серьезно?! Мы не можем здесь оставаться.

— Именно, — Софи улыбнулась. — Я должна быть в своей школе, а ты в своей, как мы и планировали, помнишь?

— Но твой отец, моя мать, мой кот! — пробормотала Агата. — Ты себе представляешь, что они из себя представляют! Они превратят нас в змей или белок, или куст! Софи, нам необходимо вернуться домой!

— Зачем? Что я забыла в Гавальдоне? — удивилась Софи.

Агата так разозлилась от обиды, что покраснела.

— Ты...гммм, ты...

— Вот именно. Ничего. А теперь, *платье давай*. Пожалуйста.

Агата скрестила на груди руки.

— Тогда я сама заберу его, — рассердилась Софи. Но как только она схватила Агату за цветочный рукав, что-то заставило её тут же остановиться. Софи прислушалась, насторожила уши, и бросилась прочь из-под лавочки, словно пантера. Она проскользнула под кривыми скамьями, увернулась от ног учеников-злодеев, поднырнула под последнюю скамью и огляделась по сторонам.

Агата последовала за ней и раздраженно высказалась:

— Не знаю, во что ты...

Софи закрыла Агате рот, и прислушалась к звукам, которые становились все громче. Звуки, которые заставили каждую девочку Добра подобраться и выпрямить спину. Звуки, которые они ждали услышать всю свою жизнь. Из коридора доносился топот сапог и лязг стали...

Западные ворота распахнулись и на пороге появились шестьдесят красивых юношей, размахивающих мечами.

Из жестких голубых воротничков и рукавов выглядывала загорелая кожа; высокие армейские сапоги соответствовали камзолу с высоким вырезом на тонкой перевязи, каждая из которой была расшита золотым инициалом. Когда юноши играючи скрещивали мечи, их рубашки вылезали из жестких бежевых бриджей, обнажая стройные торсы и мускулы. На их разгоряченных лицах блестел пот, когда они устремились вниз по проходу, стуча подошвами сапог о мрамор, до тех пор, пока бой на мечах не завершился, юноши пригвоздили юношей к лавочкам. В последнем едином движении, они сорвали со своих рубашек розы и с выкриком: — Миледи! — бросили их девочкам, которые им больше всего приглянулись. (У Беатрикс хватило бы роз на целую оранжерею.)

У Агаты от всего этого зрелища закружилась голова. Но потом она увидела Софи, у которой стоял ком в горле, так ей страстно хотелось розу.

Злодеи со своих прогнивших скамеек принялись освистывать принцев, размахивая плакатами с «НЕСЧАСТЛИВЦЫ РУЛЯТ!» и «СЧАСТЛИВЦЫ ОТСТОЙ!» (Все, кроме Хор с лицом грызуна, который скрестил на груди руки и, надувшись, пробормотал: — А чего это у них отдельный вход?) Принцы поклонились, послали воздушный поцелуй злодеям и приготовились занять свои места, когда снова неожиданно открылись западные ворота...

И вошел еще один человек.

Волосы незнакомца казались золотым ореолом, глаза светились небесно-голубым, кожа цвета разгоряченного песка пустыни, и весь он источал благородный лоск, словно его кровь была чище крови других присутствующих. Незнакомец бросил взгляд на хмурых вооруженных юношей, вынул свой меч...и усмехнулся.

К нему тут же бросилось четыре десятка юношей, но тот каждого разоружал с молниеносной скоростью. Мечи его одноклассников так и падали к его ногам, в то время как он отмахивался от них при этом не получив ни одной царапины. Софи, очарованная, тарасилась во все глаза. Агате же хотелось, чтобы он сам напоролся на свой меч. Но не тут-то было, этот юноша уворачивался от каждого нового удара, а вышитая «Т» на его синем галстуке отбрасывала солнечных зайчиков с каждым новым па клинка. И когда был обезоружен оставшийся нападавший, он бросил собственный меч и пожал плечами, как бы говоря, дескать, а чего такого. Но юноши из Добра знали, что это значит. У принцев теперь появился король. (Даже злодеям нечего было на это возразить.)

Меж тем, девочки Добра давным-давно знали, что каждая истинная принцесса находит своего принца, поэтому не к чему воевать друг с другом. Но они немедленно позабыли об этом, когда златокудрый юноша вынул розу из петлицы рубашки. Девочки повскакивали со своих мест, размахивая своими платочками, толкаясь, словно курицы перед корытом с зерном. Юноша улыбнулся и поднял свою розу высоко в воздух...

Агата слишком поздно заметила, как Софи пришла в движение. Она побежала за ней, но Софи бросилась в проход, перепрыгивая через розовые скамейки, рванув к розе...но была поймана волком.

Когда волк потащил её обратно на сторону Зла, Софи пересеклась взглядами с юношей, который разглядывал её прекрасное лицо, а потом перевел взгляд на ужасные черные одежды и озадаченно склонил голову на бок. А затем он увидел взволнованную Агату в розовом с головы до пят, в ладонь которой приземлилась его роза, и в шоке отпрянул. Пока волк толкал Софи к Злу, а феи Агату к Добру, глаза юноши, который пытался осознать, что все это значит, становились все шире. А потом чья-то рука потянула его сесть на место.

— Привет. Я Беатрикс, — представилась она и постаралась сделать так, чтобы он увидел все её розы.

Софи же пыталась привлечь его внимание с мест Зла.

— Зеркальцем обернись, тогда у тебя появится шанс.

Софи повернулась к Эстер, сидящей рядом с ней.

— Его зовут Тедрос, — сказала её соседка. — И он такой же сноб, как и его папаша.

Софи хотела было спросить, кто был его отцом, но потом увидела, как меч юноши блеснул серебром, а эфес — бриллиантами. Ей был известен из сказок львиный герб. Меч назывался — Экскалибур.

— Он сын короля Артура? — выдохнула Софи. Она изучающе оглядела высокие скулы Тедроса, шелковистые белокурые волосы, и пухлые чувственные губы. Его широкие плечи и сильные руки не скрытые голубой рубахой, ослабленный галстук и расстегнутый воротник. Вид у него был такой спокойный и уверенный, как будто он знал, что судьба была на его стороне.

Взглянув на него, Софи ощутила, что её собственная судьба — быть здесь.

Он мой.

Неожиданно она почувствовала жаркий взгляд, который на неё кто-то бросал через проход.

— Мы отправляемся домой, — четко произнесла Агата губами.

— Добро пожаловать в Школу Добра и Зла, — сказала та голова, что поприятнее.

Софи с Агатой, сидевшие на противоположных сторонах от прохода, пристально следили за огромным псом с двумя головами и единым телом, расхаживающим по сцене из

серебристого камня, расколовшегося посередине. Одна голова была мужской, шерсть которой напоминал мех гризли, с бешеным выражением морды, обильно пускающей слюни. Другая же — приятная и симпатичная, обладала слабовольной челюстью, редким мехом и певучим голосом. И никто не мог разобраться «приятная голова» — он или она, но как бы там ни было эта голова и была главной.

— Я Поллукс, Глава Приветствия, — сказала хорошая голова.

— А Я — КАСТОР, ПОМОЩНИК ГЛАВЫ ПРИВЕТСТВИЯ И ПАЛ НАКАЗЫВАЮЩИЙ ВСЕХ, КТО НАРУШАЕТ ПРАВИЛА ИЛИ ВЕДЕТ СЕБЯ, ОСЕЛ, — пророкотала бешеная башка.

Кастор напугал всех детей, даже злодеев.

— Благодарю, Кастор, — сказал Поллукс. — Но, позволь мне напомнить тебе, зачем ты здесь. Все дети рождаются с душами, которые принадлежат либо Добру, либо Злу. Некоторые души чище других...

— А НЕКОТОРЫЕ ДУШИ — ДЕРЬМО! — рявкнул Кастор.

— Как я и *говорил*, — сказал Поллукс, — некоторые души чище других, но все души, по сути, являются Добрыми или Злыми. Те, кто Злы — не могут сделать свои души Добрыми, а те, кто Добрые не могут сделать свои души Злыми...

— НО ТОЛЬКО ПОТОМУ, ЧТО ДОБРО ПОБЕЖДАЕТ — ЭТО НЕ ОЗНАЧАЕТ, ЧТО НЕ МОЖЕТЕ СМЕНИТЬ СТОРОНУ, — огрызнулся Кастор.

Студенты Добра скандировали:

— Счастливыцы! Счастливыцы!

Студенты Зла возражали:

— Несчастливыцы! Несчастливыцы! — пока волки не окатили Счастливыцев ведрами воды, а феи залили Несчастливыцев радугами, обе стороны не успокоились.

— И еще раз, — с нажимом сказал Поллукс, — Злые не могут быть Добрыми, а Добрые не могут быть Злыми, и неважно как сильно вы будете стараться или насколько серьезно вас будут наказывать. Порой вам будет казаться, что вы чувствуете задатки и того и другого, но это всего лишь означает, что у вашего фамильного древа имеются ветви Добра и Зла, которые отравили друг друга. Но здесь, в школе Добра и Зла, мы избавим вас от этих сомнений, мы избавим вас от этой путаницы, мы постараемся сделать вас чистыми насколько это возможно...

— А ЕСЛИ ВЫ ОБЛАЖАЕТЕСЬ, ТОГДА С ВАМИ СЛУЧИТСЯ НАСТОЛН ПЛОХОЕ, ЧТО ДАЖЕ СЛОВАМИ НЕ ВЫРАЗИТЬ, СКАЖУ ТОЛЬКО, ЧТО ВАС БОЛЬ НИКТО НЕ УВИДИТ!

— Еще раз и намордник! — рявкнул Поллукс. Кастор уставился на свои пальцы.

— Уверен, никто из этих блестящих студентов не облагается, — Поллукс улыбнулся подуспокоившимся детям.

— Да ты каждый раз так говоришь, и кто-нибудь да слажает, — пробормотал Кастор.

Софи вспомнила перекошенное лицо Бейна с картины на стене и содрогнулась. Она как можно быстрее должна оказаться в школе Добра.

— Любой ребенок в Бескрайнем лесу мечтает быть выбранным, чтобы попасть в нашу школу. Но Директор выбрал вас, — сказал Поллукс, внимательно вглядываясь в обе стороны. — Он заглянул в ваши сердца и увидел в них нечто редкое. Чистое Добро и Чистое Зло.

— Если мы все такие чистые, то, тогда это что?

Со стороны Зла встал озорной блондин с торчащими ушами, и ткнула пальцем в Софи.

А коренастый пацаненок из Добра указал на Агату.

— У нас тоже есть!

— Наша розами благоухает, — выкрикнул злодей.

— А наша фей лопаает!

— Наша чересчур улыбочивая!

— А наша пукает нам в лицо!

Пораженная Софи повернулась к Агате.

— Каждый раз, мы забираем сюда Из-за Лесья двух Чтецов, — объявил Поллукс. —

Может они знают наш мир по иллюстрациям и книгам, но наши правила для них такие же, как и для вас. У них те же таланты и цели, тот же потенциал для достижения успеха. И кое-кто из них так же был нашими лучшими студентами.

— Например, добрую сотню лет назад, — фыркнул Кастор.

— Они ничем не отличаются от вас, — наставительно сказал Поллукс.

— Да они выглядят по-другому, — крикнул жирный темнокожий злоденыш.

Студенты обеих школ принялись согласно перешептываться. Софи уставилась на Агату, будто говоря: «всего этого можно было избежать, просто поменявшись формой».

— Выбор Директора не обсуждается, — сказал Поллукс. — Все вы должны *уважать* друг друга, в независимости из школы ли Добра вы или Зла, и неважно насколько знаменита ваша сказочная семья или наоборот, неважно рождены вы принцем или Чтецом. Все вы выбраны для защиты равновесия между Добром и Злом. Ибо как только этот баланс нарушится... — Его морда помрачнела. — Наш мир *погибнет*.

Зал погрузился в тишину. Агата скривила лицо. Последнее, что ей было нужно, это гибель мира, пока они были все еще в нем.

Кастор поднял лапу.

— Что?! — простонал Поллукс.

— Почему Зло больше не побеждает?

Поллукс поглядел на Кастора так, будто хотел откусить ему голову, но было уже слишком поздно. Злодеи зароптали.

— Ага, если мы все такие уравнилователи, — провопил Хорт, — то почему мы все время *умираем*?

— И нам никогда не достается хорошее оружие! — выкрикнул озорник.

— Или наши подручные предают!

— У наших Немезид всегда имеется армия!

Поднялась Эстер.

— Зло не побеждало уже *две сотни лет*!

Кастор постарался не выходить из себя, но его красная морда раздулась, словно шар.

— ДОБРО ЖУЛЬНИЧАЕТ!

Несчастливцы повскакивали и принялись кидаться в Счастливых всем, что попадалось под руки: едой, обувью...

Софи сползла на свое место. Не мог же Тедрос, в самом деле, подумать, что она одна из этой отвратительной шпаны?! Она выглянула со своей скамейки и увидела, что он смотрел прямо на неё. Софи покраснела и нырнула обратно.

Волки с феями вновь набросились на неистовствующую толпу вокруг неё, но на этот раз ни вода, ни радуги никого не смогли угомонить.

— Да Школьный директор на их стороне! — выкрикнула Эстер.

— У нас нет ни единого шанса! — проорал Хорт.

Несчастливцы пробились сквозь оставшихся фей и волков, и начали штурмовать лавочки Счастливыхцев...

— Это потому что вы умственно-отсталые обезьяны!

Злодеи тупо уставились на пса.

— А теперь все расселись по местам, пока я не навешал всем оплеух! — рявкнул Поллукс.

Все сели, не посмеив даже пикнуть. (За исключением крыс Анадиль, которые высунулись из её кармана и зашипели.)

Поллукс сердито посмотрел на злодеев.

— Может быть, если бы вы перестали жаловаться, то смогли бы произвести на кого-нибудь впечатление! Но все, что мы от вас слышим — это оправдание за оправданием. Да в ваших рядах появлялся хотя бы один порядочный злодей со времен Великой войны? Единственный злодей, сумевший победить свою Немезиду? Неудивительно, что Чтецы, появляющиеся здесь, озадачены! Не удивительно, что они хотят быть Добрыми!

Софи заметила, что дети по обе стороны от прохода бросают на неё сочувственные взгляды.

— Учащиеся, у вас всех здесь только одна задача, — смягчившись, сказал Поллукс. — Показать все, на что вы способны. Лучшие из вас станут принцами и колдунами, рыцарями и ведьмами, королевами и чародеями...

— ИЛИ ТРОЛЛЯМИ, ИЛИ СВИНЬЯМИ, ЕСЛИ БУДЕТЕ ВОНЯТЬ! — сплюнул Кастор.

Студенты переглянулись друг с другом, чувствуя насколько высоки ставки.

— Итак, если нет больше никаких возражений, — сказал Поллукс, исподлобья глянув на братца, — давайте обсудим правила.

— Правило номер тринадцать. Срединный мост и башенные крыши для учащихся *под запретом*, — с выражением зачитывал Поллукс. — Гаргульям приказано убивать незваных гостей на месте, но они пока не научились отличать учеников от злоумышленников...

Софи нашла это все ужасно занудным, поэтому отключилась от происходящего и уставилась на Тедроса. Она никогда не видела столько *опрятного* юноши. От мальчишки в Гавальдоне воняло свиньями и у них летели изо рта крошки, были потрескавшиеся губы, желтые зубы и грязные ногти. Но Тедрос обладал загорелой кожей, небольшой щетиной, и никакого намека (совершенно!) на изъян. Даже после баталии на мечях, каждый золотой волос остался на своем месте. Когда он облизнул свои губы, то мелькнул ряд идеально белых зубов. Софи наблюдала за струйками пота, которые, стекая, пересекались на его шее и скрывались под рубахой. *Интересно, как он пахнет?* Она закрыла глаза. *Наверное, лесной свежестью и...*

Она открыла глаза и увидела, как Беатрикс пытается незаметно понюхать волосы Тедроса.

С этой девчонкой нужно было что-то решать и немедленно.

На платье Софи приземлилась обезглавленная птица. Девочка, вскочила со своего сидения. Она завопила и стряхивала свою тунику до тех пор, пока мертвая канарейка не упала на пол. Она узнала птицу и нахмурилась — а потом обратила внимание, что за ней наблюдает весь зал. Она изобразила свой лучший реверанс принцессы и села на место.

— Как я и говорил, — раздраженно сказал Поллукс.

Софи пробуравила взглядом Агату.

— Чего! — произнесла она беззвучно.

— Мы должны увидеться, — произнесла Агата одними губами в ответ.

— Моя *одежда*, — так же бесшумно сказала Софи, и отвернулась к сцене.

Эстер и Анадиль посмотрели на обезглавленную птицу, а потом на Агату.

— Она нам нравится, — насмешливо заметила Анадиль, крысы соглашаясь пискнули.

— Ваш первый год обучение будет включать в себя базовые курсы, чтобы подготовить вас к трем основным экзаменам: Испытание сказкой, Арена талантов, и Снежный бал, — прорычал Кастор. — После первого года обучения, вас разделят по трем направлениям: одно — Преуспевающие злодеи и герои, другое — последователи: подручные и помощники, и следующее — Могрифы или те, кто подвергнутся превращению.

— Следующие два года, Преуспевающие будут тренироваться, чтобы сражаться со своими будущими Немезидами, — сказал Поллукс. — Последователи буду развивать свои навыки для защиты своих будущих Лидеров. Могрифы будут учиться адаптироваться к своему новому внешнему виду и выживать в коварном Лесу. И наконец, после третьего года обучения, Преуспевающие будут работать в паре с Последователями и Могрифами, и вы все отправитесь в Бескрайний лес, чтобы начать свое путешествие...

Софи пыталась привлечь к себе внимание, но у неё ничего не получалось, Беатрикс практически уселась Тедросу на колени. Закипая от гнева, Софи вцепилась в блестящего серебрянного лебедя пришитого к её вонючей форме. Это была единственная сносная вещичка.

— А теперь о том, как мы будет определять ваши будущие направления: здесь, в школе Добра и Зла, мы не даем вам никаких «оценок», — сказал Поллукс. — Вместо этого, каждый экзамен или состязание, вы будете оценены вместе со своими классами, так что будете точно знать, какое место занимаете. Всего в каждой школе 120 студентов, и мы разделили вас на шесть групп по 20 человек в каждом классе. После каждого испытания, вы будете распределены по местам с 1 по 20. Если вы попадете в первую пятерку вашей группы, то в конечном итоге окажетесь в направлении Преуспевающих. Если вы довольно часто будете набирать средний бал, то, в конце концов, окажетесь в Последователях. А если вы постоянно будете ниже 13 места, тогда ваши таланты будут представлены наилучшим образом в качестве Могрифа, или какого-нибудь животного, а может растения.

Студенты зашептались по обе стороны прохода, уже готовые биться об заклад, кто же закончит свои дни на реликтовом дереве.

— И должен еще сказать, что тот, кто получит подряд двадцать баллов немедленно будет считаться провалившимся, — серьезно сказал Поллукс, — Но заработать подряд три последних места можно только ввиду исключительной некомпетентности, и уверен, что это правило не коснется ни одного из вас.

Несчастливцы бросили злобный взгляд на Софи.

— Когда я окажусь с теми, с кем и должна, вы все почувствуете себя дураками, а?! — огрызнулась в ответ Софи.

— Ваша брошь-лебедь все время будет на груди, — продолжил Поллукс. — Любая попытка скрыть или удалить его, скорее всего, приведет к травмам или конфузу, так что прошу вас воздержаться от подобного.

Озадаченная Софи оглядела студентов по обе стороны от прохода, пытающихся как-то закрыть серебристых лебедей на своих школьных формах. Подражая им, она потянула,

павший духом, воротник её туники, чтобы скрыть своего лебедя — эмблема мгновенно исчезла на тунике и проявилась у неё на груди. Ошеломленная, она пробежала пальцем по лебедю, но тот был вбит в её кожу, словно татуировка. Она отпустила воротник, и лебедь тут же исчез с кожи и появился на форме. Софи нахмурилась. Возможно, в конце концов, и не настолько терпимо.

— Кроме того, Театр Сказок в этом году у Добра, Несчастливцы будут приводиться сюда для проведения совместных школьных мероприятий, — сказал Поллукс. — В противном случае, вам все время предписывается находиться в вашей школе.

— А чего это Театр у Добра? — выкрикнула Дот с набитым ртом помадки.

Поллукс задрал нос.

— Кто выиграет на Арене талантов и заполучает в свою школу Театр.

— А Добро не проигрывало Арену или Испытание сказкой, или...если подумать, вообще ни одного состязания в этой школе за последние две сотни лет, — хмыкнул Кастор. Злодеи вновь принялись галдеть.

— Но Добро так далеко от Зла! — раздраженно сказала Дот.

— Боже упаси, её от прогулки, — пробормотала Софи. Дот это услышала и пробуравила Софи взглядом. Софи отругала себя на чем свет стоит. Единственная девочка, которая к ней по-человечески относилась, а она возьми, да и все испорти.

Поллукс не обращал никакого внимания на жалобы и стенания по поводу комендантских часов, временно заглушив другую половину комнаты. Руку подняла Рина.

— А Палаты красоты уже открыты?

И неожиданно очнулись Счастливы.

— Вообще-то, я собирался обсудить Палаты красоты на следующем собрании, — сказал Поллукс...

— А правда, что не все дети могут ими пользоваться? — спросила Миллисент.

Поллукс вздохнул:

— Палаты красоты находятся в Башнях Добра и доступ в любой день к ним есть только у Счастливых у лучшей половины своего класса. Рейтинг учащихся будет вывешен на дверях Палаты красоты и по всему замку. Пожалуйста, не доставайте Олбемарля, если он сразу их не вывесит. А теперь о правилах комендантского часа...

— Что это еще за Палата красоты? — шепотом спросила Софи у Эстер.

— Где Счастливы наряжаются, прихорашиваются и делают себе прически, — скривив лицо сказала Эстер.

Софи подскочила.

— А у нас есть Палаты красоты?

Поллукс поджал губы.

— У Несчастливых есть Пыточные комнаты, милочка.

— Где мы можем уложить себе волосы? — просияла Софи.

— Где вы занимаетесь истязаниями и пытками, — ответил Поллукс.

Софи села.

— Сейчас комендантский час будет начинаться ровно...

— А как стать Старостой? — спросила Эстер. Вопрос и самоуверенный тон тут же снискали ей плохое отношение по обе стороны от прохода.

— Если вы срежетесь на комендантском часе, то не вините в этом меня! — простонал Поллукс. — Ладно, уж, значит после Испытания сказкой, ученик с наивысшим рейтингом

будет избран Старостой класса. Эти два студента будут наделены особыми привилегиями, включая частное обучение по выбранному курсу, экскурсии в Бескрайние леса и появится возможность тренироваться с прославленными героями и злодеями. Как вам известно, наши Старосты в итоге стали одними из величайших легенд в Бескрайних лесах.

Несмотря на галдеж и возмущение обеих сторон, Софи стиснула зубы. Она понимала, что окажись в правильной школе, что стала бы не просто Старостой Добра, но и в конечном итоге прославилась куда больше, чем Белоснежка.

— В этом году в каждой школе будет по шесть курсов, — продолжил Поллукс. — Седьмой курс, «Выживание в сказочных условиях», будет включать в себя как Добро, так и Зло, располагаться в Синем лесу, за школами. Также обратите внимание, что Красотоведство и Этикет только для девочек Добра, в то время, как для юношей Добра будет проводиться Холенье и Рыцарство.

Агата очнулась от оцепенения. Если до этого у неё еще было мало причин, чтобы сбежать отсюда, то занятия по Красотоведству стали последней каплей. Они выберутся отсюда *сегодня же ночью*. Она повернулась к очаровательной девушке рядом с ней, с узкими карими глазами и короткими черными волосами, примечая у той помаду и зеркальце.

— Не возражаешь, если я одолжу твою помаду? — спросила Агата.

При одном только взгляде на бледную как смерть Агату с потрескавшимися губами, девушка немедленно отдала тюбик.

— Оставь себе.

— Завтрак и ужин будут проходить в ваших школьных трапезных, но обед будет проводиться совместный на Поляне, — проворчал Кастор. — Если вы достаточно *зрелые*, чтобы справиться с привилегией.

Софи почувствовала, как её пульс зачастил. Если школы проводят совместный обед, то завтра у неё появится первая возможность поговорить с Тедросом. Что же она ему скажет? И как бы ей избавиться от этой сволочной Беатрикс?

— Для первокурсников, Бескрайний лес за воротами школы *закрит*, — сказал Поллукс. — И хотя это правило могут пропустить мимо ушей наиболее отчаянный искатели приключений, позвольте вам напомнить, что это самое важное правило. Которое будет стоить вам жизни в случае его несоблюдения.

Софи превратилась в само внимание.

— *Никогда не ходите в Лес, после наступления темноты*, — сказал Поллукс.

Он вновь ласково улыбнулся.

— Можете вернуться в свои школы! Ужин ровно с семь часов!

Когда Софи поднялась вместе с Несчастливцами, мысленно репетируя свой обед с Тедросом, сквозь шум и гомон раздался голос...

— Как бы нам повидаться со Школьным директором?

Зал погрузился в гробовую тишину. Студенты, казалось, прибывали в шоке.

Агата стояла одна в проходе, взирая на Кастора и Поллукса.

Двухголовый пес спрыгнул с пьедестала и приземлился в полметре от неё, забрызгав слюной. Обе головы свирепо таращились в Агадины глаза, с таким же свирепым выражением морд. И не разобрать, кто есть кто.

— *Никак*, — прорычали они.

Пока феи пытались как можно быстрее увлечь Агату к восточным дверям, та успела приблизиться к Софи, чтобы успеть сунуть девушке лепесток розы, на котором помадой

было написано: «Мост, 9 вечера».

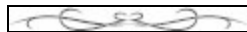
Но Софи этого даже не заметила. Она не сводила глаз с Тедроса, как охотник, преследующий свою добычу, пока не была вытолкнута злодеями из зала.

И тут же Агату осенила суть проблемы. Та, которая их преследовала всю дорогу. Ибо, как только двух девушек утащили в их противоборствующие башни, их противоположные желание не могли быть выражены яснее. Агате хотелось всего лишь вернуть свою подругу. А вот Софи было недостаточно подруги. Софи всегда хотела большего.

Софи хотела принца.

Глава 6

Абсолютное зло

На следующее утро на пятом этаже толклись пятьдесят принцесс, словно наступил их день свадьбы. В первый день занятий им всем хотелось произвести наилучшее впечатление на учителей, юношей, и кого бы там ни было, кто может привести их к «Долго и Счастливо». На ночных рубашках мерцали лебеди, взволнованные ученицы бегали в комнаты друг друга, подкрашивали губы, начесывали волосы, полировали ногти, и вылили на себя столько духов, что феи попадали в обморок и валялись по всему коридору, напоминая дохлых мух. Однако ни одна из них даже близка не была к тому, чтобы быть одетой, и когда часы пробили восемь — ознаменовав начало завтрака, ни одна из девушек еще не надела свою форму.

— Все равно от завтрака толстеют, — успокоилась Беатрикс.

В коридор высунулась голова Рины:

— Кто-нибудь видел мои трусики?

Точно не Агата. Она находилась свободном падении по темному желобу, пытаюсь вспомнить, как впервые нашла Срединный мост. *Из Башни Чести к Прибежищу Гензеля, потом Зверинец Мерлина...*

После приземления на бобовый стебель, она стала пробираться по тускло-освещенной галерее Добра, пока не отыскала двери, позади чучел медведей. *Из Башни Чести на Золушкин пустырь...* Все еще размышляя над правильностью маршрута, она распахнула дверь на лестничную комнату и нырнула внутрь. Дворцовый стеклянный вестибюль был заполнен преподавателями в ярких платьях и костюмах, тусующихся перед началом занятий. Нимфы с неоновыми волосами в розовых одеждах, белых вуалях и голубых кружевных перчатках порхали по залу, наполняя чаем чашки, раскладывали печенье с глазурью и стряхивали фей с кусочков сахара. Агата выглянула из-за дверей на лестницу, подписанную ЧЕСТЬ, которая была залита светом, струившимся из витражных окон и посмотрела на всю эту толпу. Как же ей проскочить мимо них?

Она почувствовала, как что-то царапнуло ей ногу и повернулась, чтобы обнаружить мышь, грызущую её юбку. Агата отпихнула ногой наглого грызуна, который упал прямо на лапы чучела кошки. Мышь при виде хищника взвизгнула, но потом поняла, что кошка

неживая. Мышь одарила Агату презрительный взглядом, а потом с гордым видом прошагала обратно к себе в нору в стене.

«Вредители, и те, ненавидят здесь меня», — вздохнула она, когда попыталась спасти свою юбку. Её пальцы замерли, когда пробежали по порванному белому кружеву. Возможно, ей не было бы так тяжело, что мышь...

Спустя несколько секунд по комнате к лестницам Чести неслась сломя голову карликовая нимфа в рваной кружевной вуали. К несчастью вуаль ослепила Агату, и та столкнулась с нимфой, которая в свою очередь врезалась в учительницу.

— Во имя Святой Марии! — простонала Кларисса, которую окатили красновато-лиловым чаем. Пока разволновавшиеся профессора вытирали ей платье, Агата проскользнула за лестницу Милосердия.

— Те нимфы и правда слишком высокие, — выругалась Кларисса. — А потом нам сообщат, что они снесли какую-нибудь башню!

Но к тому времени Агата уже исчезла в башне Чести и нашла дорогу в Прибежище Гензеля, в крыле на первом этаже все классные комнаты были полностью сделаны из конфет. Была здесь комната, сверкающая синими фонариками и сахаром-кандис [\[2\]](#), искрящийся словно соляная шахта. Была здесь и зефирная комната со стульями из белой помадки и пряничными столами. Здесь имелась комната из леденцов на полочке, которые покрывали стены цветами радуги. Агата гадала да как же так вышло, что эти комнаты остались нетронутыми, а потом увидела надпись на коридорной стене, составленную из вишневых жевательных конфет:

ИСКУШЕНИЕ — ЭТО ПУТЬ К ЗЛУ

Агата успела съесть уже половину, когда мимо неё спешно прошли две учительницы, которые одарили её любопытными взглядами, но не остановили.

— Должно быть, почудилось, — услышала она, как прошептала одна учительница другой, когда Агата поднялась по задней лестнице (но не прежде, чем стащить карамельную дверную ручку и приветственный коврик из ирисок, чтобы довершить божественность своего завтрака).

Когда Агата накануне сбегала от фей, то случайно обнаружила на крыше фигуры из живых кустарников. Сегодня же она могла оценить Зверинец Мерлина, как знаменовала это школьная карта, заполненный великолепными скульптурами из живых растений, которые последовательно рассказывали легенду короля Артура. Каждая скульптура отображала эпизод из жизни короля: Артур вынимает меч из камня, Артур со своими рыцарями за Круглым столом, Артур возле свадебного алтаря с Гвиневрой...

Агате подумалось о том напыщенном мальчишке из Театра, который, как все говорили, был сыном короля Артура. Как же видя это все, он не чувствовал удушья? Как ему удалось выжить в условиях постоянного сравнения и ожиданий? По крайней мере, ему досталась красота. «Воображаю, как бы оно было, будь он похож на меня», — фыркнула Агата. — «Им бы пришлось бросить дитя в лесу».

Последняя скульптурная композиция возвышалась у пруда, в которой статуе Артура вручался Эскалибур Озерной элементарью. На этот раз Агата прыгнула в озеро сознательно и упала через тайный портал, свалившись на Срединный мост совершенно сухой.

Она поспешила в середину, где начинался туман, вытянув руки вперед, на случай, если

барьер окажется раньше, чем она помнила. Но когда она вошла в туман, ее руки ничего не могли нащупать. Она все дальше погружалась в туман. *Барьер исчез!* Агата бросилась бежать, ветер сдул вуаль с её лица...

БАМ! И её отбросило назад, разрывая тело от боли. По-видимому, барьер появлялся, где ему заблагорассудится.

Избегая своего отражения в тонкой радужной пленке, Агата коснулась невидимой стены и почувствовала её холод, плотность поверхности. Неожиданно она заметила в тумане какое-то движение, и увидела, как из арки Зла на Срединный мост ступили два человека. Агата замерла. У неё не было времени бежать обратно в школу Добра, и на мосту негде спрятаться...

Два учителя прошли по мосту, а потом беспрепятственно пересекли барьер. Один из них был красивый профессор из школы Добра, который тогда улыбнулся ей, а другой с прыщавыми щеками из Школы зла. Болтаясь на каменных перилах высоко над рвом, Агата слушала, как удаляются их шаги, и потом высунула голову из-за перил. Два учителя уже практически исчезли в башне школы Добра, когда красавец обернулся и вновь улыбнулся. Агата нырнула в укрытие.

— В чем дело, Огуст? — услышала она голос Злого учителя.

— Да померещилось, — усмехнулся красавец и они оба исчезли в башне.

«Нет, он точно с приветом», — подумала Агата.

Спустя несколько мгновений, она вновь стояла перед невидимой стеной. Как же они прошли сквозь неё? Она поискала уступ, но не нашла ни одного. Она попыталась пнуть стену, но та оказалась твердой, как сталь. Вглядываясь в Школу Зла, Агата могла различить волков погоняющих студентов вниз по лестнице. Рассейся туман, даже слегка, и она окажется прямо у всех на виду. Пнув стену последний раз, она побрела в сторону Добра.

— И не вздумай возвращаться!

Агата повернулась, чтобы посмотреть кто же это сказал, но обнаружила только свое отражение со сложенными руками на груди в прозрачной стене. Она отвела глаза. *«Теперь мне чудятся какие-то голоса. Прелестно»*.

Она развернулась обратно в направлении башен и тут заметила, что её собственные руки были по бокам. Она резко развернулась, чтобы рассмотреть свое отражение.

— Это ты только что говорила?

Её отражение откашлялось.

— *Добро к Добру,*

— *А Зло со Злом, и никаких сомнений,*

— *Вернись же в башню вновь свою*

— *Во избежанья потрясений.*

— Эээ, мне надо пройти, — сказала Агата, уставившись в землю.

— *Добро к Добру,*

— *А Зло со Злом, и никаких сомнений,*

— *Вернись же в башню вновь свою*

— *Во избежания серьезных потрясений,*

думаешь зачем нужно мыть тарелки после ужина или потеряла свою Придворную комнату или, и то, и другое, будто мне есть, что сказать об этом.

— Мне необходимо увидеться с подругой, — настаивала Агата.

— У Добра нет друзей по другую сторону, — ответило её отражение.

Агата услышала, приторную мелодию и повернулась, чтобы увидеть зарево феи в конце Моста. Как же ей перехитрить себя? Как же ей найти щель в собственной обороне?

Добро к Добру... А Зло со Злом, и никаких сомнений....

Её осенило, она знала ответ.

— А как насчет тебя? — спросила Агата, все еще глядя в сторону. — У тебя есть друзья?

Её отражение дрогнуло.

— Не знаю. Есть?

Агата стиснула зубы и встретила глазами с отражением.

— Ты слишком уродливая, чтобы иметь друзей.

Её отражение стало печальным.

— *Абсолютное зло*, — сказала оно и исчезло.

Агата протянула руку и коснулась барьера. На этот раз её рука прошла через него.

К тому времени как патруль фей оказался на мосту, туман уже стер её следы.

В то самое мгновение, когда нога Агаты ступила на порог Школы Зла, она почувствовала, что принадлежит именно этому месту. Присев за статуей лысой костлявой ведьмы в фойе, которому не помешал бы основательный ремонт, она внимательно осмотрела растрескавшийся потолок, обгоревшие стены, серпантин лестничных пролетов, полутемные залы... Лучше и представить невозможно.

Не увидев ни одного волка, Агата прокралась через главный коридор, всматриваясь в портреты выпускников злодеев. Она всегда находила злодейство более захватывающими, чем героизм. У них были честолюбие, страсть. Они создавали сказки. Злодеи не боялись смерти. Нет, они облачались в смерть, словно в доспехи! Когда Агата вдохнула школьный могильный запах, то почувствовала, как поток её крови ускорился. Как и злодеев, смерть её не пугала. Она заставляла чувствовать себя *живой*.

Неожиданно, она услышала голоса, и спряталась за стеной. Появился волк, который вел группу Несчастливцев к лестнице под названием ПОРОК. Агата слышала, как те щебетали с своих первых уроках, улавливая такие слова, как «Подручные», «Проклятья», «Уродование». Как могли это дети оказаться уродливее её? Агата почувствовала, как краснеет от стыда. Глядя на этот парад бледных тел и отталкивающих рож, она знала, что легко бы вписалась. Даже их бесформенные черные балахоны были точно такими же, как один из тех, что она носила изо дня в день дома. И все же между ней и этими злодейками было отличие. Их рты были перекошены от горечи, глаза искрились ненавистью, кулаки сжимались от еле сдерживаемой ярости. У них, без сомнения, были дурные наклонности, а вот Агата ничего такого не чувствовала. Но потом она вспомнила слова Софи.

Отличность от других обычно превращается в Зло.

Страх сдавил горло. *Так вот почему тень не похищала второго ребенка.*

Я должна быть здесь вместе с ними.

Слезы начали жечь глаза. Ей не хотелось быть такой, как эти дети! Она не хотела быть злодейкой! Она хотела найти свою подругу и вернуться домой!

Не имея ни малейшего понятия даже в какую сторону смотреть, Агата бросилась вверх по лестнице под названием ВРЕДИТЕЛИ, чтобы оказаться на площадке, которая разделялась на две узкие каменные дорожки. Слева послушались голоса, поэтому она бросилась вправо, вниз по короткому коридорчику и уперлась в тупик закопченных стен. Агата вжалась в одну стену, окаменев, в то время, как голоса становились все громче. А потом она почувствовала какой-то щелчок позади себя. Это была не стена, а дверь, скрытая под слоем пепла. Она стерла платьем достаточное количество пепла с двери, чтобы прочесть красные буквы:

ДОСТИЖЕНИЯ ЗЛА

Внутри была крошечная тьма. Откашлявшись от запаха плесени и отмахнув паутину, Агата зажгла спичку. В то время как галерея Добра была безупречно чистой и огромной, галерея Зла была похожа на чулан для метел, олицетворяя все двести лет неудач. Агата внимательно осмотрела мальчишку в выцветшей школьной форме, который стал Румпельштильцхеном, в сломанной рамке, подписанной «Принципы убийства» будущих ведьм. На обсыпавшихся стенах висело несколько чучел воронов, сгнившие лозы шипов, которые когда-то ослепили известного принца и подпись Вера Из-за Лесья. Агата увидела свое лицо на плакатах о безвестии пропавших детей из Гавальдона.

Её передернуло. А потом она заметила какие-то цветные пятна на стене и поднесла поближе к ним спичку. Это оказались расписные панели, как одна из тех **ВОВЕКОВЕКОВ** Башнях Добра. Каждая восьмая панель изображала одетого в черное злодея, упивающегося в преисподней безграничной силы — летящих сквозь огонь, преобразовывающихся в теле, ломающихся в душе, управляющих пространством и временем. В верхней части фрески, от первой панели до последней, были написана гигантские буквы:

НИКОГДА БОЛЬШЕ

Пока Счастливы мечтали о любви и счастье, Несчастливы видели мир уединения и власти. Когда зловещие видения отравили её сердце, Агата почувствовала шок от осознания правды.

Я — Несчастливица.

Её лучшая подруга была Счастливицей. Если они в скором времени не вернутся домой, Софи узнает правду. А здесь они не смогут быть подругами.

Она увидела к в свет от её горящей спички вторглась мордатая тень. Две тени. Три. И как только волки бросились на Агату, та развернулась и бросила им в морды шиповник Веры. Волки от неожиданности зарычали и отпрянули назад, дав ей возможность пробраться к двери. Задыхаясь, она бросилась вниз по коридору, потом вверх по лестнице, пока не оказалась в зале Злобы на втором этаже, в поисках таблички с именем Софи на дверях общежития — Векс и Брон, Хорт и Раван, Флинт и Титан — *да это же этаж мальчишек!*

Услышав, как открылась дверь, она ринулась к задней лестнице на чердак, заполненный какими-то мутными стеклянками с лягушачьими пальцами, лапками ящериц, собачьими

языками (Её мать была права. Как знать *сколько* это все здесь маринуется.) Она услышала, как наверх по ступенькам пробираются волки...

Агата вылезла из чердачного окна на, убегающую вверх, крышу и прижалась к водосточному желобу. Черные облака взорвал гром, в то время как по ту сторону озера над башнями Добра ярко светило солнышко. Покуда дождь до нитки мочил её розовое платье, её глаза проследили за длинным извилистым желобом, вода из которого пропускалась через пасти трех горгулий, державших медные балансиры. Это была её единственная надежда. Она забралась в желоб, стараясь руками удержаться за скользкие перила, и оглянувшись на чердачное окошко, зная, что белый волк идет следом...

Но нет. Он пялился на неё через окно, скрестив волосатые руки поверх красного мундира.

— *Знаешь ли, есть вещи и пострашнее волков.*

Он пошел дальше, оставив её с разинутым ртом.

Что? Разве, может быть, что-то хуже волков...

Под дождем что-то двигалось.

Агата заслонила глаза от дождя ладонью и вгляделась в размытую сверкающую даль, чтобы увидеть, как первая каменная гаргуля зевнула и расправила свои драконьи крылья. А потом её примеру последовала и вторая, со змеиной головой и львиным торсом, потянувшись с оглушительным треском. А после и третья, в два раза больше двух первых, и рогатой головой демона, человеческим телом, и хвостом-шипом, чей размах зубчатых крыльев оказался шире башни.

Агата побледнела. *Гаргульи! Что собака говорила про гаргулий!*

Их глаза были обращены на неё, злобные, красные, и она вспомнила.

Приказано убивать.

Одновременно завопив, они поспрыгивали со своих насестов. Без их поддержки желоб рухнул и Агата с криком погрузилась под воду. В неё врезалась волна дождевой волны, смыв, сбросила Агату на балансиры, которые так и мотало стихией. Агата заметила, как к ней метнулись две гаргульи, и ей удалось убраться с их дороги, как раз вовремя. Третья, рогатый демон, высоко поднялась и низвергла из своего носа пламя. Агата успела схватиться за перила и огненный шар ударил как раз перед ней, оставив в балансире после себя зиять гигантскую дыру — ей удалось на краткий миг удержаться, прежде чем свалиться в неё. В неё сзади ударились сокрушительная сила и драконокрылая гаргуля, схватив её за ногу, своими острыми когтями и поднял её в воздух.

— *Я ученица!* — прокричала Агата.

Гаргуля бросила Агату и уставилась на неё.

— *Видишь!* — выкрикнула Агата, тыча пальцем себе в лицо. — *Я — Несчастливщица!*

Спустившись, гаргуля принялась изучать её лицо, чтобы понять правду ли говорит Агата.

Не произнеся ни звука гаргуля схватила девочку за горло.

Агата закричала и пнула ногой в прожженную дыру, заставляя тем самым воду бить чудовищу в глаз. Чудовище, ослепнув, споткнулось, и принялось размахивать перед ней когтями, а потом свалилось через дыру, сломав крыло об балкон, находящийся ниже. Агата изо всех сил держалась за перила, мужественно преодолевая боль в ноге. Но сквозь воду она увидела, как приближалась еще одна гаргуля. С визгом, от которого закладывало уши, через толщу воды прорвалась гаргуля со змеиноподобной головой и подняла Агату в воздух. Как

только чудовище разинуло массивную пасть, чтобы сожрать её, Агата засунула ногу между его зубами, которые раскрошились при ударе о её прочный черный башмак, словно стеклянные. Ошеломленное чудовище выпустило её. Агата приземлилась в затопленный желоб и ухватилась за перила.

— *Помогите!* — кричала она. Как будто надеялась, что кто-то услышит и спасет её. — *Чертт...*

Её руки соскользнули. Её потянуло вниз по карнизу, вращая и увлекая напрямик к последней водосточной трубе, где её поджидала самая большая гаргулья, рогатая будто дьявол, распахнув челюсть над трубой, словно туннель в преисподнюю. Жадно гребя в обратном направлении и булькая водой, Агата попыталась притормозить, но поток дождя никак не давал ей этого сделать. Она посмотрела вниз и увидела, столб огня, вырвавшийся из носа гаргульи, который распространился по трубе. Агата нырнула под воду, чтобы избежать мгновенного кремации и снова быть выловленной из воды, цепляясь за край перила над последним обрывом. Следующий порыв дождя отправит ее напрямик в гаргулью с открытой пастью.

А потом она вспомнила, что гаргульи, когда она их только увидела, охраняли желоб, извергая дождевую воду из своих пастей.

То, что вышло наружу, должно было как-то попасть внутрь.

Она слышала, как позади неё нарастает очередная волна. Молясь про себя, Агата перестала держаться и полетела в дымящуюся челюсть демона. В то время как её пронзили огонь и зубы, через водосточную трубу позади неё ударил водный поток, заставляя её пролететь сквозь дыру в горле гаргульи и вылететь в серое небо. Она обернулась и посмотрела на задыхающуюся гаргулью и издала крик облегчения, который превратился в крик ужаса, когда она оказалась в свободном падении. Сквозь туман Агата увидела стену с пиками, которые грозились её проткнуть, и открытое окно под ними. Она в отчаянии сгруппировалась в мячик, чтобы избежать смертельно опасных лезвий, и рухнула на живот, промокая до нитки, откашливаясь водой на шестом этаже зала Зла.

— Я-то...думала...гаргульи...элемент...декора, — прохрипела она.

Обхватив руками ногу, Агата захромала по коридору общежития, в поисках признаков Софи.

И только она собралась было барабанить во все двери подряд, как заметила в конце коридора на одной карикатуру принцессы блондинки, под которой были приписаны оскорбления: НЕУДАЧНИЦА, ЧТЕЦ, ОХОТНИЦА ДО СЧАСТЛИВЦЕВ.

Агата стукнула сильнее.

— Софи! Это я!

Уже на другом конце коридоре начали открываться двери.

Агата забарабанила в дверь еще сильнее.

— Софи!

Из своих комнат стали выходить девочки, одетые в черную форму. Агата дергала ручку двери Софи и толкала дверь всем телом, но тщетно. Как только Несчастливцы повернулись, готовые обнаружить нарушительницу в розовом, Агата разбежалась и бросилась в изуродованную дверь комнаты номер 66, которая внезапно распахнулась, а потом захлопнулась за ней.

— ТЫ ПОНЯТИЯ НЕ ИМЕЕШЬ, ЧЕРЕЗ ЧТО МНЕ ПРИШЛОСЬ ПРОЙТИ, ЧТ ПОПАСТЬ СЮД... — она замерла.

Софи сидела в луже воды на полу, наносила румяна своему отражению и напевала:

*Я принцесса юная, как нектар сладка,
Принц мой ненаглядный, забери меня...*

Из другой стороны комнаты, разинув рты, за ней наблюдали три соседки по комнате и три крысы.

Эстер перевела взгляд на Агату.

— Она затопила наш пол.

— Чтобы накраситься, — добавила Анадиль.

— Разве кто-нибудь слышал что-нибудь настолько злое? — скривилась Дот. — Включая песню.

— Гладкое ли мое личико? — спросила Софи, щурясь в лужу. — Я не могу пойти на занятия, похожей на клоуна. — Она подняла глаза. — Агата, *дорогая!* Вовремя ты пришла в себя. Твое занятие по Уродоведенью начинается через две минуты, а ты ведь не хочешь сразу же произвести плохое впечатление.

Агата уставилась во все глаза на неё.

— Ну, разумеется, — сказала Софи, поднимаясь. — Сначала мы должны поменяться одеждой. Ну же, пока они не пришли.

— *Родная*, мы не идем на занятия, — сказала Агата, краснея. — Мы сейчас же отправляемся в башню к Школьному директору, пока не застряли тут навечно!

— Не будь дурочкой, — сказала Софии, дергая Агатино платье. — Не можем же мы вот так запросто вломиться по среди бела дня в какую-то там башню. И если уж ты все равно собралась домой, то должна сейчас же отдать мне свое платье, чтобы я не пропустила занятия.

Агата отпрянула.

— Так, довольно! А теперь слушай...

— Ты прямо сейчас поменяешь школу, — улыбнулась Софи, изучая Агату, стоявшую рядом со своими соседками по комнате.

Агата растеряла весь свой запал.

— Потому что я...уродливая?

— О, да во имя сказочника, Агги, взгляни на это место, — сказала Софи. — Тебе ведь нравится безысходность. Ты ведь *любишь* страдания и несчастье, и, гмм...все, что горит. Здесь ты будешь *счастлива*.

— Мы согласны, — раздались голоса позади Агаты, и та, удивившись, обернулась.

— Живи здесь, — сказала ей Эстер...

— А она пусть в озере утонет, — Дот сердито посмотрела на Софи, все еще обиженная за её колкости на Приветствии.

— Ты нам с первого взгляда понравилась, — проворковала Анадиль, в то время как её крысы облизывали ноги Агаты.

— Ты должна быть здесь с нами, — сказала Эстер, когда она, Анадиль и Дот окружили Агату, которая нервно переводила взгляд с одной злодейки на другую. Они что, действительно хотят стать её подругами? Неужели Софи права? Злодейство может сделать её...*счастливой?*

У Агаты засосало под ложечкой. Ей не хотелось быть Злой! Особенно, когда Софи была Добрай! Они должны выбраться из этого места, пока оно не разлучило их!

— Я не оставлю тебя! — закричала она Софи, вырываясь.

— Агата, никто и не просит тебя, оставлять меня, — твердо сказала Софи. — Мы всего лишь просим тебя оставить мне свою одежду.

— Нет! — провопила Агата. — Мы не будем меняться комнатами. Мы не будем меняться школами!

Софи с Эстер украдкой обменялись взглядами.

— Мы отправляемся домой! — сказала Агата прерывистым голосом. — Мы можем быть подругами там...находясь по одну сторону...ни на стороне Добра, ни на стороне Зла...мы будем счастливы наве...

Софи с Эстер схватили Агату, а Дот с Анадиль стянули с неё розовое платье, и они же вчетвером взамен надели на неё черную форму. Впорхнув в свое новое розовое платье, Софи распахнула дверь.

— Прощай, Зло! Здравствуй, Любовь!

Агата устояла на свои ноги, а потом оглядела вонючий черный мешок, который сидел на ней именно так, как ей нравилось.

— И все встало на свои места, — вздохнула Эстер. — Вот серьезно, понятия не имею, как вас угораздило сдружиться с та...

— А, ну, вернись! — завопила Агата, преследуя Софи в розовом, движущейся по коридору по морю черноты. В шоке от того, что в их пространстве, появилась Счастливица, Несчастливцы окружили Софи и принялись бить её по голове книгами, сумками и обувью...

— Нет! Она одна из нас!

Все Несчастливцы повернулись к Хорту, стоявшему на лестничном пролете, в том числе онемевшая от ужаса Софи. Хорт ткнул пальцев в Агату в черном.

— Вот — Счастливица!

Несчастливцы развязали новую войну криков и столпились вокруг Агаты, в то время как Софи оттолкнула Хорта и сбежала вниз по лестнице. Агата парочкой точных ударов процарапалась сквозь толпу и съехала вслед за Софи по перилам. Держа Софи в поле зрения, она проследила её через узкий коридор, протянула руку, чтобы ухватиться за розовый воротник, но Софи свернула за угол, взбежала по извилистой лестнице, и оказалась на первом этаже. Агата свернула в тупик и увидела, как Софи волшебным образом сиганула через стену, на которой кровью было написано «СТУДЕНТАМ ЗАПРЕЩАЕТСЯ!» и Агата прыгнула в портал вслед за ней...

И приземлилась на Срединном мосту с конца Школы Зла.

Но на этом погоня прекратилась, Софи была уже слишком далеко, у школы Добра, чтобы её можно было схватить. Даже сквозь туман Агата видела, что Софи вся так и светится от счастья.

— Агата, он сын короля Артура, — восторженно воскликнула Софи. — Настоящий живой *принц*! Но, что мне ему сказать? Как мне ему показать, что я та самая единственная?

Агата попыталась скрыть свою боль.

— Ты оставишь меня здесь...совсем одну?

Лицо Софи смягчилось.

— Агги, успокойся пожалуйста. Теперь все просто замечательно, — сказала она нежно. — Мы все еще будем лучшими подругами. Только в разных школах, как и

собирались. Никто не сможет нас заставить перестать дружить, ведь так?

Агата взглянула на прекрасную улыбку Софи и поверила ей.

Но внезапно, улыбка с лица её подруги исчезла. Потому как розовое платье на ней превратилось в рваные черные одежды. В точно такие же, в её прежние, в школьную форму злодеев, и на груди блеснул лебедь. Она подняла глаза и ахнула. Черное платье Агаты стало розовым.

Две девочки в шоке уставились друг на друга. Неожиданно на Софи легла тень, и Агата обернулась. Над ней поднялась гигантская волна, которая закружилась в сверкающее лассо. И прежде, чем Агата успела дать деру, та налетела на девочку и отбросила её в залитый солнцем туман. Софи бросилась к мрачной краю моста и завопила, преисполненная чувством несправедливости.

Потом волна медленно стала возвышаться и над ней, но на этот раз её воды не мерцали. И с враждебным ревом волна смыла Софи обратно в школу Зла и исчезла.

Глава 7

Величайшая ведьма

— А почему нам необходимо заниматься обезображиванием?

Софи сквозь пальцы взглянула на лысину профессора Мэнли, на его прыщавую голову и кожу цвета патиссона, стараясь подавить рвотный рефлекс. Несчастливцы, окружавшие её, сидели за обуглившимися столами с ржавыми зеркалами, радостно забивая головастики до смерти в железных мисках. Если бы она не знала наверняка, что происходит, то подумала бы, что они пекут воскресный пирог.

«Почему я все еще здесь?» — подумала она, а глаза ей застилала слезы от злости.

— Почему нам необходимо быть отвратительными и отталкивающими? — прошлепал губами Мэнли. — Эстер!

— Потому что это делает нас устрашающими, — ответила Эстер, потягивая свой сок из головастика, мгновенно покрываясь красной сыпью.

— Неверно! — проревел Мэнли. — Анадиль!

— Потому что это заставляет рыдать маленьких мальчиков, — нашлась Анадиль, покрываясь красными волдырями.

— Неверно! Дот!

— Потому что так проще собираться по утрам? — наобум спросила Дот, мешая свой сок с шоколадом.

— Неверно и глупо! — рявкнул Мэнли. — Только так вы перестанете искать на поверхности, сможете копнуть глубже! Только так вы откажетесь от тщеславия, сможете быть самими собой!

Софи проползла за партами, рванулась к двери, дернула за ручку — та обожгла ей ладонь и Софи вскрикнула.

— Только так вы уничтожите того, кем вы думаете являетесь, поймете, кто вы *на самом деле!* — сказал Мэнли, уставившись прямо на неё.

Хныча, Софи прошаркала обратно к своей парте, проходя мимо злодеев, которые все как один покрылись лишаем. Вокруг неё из ниоткуда возникли дымчато-зеленые оценки:

«1» над Эстер, «2» над Анадиль, «3» ушло жирному, смуглому Равану, «4» остроухому блондину Вексу. Хорт взволнованно выпил свой настой, только для того, чтобы увидеть

крошечный нарыв на своем подбородке. Он отмахнулся от вонючей цифры «19», но оценка вернулась на прежнее место.

— Уродство означает, что вы будете полагаться исключительно на свой интеллект, — сказал Мэнли, хитро улыбаясь и подкрадываясь к Софи. — Уродство означает, что вы доверяете своей душе. Уродство означает *свободу*.

Он швырнул миску ей на парту.

Софи опустила глаза на черный сок из головастиков. Кое-кто из них все еще шевелился.

— Вообще-то, профессор, полагаю, что мой учитель по Красотоведению будет возражать против моего участия в этом...

— Три неудовлетворительные оценки и в конечном итоге, ты будешь уродливее меня, — выплюнул Мэнли.

Софи подняла глаза.

— Я правда не думаю, что это возможно.

Мэнли повернулся к классу.

— Кто хочет помочь нашей дорогой Софи отведать вкус свободы?

— Я.

Софи резко обернулась.

— Не волнуйся, — прошептал Хорт, — так ты будешь выглядеть даже лучше.

И не успела Софи закричать, как её уже с головой макнули в миску.

Лежа в луже на берегу школы Добра, Агата снова и снова проигрывала то, что произошло в школе Зла. Её лучшая подруга назвала её дурочкой, напрыгнула на неё, пытаясь сбить с ног, украла её одежду, оставила один на один с ведьмами, а потом еще и спросила совета в амурных делах.

«Все дело в этом месте, — подумала она. — В Гавальдоне, Софи забыла бы про занятия и замки, и мальчишек. В Гавальдоне, они наконец могли бы вместе обрести счастье. А не здесь. Мне просто необходимо вернуть нас домой».

И тем не менее, что-то еще беспокоило ее. Тот момент на Мосту — Софи в розовом напротив школы Добра, она в черном возле школы Зла...

— *Теперь все просто идеально,* — сказала тогда Софи. И она была права. На краткий миг ошибка была исправлена. Они были там, где им и полагалось быть.

«Так почему же у них не получилось остаться?»

Что бы ни случилось это было на грани. Потому что, как только Софи попадет в школу Добра, она никогда отсюда не уйдет. У Агаты перехватило дыхание. Она должна была убедиться, что профессора не обнаружили ошибки! Она должна убедиться, что они не поменяют их местами, отправив в верные школы! Но как сделать так, чтобы Софи оставалась там, где она есть?

«Ходить на занятия», — шепнуло ей сердце.

Поллукс сказал, что для поддержания равновесия в школах четное количество учащихся. А потому, чтобы исправить ошибку, их обеих надо поменять местами. И пока Агата будет оставаться в школе Добра, Софи не сможет выбраться из школы Зла. И единственное, что она знала наверняка, — Софи вряд ли продержится в качестве злодейки. Всего каких-то несколько дней, и она будет умолять вернуться в Гавальдон.

Вперед, на занятия. Ну, разумеется!

Она найдет способ продержаться в этой ужасной школе и Софи вытерпит. Впервые, с

того времени, как они были похищены, Агата открыла свое сердце надежде.

Надежда умерла спустя десять минут.

Профессор Эмма Анемон, посвистывая, вошла в ослепительном желтом платье и длинных перчатках, отороченных лисьим мехом, в розовую ирисовую классную комнату, и бросив взгляд на Агату перестала свистеть. Но потом она пробормотала:

— И Рапунцель пришлось потрудиться, — и начала свой первый урок «Как сделать улыбку еще добрее».

— Разгадка заключается в том, что улыбаться должны еще и глаза, — прошептала она и продемонстрировала идеальную улыбку принцессы. При таких глазах навывкате и нестерпимо желтых волосах под цвет платья, Агате показалось, что профессор очень похожа на чокнутую канарейку. Но Агата понимала, что её шансы отправиться домой находятся в её руках, поэтому она стала подражать радостному оскалу вместе с остальными.

Профессор Анемон прохаживалась по классу и наблюдала за девушками.

— Не нужно так сильно щуриться...Нос чуть пониже, дорогая...О, да, самое совершенство! — Она говорила о Беатрикс, которая осветила своей ослепительной улыбкой всю комнату. — Вот, Счастливицы мои, эта улыбка способна завоевать сердце даже самого стойкого принца. Улыбка, которая способна стать голубем мира даже в самой ожесточенной из войн. Улыбка, способная повести за собой королевство к надежде и процветанию!

А потом она увидела Агату.

— Эй ты! Не лыбиться!

Учительница маячила прямо перед глазами, Агата попыталась сосредоточиться и повторить идеальную улыбку Беатрикс. На долю секунды ей показалось, что у неё получилось.

— Ах, во имя сказочника! Теперь это жуткий оскал! Улыбка, дитя! Всего лишь ваша нормальная повседневная улыбка!

Радость. Думай о чем-нибудь радостном.

Но все, что приходило на ум, это Софи на мосту, которая покидала ее, променяв на мальчишку, которого даже не знала.

— А теперь улыбка определенно злая! — взвизгнула профессор Анемон.

Агата обернулась и увидела, как весь класс съежился, словно ожидая, что она превратит их всех в летучих мышей. (— Как думаете, она ест детей? — подала голос Беатрикс. — Я так рада, что переехала, — вздохнула Рина.)

Агата нахмурилась. Неужели все настолько печально.

А потом она увидела лицо профессора Анемон.

— Если тебе когда-нибудь понадобится человек, которому нужно будет довериться, если тебе когда-нибудь понадобится человек, чтобы спасти тебя, если тебе понадобится тот, кто тебя полюбит, в общем неважно для чего, ни в коем случае, дитя...*не улыбайся ему.*

Этикет для Принцесс, который преподавал Поллукс, оказался еще хуже. Он прибыл, ковыляя, в плохом расположении духа, массивная голова тощего козлиного тела что-то бормотало про то, что у Кастора «тело на эту неделю». Он поднял глаза и увидел, что девочки во все глаза пялятся на него.

— А я-то думал, что обучаю принцесс. А вижу перед собой только двадцать дурно воспитанных девиц, которые тарачатся как жабы. Вы жабы? Вам нравится ловить мух своими маленькими розовыми языками?

После чего девочки перестали на него тарачиться.

Первый урок назывался «Осанка принцессы», который заключался в том, что девушки спускались по четырем башенным лестницам с соловьиными гнездами на голове. Задание было на выбывание. Хотя большинству девушек удалось спуститься не разбив ни единого яйца, для Агаты это было очень тяжело. И тому было несколько причин: извечная её сутулость, Беатрикс и Рина наблюдали за ней улыбаясь своими новыми Наидобрейшими улыбками, в голове свербило, что Софи выиграла бы это состязание с закрытыми глазами, нелепый вид пса, лающего об осанке, раскачиваясь при этом на козлиных копытах. И как итог, разбитые двадцать яиц о мрамор.

— Двадцать прекрасных соловьев, которые никогда не познают жизни...и все *из-за тебя*, — сказала Поллукс.

Когда над каждой девушкой в эфирных золотых облаках появилась оценка — над Беатрикс разумеется «1» — Агата развернулась и увидела парящую ржавую двадцатку, которая потом разбилась об её голову.

Два урока, два самых последних места. Она должна узнать, что случилось с детьми, которые провалили свои испытания. Всего за какую-то минуту её решимость забрать Софи домой потерпела крушение. Агата поспешила на следующий урок, отчаянно пытаясь доказать сама себе, что она — Добро.

Несмотря на все свои волдыри Золушка все равно попала на бал, а Спящая красавица получила свой поцелуй.

Уставившись на свое лицо в волдырях, отражающиеся в зеркальной поверхности парты, Софи выдавила из себя наидобрейшую улыбку. Она всегда решала все свои проблемы в жизни красотой и обаянием, и на этот раз поступит точно так же.

Натаскивание приспешников проходило в Колокольне, под тоскливым небом на самом верху уединенной башни Злобы. Чтобы там оказаться учащимся потребовалось преодолеть тридцать лестничных пролетов, которые оказались такими узкими, что они едва могли протиснуться между стенами.

— Меня...тошнит, — Дот начала задыхаться, как верблюд, перегревшийся на солнце.

— Если она сейчас наблюдает рядом со мной, то я выкину её из башни, — пригрозила Эстер.

Пока Софи взбиралась, она старалась не думать о прыщах, блевотине и гнойниках Хорта, который пытался втиснуться рядом с ней.

— Знаю, ты ненавидишь меня, — с нажимом сказал он. Она прижалась вправо, чтобы не подпустить его, он попытался зайти с левой стороны. — Но это было состязание и мне не хотелось, чтобы ты провалилась и...

Софи отпихнула его локтем и помчалась вверх по ступенькам, с отчаянным желанием доказать новому учителю, что она попала не в то место. К несчастью этим учителем оказался Кастор.

— НУ РАЗУМЕЕТСЯ В МОЕЙ ГРУППЕ ЧТЕЦ.

Но еще хуже было то, что его помощником был Бизл — краснокожий гном, которому Софи отвесила накануне пощечину на стремянке. Увидев её лицо все в волдырях, он мерзко хихикнул, будто гиена:

— Уродливая ведьма!

Голова Кастора, смещенная от центра на массивном псином теле, не была удивлена.

— Теперь ты довольно отвратительна, каковой и являешься, — проворчал он, и

отправил Бизла за жимолостью, которая быстро восстановила лица злодеев. В то время как все застонали от разочарования, Софи вздохнула с облегчением.

— Победите ли вы или проиграете в сражении зависит от компетенции и лояльности вашего приспешника! — сказал Кастор. — Разумеется кое-то из вас сам в итоге станет приспешником, чья жизнь будет зависеть от силы вашего Преуспевшего. Посему, если хотите остаться в живых, внимайте!

Софи стиснула зубы. Агата скорее всего где-то там распевает серенады с голубками, а она здесь должна вступить в схватку с кровожадными головорезами.

— А вот и первое испытание. Как приручить... — Кастор отступил в сторону. — *Золотую Гусыню*.

Софи уставилась на изящную золотоперую птицу, которая преспокойно спала в своем гнезде позади Кастора.

— Но Золотые Гусыни ненавидит злодеев, — хмуро сказала Анадиль.

— Что означает, если сможете совладать с Гусыней, то укротить горного тролля будет раз плюнуть, — сказал Кастор.

Гусыня открыла жемчужно голубые глаза оглядела злодейскую аудиторию и улыбнулась.

— А чего это она улыбается? — спросила Дот.

— Потому что понимает, что мы попусту тратим время, — сказала Эстер. — Золотые Гусыни имеют дело только со Счастливыми.

— Оправдания и отговорки, — зевнул Кастор. — Ваша задача состоит в том, чтобы заставить эту тварь снести одно из своих дорожных яиц. Чем больше будет яйцо, тем выше оценка.

Сердцебиение Софи участилось. Если птица слушается только Добрых, то она могла бы доказать здесь и сейчас, что не имеет ничего общего с этими чудовищами! И для этого всего лишь нужно заставить Гусыню снести самое большое яйцо!

На стене Колокольни Кастор вырезал пять принципов по приручению приспешников:

1. *Приказывать*
2. *Насмехаться*
3. *Обманывать*
4. *Подкупать*
5. *Стращать*

— А теперь не смейте стращать мерзкую птицу, пока не пройдете по первым четырем пунктам, — предупредил Кастор — Если будете задирать приспешников, то и им ничто не помешает ответить вам тем же.

Софи убедилась, что оказалась последней в очереди и наблюдала как первые пять детей потерпели фиаско, даже Векс, который зашел так далеко, что схватил гусыню за горло, только для того, чтобы увидеть, как та снова заулыбалась.

Каким-то чудом первым преуспел Хорт. Он попытался рявкнуть на гусыню «снеси яйцо», называя её «дура» и приманивал червем, пока не сдался и не пнул гнездо. Вот, чего уж никак нельзя было делать. В мгновение ока, Гусыня натянула его тунику ему на голову, и ослепленный Хорт вскрикнул и врезался в стену. (Софи дала себе слово, что если еще хоть раз увидит этого мальчишку без одежды, то выколет себе глаза.) Но Гусыня похоже

развеселилась. Она захлопала крыльями, сдавленно хихикнула и так пронзительно заклекатала, что потеряла самообладание и снесла золотое яйцо размером с монету.

Хорт ошеломленный своим триумфом, поднял яйцо вверх: — Я победил!

— Ага, ну верно, в пылу сражения, у тебя как раз найдется время, чтобы обнажиться и заставить свою Гусыню облажаться, — рывкнул Кастор.

Однако, пес сказал, что победит тот, кто получит самое большое яйцо, потому остальные Несчастливцы стали подражать тактике Хорта. Дот корчила рожи, Раван показывала театр теней, Анадиль щекотала птицу пером, а лысый рыхлый Брон к восторгу птицы уселся на Бизла. (— Вонючий колдун! — орал гном.)

Сердито глядя на все это, Эстер подошла и ударила Гусыню в живот. Та снесла яйцо величиной с кулак.

— Дилетанты, — усмехнулась она.

А потом наступила очередь Софи.

Она приблизилась к Золотой гусыне, которая похоже была истощена от смеха и несения яиц. Но, когда Гусыня встретила взглядом с глазами Софи, она перестала моргать и застыла будто статуя, изучая девушку с головы до ног. На мгновение Софи ощутила жуткий холод, который пронзил все её тело, словно она впустила незнакомца себе в душу. Но затем, когда она взглянула в добрые умные глаза — ощутила надежду. Разумеется, Гусыня видела, что Софи отличается от остальных.

Да, ты определенно отличаешься.

Софи отступила назад. Она посмотрела по сторонам, вдруг еще кто-нибудь слышал мысли птицы. Но остальные Несчастливцы так и излучали нетерпение, когда же она уже закончит, чтобы они могли получить свои оценки.

Софи повернулась к Гусыне.

«Ты слышишь мои мысли?»

«Они довольно громкие», — ответила Гусыня.

«А как же остальные?»

«Нет. Только тебя».

«Потому что я Добрая?» — улыбнулась Софи.

«Я могу дать тебе все, что ты хочешь, — сказала Гусыня. — Я могу заставить увидеть их, что ты принцесса. Одно прекрасное яйцо, и они доставят тебя твоему принцу».

Софи упала на колени.

«Пожалуйста! Я сделаю для тебя все, что угодно. Только помоги».

Птица улыбнулась.

«Закрой глаза и загадай желание».

Софи с облегчением закрыла глаза. И в это сказочное мгновение, она пожелала Тедросу, своего прекрасного идеального принца, который мог сделать её счастливой...

Вдруг ей подумалось, не рассказала ли ему Агата, что они подружки. Она очень надеялась, что нет.

Все хором вокруг неё вздохнули. Софи открыла глаза и увидела, что золотые перья Гусыни поседели. Её глаза потемнели, превратившись из голубых в черные. Теплая улыбка померкла.

И определенно не появилось никакого яйца.

— Что случилось! — озираясь по сторонам, вскрикнула Софи. — Что это значит?

Кастор будто окаменел.

— Это значит, что она скорее лишится своей силы, чем поможет тебе.

Над головой Софи загорелась «1», будто дьяволова корона.

— Не доводилось в жизни видеть прекраснее зла, — тихо промолвил Кастор.

Ошеломленная Софи наблюдала за тем, как её одноклассники жмутся друг к другу, словно перепуганные мальки — все, за исключением Эстер, сверкающей глазами, которая будто только что обнаружила свою конкуренцию. Бизл позади неё в темном углу вздрогнул.

— Величайшая Ведьма! — пискнул он.

— Нет, нет, нет! — закричала Софи. — Никакая не Великая ведьма!

Но Бизл уверенно кивнул:

— Ведьма Величайшая из величайших!

Софи повернулась к Гусыни.

«Что же я наделала!»

Но Гусыня, серая как туман, смотрела на неё, словно никогда её в жизни не видела и издала самый обычный клекот.

Клекот эхом отразился от Колокольни и пересек ров, проник в парящую серебристую башню, которая разделила залив на две части. В окне появился силуэт, который пристально оглядел свои владения.

Дюжины дымчатых оценок — яркими красками, вспыхнувшие на стороне школы Добра, темными и мрачными в школе Зла — поднялись над обеими школами, пролетели над водой и подлетели к его окну, словно воздушные шарик, влекомые ветром. Каждая подлетевшая оценка, которой он касался, пробегая по ней пальцами сквозь дым, давала ему возможность увидеть, чья это была оценка и как была получена. Он «просматривал» оценки, дюжина за дюжиной, пока не дошел до той, которую искал: горящую красным пламенем «1», показавшую свою историю в потоке образов.

Золотая гусыня лишилась всей своей силы из-за *студентки*? Единственный, кто обладал подобным талантом — только тот, кто был совершенно чист.

Тот, кто мог склонить чашу весов.

Вздрогнув, Школьный директор ушел вглубь башни и стал ждать её появления.

Занятие по «Проклятьям и смертельным ловушкам» проходило в помещении, холод в котором стоял такой, что пробирало аж до костей. Стены, парты и стулья полностью были сделаны из льда. Софи показалось, что она видела тела, похороненные глубоко под замороженным полом.

— Чууутть-чууутть холодноватто, — простучал зубами Хорт.

— В Пыточных теплее, — ответила леди Лессо.

Из темницы, находящейся у них под ногами, эхом донеслись вопли боли.

— Мнеее ужеее тееплее, — заикаясь сказал Хорт, лицо которого посинело.

— Холод закалит вас, сказала леди Лессо. — А закалка вам понадобится, если Чтец занимает по итогам состязаний первое место. — Она проскользнула между рядами дрожащих студентов, черная коса хлестала по спине её пурпурного платья с острыми плечами, каблуки острые, как кинжал, выбивали льдинки из ледяного пола.

— Это не школа для немотивированной жестокости. Боль без причины и вы — *чудовище*, а не злодей. Нет, наша миссия требует сосредоточенности и бережного отношения. На этом курсе занятий, вы научитесь обнаруживать Счастливых, стоящих на

пути к вашей цели. Тех, кто становится сильнее, в то время как вы слабее. Они там, мои Несчастливцы, где-то в Лесу...ваши *Немезиды*. Когда придет время, вы найдете их и уничтожите. Вот, ваш путь к *свободе*.

Из Пыточной эхом послышался крик и леди Лессо улыбнулась.

— На других занятиях для вас могут проходить состязания в неумении, но не здесь. Не будет никаких состязаний, пока я не увижу, что вы достойны.

Софи ничего этого не слышала. У неё в ушах все еще стучал пронзительный крик Гусыни. Дрожа от холода, она изо всех сил боролась с подступающими слезами. Она перепробовала все, чтобы попасть в школу Добра: бегство, борьба, мольбы, переодевание, загадывание желаний...Что еще осталось? Она представила себе Агату, сидящей на своих занятиях, её место, её школу, и Софи бросила в жар. А она-то считала, что они были подругами!

— Немезиды ваши заклятые враги, — сказала леди Лессо, сверкая пурпурными глазами. — Ваша вторая половина. Обратная сторона вашей души. Ваша Ахиллесова пята.

Софи заставила себя прислушаться. Ведь появилась возможность узнать секреты врагов. А это может спасти её, когда она окажется в стане Добра.

— Свою Немезиду вы узнаете через сны, — продолжила леди Лессо, жилы пульсировали под упругой кожей. — Немезиды будут преследовать вас во снах, ночь за ночью, пока вы ничего не будете видеть, кроме его или её лица. Немезидовы сны сковывают сердце и заставляют стынуть в жилах кровь. Они заставят вас скрежетать зубами и рвать волосы. Ибо они являются всей вашей ненавистью. Всеми вашими страхами.

Леди Лессо с нажимом провела своими длинными красными ногтями по парте Хорта.

— Только, когда ваша Немезида умрет, вы почувствуете облегчение. Только, когда ваша Немезида умрет, вы ощутите освобождение. Убейте Немезиду и Никогдабольше будет рад наградить вас вечной славой!

Класс пришел в нервное возбуждение.

— Разумеется, с учетом истории нашей школы, эти ворота не откроются в ближайшее время, — пробормотала она.

— Как мы найдем наших Немезид? — спросила Дот.

— Кто их выбирает? — спросила Эстер.

— Они будут из нашего класса? — спросил Раван.

— Эти вопросы преждевременны. Только исключительные злодеи осчастливливаются снами Немезид, — сказала леди Лессо. — Нет, сначала вы должны бы задаться вопросом, почему в этой школе в каждом соревновании побеждает заносчивый, глупый, невзрачный ученичок из Добра — и каким образом я собираюсь это изменить. — Она покосился на Софи, как бы говоря, нравится ей это или нет, а эта Чтец, любительница розового цвета, может быть их единственной надеждой.

Как только волки провыли об окончании урока, Софи бросилась вон из ледяного помещения, вверх по извилистой лестнице, пока не нашла в коридоре маленький балкон. Скрытая туманом, она прислонилась к влажным стенам башни Зла и наконец позволила себе расплакаться. Ей плевать было размажется ли макияж или нет, или, что её может кто-нибудь увидеть. Она никогда не чувствовала себя настолько одинокой и напуганной. Она ненавидела это ужасное место и не могла больше всего этого вынести.

Софи гладела на школу Добра, стеклянные башни, сверкающие на побережье. Впервые, казалось недостижимыми.

Обед!

Там же будет Тедрос! Её прекрасный принц, её последняя надежда! В конце концов, для чего еще нужны принцы? Спасать принцесс, когда казалось, что все потеряно?

На сердце стало легче, и она вытерла слезы. *Просто нужно пойти на обед.*

Когда Софи ринулась к Залу Зла на Историю Злодеяний, то заметила десятки шушукающихся Несчастливцев снаружи. Дот увидела ее и сгребла в объятия.

— Они отменили занятия! Но никто не говорит почему.

— Обед будет выдан вам в комнаты! — прорычал белый волк и его сотоварищи затрещинами и кнутами погнали учащихся в их башни.

У Софи упало сердце.

— Но что случи...

Она вдруг почуяла дым, стелящейся по залу, проникая со всех сторон. Софи протиснулась между пихающейся толпой и каменным окном, в которое, ошеломленно молчав, таращилась группка учеников. Она проследила за их взглядом, направленным в сторону залива.

Башня Добра была в огне.

Дот ойкнула.

— Кто осмелился бы на нечто подобное...

— *Блестяще*, — благоговейно сказала Эстер.

Ну, а у Агаты имелся ответ на вопрос Дот.

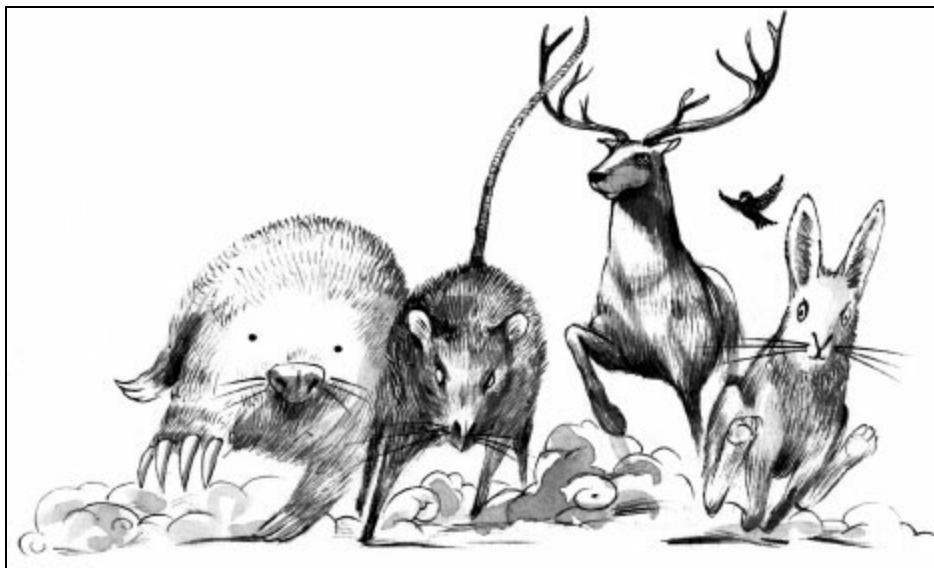
Глава 8

Золотая рыбка

За час до этого, Тедрос решил поплавать.

К настоящему моменту отметки первых двух классов уже были вывешены на дверях Придворных комнат. Имена принца с Беатрикс красовались в самом верху списка, в то время как имя Агаты находилось так низко, что его не было видно из-за мышиного помета. Девичьи Палаты красоты напоминали внутри средневековый салон для спа процедур, с тремя ароматическими ваннами («Горячая», «Холодная» и «Самое то»), сауной «Маленькой девочки со спичками», три столика для косметики Роза красная, тематический Золушкин уголок для педикюра, и каскадный душ, встроенный в лагуну Русалочки. Придворные комнаты для юношей были больше сосредоточены на фитнесе, плюс парная Золотого Мидаса, солярий в сельском стиле, и гимнастический зал с молотами викингов, яма для борьбы, наполненная грязью, в которой можно было побороться, бассейн с морской водой и целый ряд турецких бань.

После уроков по Рыцарству и Наведению лоска, Тедрос воспользовался перерывом перед Фехтованием, чтобы окунуться в бассейн. Но как раз, когда он делал заплыв на последний круг, то заметил Беатрикс (и еще семь девиц, которые теперь неустанно следовали за ней), которая смотрела на него во все глаза через щели в деревянной двери.

Тендрос был привычен к девичьему вниманию. Ах, если бы он встретил того, кто видел в нем больше, чем смазливую мордашку? Того, кто видел в нем больше, чем сыночка короля Артура? Того, кому были бы интересны его мысли, надежды, страхи? И все же пока он был здесь, намеренно вытерся полотенцем так, чтобы девушки смогли иметь наилучшие виды. Его мать была права. Он мог притворяться, что у него есть все, чего он хочет, но на самом деле был точно таким же как его отец, во всем.

Вздыхнув, он распахнул дверь, чтобы поприветствовать свой фанклуб, по бриджам стекает ручьями вода, лебедь сверкает на обнаженной груди. Но их уже и след простыл. Девушки стали жертвами патруля фей. Тедрос почувствовал укол разочарования. Когда он завернул за угол, то во что-то врезался, сбив это что-то на землю.

— Я вымокла. Опять. — Агата нахмурилась и подняла взгляд. — Смотри, куда прё...

Это был тот самый мальчик, завладевший помыслами Софи. Мальчик, который украл её сердце. Мальчик, укравший её единственную подругу.

— Меня зовут Тедрос, — представился он и протянул руку.

Агата её не приняла. Она безнадежно заблудилась и ей необходимо было сориентироваться, но Тедрос — враг. Она поднялась и смерила его убийственным взглядом, а потом толкнула в грудь. И вот тогда-то она заметила, что помимо всего прочего, в этом мальчике она ненавидела — его запах. Она пронеслась в конец коридора, а её башмаки издавали такой звук, будто по стеклянному полу шагал великан, и ядовито усмехнувшись напоследок, рванула на себя дверь.

Она была заперта.

— Сюда, — Тедрос указал на лестницу позади него.

Она прошмыгнула мимо него, зажав нос.

— Рад знакомству! — крикнул вслед ей принц.

Он слышал, как она с отвращением фыркнула, прежде чем скатиться вниз по ступенькам, отбрасывая всю дорогу тень.

Тедрос поморщился. Его любили все девушки. Всегда любили. Но эта чеконутая девчонка смотрела на него, будто он ничего из себя не представляет. На мгновение он почувствовал, что его уверенность в себе дала трещину, а потом вспомнил слова отца, сказанные ему однажды:

«Лучшие злодеи заставят тебя в себе сомневаться».

Тедрос подумал, что мог бы встретиться лицом к лицу с любым чудовищем, любой ведьмой, любыми колдовскими силами Зла. Но эта девчонка была другой. Она была страшной.

У него по спине пробежали мурашки.

Так почему же она в моей школе?

Общению с животными обучала принцесса Ума, проводя занятие на берегу Срединного залива. И в третий раз за день, когда Агата появилась на уроке, то обнаружила, что опять присутствовали одни девочки. Вот в школе Зла не видели необходимости делить на навыки для «мальчиков» и навыки для «девочек». Но здесь в башнях Добра, мальчики дрались на мечах, пока девочки постигали науку лаяния собак и уханья сов. «Неудивительно, что принцессы в сказках были такими никчемными, — подумала она. — Если все, что они могли, это улыбаться, стоять прямо да щебетать, что им оставалось? Только ждать какого-нибудь мальчишку, который придет и спасет их».

Принцесса Ума выглядела слишком молодо для учительницы. Удобно устроившись на аккуратно-подстриженной лужайке, подсвеченная бликами от озера, она неподвижно сидела, сложив руки поверх розового платья, с чёрными волосами до пояса, оливковой кожей, миндалевидными глазами и алыми губами, сложенными трубочкой. Когда она наконец заговорила, то это напоминало шепот, который несколько раз прерывался смехом, и потом через каждые несколько слов, она замолкала, прислушиваясь к лисе, где-то там

вдалеке, или голубке, и отвечала подражая звериному завыванию или чириканью. Когда она поняла, что на неё тарашится целый класс, то прикрывала лицо руками.

— Ой! — захихикала она. — У меня тааак много друзей!

Агата не могла понять, то ли Ума нервничает, то ли просто идиотка.

— У Зла столько оружия, — сказала принцесса Ума, наконец успокаиваясь. — Яды, чума, проклятья, заговоры, приспешники, и черная пречерная магия. Ну, а у нас есть животные!

Агата сдавленно хихикнула. Как только столкнетесь с секирой приспешника, обязательно зовите бабочку на подмогу. Судя по выражению лиц остальных, она не единственная, кто сомневался в словах принцессы. Ума тоже это заметила. Учительница пронзительно засвистела и из Леса раздался шквал лая, трелей, ржания и рева, которые разносились далеко за пределы школы. Девушки в ужасе закрыли руками уши.

— Видите! — усмехнулась Ума. — Любой зверь может заговорить с вами, если вы знаете, как с ним разговаривать. Некоторые даже помнят, что когда-то *были* людьми!

Агата поежилась, вспомнив о чучелах животных в галереи. Все бывшие студенты, такие же как они.

— Я знаю, что все хотят быть принцессами, — сказала Ума, — но, из тех вас, у кого будут низкие оценки, не выйдет хороших принцесс. Вас в конечном итоге застрелят, или зарежут, или съедят и это не очень продуктивно. Но став такими товарищами, как лисица-проныра или воробей-шпион, или дружелюбная свинка, ваш конец мог бы стать гораздо счастливее!

Она присвистнула сквозь зубы и на берег из озера тут же, как по команде, выскочила выдра, на носу которой балансировала Книга Сказок, инкрустированная драгоценными камнями.

— Вы можете составить компанию пленнице или увести её в безопасное место, — сказала Ума, протягивая свои руки. Взволнованная выдра ударила носом по книге, чтобы найти нужную страницу...

— Или помочь сшить бальное платье, — сказала Ума, глядя на неуклюжее существо. — Или может быть доставить срочное сообщение или...*кхм!* — Выдра взвизгнула, она все-таки нашла нужную страницу, вручила книжку Уме и рухнула в обморок от перенапряжения.

— Возможно, вы даже спасете жизнь, — сказала Ума, поднимая потрясающую иллюстрацию с принцессой, сжавшейся в комок от страха, в то время как олень протыкал рогами злого колдуна. Принцесса была очень похожа на Уму.

— Когда-то давным-давно зверушка спасла мне жизнь и взамен получила самый счастливый конец из всех возможных.

С подозрением прищурившись, Агата увидела, что глаза у всех девчонок наоборот расширились от восхищения. Она была не просто учительницей. А живое воплощение принцессы.

— Итак, если вы не хотите походить на меня, то вам необходимо преуспеть в сегодняшнем испытании! — прощбетала их новый кумир, увлекая девушек к озеру. Несмотря на то, что осеннее солнышко пригревало, Агата почувствовала озноб. Если она и в этот раз займет самое последнее место, они с Софи больше никогда не увидят Гавальдона. Пока Агата шла за остальными девушками по берегу, заметила в траве раскрытую книгу сказок Умы.

— Зверушки любят помогать принцессам по многим причинам! — сказала принцесса

Ума, остановившись у кромки воды. — Потому что мы чудесно поем и потому что мы даем им кров в этом страшном Лесу, потому что единственное, о чем они грезят, это стать такими же красивыми и любимыми, как...

— Подождите.

Ума с девочками обернулись. Агата держала книгу сказок раскрытой на последней странице — живописной иллюстрации разрываемого в клочья оленя чудовищем, в то время как принцесса сбегает.

— Это что, счастливый конец?

— Если ты не достаточно хороша, чтобы быть принцессой, то тебе выпадает честь погибнуть ради одной из них, — Ума улыбнулась, будто ей хотелось, чтобы этот урок был выучен как можно раньше.

Агата не веря своим глазам смотрела, как остальные, словно овцы закивали. И неважно, что принцессами из них станет всего треть. И все они были совершенно уверены, что козой отпущения будет именно Агата. Нет, те чучела, создания, установленные в музее никогда не были такими девушками. Они были просто животными. Рабы для Общего блага.

— Но, если зверушки собираются нам помогать, перво-наперво, мы должны объяснить им, чего хотим! — сказала Ума, стоя на коленях перед сверкающим голубым озером. — Итак, ваше сегодняшнее испытание... — Она опустила палец в воду и к поверхности подплыли тысячи мелких рыбешек, белых как снег.

— *Золотая рыбка!* — просияла Ума. — Они заглядывают в глубины вашей души и находят ваше самое заветное желание! (Очень помогает, если вы проглотили язык или потеряли голос, а вам надо как-то сообщить принцу, чтобы он поцеловал вас.) А теперь все, что вам нужно сделать, это опустить палец в воду, и рыбка заглянет вам в душу. Победит девушка с самым сильным и ясным желанием!

Агата задумалась, чего бы не пожелали души этих девочек, надо бы им загадать, чтобы их души стали глубже.

Миллисент пошла первой. Она опустила свой палец в воду, закрыла глаза... Когда она их открыла, рыбки переливались разными цветами и недоуменно взирали на неё.

— Что такое? — спросила Миллесент.

— Сумбур в голове, — вздохнула Ума.

Затем Кико, очаровательная девушка, подарившая Агате помаду, опустила палец в воду. Рыбка стала красной, оранжевой и персиковой и стала собирать нечто, вроде картинки.

«*Чего же желали себе Добрые души? — гадала Агата, наблюдая за толчеей рыбок на месте. — Мира своим королевствам? Здравия своим семьям? Искоренения Зла?*»

Но рыбка нарисовала юношу.

— Тристан! — воскликнула Кико, узнав его рыжие волосы. — Я поймала его розу на Приветствии.

Агата застонала. Можно было догадаться.

А потом пришел черед Рины опускать палец в озеро и рыбка меняла цвета, собрав мозаику, на которой был изображен сероглазый крепыш натягивающий в луке стрелу.

— Чадик, — покраснела Рина. — Башня Чести, десятая комната.

Рыбка Жизель изобразила темнокожего Николаса, Флавия загадала Оливера, рыбка Сахары нарисовала соседа Оливера — Бастиана... Поначалу Агата нашла это глупым, но теперь ей показалось это пугающим. Вот, чего хотели Добрые души? Юношей, которых они даже не знали? На основе чего!

— Любовь с первого взгляда, — восторженно воскликнула Ума. — Самое прекрасное, что есть на свете!

Агата закрыла рот рукой. «Да кто вообще может влюбиться в этих мальчишек? Самодовольные, бесполезные головорезы, которые считают, что им принадлежит весь мир». Она вспомнила о Тедросе, и её кожа начала гореть. Ненависть с первого взгляда. *Вот*, что правдоподобно.

Рыбка вымоталась, рисуя так много точеных подбородков, Беатрикс устроила грандиозное представление, кульминацией которого стал момент, когда она отправила Золотую рыбку в мир видений её сказочной свадьбы с Тедросом, вместе с замком, коронами, и феерверками. У всех девочек глаза наполнились слезами умиления, то ли от того, что видение было таким прекрасным, то ли от того, что никогда не смогут конкурировать с Беатрикс.

— Теперь ты должна начать на него *охоту*, Беатрикс! — сказала Ума. — Ты должна сделать Тедроса своей миссией! Своей одержимостью! Потому что, когда истинная принцесса чего-то хочет... — Она погрузила свои пальцы в озеро...

— Твои подруги объединятся ради тебя... — Рыбка стала ярко-розовой.

— Сразятся ради тебя... — Рыбки стали сбиваться плотнее друг к дружке...

— И твое желание осуществится... — Ума опустила руку в воду и вытащила рыбку из озера. Рыбка превратилось в её заветное желание.

— Что это? — озадачено спросила Рина.

— Чемодан, — прошептала принцесса Ума, прижимая его к себе к груди.

Она обвела взглядом двадцать озадаченных девушек.

— О, я ведь должна выставить вам оценки?

— Но она еще ничего не загадала, — сказала Беатрикс, тыча пальцем в Агату. Агата готова была поколотить её, но в голосе Беатрикс не слышно было никакой угрозы. Эту девушку ничуть не заботило, что озерные рыбки только что превратились в чемодан. Её больше волновало, что очередь до Агаты так и не дошла. Может, она была и не такой уж плохой.

— И Рине достанется целая комната, когда она провалится, — улыбнулась Беатрикс.

Агата отпрянула.

— О, феи мои. Одна осталась? — сказала Ума, уставившись на Агату. Потом она перевела взгляд на озеро, в котором не осталось Золотых рыбок, а потом взглянула на свой чемодан. — Каждый раз одно и то же, — простонала она. Вздохнув, она бросила чемодан обратно в озеро, и смотрела как он осел на дно и всплыл на поверхность уже тысячами белых рыбешек.

Агата склонилась над водой и увидела, как рыба, моргая, смотрит на неё потухшими глазами. На какое-то мгновение они обрели успокоение, оказавшись в чемодане. Но вот они опять в воде — джины, которых выкрали из их безопасных ламп. Им было плевать, что её жизнь висела на волоске. Они просто хотели, чтобы их оставили в покое. Агата сочувствовала им.

«Мое заветное желание очень простое, — подумала она. — Я не хочу провалиться. И все. Только бы не провалиться».

Она опустила палец в воду.

Рыбки начали дрожать, словно тюльпаны на ветру. Агата слышала, как желания мысленно боролись друг с другом...

Не провались... Родная постель... Не провались... Безопасность Софи... Не провались... Смерть Тедроса...

Рыбки стали голубыми, потом желтыми, а после красными. Желания нахлынули лавиной...

Другое лицо... Тоже лицо... Блондинка... Ненавижу блондинок!.. Больше друзей... Никаких друзей...

— Сосредоточься, — пробормотала принцесса Ума. — Рыбки совершенно сбиты с толку!

Рыбок, красных, будто кровь, затрясло так, словно их вот-вот разорвет. Испугавшись, Агата попыталась вытащить палец из воды, но те намертво вцепилась в девочку.

— Что за...

Рыбки окрасилась черным, словно ночь и полетела в Агату, как магнит к металлу, превращая её руку в дрожащую массу. Девушки на берегу бросились в ужасе в рассыпную, Ума же в шоке застыла, как вкопанная. Агата иступленно пыталась выдернуть из воды свою руку, но её голова взорвалась болью...

Дом Школа Мама Папа Хорошие Плохие Мальчики Девочки Счастливицы Несчастливицы...

Захваченную руку Агаты рыбки трясли все сильнее и сильнее, быстрее и быстрее, пока уже нельзя было отличить одно от другого. Глаза отлетели, словно пуговицы, бьющиеся плавники разлетелись на кусочки, брюшки разбухли наполненными кровью венами и сосудами, пока рыбка не издала душераздирающий крик. Агата почувствовала, как её голова разделилась на две...

ПровалПобедаЛожьПотериОбретенияСилаСлабостьДругВраг

Рыбки превратилась в шарообразную черную массу, ползущую вверх по её руке. Агата пыталась стряхнуть эту массу, чтобы высвободить свои пальцы, пока не услышала треск ломающейся кости и взывала от боли, в то время как кричащая рыбка засосала всю её руку в черный кокон.

— Помогите! Кто-нибудь помогите мне!

Кокон подполз к её лицу, душа её криками. С высоким, отвратительным воплем смертоносная утроба поглотила её. Агата начала биться в надежде выбраться и глотнуть свежего воздуха, но боль, возникшая в голове, заставила её сесть в позу эмбриона.

НенавистьЛюбовьНаказаниеНаградаОхотникДобычаЖизньСмертьУбийствоПоцелуйДс
Черный кокон с криком удвоенной силой, словно желатиновая могила, высасывать из неё жизнь, всю до капельки, пока не осталось ничего, что бы можно было...

Отдать.

Крик умолк. И кокон соскользнул прочь с руки девочки.

Потрясенная Агата упала на спину.

В её руках сидела девочка. Не старше двенадцати или тринадцати, с карамельной кожей и спутанными черными кудряшками. Она зашевелилась, открыла глаза и улыбнулась Агате, словно та была ей старинной подругой.

— Сотни лет, и ты была единственной, кто пожелал меня освободить. — Тихо лоя губами воздух, как рыба на суши, она приложила свою руку к Агатиной щеке.

— Спасибо тебе.

Она закрыла глаза и её тело обмякло в руках Агаты. Дюйм за дюймом тело девочки начало светиться золотом, и со вспышкой белого света, она превратилась в солнечные лучи и

исчезла.

Агата пустым взглядом таращилась на озеро, в котором уже не было рыбки, и слушала свое учащенное сердцебиение. У неё было такое чувство, будто ей отбили и выжали все внутренности. Она подняла свой палец, целехенький, словно новый.

— Гмм, что все это было...

Она сделала глубокий вздох и повернулась.

— *НОРМАЛЬНО?*

Весь класс рассредоточился, спрятавшись за деревьями, включая принцессу Уму, чье выражение лица ответило на её вопрос.

Откуда-то сверху раздались пронзительные крики. Агата подняла глаза на дружелюбную голубку своей учительницы, с которой познакомилась чуть раньше. Только теперь клекот этой голубки совсем не был дружелюбным, а диким и неистовым. Из бескрайнего леса раздалось лисье завывание, гортанное и тревожное. А потом вокруг стало возникать все больше и больше завываний и воплей, совершенно не похожие на приветствие, что она слышала в начале урока. Сейчас животные исступленно выли. Они кричали все громче и громче, с возрастающим нервным возбуждением...

— Что происходит! — закричала Агата, закрывая руками уши.

Как только она увидела лицо принцессы Умы, то поняла, что происходит.

Остальные хотели того же.

И не успела Агата шевельнуться, как её со всех сторон окружили беснующиеся животные. Белки, крысы, собаки, кроты, олени, кошки, кролики, неуклюжая выдра — каждое животное на пришкольном участке, каждое животное, которое способно просочиться через ворота кинулись навстречу своему спасению...

— *Преврати нас в людей!* — требовали они.

Агата побледнела. Когда это она научилась понимать животных?

— *Спаси нас, принцесса!* — кричали они.

С каких это пор она понимает помешанных животных?

— Что мне сделать! — выкрикнула Агата.

Ума бросила взгляд на всех этих зверушек, своих верных марионеток, закадычных друзей...

— **БЕЖАТЬ!**

Впервые кто-то в этой школе дал Агате совет, которым она могла бы воспользоваться. Она бросилась к башням, а сороки уже клевали ей руки, мыши цеплялись за её башмаки, лягушки прыгали ей на платье. Отбиваясь от этой звериной банды, она спотыкаясь взобралась на холм, прикрывая свою голову, перепрыгивая через свиней, отмахиваясь от ястребов, уворачиваясь от зайцев. Но как только показались белые двери с лебедем, из-за деревьев выпрыгнул лось — она пригнулась, и лось врезался в лебедей, проломив дверь насквозь. Агата промчалась через стеклянные лестничные комнаты, мимо Поллукса на козьих ногах, которого привлекла вся эта сутолока, творившаяся позади неё.

— Да, что черт возьми...

— Помогите! — выкрикнула она...

— **ОСТАНОВИСЬ!** — рявкнул Поллукс.

Но Агата уже мчалась вверх по лестнице Чести. Когда она оглянулась, то увидела Поллукса, который уворачивался от животных, отклоняясь то вправо, то влево, пока тысячи бабочек не разбили стеклянную крышу и не сбили его голову с козлиных ног, оставляя после

себя на ней дорожку следов.

— ТОЛЬКО НЕ В БАШНИ! — взвизгнула голова Поллукса, когда она откатилась и двери.

Но Агата уже летела по коридору с переполненными классами Прибежища Гензеля. И пока мальчики с учителями энергично принялись останавливать дикобразов (опрометчиво), а визжащие девочки позапрыгивали на парты на своих высоких каблуках (крайне опрометчиво), она попыталась избежать гвалта, усилившегося втрое, но звери набивали полные пасти конфет и продолжали погоню. Все равно, ей удалось оторваться, убежав вверх по лестнице, проскользнуть за дверь с матовым стеклом и захлопнуть её, прежде чем за ней успела проскочить ласка.

В тени высоких живых изгородей короля Артура, Агата согнулась пополам. По голым рукам бил студёный ветер. Долго она здесь не протянет. Когда она прищурившись посмотрела в облачную дверь в надежде, что её придут спасти преподаватель или нимфа, то заметила в ней какое-то отражение.

Агата развернулась и увидела на фоне рассеянного солнечного света мускулистый силуэт. На этот раз она была благодарна появлению мальчишек и бросилась на встречу своему безликому принцу...

Она резко отпрянула назад. Из тумана появилась рогатая горгулья, взорвавшая огнем дверь. Агата нырнула, чтобы избежать второй зажигательной бомбы, которая подожгла живую изгородь, изображающую свадьбу Артура и Гвиневеры. Она попыталась подползти к следующей изгороди, но горгулья сжигала их одна за другим, пока история жизни короля Артура не превратилась в пепел. Агате негде было больше искать укрытия, она подняла глаза на дымящегося демона, который пригвоздил её к земле своей холодной каменной ногой. На этот раз ей от него не убежать. Она обмякла и закрыла глаза.

Ничего.

Она открыла глаза и обнаружила перед собой горгулью, стоящую на коленях, да так близко, что Агата могла разглядеть отражения в её светящихся красных глазах. Отражения перепуганного маленького мальчика.

— Хочешь, чтобы я *помогла*? — выдохнула она.

Горгулья сморгнула слезы надежды.

— Но...но...я не знаю как, — заикаясь пролепетала она. — Это получилось...случайно.

Горгулья заглянула ей в глаза и увидела, что Агата не лжет. Она упала на землю, поднимая вокруг себя золу в воздух.

Пристальнее взглянув на чудовище — на еще одно заблудшее дитя — Агата подумала о всех созданиях этого мира. Они не могли выполнять приказы, потому что были преданными. Они не помогали принцессам, потому что были любящими. Они делали это потому что возможно когда-нибудь преданность и любовь оплатит им вторым шансом, и они опять станут людьми. Только через сказку они могли бы найти дорогу назад. К несовершенным самим себе. К настоящей жизни. Сейчас и она была одной из этих несчастных животных, ищущих выход.

Агата наклонилась и взяла руку горгульи в свои.

— Как бы мне хотелось помочь тебе, — сказала она. — Как бы мне хотелось помочь всем нам вернуться домой.

Горгулья лежала головой у неё на коленях. Пока закрытый зверинец догорал в огне, чудовище и дитя плакали в объятьях друг друга.

Камень от Агатенных прикосновений стал мягче.

Горгулья в шоке отшатнулась. Когда монстр спотыкаясь поднялся на ноги, каменная оболочка растрескалась...когти исчезли, лапы превратились в руки...краснота глаз уступила выражению невинности. Пораженная Агата подбежала к нему, уворачиваясь от огня. Морда чудовища превращалось в лицо маленького мальчика. У неё перехватило дыхание от радости. Агата протянула к нему руку...

И меч пронзил его сердце. Горгулья мгновенно обратилось в камень, испустив отчаянный крик.

Агата в ужасе развернулась.

Тедрос перепрыгнул через огненную стену и приземлился на рогатый череп горгульи, Эксаклибур в руке.

— Стой! — выкрикнула она...

Но принц смотрел на охваченную огнем память своего отца.

— *Отвратительное злое чудовище!* — задыхаясь прошипел он...

— *Нет!*

Тедрос опустил меч на шею горгульи и отсек ей голову.

— Он был мальчиком! Маленьким мальчиком! — прокричала Агата. — Он был *Хорошим!*

Тедрос ударил её по лицу.

— Теперь я *знаю*, что ты — ведьма.

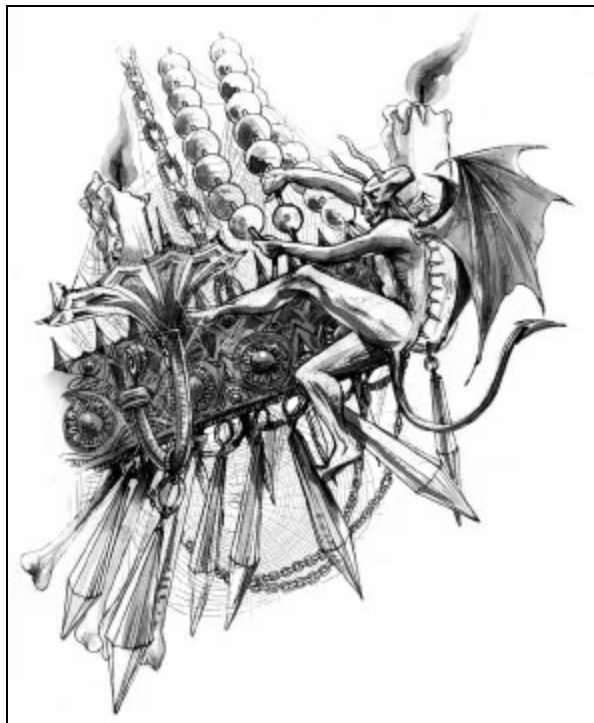
Она врезала ему в глаз. Но прежде чем она успела нанести следующий удар в зверинец ворвались феи, волки и учителя обеих школ, как раз вовремя, чтобы увидеть, как горящая крыша рушится, отбрасывая врагов в разные стороны.

Глава 9

Представление стопроцентного таланта

Софи была уверена, что это Беатрикс устроила пожар, чтобы привлечь внимание Тедроса. Без сомнений, он спас бы её из башни, охваченной огнем, поцеловал бы её, пока Добро бы продолжало полыхать, и они бы назначили дату свадьбы. Софи придерживалась этой теории, потому что сама собиралась притворить её в жизнь во время обеда. Но вместо этого, занятия были отменены и на следующий день, оставив её коротать время в одной комнате с тремя убийцами.

Она уставилась на железную тарелку на своей кровати, в которой булькала вязкая каша со свиным копытом. После трех дней настоящего выживания здесь, Софи считала, что съест все, что угодно, каким бы ни был отвратительным школьный обед, но этот был хуже отвратительного. Это была *деревенская* еда. Она вышвырнула свою тарелку в окно.

— Не знаете, где здесь можно найти огурцы? — спросила Софи, поворачиваясь.

Эстер с того конца комнаты хмуро спросила: — Гусыня. Как у тебя это получилось?

— В последний раз повторяю, Эстер, *не знаю*, — сказала Софи, в животе урчало. — Она обещала помочь мне сменить школу, но обманула. Может она слегка спятила, после того, как снесла столько яиц. Ты случайно не знаешь, в ближайшем саду есть люцерна или ростки пшеницы или...

— Ты *разговаривала* с ней? — выпалила Эстер, со свиной ногой во рту.

— Ну, не то что бы, — сказала Софи, чувствуя, что её начинает подташнивать. — Но я слышала её мысли. В отличие от вас, принцессы могут *разговаривать* с животными.

— Не слышать их мысли, — резонно возразила Дот, прихлебывая кашу, приправленную чем-то по виду напоминающим шоколад. — Для этого, твоя душа должна быть чистой на все сто процентов.

— Вот! Доказательство, что на на сто процентов Добро, — сказала Софи с облегчением.

— Или стопроцентное Зло, — возразила Эстер. — Зависит от того, кому и во что верить, тебе или стимфам, школьной форме, Гусыне или той чудовищной волне.

Софи вытаращилась на неё и разразилась сдавленным смехом.

— Стопроцентное Зло? Я? Это нелепо! Это безумие! Это...

— Круто, — задумчиво произнесла Анадиль. — Даже у Эстер пощадили крысу, а то и двух.

— И вот все мы считали тебя неумехой, — ухмылялась Эстер Софи. — А ты всего лишь — змея в овечьей шкуре.

Софи попыталась перестать смеяться, но не могла.

— Готова поклясться, что у неё есть Особый дар, который перекроет наши, — сказала Дот, пережевывая нечто, напоминающее крошечные шоколадные ножки.

— Не понимаю, — хихикнула Софи. — Откуда берется весь этот шоколад.

— Что это? — прошипела Анадиль. — Какой у тебя талант? Ночное зрение? Невидимость? Телепатия? Ядовитые клыки?

— А мне плевать, что это, — огрызнулась Эстер. — Она не сможет меня переплюнуть. Даже, если она и есть чистое зло.

Софи смеялась так сильно, что уже начала всхлипывать.

— Слушай сюда, — вскипела Эстер, её рука сжалась в кулак вокруг тарелки. — Это моя школа!

— Нужна мне твоя вшивая школа! — выкрикнула Софи.

— Я — Староста класса! — взревела Эстер.

— Не сомневаюсь!

— И никакой *Чтец* не встанет у меня на пути!

— А все злодеи такие забавные?!

Эстер издала безумный клич и запустила в Софи тарелкой, которая успела нырнуть вниз как вовремя, чтобы увидеть, как импровизированный томагавк врезался в плакат «Разыскивается» на стене и отсек Робину голову. Софи перестала смеяться. Она выглянула из-за обгоревшей кровати, и посмотрела на Эстер, силуэт которой, чернел напротив двери, будто сама Смерть. И на долю секунды Софи подумалось, что её татуировки пришли в движение.

— Берегись, *ведьма*, — выплюнула Эстер, и со всей силы хлопнула дверью.

Софи опустила взгляд на свои дрожащие руки.

— И тут мы думали, что она облажается! — прозвучал монотонный голос Дот у неё за спиной.

Агата знала, что быть беде, если она позволит волку забрать её.

После пожара, Агата была заперта у себя в комнате на два дня. Ей позволялось только пользоваться туалетом, да кормили сырыми овощами и сливовыми соками, которые доставляли хмурые феи. В конце концов, на третий день, после обеда, за ней пришел белый волк. Вцепившись когтями в подпаленный розовый рукав, он потащил её мимо лестничной комнаты с фресками, мимо враждебно настроенных Счастливец и учителей, которые старались не встречаться с ней взглядами.

Агата боролась с подступившими слезами. Она уже получила два неуда. А за организацию панического бегства животных и устроенного пожара в школе, Агата заработала уже и третий. Все, что ей нужно было сделать, это притвориться Хорошей на

несколько дней, но даже с этим она не могла справиться. Как тогда вообще ей продержаться здесь? Красота. Чистота. Добродетель. Если это относилось к Добру, тогда она была на стс процентов Злом. Теперь она понесет наказание. Агата достаточно знала о сказочных наказаниях — расчленение, испаривание брюха, кипячение в дегте, сдирание кожи живьем — чтобы понять, что её конец будет наполнен кровью и болью.

Волк протащил её через Башню Милосердия, мимо очкастого дятла, который прибывал новый список с оценками к дверям Придворной комнаты.

— Мы идем к Школьному директору? — отрывисто произнесла Агата.

Волк фыркнул. Он потащил ее к комнате в конце коридора и постучал один раз.

— Входи, — раздался тихий голос изнутри.

Агата заглянула в волчьи глаза:

— Я не хочу умирать.

Впервые его насмешки стали чуть мягче.

— Я тоже не хотел.

Он открыл дверь и втолкнул её внутрь.

Видимо, пожар наконец-то удалось взять под контроль, потому что занятия начались уже на третий день после обеда и Софи очутилась в сыром, заплесневелом помещении на занятии «Особые таланты». Но у неё в животе так сильно урчало от голода, что она едва могла сосредоточиться. Эстер бросала на Софи убийственные взгляды, а Дот шепталась с другой Несчастливницей о их стопроцентной Злой соседке по двухъярусной койке. Все пошло не так. Она начинала неделю, стараясь показать, что рождена принцессой. А теперь все уверены, что она Капитан у Зла.

«Особые таланты» преподавала профессор Шеба Шикс, полная женщина с фурункулами на обеих черных как смоль щеках.

— У каждого злодея имеется талант! — пророкотала она густым певучим голосом, прохаживаясь по классу в красном вельветом платье с пышным бюстом и заостренными плечами. — Но мы должны превратить ваш кустарник в дерево!

После дня испытаний, каждый Несчастливец стремился продемонстрировать в наивыгоднейшем свете свой талант классу. Чем мощнее талант, тем выше оценка. Но первые пять детей вообще ничего не продемонстрировали, даже Векс ныл, что *не знает* какой у него талант.

— Это вы собираетесь сказать Школьному директору на Арене? — прогремела профессор Шикс. — «Я не знаю, какой у меня талант» или «у меня нет таланта» или «а мне не нравится мой талант» или «хочу махнуть талантом с королевой Ути!»

— А последнее, это о чем? — вздрогнула Дот.

— Каждый год Зло проигрывает на Арене Талантов! — выкрикнула Шеба. — Добро песенки поет или мечами машет, или подотрут задницы и что? А у вас нет ничего лучше? Есть у вас гордость или нет?! *Довольно!* Плевать я хотела превращаете вы людей в камень или в навоз! Слушайте Шебу и станете лучшими!

На неё уставилось двадцать пар глаз.

— Которая обезьяна следующая? — прогремела она.

Потянулись неутешительные демонстрации. Зеленокожая Мона заставила свои губы покраснеть. (Ну, да, потому что любого принца до чертиков напугает рождественская елка, — пробормотала Шеба). Анадиль заставила своих крыс вырасти на дюйм, Хорт

вырастил волосы у себя на груди, у Арахны выскочил глаз из орбиты, Раван чихал дымом, и когда по виду учительницы уже можно было сказать, что она была сыта увиденным по горло, Дот прикоснулась к своей парте и превратила её в шоколад.

— Тайна разгадана, — ахнула Софи.

— Никогда в жизни не видела такого парада бесполезности, — задыхаясь от возмущения, сказала Шеба.

Но следующей была Эстер. Искоса глядя на Софи она ухватилась за свою парту и сжимала её все сильнее и сильнее, пока каждая вена не проступила на её краснеющей коже.

— Превращается в арбуз, — зевая, сказала Софи, — тоже мне...

А потом на шее Эстер что-то зашевелилось и весь класс замер. Её татуировка дрогнула, будто картинка оживала. Демон с красным черепом расправил одно крыло, потом другое, качнул рогатой головой в сторону Софи и открыл узкие, налитые кровью глаза. У Софи душа ушла в пятки.

— Я же сказала, берегись, — усмехнулась Эстер.

Оживший демон слетел с её кожи и устремился к Софи, стреляя в голову той огненными стрелами. Обалдевшая от происходящего, Софи, уворачиваясь от стрел, попутно свалив книжный шкаф на пол. Монстрик размером с башмак подлетел и пустил стрелу, которая подожгла форму Софи, и девушка начала кататься по полу, чтобы потушить пламя.

— ПОООМООГИТЕЕЕ!!! — вопила она.

— Используй свой талант, белобрысая неумеха! — рывкнула Шеба, покачивая бедрами.

— Ей бы спеть, — саркастически заметила Дот. — Всех здесь сразит наповал.

Эстер закружила своего демона на второе нападение, и увидела, как он попал в ловушку люстры с шипами, покрытой паутиной. Софи проползла под последним рядом парт и увидела упавшую книгу *Энциклопедия Злодеев, и принялась быстро перелистывать. Банши, Бинай, Берсеркер...*

— Софи, скорее! — прокричал Хорт.

Софи обернулась и увидела, как монстрик пробирался сквозь паутину, а Эстер сверкала глазами на другом конце класса. Она в отчаяние начала перелистывать быстрее. *Могильная летучая мышь, Циклоп... Демон!*

Десять страниц мелким шрифтом. Демоны — это сверхъестественные существа, которые воплощаются в удивительное разнообразие форм. У всех них есть свои сильные и слабые стороны...

Софи обернулась. Демон был в трех шагах от неё...

— Твой талант! — загрохотала Шеба.

Софи бросила в демона книгу и промахнулась. Демон со смертоносной улыбкой замахнулся, будто кинжалом, стрелой. Шеба бросилась к Софи, чтобы вмешаться, но Анадиль подставила ей подножку, и та споткнулась. Завопив демон нацелился Софи в лицо. Но стоило только демону бросить свою стрелу, как Софи неожиданно вспомнила об одном таланте всех хороших девочек...

Друзья.

Она повернулась к окну и залихватски свистнула, чтобы призвать доброе, благородное животное спасти ей жизнь...

Раздался дребезг стекла и в окно влетели черные осы и как по команде напали на демона.

Эстер отшатнулась, будто её ударили.

Софи вытаращила глаза от ужаса. Она снова свистнула — но теперь в класс ворвались летучие мыши, которые немедленно впилась зубами в демона, в то время как осы продолжали его жалить. Демон рухнул на пол, как сгоревший мотылек. Кожа Эстер побелела и стала липкой от крови.

Разволновавшись еще сильнее, Софи засвистела громче и пронзительнее — на свист явилась туча пчел, шершней и саранчи, которые с новой силой осаждали уже брызжущее пеной существо, в то время как тело Эстер забилося в конвульсиях.

Софи, словно парализованная, застыла в углу, пока верещащие от ужаса злодеи отбивали от демона книгами и стульями насекомых. Но пчелы не знали пощады, нападали и нападали на демона до тех пор, Эстер натужно издавала свои последние вздохи.

Софи бросилась к демону и протянула свои руки навстречу пчелиному рою...

— *Остановитесь!*

Рой замер. А потом словно нашкодившие дети, которых только что отругали, захныкали и покорно хлынули черной тучей в окно.

Раненый демон вцепился в Эстер и впечатался обратно ей в шею. Эстер закашлялась и сплюнула какую-то слизь. Ей стало легче. Потом она изумленно уставилась на Софи, в её глазах читался страх.

Софи бросилась помогать ей.

— Я не хотела...я думала прилетит птица...

Эстер в ужасе отпрянула от рук Софии.

— Принцессы призывают зверушек! — прокричала Софи в тишину. — Я — Добро! На все сто процентов — Добро!

— Спасибо, Вельзевул!

Софи резко повернулась.

— Выглядит, как принцесса! Ведет себя, как принцесса! Но — *ведьма*, — провозгласила Шеба, покачиваясь на ногах. — Запомните мои слова, бесполезные мои! Вот кто выиграет Корону Арены!

Второй раз в двух испытаниях, Софи подняла глаза на высшую оценку, которая возникла красным дымом у неё над головой.

В панике она бросилась к своим одноклассникам, чтобы все объяснить, но те больше не смотрели на неё с презрением или насмешкой. Они смотрели на неё совсем по-другому.

С уважением.

С каждой минутой её место номер один среди Злодеев становилось все неопровержимее.

При ближайшем рассмотрении профессор Кларисса Дови со своими серебристым пучком волос и румяным лицом, еще больше напоминала заботливую бабулю, излучавшую доброту. Лучшего палача и не пожелать.

— Обычно я предпочитаю, чтобы с подобными делами разбирался Школьный директор, — сказала профессор Дови, перелистывая бумаги под хрустальной пресс-папье в виде тыквы. — Но всем нам известно, как он относится к своей частной жизни.

В конце концов она подняла взгляд на Агату и той стало не по себе.

— Всего после двух дней занятий у меня полная школа перепуганных учащихся, пять сотен зверей, чьи воспоминания должны быть стерты, объединенный класс, бережно хранимый

зверинец превратившийся в пепел, и где-то под всем этим похороненная обезглавленная горгулья. Знаешь, отчего так?

Агата не могла выдавить ни слова.

— Потому что ты послушалась простого приказа Поллукса, — вместо Агаты ответила профессор Дови. — Что многим едва не стоило жизни. — Она одарила Агату таким взглядом, что та немедленно почувствовала себя пристыженной, а потом вернулась к своим свиткам.

Агата посмотрела в окно на берег у озера, где Счастливыцы заканчивали свой обед, состоящий из солидной порции жаренного цыпленка с горчицей, шпината, блинчиков Грюйер, и бокал яблочного сидра. Ей было видно Тедроса, который к восторгу публики воспроизводил сцены, происходившие в зверинце, демонстрируя свой фингал, будто знак почета.

— Могу я по крайней мере попрощаться с подругой? — спросила Агата, у неё на глазах навернулись слезы. Она повернулась к профессору Дови.

— Пока вы...не убили меня?

— В этом не будет необходимости.

— Но я должна её увидеть!

Профессор Дови подняла глаза.

— Агата, ты получила высшую оценку за свою демонстрацию по взаимодействию с животными и вполне заслуженно. Только редкий талант может осуществить заветное желание. И хотя существуют различные версии того, что же именно произошло на крыше, я хотела бы добавить, что любой ученик этой школы, кто будет рисковать своей жизнью, чтобы помочь горгулье... — Ее глаза вспыхнули, и на мгновение глаза вспыхнули и у серебристого лебедя на её платье. — В общем, подобное воплощение Добра не имеет границ.

Агата уставилась на неё, прикусив язык.

— Но, если ты нарушишь прямой приказ другого учителя, Агата, гарантирую тебе, что ты *будешь* отчислена. Понятно?

Агата с облегчением кивнула.

Она услышала смех, доносившейся снаружи, и, обернувшись, увидела, как приятели Тедроса пинающих чучело из подушки с ветками вместо ног, глазами угольками, и черным терновником вместо волос. Неожиданно голову чучела пронзила стрела и во все стороны разлетелись перья. Вторая стрела пронзила его сердце.

Юноши перестали смеяться и обернулись. На дальней стороне лужайки Тедрос бросил свой лук и зашагал прочь.

— Что касается твоей подруги, то у неё все просто отлично в своей школе, — сказала профессор Дови, продолжая листать свитки. — Но ты и сама можешь её спросить. Она будет на твоём следующем уроке.

Агата уже не слушала. Её глаза были прикованы к кукле с безжизненными глазами, истекающей перьями на ветру.

Кукла выглядела точной её копией.

Глава 10

Плохая группа

— Кто еще в нашей группе? — спросила Агата у Софи, стремясь как-то сбросить напряжение.

Софи не ответила. Вообще-то, она вела себя так, будто Агаты тут не было.

Последнее занятие на сегодня, Сказочное выживание, было единственным, на котором учились вместе студенты Добра и Зла. После того как профессор Дови приказала всем Счастливым-юношам в Оружейной палате сдать их личное оружие — и только это помогло хоть как-то успокоить леди Лессо, взбешенную потерей горгульи, погибшей от меча Тедроса — обе школы собрались у ворот в Синий лес, где феи сформировали их в Лесные группы, по восемь Счастливых и Несчастливых в каждой. Как и остальные ребята, нашедшие своих вожатых (огр у группы номер 2, кентавр у группы номер 8, нимфа лилии у группы номер 12), Агата с Софи были первыми, кто встал под стяг с кроваво-красной «3».

Агате столько должна была рассказать Софи про улыбки и рыбок, и фей и больше всего о том злосчастном столкновении с сыночком Артура, но Софи даже не смотрела на неё.

— А может мы просто отправимся домой? — взмолилась Агата.

— Почему бы тебе не отправиться домой, пока ты окончательно не провалилась или не превратилась землеройку? — вскипела Софи. — Ты в моей школе.

— Тогда почему же мы не можем поменяться местами?

Софи резко развернулась.

— Потому что ты... потому что нам...

— Необходимо отправиться домой, — Агата пристально уставилась на Софи.

Софи улыбнулась своей наидобреей улыбкой.

— Рано или поздно, они поймут что к чему.

— Я бы сказал, что рано, — раздался голос.

Они повернулись и увидели Тедроса: рубашка в подпалинах, под глазом фингал,

переливающийся розовым и синим.

— Если у тебя свербит кого-нибудь убить, то как насчет того, чтобы в этот раз — себя? — сплюнула Агата.

— А «спасибо» сказать? — огрызнулся в ответ Тедрос. — Я жизнью рисковал, убивая ту горгулью.

— Ты убил невинное дитя! — взвилась Агата.

— Я спас тебя от смерти вопреки всем доводам рассудка и инстинктам! — проорал Тедрос.

Софи уставилась на них разинув рот.

— Вы знакомы?

Агата повернулась к ней.

— Думаешь, он твой *принц*? Да он просто надутый пустозвон, который не может придумать ничего лучше, чем гарцевать полуголым и тыкать своим мечом туда, куда не полагается.

— Она просто бесится, потому что обязана мне жизнью, — зевнул Тедрос, почесывая себе грудь. Он улыбнулся Софи. — Так ты считаешь меня своим принцем?

Софи изящно покраснела. Именно так, как она практиковалась перед занятием.

— Я так и знал, что это была ошибка на Приветствии, — сказал принц, изучая её пляшущими синими глазами. — Такая девушка, как ты не должна находиться даже рядом со Злом. — Он с недовольным видом повернулся к Агате. — А такие ведьмы, как ты не должны даже смотреть в сторону такой, как она.

Агата шагнула к нему.

— Во-первых, так случилось, что эта ведьма её *подруга*. А во-вторых, почему бы тебе не сходить и не поиграть со своими, пока я не разукрасила тебе и второй глаз.

Тедрос рассмеялся так сильно, что ему пришлось даже ухватиться за ворота.

— Принцесса дружит с ведьмой! Вот это сказочка!

Агата хмуро глянула на Софи, в ожидании, что та включится в беседу. Софи сглотнула и повернулась к Тедросу.

— Мда, ты смешно сказал, потому что принцесса совершенно точно не может дружить с ведьмой, но разве это не зависит от *типа* ведьмы? Я имею в виду, а как точно звучит *определение* ведьмы...

Теперь Тедрос хмуро смотрел на неё.

— И так, гмм...я хочу сказать...

Софи переводила взгляд с Тедроса на Агату, с Агаты на Тедроса...

Она втиснулась перед Агатой и взяла Тедроса за руку.

— Меня зовут Софи и мне нравится твой синяк.

Агата скрестила на груди руки.

— Да уж, — сказал Тедрос, уставившись в дразнящие зеленые глаза Софии. — Как тебе удастся выживать в том месте?

— А я знала, что ты спасешь меня, — выдохнула Софи.

Агата кашлянула, чтобы напомнить им, что она по-прежнему была там.

— Ты *должно быть* шутишь, — сказал девичий голос позади них.

Они обернулись и увидели Беатрикс, стоящую под кровавой «3», вместе с Дот, Хортом, Раваном, Миллисент, и остальными из их Лесной группы. И чтобы уже как-то закончить сс всеми неодобрительными взглядами, брошенными на них в тот момент, кто-нибудь из них

должен был закончить чем-то, напоминающим разговор о погоде.

— Мммм, — раздался голос снизу.

Они посмотрели вниз и обнаружили четырехфутового гнома с морщинистой коричневой кожей, в подпоясанном зеленом пальто, и остроконечной оранжевой шляпе, который хмуро разглядывал их из норы в земле.

— Плохая группа, — пробормотал он.

Громко ворча, Гном Юба выполз из своей норы, толкнул ворота своим коротеньким белым посохом, чтобы их открыть, и повел своих учеников в Синий Лес.

На какие-то мгновения все забыли о своей ненависти друг к другу и дивились на синюю страну чудес вокруг них. Каждое деревце, каждый цветочек, каждая травинка сверкали разными оттенками синего. Тонкие лучи солнца проникали сквозь лазоревые кроны, освещая бирюзовые стволы и темно-синие бутоны. Олени паслись в небесно-голубой сирени, из сапфировой крапивы раздавалось карканье ворон и щебетание калибри, белки с кроликами бойко перепрыгивали через синие колючки, чтобы присоединиться к аистам, пьющим из ультрамаринового ручья. Казалось, никого из животных не испугало или хотя бы слегка обеспокоило внезапное появление такого количества учеников. Для Софи с Агатой лес прежде был всегда связан с опасностью и тьмой, этот же манил красотой и жизнью. По крайней мере, до тех пор, пока они не увидели стаю костлявых стимф, спящих в своих синих гнездах.

— Им позволено находиться рядом со студентами? — спросила Софи.

— Они спят весь день. Совершенно безобидные, — прошептала в ответ Дот. — Пока злодеи их не разбудят.

Юба вел учеников и по дороге рассказывал скрипучим старческим голосом историю Синего леса. Когда-то давным-давно у школ Добра и Зла не было никаких совместных занятий. Вместо этого, дети заканчивали обучение в своих школах и отправлялись заниматься в Бескрайний лес. Но прежде чем они успевали вступить в бой Добра и Зла, неизбежно становились жертвами прожорливых кабанов, бесов-шакалят, вечно всем недовольных пауков, и время от времени тюльпанов-людоедов.

— Для нас стало совершенно очевидным — невозможно выжить в своей сказке, если вы не можете выжить в Бескрайнем лесу, — сказал Юба.

Потому-то школа создала Синий лес в качестве тренировочного полигона. Синей листва стала благодаря защитным чарам, которые не пропускали злоумышленников и напоминали студентам, что это была всего лишь имитация куда более коварного Леса.

Насколько Бескрайний лес был коварен, ученики прочувствовали на своей шкуре, когда Юба повел их через Северные врата. Несмотря на солнечность осеннего вечера, темный дремучий Лес отражал свет будто щитом. Это был лес вечной ночи, где каждый миллиметр зелени погружен в тень. Когда глаза учеников привыкли к черной как сажа темноте, то смогли разглядеть узенькую грязную дорожку, петляющую среди деревьев, словно сморщенная линия жизни на ладони старика. По обе стороны дорожки, вьюны, опутав, душили деревья, превращая их в армированные глыбы так, что между ними едва виднелся подлесок. Все что осталось от лесного покрова было погребено под терновниками, острыми ветками и паутиной. Но ничто из этого так не напугало учеников, как звуки, доносившиеся из темноты, куда устремлялась дорожка. Из недр леса раздавались стоны и рычание, в то время как тихий скрежет и ворчание добавляли омерзительную гармонию.

А потом ученики увидели что издает эти звуки. Из ониксовых глубин за ними наблюдали пары глаз — дьявольско-красные и желтые, сверкающие, исчезающие, а потом появляющиеся ближе, чем прежде. Ужасные звуки становились все громче, количество пар глаз множилось, земля под ногами оживала, и как раз тогда, когда ученики увидели, как из тумана начали появляться очертания...

— Сюда, — окликнул Юба.

Дети опрометью бросились из ворот и без оглядки поспешили за гномом.

Сказочное выживание было как любое другое занятие, объяснял Юба с бирюзового пня, на котором учащиеся набирают балы на каждом состязании от 1 до 16. Только теперь на карту поставлено гораздо больше: дважды в год, в каждой из пятнадцати команд будут отобраны лучшие Счастливы и Несчастливы, чтобы посоревноваться в школьном Состязании Сказок. Больше Юба ничего не сказал о загадочном состязании, за исключением того, что победители получали пять дополнительных первых мест в рейтинге. Все ученики в группах переглянулись, думая об одном и том же. Кто бы ни победил в Испытании Сказкой, наверняка станет Старостой класса.

— На сегодняшний день есть *пять правил*, которые отделяют Добро от Зла, — сказал гном, и написал их в воздухе со своей курительной шуковинной.

1. Зло *нападает*. Добро *защищается*.
2. Зло *наказывает*. Добро *прощает*.
3. Зло *причиняет боль*. Добро *помогает*.
4. Зло *отбирает*. Добро *отдает*.
5. Зло *ненавидит*. Добро *любит*.

— Пока вы будете соблюдать все правила своей стороны, то у вас будут хорошие шансы выжить в вашей сказке, — сказал Юба группе, разглядывающих темно-синюю траву. — Разумеется, вам будет легко соблюдать все эти правила. Вы были выбраны своими школами именно потому что показали себя на самом высоком уровне!

Софи хотелось закричать. *Помощь?! Отдавать?! Любовь?!* Это было её жизнью! Это был её душой!

— Но для начала вы должны научиться отличать Зло от Добра, — сказал Юба. — В Бескрайнем лесу внешность очень часто бывает обманчива. Белоснежка едва не погибла, потому что подумала, будто старушка добрая. Красная шапочка оказалась в брюхе у волка, потому что не увидела разницы между родственницей и злодеем. Даже Красавица с трудом смогла отличить отвратительное чудовище от благородного принца. И это все причинило совсем ненужные страдания. Не важно насколько сильно Добро и Зло замаскированы, их всегда можно различить. Просто нужно приглядеться повнимательней. И нужно помнить правила.

Юба объявил, что на первом классном состязании каждый ученик должен будет различить замаскированного Счастливого и Несчастливого, путем наблюдения за их поведением. Тот, кто правильно определит ученика Добра и Зла быстрее всех получит первое место.

— Я никогда не следовала ни одному правилу Зла, — простионала Софи, стоя рядом с Тедросом. — Если бы ты только знал сколько Добрых дел я свершила!

Беатрикс повернулась:

— Несчастливицы никогда не должны заговаривать с Счастливицами.

— Счастливицы не должны называть Счастливицев Несчастливицами, — огрызнулась Софи.

Беатрикс растерялась, а Тедрос слегка улыбнулся.

— Ты должна доказать, что тебя перепутали с ведьмой местами, — прошептал он Софи, как только Беатрикс отвернулась. — Победи в состязании, и я сам пойду к профессору Дови. Если горгулья её не убедила, то на этот раз уж точно все получится.

— Ты бы это сделал...для меня? — спросила Софи, широко распахнув глаза.

Тедрос коснулся её черных одежд.

— Я ведь не могу с тобой флиртовать, пока ты в этом, да?

Если бы Софи могла, то тут же сожгла эту ненавистную форму.

Хорт вызвался идти первым. Как только он повязал себе на глаза рваную повязку, Юба вытолкнул перед ним Миллисент и Раван, которые начали скукоживаться в своих розовых и черных одеждах, становясь все меньше и меньше, пока не превратились в одинаковых кобр.

Хорт сбросил повязку.

— Ну? — поинтересовался Юба.

— По мне, так они чертовски одинаковые, — сказал Хорт.

— Испытай их! — рявкнул Юба. — Используй правила!

— Да я и не помню-то ни одного, — сказал Хорт.

— Следующий, — недовольно проворчал гном.

Для Дот гном превратил Беатрикс с Хортом в единорогов. Но потом один единорог стал подражать другому и наоборот, пока не доподражались до того, что стали напоминать мимов в пантомиме. Дот почесала затылок.

— Правило первое! Зло *нападает!* Добро *обороняется!* — рявкнул Юба. — Кто из них начал, Дот?

— О! А можно все сначала?

— Это не просто плохо, — пробормотал гном. — *Это ужасно!*

Он, прищурившись, посмотрел на список имен в своем списке.

— Кто вызовется замаскироваться для Тедроса?

Все девушки-Счастливицы подняли руки.

— Ты еще не участвовала, — сказал Юба, тыча пальцем в Софи. — И ты, — сказал он Агате.

— Да моя бабушка могла бы с этим справиться, — пробормотал Тедрос, надевая повязку на глаза.

Агата прошаркала перед классом и встала рядом с Софи, которая покраснела, будто невеста на выданье.

— Агги, ему плевать из какой я школы или какого цвета моя форма, — прошептала Софи. — Он видит какая я.

— Да ты его даже *не знаешь!*

Софи вспыхнула.

— Ты не...не рада за меня?

— Да он же ничего о тебе не знает! — огрызнулась в ответ Агата. — Все, что он видит — это твоя внешность!

— Впервые в жизни я чувствую, что кто-то понимает меня, — вздохнула Софи.

Боль сдавила горло Агате.

— А как же...я...ты же говорила...

Софи встретила глазами с Агатиными.

— Агги, ты была такой хорошей подругой. Но мы будем в разных школах, ведь так?

Агата отвернулась.

— Готов, Тедрос! Вперед! — Юба взмахнул свои посохом и обе девочки вместе со своей школьной формой превратились в склизких вонючих кикимор.

Тедрос снял повязку и отскочил назад, зажав рукой нос. Софи сомкнула свои зеленые когти и заморгала ресницами, уставившись на него. Агата же не смогла выбросить слова Софи из головы и просто сдалась.

— Неужели так очевидно, — сказал Тедрос, уставившись на флиртующую кикимору.

Озадаченная Софи перестала хлопать ресницами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— А эта ведьма хитрее, чем кажется на первый взгляд, — сказал Тедрос, переводя взгляд с одной на другую кикимору.

Агата закатила глаза. *У этого парня мозг не больше ореха.*

— Чувствуй сердцем, а не разумом! — рявкнула Юба на принца.

Поморщившись, Тедрос закрыл глаза. На мгновение принц засомневался. Но потом уверено и очень сильно его потянула в сторону одной из кикимор.

Софи ахнула. Это была не она.

Тедрос протянул руку и прикоснулся к мокрой в бородавках щеке Агаты.

— Это Софи. — Он открыл глаза. — Это принцесса.

Агата, опешив, во все глаза уставилась на Софи.

— Пойдите. Я прав, — сказал Тедрос. — Прав?

На какое-то мгновение повисла гробовая тишина.

Софи вцепилась в Агату.

— **ТЫ ВСЕ РАЗРУШИЛА!**

Для всех остальных это прозвучало что-то вроде:

— **ГОББО УМИ ХУВА!**

Но Агата прекрасно все поняла.

— Смотри насколько он туп! Он даже не может нас различить! — выкрикнула Агата.

— Ты обманула его! — взвилась Софи. — Точно так же как провела птицу и волну и...

Тедрос ударил её в глаз.

— Оставь Софи в покое! — проорал он.

Софи уставилась на Тедроса. Её принц только что дал ей в глаз. Её принц только что перепутал её с *Агатой*. Как же ей доказать, кто она на самом деле?

— Используй правила! — проорал Юба.

Внезапно осознав, что надо делать, Софи подалась вперед, так что её пятнистое горбатое тело возвышалось над Тедросом, и начала ласкать его грудь своей ядовито-зеленой рукой.

— Мой дорогой, Тедрос. *Я прощаю* тебя, потому, что не знаю, что еще предпринять, даже, если ты нападешь на меня, я не буду *защищаться*. Я только хочу *помочь* тебе, мой принц, и *подарить* нам сказку, которая позволит нам взяться рука об руку, а после будет *любовь*, счастье и жили они «Долго и Счастливо».

Но все, что достигло ушей Тедроса — это поток рычания кикиморы, поэтому он пнул Софи по ноге и побежал, раскинув руки, к кикиморе-Агате:

— Поверить не могу, что ты дружила с этой...

Агата зарядила ему коленкой прямо в пах.

— А вот теперь я озадачен, — прохрипел Тедрос и рухнул на землю.

Постанывая от боли, он поднял голову и увидел, как Софи пихала Агату в черничный куст, а Агата отбивалась от Софи визжащей белкой, и обе зеленые кикиморы толкались и пихались, покалачивая друг друга, как переевшие сладкого дети.

— Я никогда не вернусь с тобой домой! — прокричала Софи.

— *Ооо! Оооо!* Женись на мне, Тедрос! — прошипела Агата.

— Я, по крайней мере, *выйду* замуж!

Драка обострилась и достигла нелепейшей кульминации — Софи дубасила Агату синим баклажаном, Агата же, сидела у Софи на голове, а весь класс радостно делал ставки, кто кого...

— Отправляйся гнить в свой Гавальдон в одиночку! — кричала Софи.

— Да лучше в одиночку, чем с такой фальшивкой, как ты! — не осталась в долгу Агата.

— Проваливай из моей жизни!

— Это ты пришла ко мне!

Ковыляя, подоспел Тедрос и встал между ними...

— *Довольно!*

Ох, как неудачно был выбран момент. Обе кикиморы повернулись к принцу с улыбками, из которых сочилась слизь, оглушительно заорали и пнули его так сильно, что он пролетел над группами 2, 6 и 10 и приземлился в куче навоза, оставленной кабаном.

Зеленая кожа исчезла, тела и форма стали прежними... Софи с Агатой медленно повернули головы увидели, что вся группа удивленно таращится на них.

— Хороший конец, — одобрил Хорт.

— Оставь свое мнение при себе, — сказал Юба. — Когда Добро ведет себя как Зло, а Зло несостоятельно, правила нарушаются направо и налево. Даже я не могу разобраться что к чему... значит, существует только один исход.

И по волшебству у девочек на ногах появились по паре железных башмаков.

— Фу. Они отвратительны, — сердито проворчала Софи.

И башмаки стали горячими, невыносимо горячими.

— Жжется! Ноги горят! — завизжала Агата, прыгая вверх и вниз.

— Прекратите! — плакала Софи, пританцовывая от боли.

Где-то вдалеке об окончании урока провыли волки.

— Все свободны, — сказал Юба и заковылял прочь.

— А как же мы! — выкрикнула Агата, подпрыгивая на обжигающей подошве.

— К сожалению наказание фей себе на уме, — откликнулся гном. — Оно завершится, как только урок будет усвоен.

Класс последовал за ним обратно к школьным воротам, оставляя Софи с Агатой танцевать в проклятых башмаках. Тедрос прохромал мимо наказанных девочек, весь перемазанный слизью и поносом, смерив обеих сердитым взглядом.

— Вот, теперь я понимаю, почему вы дружите.

Когда принц побрел в синюю чащу, девушки увидели, как рядом с ним нарисовалась Беатрикс.

— Я знала, что они *обе* Зло! — сказала она, когда они оба скрылись за дубами.

— Это... все... ты... виновата! — прохрипела Софи Агате, пританцовывая в агонии боли.

— Пожалуйста... пусть это... прекратится, — отрывисто умоляла Агата.

Но башмаки не проявили милосердия. С каждой минутой они становились только жарче, пока обе девочки не могли даже кричать. Даже звери не могли смотреть на эти страдания и держались от них подальше.

Полдень превратился в вечер, а потом и в ночь, а они все еще танцевали как сумасшедшие, кружа и потея от боли и отчаяния. Жжение пробирало до самых костей, к лицам прилила кровь, и вскоре они уже хотели, чтобы эти страдания закончились любой ценой. Смерть всегда знал, когда его зовут. Но когда две девочки сдались на милость его жестоким рукам, сабли солнечного света разрушили темноту, пронзили их ноги — и башмаки остыли.

Измученные девочки рухнули на землю.

— Готова отправиться домой? — тяжело дыша, спросила Агата.

Софи белая как снег, подняла взгляд.

— Думала, ты никогда не спросишь.

Глава 11

Загадка Школьного директора

Когда обе школы уже спали, на поверхность рва, заполненного грязной жижей, всплыли две головы. Софи и Агата выглянули из-за тонкой серебряной башни, которая отделяла озеро от канавы. Вплавь — слишком далеко. Карабкаться — слишком высоко. Шпиль охраняет вихрь фей, а армия волков с арбалетами патрулируют деревянные помосты у основания башни.

— А ты уверена, что он там? — спросила Софи.

— Я его *видела*.

— Он должен нам помочь, я не могу обратно туда вернуться.

— Слушай, мы просто будем взывать к его милосердию, пока он не отправит нас домой?

— Потому что это сработает, — фыркнула Софи. — Оставь его мне.

За последний час обе девочки перебрали уже кучу вариантов побега. Агата считала, что они должны пробраться обратно в Бескрайний лес и найти дорогу в Гавальдон. А Софи заметила, что даже если они пройдут врата со змеями и остальные смертельные ловушки, в итоге просто-напросто заблудятся. (— Лес называется *Бескрайним* не просто так.) Вместо этого она предложила наловить зачарованных мётел или волшебных ковров, или типа того, в школьных уборных, что могло бы их перенести над лесом.

— И в каком же направлении нам лететь? — поинтересовалась Агата.

Девочки отбросили и другие варианты — бросание хлебных крошек (никогда не срабатывало), поиск добрых охотника или гнома (Агата не доверяла незнакомцам); загадать желание, чтобы появилась фея-крестная (Софи не доверяла этой женщине) — и в итоге остался только один единственный.

Но сейчас, взглядываясь в крепость Школьного директора, они потеряли всякую надежду.

— Нам никогда туда не попасть, — вздохнула Софи.

Агата слышала пронзительный крик, раздавшийся где-то далеко.

— Запомни эту мысль.

Некоторое время спустя они вернулись в Синий лес и стали наблюдать из-за фиолетово-лилового куста за гнездом с большими черными яйцами в нем. Перед гнездом в траве цвета индиго спали пять скелетов-стимфов, перемазанных кровью и остатками от наполовину съеденного козла.

Софи нахмурилась.

— Я вернулась к тому, с чего начала: покрытая вонючей тиной и кто знает каким количеством плотоядных червей и... *ты что творишь?!*

— Как только они нападут, мы запрыгнем на них.

— Как только они *что?*

Но Агата уже на цыпочках кралась к яйцам.

— Те башмаки прожгли тебе остатки мозгов! — прошипела Софи.

Когда Агата медленно продвигалась к гнезду, она пристальнее рассмотрела заостренные зубы стимфов, шишковатые когти и хвосты с шипами, которые раздирали плоть до костей. Вдруг засомневавшись в своем плане, Агата отступила назад, только для того, чтобы с громким треском поскользнуться и упасть на козлиную ногу. Стимфы открыли глаза. У неё замерло сердце.

Пока их не разбудит злодей.

Розовое платье их не одурачит.

Агата сердито посмотрела на проснувшихся чудищ. Она не могла сейчас сдаться! Особенно, когда Софи согласилась отправиться домой! Она рванула к гнезду, схватила яйцо и подняла его, чтобы разбить...

— Не могу смотреть, не могу смотреть... — хныкала Софи, подглядывая сквозь пальцы на оторванные конечности и кровь.

Но злобные птицы тыкались в Агату носами, словно щенки в поисках молока.

— Ой, щекотно! — взвизгнула Агата. Софи сложила руки на груди.

Неуклюже притопавав обратно, Агата протянула яйцо ей.

— Твой черед.

— Ой, да я тебя умоляю, если уж им понравилась ты, то меня так они вообще до смерти зацелуют. Зверушки *поклоняются* принцессам, — сказала Софи, дефилируя к птицам.

Стимфы издали боевой клич и бросились вперед.

— На поомощь! — Софи сунула яйцо обратно Агате, но стимфы продолжили преследовать Софи, которая бегала кругами, как сумасшедшая, пять стимфов бежали за ней будто участвуя в идиотическом параде верзил, пока не забыли кто кого преследует и закружившись, врезались друг в друга.

— Видишь? Я перехитрила их, — просияла Софи.

Стимф укусил её за зад.

— Аааййай!

Софи рванула к ближайшему дереву. Только она не умела лазать по деревьям, поэтому она бросила раздавленными ягодами птице в глаза. Но у них не было глаз, так что ягоды пролетели сквозь костяные глазницы и упали на землю.

Агата с каменным лицом наблюдала за происходящим.

— Агги, мы *на подходе!*

Стимфа преследовала Софи, но резко затормозила, обнаружив верхом у себя на спине

Агату.

— Давай сюда, полоумная! — проорала она Софи.

— Без седла? — презрительно поинтересовалась Софи. — Мозоли останутся.

Стимфа рванулась к ней... Агата шлепнула птицу по голове и, схватив Софи за талию, перекинула девочку через хребет птицы.

— Крепче держись! — выкрикнула Агата, пришпоривая птицу, чтобы та летела, а та в свою очередь пыталась их стряхнуть над заливом. Из синих деревьев вырвались еще четыре стимфы и бросились в погоню. Агата ударяла птицу по ребрам, Софи вцепилась в Агату мертвой хваткой.

— Это самый худший план на светеeee!

Услышав клекот и крики, в небо уставились феи и волки, только для того, чтобы увидеть, как в тумане исчезают незваные гости.

— Вон башня! — выкрикнула Агата, тыча пальцем в серебристый шпиль, виднеющийся в тумане.

Туман прорезала стрела, выпущенная волком, которая пролетела меж птичьих ребер и чуть не рассекла Софи пополам. Из тумана повыскакивали феи и принялись плевать золотой паутиной, и стимфом пришлось уворачиваться, но не только от них, а еще и от нового града волчьих стрел. На этот раз ни той ни другой девочке не удалось удержаться на спине птицы, и они обе свалились с неё.

— Нееет! — закричала Агата....

Софи удалось ухватиться за кончик костяного хвоста птицы, Агате же за хрустальный башмачок Софи....

— Мы погибнем! — вопила Софи.

— Держись! — завопила Агата.

— У меня потные ладони!

— Мы погибнем!

Стимфа с шумом подлетела в башенной стене. Но только она замахнулась своим хвостом, чтобы разбить их об эту самую стену, как Агата заметила окошко, мелькнувшее в тумане.

— Сейчас! — закричала Агата. На этот раз Софи её послушалась.

Со всех сторон летели золотые паутины и стимфа испустила беспомощный крик. А феи, наблюдавшие за её гибелью, потом непонимающе переглянулись.

На её спине не было никаких всадниц.

После того, как девочки влетели в окно и совершили аварийную посадку, Софи сильно ушибла левый бок, который весь покрылся синяками, а Агата порезала запястье. Но боль означала, что они все еще живы. Боль означала, что у них все еще оставалась надежда вернуться домой. Хором застонав, они поднялись на ноги. А потом Софи узрела худшие из повреждений.

— Моя туфля! — Она подняла свой хрустальный башмачок и оторвала зазубренный каблук. — Они были уникальными, — пробормотала она.

Агата же не обратила никакого внимания на её причитания и похромала вглубь мрачного серого помещения, которое едва освещалось рассветным заревом, проникающим через окно.

— Эй? — позвала Агата. Но эхо утонуло в тишине.

Девочки медленно двинулись дальше по темной комнате. Каменные книжные полки, встроенные в серые кирпичные стены, сверху до низу уставленные цветными корешками. Софи стряхнула пыль с книг и прочла на деревянных переплетах названия, выведенные изящными серебряными буквами: *Рапунцель, Поющая косточка, Дюймовочка, Король-лягушонок, Золушка, Шесть лебедей...* Все эти сказки были о детях из Гавальдона. Она взглянула на Агату, которая на другом конце комнаты сделала то же самое открытие. Они стояли посреди библиотеки всевозможных сказок, которые когда-либо были рассказаны.

Агата открыла *«Красавицу и Чудовище»* и увидела все тот же изящный почерк, как и на корешке переплета, красивые иллюстрации как в одном из фойе обеих школ. Тогда она открыла *«Красные башмачки»*, *«Ослиную шкуру»*, *«Снежную королеву»* и обнаружила, что все они написаны одним и тем же почерком.

— Агги?

Агата проследила за взглядом Софи в самую темную часть комнаты. Несмотря на темноту, она все же сумела разглядеть белокаменный стол придвинутый к стене. И что-то еще сверху висело над ним: длинный, тонкий кинжал, словно по волшебству зависший в воздухе.

Агата провела пальцами по холодной, гладкой поверхности стола, и ей вспомнились все те чистые надгробия, что находились за ее домом, в ожидании своих тел. Софи же не отрывая глаз уставилась на парящий нож, угрожающе зависший в нескольких футах над белой столешницей.

А потом она увидела, что это был вовсе не нож.

— Это перо, — тихо сказала она.

Оно было сделано из чистейшей стали и по форме напоминало обыкновенную спицу, заостренную с обоих концов. С одной стороны пера была вырезана гравировка по всей длине.

Неожиданно на перо упал луч солнечного света, и оно рассеяло его во всех направлениях золотым дождем. Агата отвернулась от слепящего света. А когда повернулась обратно, то увидела, как Софи взбирается на стол.

— Софи, нет!

Софи, словно под гипнозом с широко распахнутыми глазами, упрямо шла к перу. Воздух вокруг неё светился синим, рассеивая полумрак. Все, что осталось — это сияющее перо-спица и странные слова, отражающиеся в её остекленевших глазах. Где-то в глубине души, она знала, что они означают. Софи протянула руку к кончику пера.

— Не надо! — закричала Агата.

Кожу Софи обожгла ледяная сталь пера, которое собиралось выпить её крови...

Агата со всей силы толкнула её и обе девочки рухнули на стол. Софи вышла из транса и с подозрением уставилась на Агату.

— Я на столе. С тобой.

— Ты собиралась прикоснуться к этой штуке! — сказала Агата.

— Чего? Зачем это мне касаться...

Она перевела глаза на перо, которое больше не было неподвижным. Оно болталось в дюйме от их лиц, переводя смертельно острый конец то на Агату, то на Софи, словно

раздумывая, кого убить первой.

— *Не шевелись*, — сказала Агата сквозь зубы.

Перо раскалилось до красна.

— Ходу! — выкрикнула она.

Перо ринулось вперед и обе девочки скатились со стола, успев краем глаза увидеть, что острая как бритва спица остановилась, едва не врезавшись в камень. Порыв черного дыма и перед пером на столе внезапно появилась книга в вишнево-красном переплете. Перо открыло обложку и принялось заполнять первую же чистую страницу:

— *Когда-то давным-давно жили-были две девочки.*

Тот же изящный почерк, что в других книгах. Но это абсолютно новая сказка.

Софи с Агатой, так и присели на пол от ужаса с разинутыми ртами.

— А теперь это и впрямь странно, — сказал приятный голос.

Девочки вновь обернулись, но никого не увидели.

— Ученики моей школы занимаются и трудятся на протяжении четырех лет, подвергаются риску в Бескрайнем лесу, ищут свою Немезиду, сражаются в ожесточенных битвах...делая все, *надеясь*, что Сказочник возможно расскажет их сказку.

Девочки покружились вокруг себя, но никого не обнаружили. Но потом они обратили внимание, что их обе тени сливаются в одну изломанную тень, которая их похитила. Девочки медленно повернулись.

— А пишет для двух первоодков, необученных, неподготовленных, неуклюжих *злоумышленников*, — сказал Школьный директор.

Он был одет в серебряные одежды, которые волнами струились по его сгорбленной тощей фигуре, пряча руки и ноги. На голове в самом центре восседала ржавая корона, обрамленная густыми белыми волосами. Лицо же закрывала серебристая маска, обнажая разве что насмешливые голубые глаза и полные губы, изогнутые в широкой озорной улыбке.

— Предполагается счастливая развязка.

Сказочник перелистнул страницу:

— *Одна была красива и всеми любима, другая же была одинокой ведьмой.*

— Мне нравятся ваши сказки, — сказала Софи.

— Он еще не дошел до той части, где твой принц тебя ударил, — сказала Агата.

— Вали домой, — надулась Софи.

Они подняли глаза и увидели Школьного директора, который изучающе смотрел на них.

— Конечно, Чтецы непредсказуемы. Некоторые из них были нашими лучшими учениками. Большинство потерпели досадные неудачи. — Он уставился на башни вдали, повернувшись к девочкам спиной. — Но это лишь демонстрирует, насколько Чтецы стали не просты.

Сердце Агаты бешено колотилось. Это был их шанс! Она ткнула Софи локтем:

— Давай!

— Я не могу! — прошептала Софи.

— Ты сказала — предоставить его тебе!

— Он слишком *стар*!

Агата локтем ткнула Софи в ребра, Софи не осталась в долгу....

— Многие учителя говорят, что я похитил вас, украл, забрал против воли, — сказал Директор.

Агата вытолкнула Софи вперед.

— Но по правде сказать — я освободил вас.

Софи сглотнула и сняла сломанный туфель.

— Вы заслуживаете необычную жизнь.

Софи подкралась к Директору ближе, замахиваясь искромсанной подошвой.

— У вас должна быть возможность узнать, кто вы на самом деле.

Школьный директор повернулся к Софи и туфель завис над его сердцем.

— Мы требуем нас освободить! — выкрикнула Агата.

Тишина.

Софи бросилась на колени.

— О, пожалуйста, сэръ, мы молим о милосердии!

Агата застонала.

— Вы забрали меня, чтобы я училась в Добре, — всхлипнула Софи, — но они отправили меня в Зло и теперь у меня черное платье и волосы грязные, а мой принц ненавидит меня, а мои соседки по комнате убийцы, а для Несчастливцев нет никаких Палат красоты и теперь — она истошно завопила — *я воняю*. — И она разрыдалась, закрыв лицо руками.

— Итак, вам бы хотелось поменяться школами? — спросил Школьный директор.

— Нам бы хотелось попасть домой, — сказала Агата.

Софи обрадовалась:

— *А можно* поменяться?

Директор улыбнулся.

— Нет.

— Тогда мы бы хотели попасть домой, — сказала Софи.

— *Заблудшие в незнакомой стране, девочки хотели вернуться домой*, — отметил Сказочник.

— Мы уже отправляли учеников домой, — сказал Школьный директор, сверкая серебряной маской, — по болезни, из-за психических отклонений, по ходатайству влиятельной семьи...

— Значит, вы можете вернуть нас домой! — обрадовалась Агата.

— На самом деле мог бы, — ответил Директор, — если бы сказки не были в самом разгаре. — Он бросил взгляд на перо, в другом конце комнаты. — Видите, раз Сказочник начал писать вашу историю, боюсь мы должны следовать ей, куда бы она ни привела. Теперь вот в чем вопрос: приведет ли ваша история вас домой?

Сказочник углубился в страницу:

— *Глупые девчонки! Они оказались в ловушке на целую вечность!*

— Так я и думал, — сказал Директор.

— Значит, домой попасть без вариантов? — спросила Агата. У неё на глазах навернулись слезы.

— Да, пока сказка не закончится, — ответил Директор. — И поход домой вместе довольно надуманное завершение для двух девочек, сражающихся на противоположных сторонах, тебе так не кажется?

— Но мы не хотим сражаться! — воскликнула Софи.

— Мы на одной стороне! — поддержала Агата.

— Мы *подруги!* — сказала Софи, сжимая Агатиной руку.

— Подруги?! — изумился Школьный директор.

Агата, почувствовав свою ладонь в руке Софи, была удивлена не меньше.

— Что ж, тогда это все меняет. — Школьный директор прошелся, будто старая утка. — Видите ли в чем дело, принцесса и ведьма никогда не могут быть подругами в нашем мире. Это *невозможно*. Это означает, что если вы действительно подруги... Агата не может быть принцессой, а Софи — ведьмой.

— Вот именно! — сказала Софи. — Потому что я принцесса, а она вед... — Агата пихнула её локтем.

— А если Агата не принцесса, а Софи не ведьма, тогда очевидно, что я ошибся и вам нет места в нашем мире, — сказал он, медленно прохаживаясь. — Может быть все-таки всё, что говорили обо мне — правда.

— Что вы Добро? — спросила Софи.

— Что я стар, — сказал, вздохнув, Директор, глядя в окно.

Агата не могла сдержать свою радость.

— Значит, теперь мы можем вернуться домой?

— Вам будет очень трудно доказать все это.

— Но я постараюсь! — заверила Софи. — Я постараюсь доказать, что не злодейка!

— Я докажу, что не принцесса! — добавила Агата.

— Ах, но в этом мире существует только один способ доказать кто вы есть.

Сказочник перестал писать, почувствовав ключевой момент. Директор медленно повернулся. Впервые за все время его голубые глаза искрились блеском опасности.

— Что такое, чего у Зла *никогда* не будет... *без чего* Добру никак не обойтись?

Девочки переглянулись.

— Когда мы решим вашу загадку...вы отправите нас домой? — с надеждой спросила Агата.

Школьный директор отвернулся.

— Надеюсь, что больше тебя я не увижу. Если ты не хочешь, чтобы конец твоей истории был довольно удручающим.

Неожиданно комната начала исчезать, будто её кто-то стирал прямо у вас на глазах.

— Пойдите! — закричала Агата. — Что вы делаете!

Сначала исчезли книжные полки, потом стены...

— Нет! Мы хотим немедленно вернуться домой! — выкрикнула Агата.

Потом потолок, стол, пол — обе девочки рванулись в угол, чтобы самим не исчезнуть...

— Как мы вас найдем! Как нам отве... — Агата пригнулась, чтобы избежать белой полосы. — Вы жульничаете!

Софи увидела, как Сказочник продолжал неистово писать их сказку на другом конце комнаты. Перо ощутило её взгляд, и его слова неожиданно стали красными, а сердце Софи вновь обожгло тайным знанием. Испугавшись, она прижалась к Агате...

— Вы вор! Вы бандит! Вы старый урод в маске! — кричала Агата. — Мы и без вас обойдемся! Чтецам и без вас будет зашибись! Сидите в своей башне со своей маской и перьями и держитесь подальше от нас! Слышите меня! Воруйте детей из других деревень, а нас оставьте в покое!

Последнее, что они увидели, это как Школьный директор отвернулся от окна, улыбаясь в море белого цвета.

— Каких еще других деревень?

Пол ушел из-под ног у обеих девочек, и они рухнули в пустоту, последние слова Школьного директора растворились в волчьем вое, ознаменовавшем начало утреннего

занятия....

Очнулись они, ослепленные солнечным светом, обливаясь потом. Агата искала глазами Софи. Софи Агату. Но все, что обнаружили — что они в собственных кроватях, в башнях далеко друг от друга.

Глава 12

Тупики

Утро для обеих девочек началось плачевно. Им не только не досталось ни секунды сна, но они снова оказались не в тех школах на другой день гадких занятий. На самом деле стало еще хуже, ведь ни одна из них не знала ответа на загадку Школьного директора, да и до обеда они не могли обсудить это. Но будто им и этого было мало — обе школы обсуждали их кикиморово фиаско.

На Уродстве Софи пыталась не обращать внимания на смешки и подтрунивания, а сосредоточиться на лекции Мэнли о надлежащем использовании накидки. Потребовалась вся концентрация, учитывая злобные взгляды Эстер, бросаемые в её сторону, и что накидка может использоваться надлежащим образом для защиты, невидимости, маскировки или полета, в зависимости от ткани и текстуры, в сочетании с различными видами заклинаний. Для классного состязания Мэнли завязал ученикам глаза и те на перегонки учились различать ткань и как успешно использовать свои накидки.

— Не знал, что магия такая сложная штука, — пробормотал Хорт, помяв свою накидку, чтобы определить из шелка она или из атласа.

— А это всего лишь накидки, — сказала Дот, обнюхивая свою. — Подожди, вот заклинания начнутся!

Если в чем-то Софи и разбиралась, так это одежда. Она тут же поняла, что держит в руках змеиную кожу, мысленно произнесла заклинание, и стала невидимой под своей облегающей черной накидкой. Это достижение принесло ей еще один высший бал и очередной убийственный взгляд от Эстер, который если бы мог, сжег бы Софи на месте.

А по другую сторону рва, Агата не могла свернуть за угол, чтобы не увидеть Тедроса и его дружков, как они кривляясь горбились, изображая завывание кикиморы, и колошматили друг друга баклажанами. Куда бы она ни пошла, повсюду её преследовал Тедрос и компания,

истощно вопя и улюлюкая во все горло, пока она наконец, не выдержав, не выхватила у Тедроса баклажан и не ткнула его им в грудь.

— Это произошло только по одной причине — ты выбрал меня! ТЫ ВЫБРАЛ МЕНЯ хам, безмозглый отморозок!

Тедрос так и застыл, разинув рот, в то время как она бросилась бежать прочь.

— Ты выбрал ведьму? — спросил Чаддик.

Тедрос обернулся в поисках задавшего вопрос.

— Нет, я...она обманула меня. я не... — Он вынул меч. — Кто хочет сразиться?

В связи с тем, что Прибежище Гензеля было все еще в руинах, занятие из башни переесли в студенческие комнаты отдыха. Агата последовала за толпой Счастливец по Переходам, связывающих все башни Добра зигзагообразными проходами из цветного стекла высоко над озером. Пока она топала по пурпурному переходу к башне Милосердия, то перестала вслушиваться в девичьи сплетни, а снова и снова возвращалась к загадке Школьного директора, до тех пор, пока не подняла взгляд и не увидела, что осталась совсем одна. После чего Агата обшарила Прачечную, заполненную пеной, где нимфы стирали платья, увернулась от зачарованных горшков в Трапезной, которые готовили обед, Агата наконец-то отыскала комнату отдыха Милосердия. Розовые шезлонги уже все были заняты и ни одна из девочек не подвинулась ради неё. И она решила усесться прямо на пол...

— Садись сюда!

Кико, милая девушка с короткими волосами, отодвинулась в сторону. Остальные хихикали, а Агата пошла втискиваться рядом с ней.

— Теперь они тебя возненавидят, — пробормотала она.

— Не могу понять, как они могут считать себя Добрыми и быть при этом такими грубыми, — прошептала Кико.

— Может быть потому что я чуть всю школу не спалила.

— Они просто завидуют. Ты можешь осуществлять желания. Ни одна из нас этого пока не умеет.

— Счастливая случайность. Если бы я могла осуществлять желания, то была бы уже дома со своей подругой и котом. — Мысль он Жнеце заставила Агату переключиться на другую тему. — Гмм, а как там поживает тот мальчик, которого ты загадала?

— Тристан? — Кико погрустнела. — Ему нравится Беатрикс. Всем мальчикам нравится Беатрикс.

— Но он же отдал тебе свою розу, — возразила Агата, припоминая её желание на озере.

— Случайность. Я выпрыгнула перед Беатрикс и поймала её. — Кико бросила на Беатрикс злой взгляд. — Думаешь он пригласит меня на Бал? Не все парни понимают, что она волчица.

Агата ухмыльнулась, а потом нахмурилась:

— Что еще за бал?

— Снежный бал Счастливцев! Устраивается прямо перед Рождеством. Каждая из нас должна найти мальчика, который возьмет ее туда, иначе мы получим неуд. Мы получаем оценки, как пара, которые будут основаны на том, как мы будем выглядеть, как себя вести и как танцевать. А почему ты думаешь мы все загадали на озере разных мальчиков? Девочки развели что да как. А мальчики просто всегда хотят самую прелестную. — Кико улыбнулась. — А ты на кого глаз положила?

И прежде чем Агата успела изобразить рвотный рефлекс, двери распахнулись и в

комнату вплыла пышногрудая женщина в красном тюрбане, украшенном драгоценными камнями и платке в тон платью, ярким макияжем, черной густой подводкой вокруг глаз, с цыганскими серьгами-кольцами и звенящими браслетами на запястьях.

— Эээ... профессор Анемон? — вытаращилась Кико.

— Я Шахерезада, — прогудела профессор Анемон со смешным акцентом. — Королева Персии. Султанша Семи морей. Владычица сумрачной пустынной красоты.

Она распахнула свой платок и изобразила, повергающий в ужас, танец живота.

— Видите, как я обольщаю вас своими *бедрами!* — Она прикрыла лицо вуалью и заморгала как сова. — Видите, как я искушаю вас своими *глазами!* — Она всколыхнула грудью и громко звякнула браслетами. — Видите, как я становлюсь *Полночной соблазнительницей!*

— Больше похожа на подкопченный кебаб, — пробормотала Агата. Кико прыснула смехом.

Улыбка профессора Анемон исчезла, как и её акцент.

— Я думала, что научу вас, как выжить в *арабских тысяче и одной ночи* — макияжу в условиях песка и дюн, моде хиджра, даже правильному танцу Семи покрывал, но похоже нужно начинать с чего-нибудь *попроще*. — Она потуже затянула свой тюрбан.

— Феи мне тут сообщили, что из Прибежища Гензеля исчезли конфеты, даже несмотря на то, что класс находился на ремонте. А как нам всем известно, наши классные комнаты сделаны из конфет, как напоминание о всех тех соблазнах, которые встретятся нам на пути за воротами. — Она сощурилась. — А мы знаем, что случается с девочками, которые любят конфеты. Однажды начав, они уже не могут остановиться. Они сбиваются с пути. И становятся легкой добычей ведьм. Они тешат себя лакомствами, пока не умрут от ожирения, так и оставшись незамужними и вдобавок покрывшихся *бородавками*.

Девочки были просто в ужасе от того, что кто-то посмел испортить башню, не говоря уже о своей фигуре. Агата тоже попыталась выглядеть шокированной. Но именно в этот момент из её кармана выпала зефирка, за ней последовал синий леденец, ломтик пряника, и две сливочных помадки. Тут же одновременно раздались двадцать охов.

— У меня не было времени позавтракать! — воскликнула Агата. — Я не ела всю ночь!

Но не последовало никакого сочувствия, даже от Кико, которая, было видно, уже жалела, что вообще была милой с Агатой. Агата виновато уставилась на своего лебедя.

— Агата, ты будешь мыть тарелки после ужина в течение двух недель, — сказала профессор. — Полезное напоминание о том, что соблюдают принцессы, в отличие от злодеев.

Агата запихнула остатки конфет в рот и проглотила их не разжёвывая. Ответ?!

— Надлежащее *питание*, — вздохнула профессор Анемон.

Пока тюрбанутая учительница несла в массы все больше и больше Арабских секретов красоты, Агата все ниже и ниже оседала на диване. Всего одно занятие, а проблем уже не оберешься. Между ужасом обязательного присутствия на Балю, недели обязательного мытья посуды и решительного избавления от бородавок в будущем, она осознала, что решать загадку Школьного директора нужно как можно быстрее.

— Может траванем её еду? — сплюнула Эстер.

— Она не ест, — сказала Анадиль, топая по залу Зла.

— Может тогда отравим ей помаду?

— Нас тогда на недели запрут в Пыточной! — забеспокоилась Дот, которая прибавила шаг, чтобы не отставать.

— А мне начхать как мы это провернем или чем это для нас обернется, — прошипела Эстер. — Я хочу, чтобы эта змеюка исчезла.

Она распахнула дверь в комнату номер 66 и обнаружила в ней Софи, рыдающей на своей постели.

— Гмм, змеюка рыдает, — сказала Анадиль.

— Ты как? В порядке, родная? — спросила Дот, вдруг посочувствовав девушке, убийство которой они толшько что замыслили.

Всхлипывая, Софи поведала все, что случилось в башне Школьного директора.

— ...Но вот теперь нам загадали загадку, а я не знаю ответа, а Тедрос считает меня ведьмой, потому что я продолжаю побеждать в состязаниях, и никто не понимает, что причина моих побед в том, что я хороша *во всем!*

Эстер готова была задушить её прямо на месте. А потом выражение на её лице поменялась.

— Эта загадка. Если ты на неё ответишь...то отправишься домой?

Софи кивнула.

— И мы больше тебя никогда не увидим? — уточнила Анадиль.

Софи кивнула.

— Решим, — заверили её соседки по комнате.

— Правда? — заморгала Софи.

— Ты ведь так хочешь домой, — сказала Эстер.

— А мы еще больше хотим отправить тебя домой, — добавила Анадиль.

— Что ж, по крайней мере, вы мне верите, — хмуро сказала Софи, вытирая слезы.

— Виновен, пока не доказано обратное, — сказала Эстер. — Это путь Несчастливцев.

— Однако не стоит об этом рассказывать Счастливым. Они решат, что ты чокнулась, как шляпник, — сказала Анадиль.

— И я так бы подумала, но кто станет лгать о нарушении такого количества *правил?* — сказала Дот, пытаясь превратить свою эмблему-лебедя в шоколад. — Блин, эта птица просто безнадежна.

— А Школьный директор, он какой? — спросила Эстер у Софи.

— Старый. Очень, очень старый.

— А ты и вправду *видела* Сказочника? — спросила Анадиль.

— То странное перо? Оно не прекращая писало о нас.

— Оно *что?* — одновременно спросили все три девочки.

— Но ты же еще в школе! — воскликнула Эстер.

— Что может такого случиться в *школе* достойного сказки? — недоумевала Анадиль.

— Уверена, что это просто ошибка, как и все остальное, — всхлипнула Софи. — Мне просто нужно разгадать загадку, сказать её решение Школьному директору, и пуф, я исчезну из этого проклятого места. Все просто.

Она увидела, как девочки переглядывались.

— Разве нет?

— Тут как бы две задачи, — сказала Анадиль, не спуская глаз с Эстер. — Загадка Школьного директора.

Эстер повернулась к Софи.

— И почему он хочет, чтобы ты её разгадала.

Если и было слово, которого Агата боялась больше, чем «бал» — это «танцы».

— На балу должны танцевать все девушки-Счастливицы, — сказал Поллукс, шатаясь на ослиных ногах в Палатах доблести.

Агата старалась не дышать. В комнате сильно пахло кожей и мускусным одеколоном от коричневых диванов, ковра с медвежьей головой, книгами обо охоте и верховой езде в кожаных переплетах и головами лосей с лоснящимися неприлично здоровыми рогами. Она скучала по школе Зла и её вонючему кладбищу.

Поллукс гонял девочек по всем танцам, которые будут на Балю, ни один из которых Агата не могла станцевать, продолжая падать и бормотать: В этом было бы больше смысла, будь у него его тело. После легкой разминки копыт на ковре, насаживания себя на рога, и приземления ягодицами в камин, Поллукс рывкнул на них «поняли» и обернулся к группе фей с ивовыми скрипками:

— Играйте вольту^[3]!

И они заиграли в таком молниеносном темпе, что Агату швыряло от партнера к партнеру, от талии к талии, кружило все быстрее и быстрее, превращая все вокруг в единое размытое пятно. Её ноги горели. Каждая девочка в комнате казалась Софи. *Туфли!* Они вернулись.

— Софи! Я иду! — выкрикнула она...

Следующее, что она осознала, что опять лежит на полу.

— Для обмороков существует специально отведенное время, — зло сказал Поллукс. — Но оно еще не настало.

— Я *споткнулась*, — огрызнулась Агата.

— Предположим ты падаешь в обморок во время *Бала!* Хаос! Побоище!

— Да не падала я в обморок!

— Забудь про бал! Это будет Полночное Кровавое Побоище!

Агата зло уставилась на него.

— Не. Падала. Я. В. *Обморок*.

Когда девочки собрались на берегу Срединного залива на урок «Общение с животными», их ждала профессор Дови.

— Принцесса Ума заболела.

Девочки одарили Агату сочувственными взглядами, потому как фиаско случившиеся с Золотыми рыбками было целиком и полностью на её совести. В такой короткий срок замены найти не удалось, и профессор Дови вообще отменила занятие.

— Отличники могут воспользоваться Палатами красоты. Троечники должны использовать это время чтобы переосмыслить свою посредственность!

В то время как Беатрикс и семь её прилипал продефелировали в Палаты красоты для маникюра, вторая половина пыталась подглядеть за тем, как проходит Фехтование, на котором мальчики тренировались без рубашек. Агата же тем временем поспешила в Галерею Добра, надеясь найти подсказку, чтобы разгадать головоломку Директора.

Пока её глаза блуждали от скульптур к ларцам и к чучелам освещенных факелами, горящих розовым огнем, ей вспомнились слова Школьного директора, что принцесса с ведьмой никогда не смогут быть подругами. Но почему? Между ними должно что-то

встать?! Воистину, это было чем-то загадочным, что могло быть принцессы и не могло быть у злодейки. Она все думала и думала о том, что же это могло быть, пока шея не покраснела. Но ответа все не было.

Она обнаружила, что её снова тянет к укромному уголку, где висят полупрозрачные картины Чтецов из Гавальдона. Агата припомнила как профессор Дови разговаривала с той женщиной с волевым подбородком. «Профессор Сэдер», — называли они того художника. Тот самый Сэдер, который преподавал Историю героизма? Какой там урок следующий?

На этот раз Агата не спешила. Когда она рассматривала картины, то заметила, что пейзаж от картины к картине менялся: на площади появилось больше всяких лавчонок, церковь из белой стала красной, за озером выросли две ветряные мельницы — пока деревянная не стала такой, какой она её запомнила. Еще больше запутавшись, она ходила от картины к картине, пока одна все же не заставила её застыть как вкопанную.

Дети читали сказки на ступеньках церкви, луч света падал на девочку в фиолетовом пальто и желтой шляпе с подсолнухами. Агата приблизилась к картине. *Алиса* что ли? Похоже. Дочь пекаря изо дня в день носила это нелепое пальто с шляпой, до того, как её похитили восемь лет назад. На другой картине, луч уже падал на тощего мальчишку, который палкой бил кота. *Руна*. Агата вспомнила, как этот паршивец пытался выколоть Жнецу глаз, пока мама не выставила его в зашей метлой. Руна тоже забрали в том же году.

Агата быстро сместилась к следующей картине, где толпа детей выстроилась перед магазинчиком мистера Довиля, но солнце освещало только двоих: лысого Бейна, кусавшего девочку, стоявшую перед ним, и красавчика тихоню-Гаррика. Эти два мальчика были похищены четыре года назад.

Покрывшись испариной, Агата медленно повернулась к следующей картине. Здесь дети читали, забравшись на изумрудный холм, у подножья которого на берегу озера солнцем освещались двое: девочка в черном, гасившая спички о воду и девочка в розовом, запикивающая в мешок огурцы.

Задыхаясь, Агата кинулась вновь просматривать картины с самого начала. И на каждой свет выбирал двух детей: одного светлого и пригожего, другого странного и мрачного. Агата вышла из угла и поднялась на круп коровьего чучела, чтобы разом можно было видеть все картины — картины, которые говорили ей три вещи о профессоре Сэдере...

Он мог ходить между настоящим и сказочным мирами. Он знал почему детей из Гавальдона забирали сюда.

И он мог помочь им вернуться домой.

Когда феи начали загонять всех на следующее занятие, в Театр Сказок влетела Агата и втиснулась рядом с Кико. А Тедрос и его мальчики в это время играли в гандбол против феникса, вырезанного на передней части каменной сцены.

— Тристан даже не поздоровался, — проворчала Кико. — Может он думает, что после разговора с тобой, у меня появились бородав...

— Где Сэдер? — спросила Агата.

— *Профессор Сэдер*, — раздался голос.

Она подняла взгляд и увидела красивого седовласого учителя в зеленом костюме, улыбавшегося ей загадочной улыбкой, поднимаясь на помост. Это был тот же самый мужчина, кто улыбнулся ей в фойе и на Мосту.

Профессор Чокнутый.

Агата выдохнула. Ну конечно же он ей поможет, если уж она так сильно ему нравилась.

— Как вам известно, я преподаю четыре курса, по два здесь и в школе Зла и, к сожалению, не могу быть в двух местах одновременно. Таким образом, я буду попеременно вести занятия в обеих школах, — сказала он, прижимаясь к кафедре. — В те дни, когда меня не будет, к вам буду приходить бывшие ученики, чтобы рассказывать о своих приключениях в Бескрайнем лесу. Они будут отвечать за ваши итоговые состязания в конце недели, поэтому, пожалуйста, отнеситесь к ним с должным уважением, с каким вы относитесь и ко мне. И, наконец, так как я несу ответственность за огромное количество учащихся и обширнейшую историю, у меня нет рабочего кабинета, чтобы отвечать на ваши вопросы, которые буду возникать как на уроке, так и вне его.

Агата откашлялась. Как она получит ответы, если он не разрешает задавать вопросы?

— Если же у вас возникают какие-либо вопросы, — сказала Сэдер. Его карие глаза не моргали, — то вы наверняка найдете ответы в учебниках, *«История Леса для студентов»* или в других моих авторских книгах в Библиотеке Добродетели. А теперь перекличка. Беатрикс?

— Да.

— Еще раз, Беатрикс.

— Здесь, — огрызнулась Беатрикс.

— Спасибо, Беатрикс. Кико!

— Присутствует!

— Еще раз, Кико.

— Я здесь, профессор Сэдер!

— Прекрасно, Рина!

— Да.

— Еще раз?

Агата застонала, похоже они застрянут здесь до новолуния.

— Тедрос!

— Здесь.

— Громче, Тедрос.

— Вот блин, он что глухой? — проворчала Агата.

— Нет, глупенькая, — сказала Кико. — Он слепой.

Агата фыркнула.

— Не будь смешн...

Стекланный взгляд. Перекличка. То, как он ухватился за кафедру.

— Но его картины! — вскрикнула Агата. — Он видел Гавальдон. Он видел нас!

И в это самое мгновение профессор Сэдер встретился с ней взглядом и улыбнулся, как бы желая напомнить ей, что ничего подобного не было.

— Итак, давайте проясним, — сказала Софи. — Сначала было два Школьных директора. И они были братьями.

— Близнецами, — уточнила Эстер.

— Один был Добрым, другой — Злым, — продолжила Анадиль.

Софи двигалась мимо серии щербатых мраморных фресок в Зале Несчастливцев. Покрытый изумрудными водорослями и синим налетом, освещенный факелами, пылающих цветом морской волны, зал был похож на собор, который большую часть своей жизни провел

под водой.

Она остановилась перед одной. Перед той, на которой были изображены двое мужчин в комнате замка, неотрывно смотревшие на зачарованное перо, на то самое, что она видела в башне у Школьного директора. Один из братьев был одет в черное, другой — белое. В потрескавшейся мозаике, можно было различить их одинаковые красивые лица, призрачно-бледные волосы и голубые глаза. Но тот брат, что в белых одеяниях излучал доброту и нежность, в черных же одеждах — холодность и жесткость. Однако, что-то в их лицах показался ей знакомым.

— И эти братья управляли обеими школами и защищали волшебное перо, — сказала Софи.

— *Сказочника*, — поправила Эстер.

— И побеждало, то Добро, то Зло, поровну?

— Более или менее, — сказала Анадиль, давая улитку крысам у себя в кармане. — Моя мать говаривала, проведи Добро черту, Зло найдет лазейку, вынуждая впредь его защищаться лучше и отпор давать врагу.

— Естественное равновесие, — сказала Дот, дожевывая учебник, который превратила в шоколад.

Софи подошла к следующей фреске, на которой брат-Зло не захотел больше мирно править вместе со своим братом и обрушил на него шквал заклинаний.

— Но Злой решил, что сможет контролировать перо... гм... *Сказочника*... и сделать Зло непобедимым. Посему он собирает армию, чтобы уничтожить своего брата и начинает войну.

— *Великая война*, — сказала Эстер. — Где каждый принял сторону Доброго брата или Злого.

— И в заключительном сражении меж ними, кто-то из них побеждает, — говорит Софи, глядя на последнюю фреску — море Несчастливцев и Счастливых преклоняют колена перед Школьным директором в серебряных одеждах и светящимся Сказочником, парящим над его руками. — Но никто не знает, *кто именно*.

— Умница-разумница, — усмехнулась Анадиль.

— Но тогда, несомненно, люди должны знать, Добрый он брат или Злой? — спросила Софи.

— Все делают вид, что это тайна, — сказала Эстер, — но со времен Великой войны Зло не побеждало *ни в одной* сказке.

— Но разве перо просто не записывает то, что случается в Бескрайнем лесу? — спросила Софи, изучая странные символы на стальном Сказочнике. — Разве нам не подвластны сказки?

— Как так происходит, что однажды все злодеи *умирают*? — прорычала Эстер. — Это *перо* вершит наши судьбы. Это *перо* убивает всех злодеев. Это *перо* под колпаком у Добра.

— Сказочник, красотка, — прочавкала Дот. — А не перо.

Эстер выдернула книгу изо рта Дот.

— Но, если злодеи каждый раз умирают, зачем же их *обучать*? — спросила Софи. — Зачем вообще тогда нужна школа Зла?

— Попытайся спросить об этом у учителей, — пропела Дот, копаясь в своей сумке в поисках учебника побольше.

— Ладно. Значит, вы злодеи больше не побеждаете, — Софи зевнула, точа свои ноготки

осколочком мрамора. — И как это касается меня?

— Сказочник начал записывать твою сказку, — хмуро сказала Эстер.

— И?

— А учитывая школу, в которой ты учишься, Сказочник считает тебя в той сказке злодейкой.

— А меня должно волновать мнение какого-то *пера*? — спросила Софи, полируя ногти уже на другой руке.

— Про умницу-разумницу я слегка погорячилась, — сказала Анадиль.

— Если ты злодейка, то *умрешь*, дурында ты эдакая! — рявкнула Эстер.

Софи сломала ноготь.

— Но Директор сказал, что я могу вернуться домой!

— Или может его загадка — ловушка.

— Он *Добро*! Вы же сами сказали!

— Ну, а ты в школе *Зла*, — сказала Эстер. — И он не на твоей стороне.

Софи посмотрела на неё. У Анадиль и Дот было то же мрачное выражение лица.

— Я что, умру здесь? — пискнула Софи со слезами в глазах. — Должно же быть хоть что-нибудь, что я могла бы сделать!

— Реши загадку, — сказала Эстер, пожав плечами. — Только так ты узнаешь, что он затевает. К тому же развязка должна случиться в самом скором времени. И если ты выиграешь еще хотя бы одно состязание, я лично тебя прикончу.

— Тогда скажи мне ответ! — выкрикнула Софи.

— Чего никогда не будет у злодеев, а принцессам без этого не обойтись? — в слух размышляла Эстер, почесывая свою татуировку.

— Может зверушки? — предположила Дот.

— У злодеев в подручных могут быть животные. Просто потребуется подпортить их по сильнее, — сказала Анадиль. — А честь?

— У Зла есть свои понятия о чести, доблести и всяческой подобной ерунды, как и у Добра, которую, как они считают, изобрели, — сказала Эстер. — Мы просто дали всему этому имена получше.

— Вот оно!

Они повернулись к Софи.

— Вечеринка по случаю дня рождения! — воскликнула она. — Кто захочет пойти на Злодейскую вечеринку?

Анадиль и Эстер уставились на неё.

— Это все от того, что она не ест, — сказала Дот, — а мозгу нужна пища.

— Тогда ты должна быть умнейшей на свете! — наорала на неё Софи.

Дот свирепо уставилась на нее.

— Помни, самые ужасные злодеи погибают самой ужасной *смертью*.

Софи нервно дернулась в сторону Эстер.

— Может леди Лессо сможет помочь мне с ответом?

— Если посчитает, что это поможет победить Злу.

— Нужно повести себя очень умно, — сказала Анадиль.

— И тонко, — добавила Эстер.

— Ум и тонкость?! Это по моей части, милочки, — сказала Софи с облегчением. — Эта загадка запросто будет решена.

— Или нет, мы уже опаздываем на пятнадцать минут, — сказала Дот.

И действительно, холоднее класса леди Лессо был только взгляд, которым она наградила четырех опоздавших девочек, когда те прошли к своим местам.

— Я бы отправила вас вы Пыточную, но она занята учениками с моего последнего занятия.

У них под ногами эхом разнесся мальчишеский крик. Весь класс задрожал, представив тот ужас, что творился в данную секунду в Пыточных.

— Давайте поглядим, может наши опоздавшие смогут как-то поправить свое положение, — сказала леди Лессо, зловеще постукивая каблуками.

— Чем мы тут занимаемся? — шепотом спросила Софи у Хорта.

— Она испытывает на нас известных Немезид, — в ответ прошептал Хорт. — Если мы правильно отвечаем на вопрос, то получаем одну из них. — Он гордо ткнул на бородавку на своей щеке.

Софи в ужасе отпрянула.

— Это что? *Награда?*

— Эстер, назови имя злодейки, разрушившую свою Немезиду проклятием Ночного кошмара.

— Финола Пожирательница Фей. Ведьма Финола проникала феям в сны и убеждала их отрезать собственные крылья. Феи больше не могли летать, Финола легко их ловила и съедала.

Софи прикусила язык, и не стала высказывать то, что пришло ей на ум. Но она никогда не слышала ни о какой Финоле Пожирательнице Фей, так что Эстер наверняка не права.

— Верно! Финола Пожирательница Фей! Одна из известнейших сказок на свете! — сказала леди Лессо и посадила гигантскую бородавку Эсер на руку.

Известнейших? Софи сморщила нос. Где это она известна?

— Анадиль, назови злодея, убившего свою Немезиду используя маскировку! — сказала леди Лессо.

— Бешеный Медведь Рекс. Переоделся в шкуру медведя, потому что принцесса Анатоля любила медведей. Когда она попыталась его приласкать, он перерезал её горло.

— Прекрасный образец для подражания. Всем нам. Бешеный Медведь Рекс! — провозгласила леди Лессо и посадила бородавку Анадиль на шею. — Если бы он был жив, то стер бы ухмылочку с любого из злорадствующих индюков Клариссы!

Софи прикусила губу. Откуда они все это знают?!

— Дот. Назови имя злодейки, которая убила свою Немезиду превращением!

— Ледяная королева! Превратила принцессу в лед и предоставила солнечным лучам!

— Моя любимейшая сказка! — прогремела леди Лессо. — История, которая будет жить вечно в сердцах...

Софи ухмыльнулась.

— Я сказала что-нибудь *смешное?* — спросила леди Лессо.

— Никогда ни о ком из них не слышала, — сказала Софи.

Эстер с Анадиль вжались в свои сидения.

— Никогда о них не *слышала?* — насмешливо спросила леди Лессо. — Это ведь величайшие триумфы Зла! Слава, которая вдохновляет будущих злодеев! *Четыре девочки в колодце! Двенадцать утонувших принцесс! Урсула Самозванка, Ведьма...*

— И о них никогда не слышала, — вздохнула Софи, зачесывая назад свои волосы. —

Там откуда я родом, никто не читает сказки, где Зло побеждает. Все хотят, чтобы Добро победило, потому что Добро лучше выглядит, симпатичнее одето и у него больше друзей.

Леди Лессо оставалась безмолвной.

Софи повернулась к одноклассникам:

— Мне жаль, что вы ни кому не нравитесь, и что вы никогда не побеждаете, и что вы все равно должны ходить в школу, но это правда.

Эстер натянула форму на лицо.

Дот подалась вперед и прошептала Софи на ухо:

— Загадка, красotka.

— Ах, да, — спохватилась Софи. — Вот я тут говорю, а у меня есть некая головоломка. Вроде как очень важно, чтобы я её решила, так что благодарно приму любую помощь. Что никогда не будет у злодея, без чего не обойтись принцессе? Есть мысли? Не стесняйтесь высказываться. *Мерси*, мои хорошие.

— У меня есть одна идея, — сказала леди Лессо.

— Я так и знала. — Софи улыбнулась. — Что это? Что есть у меня, чего нет у вас?

Леди Лессо приблизила все лицо к её.

— *Ничего*. Что мы и услышим от вас на протяжении всего оставшегося занятия.

Софи хотела было возразить, но не смогла открыть рот. Её губы намертво прилипли друг к другу.

— Гораздо лучше, — сказала леди Лессо и наградила Софи бородавкой меж бровей.

Пока Софи пыталась разлепить свои губы, леди Лессо спокойно встала и расправила свое фиолетовое платье, не обращая никакого внимания, на застывших от изумления, студентов вокруг.

— А теперь, скажи-ка мне Хорт, кто из злодеев пользовался Смертельной вороньей ловушкой.

Тяжело и шумно дыша, раздувая ноздри Софи попыталась разорвать свои губы пером, заколкой для волос, и сосулькой, свисавшей с губ. Вопль, крик — она испробовала все, но в результате — тишина, паника, кровь...

А Эстер сердито уставилась на неё из первого ряда.

— Запросто, значит, решена, а?!

Глава 13

Пыточные

Агата никак не могла взять в толк, что за блажь у школьного руководства устраивать совместный обед, если Счастливыцы сидели с Счастливыми, а Несчастливыцы с Несчастливыми, и те и другие притворялись, что никого, кроме них, не существует.

Обед проходил на Поляне, в форме уютного пикника снаружи Врат в Синий лес. Чтобы добраться до Поляны студенты должны были совершить путешествие по древесным тоннелям, которые становились все уже и уже, пока дети по одному не выскакивали из его жерла, полого ствола, на изумрудную траву. Как только Агата выскочила из тоннеля Добра, сразу же заняла очередь, в которой стояли Счастливыцы, чтобы получить из рук нимф в красных шапочках корзинку для пикника, в то время как Несчастливыцы, появляющиеся из туннеля Зла довольствовались ржавыми ведрами с баландой от волков в красных мундирах.

Агата нашла укромное местечко на траве и полезла в ивовую корзинку, чтобы найти в ней свой обед, состоящий из бутербродов с копченым лососем, салата из рапунцеля, клубничного суфле, и сверкающей бутылочки с лимонадом. Открыв бутылочку и взяв в руки бутерброд, она задумалась о загадке и тупиках, в которые та их завела...

Софи жадно выхватила его у неё из рук.

— Ты себе даже не представляешь, через что мне пришлось пройти, — всхлипнула она, целиком запихивая бутерброд себе в рот. — Вот твоё, — сказала она, плюхнув ведро баланды на траву.

Агата уставилась на неё.

— Слушай, ну я *спросила*, — с набитым ртом сказала Софи. — Очевидно, Несчастливыцы должны знать, что такое лишения. Часть вашего обучения. Кстати, это довольно неплохо.

Агата продолжала пялиться.

— Что? — спросила Софи. — У меня кровь что ли на зубах? Потому что думала, это...

Подняв взгляд, она увидела из-за плеча Агаты Тедроса с его дружками, которые тыкали в них пальцами и мерзко хихикали.

— О, нет, — простонала Софи. — Что на этот раз ты учудила?

Агата продолжала смотреть на Софи во все глаза.

— Если ты чем-то недовольна, можешь взять суфле. — Софи нахмурилась. — Чего это та нечисть машет мне?

Агата обернулась и увидела Кико обновленную рыжими волосами на противоположной стороне Поляны, машущей ей. Теперь её волосы были точно такого же цвета, что и у Тристана. Агата побледнела.

— О, ты её *знаешь*? — спросила Софи, наблюдая за тем, как Кико приближается к Тристану.

— Мы подруги, — сказала Агата, помахав Кико в ответ.

— У тебя появилась *подруга*? — удивилась Софи.

Агата повернулась к ней.

— Почему ты продолжаешь так на меня смотреть? — повысив голос, спросила Софи.

— Ты ведь не ела конфеты, да?

— Что? — вскрикнула Софи, понимая, что происходит — её рука метнулась к лицу и сорвала бородавку, оставленную леди Лессо. — Почему ты мне не сказала! — возмутилась она, когда Тедрос с дружками разразились улюлюканьями в её адрес.

— Ооо, хуже и не придумаешь, — простонала Софи.

Хорт схватил свежесброшенную Софи бородавку и куда-то убежал с ней.

Софи посмотрела на Агату, та улыбнулась.

— Это не смешно! — простонала Софи.

Но Агата уже покатила со смеху, а за ней и Софи.

— Как думаешь, что он с ней будет делать? — смеясь спросила Агата.

Софи перестала смеяться.

— Нам нужно домой. *Немедленно*.

Агата рассказала Софи обо всех своих расстройствах, пока она решала загадку, в том числе и о том, что зашла в тупик с профессором Сэдером. Прежде чем она успела спросить его о тех картинах, Сэдер ушел на встречу со своими Злыми учениками, оставив трех престарелых свиней читать им лекцию «Мой дом — моя крепость».

— Только он может нам помочь, — сказала Агата.

— И лучше бы поторопиться, потому что дни мои сочтены, — мрачно сказала Софи и рассказала все, что случилось между ней и соседками по комнате, включая прогнозы по поводу незавидного окончания жизни Софи.

— Ты умрешь? Бессмыслица какая-то. Ты не можешь быть злодейкой в сказке, если мы подруги.

— Вот, почему Школьный директор сказал, что мы *не можем* быть подругами, — ответила Софи. — Что-то встанет между нами. Что-то — что ответит на загадку.

— Да что такого может встать между нами? — спросила Агата, все еще находясь в растерянности. — Может быть это все связано. Эта фигня, которая есть у Добра и нет у Зла. Думаешь, поэтому Добро всегда побеждает?

— Как *утверждает* леди Лессо, Зло тоже когда-то побеждало. Но теперь у Добра есть нечто такое, что помогает им всегда его одолеть.

— Но Директор запретил нам возвращаться в его башню. А значит ответ на его загадку не слово или вещь, или мысль...

— Но мы должны что-то *сделать*!

— Но сейчас у нас уже есть хоть какой-то сдвиг. Смотри, во-первых, это нечто такое, что может настроить нас друг против друга. Во-вторых, это помогает каждый раз побеждать

Зло. И в-третьих, это что-то, что мы можем воплотить в жизнь...

Девочки повернулись друг к другу.

— Я поняла, — сказала Агата...

— И я, — сказала Софи....

— Это же так очевидно.

— Не то слово.

— Это... это...

— Ага, это...

— Никаких идей, — сказала Агата.

— И у меня, — вздохнула Софи.

А по другую сторону поля мальчики из Счастливец медленно вторгались на территорию девочек-Счастливец. Девушки расцвели словно цветы, ожидая, что их вот-вот сорвут, но им досталось лишь смотреть, как львиная доля ухажеров окружила Беатрикс. И когда Беатрикс принялась заигрывать с каждым поклонником, Тедрос заерзал на пеньке. Наконец, он поднялся, растолкал остальных претендентов и предложил Беатрикс прогуляться.

— Он должен был спасти *меня*, — всхлипнула Софи, наблюдая за тем, как они уходили.

— Слушай, Софи, у нас есть шанс спасти нашу деревню от двухсотлетнего проклятья, спасти детей от побоев и неудач, сбежать от волков, волн, гаргулий, и всего остального в этой отвратной школе, и конца сказки, в который тебя неминуемо *убьет*. А ты думаешь о каком-то мальчишке?

— Я хотела свой счастливый конец, Агги, — сказала Софи. У неё на глазах блеснули слезы.

— Вернись домой *живой* — вот это и будет твой счастливый конец, Софи.

Софи кивнула, но глаз с Тедроса не свела.

— Добро пожаловать на Добрые дела, — сказала профессор Дови, когда ученики собрались в комнатах отдыха башни Чистоты. — Теперь, когда вы ознакомились уже не с одним предметом, обойдемся без обычных шуток. Позвольте мне начать с того, что на протяжении многих лет, я наблюдаю тревожное снижение уважения в этом классе.

— Это все из-за совместных обедов, — прошептал Тедрос Агате на ухо.

— И почему же ты говоришь со мной?

— Нет, серьезно, что это за ведьмовское заклинание, которое ты наложила на меня, чтобы я выбрал тебя кикиморой?

Агата не обернулась.

— Ты точно *что-то* сделала, — распаялся Тедрос. — Говори.

— Не могу разглашать ведьмовских секретов, — сказала Агата, продолжая глядеть прямо перед собой.

— Так и знал! — Тедрос заметил, как на него посмотрела профессор Дови и ослепительно ей улыбнулся. Она закатила глаза и пошла дальше. Он снова склонился к Агате. — Скажи мне, и мои парни от тебя отстанут.

— Это касается и тебя?

— Просто скажи мне, что ты сделала.

Агата вздохнула.

— Я использовала заклинание Скок-по-скок, мощный приворот от Гавальдонских

Ведьм Котажнецов. Они устраивают небольшой шабаш на берегу Угольной речки, и еще не только эксперты в заклинаниях посоли-и-поперчи, но так же великие жнецы....

— Что ты *сделала*.

— Хорошо, — сказала Агата, повернувшись к нему, — заклинание Скок-по-скок просвербило себе дорожку в твоём мозгу, словно косяк пиявок. Оно проникло во все трещинки, множится там и ждет своего часа. И вот тогда, когда оно проникнет везде и повсюду...*оп!* Оно поглотит все твои умные мыслишки, и ты станешь туп, как осел.

Тедрос покраснел.

— Ах да, еще одно. Это навсегда, — сказала Агата и отвернулась.

И пока Тедрос мямлил о дыбе, избииении камнями и других способах наказания безнравственных женщин, которые практиковал его отец, Агата слушала профессора Дови, обосновывавшую важность Добрых дел.

— Каждый раз, когда вы совершаете Доброе дело с истинными намерениями, ваша душа становится чище. Однако в последнее время, мои Добрые студенты делают их, будто это рутинная, такая обязанность, предпочитая культивировать свое эго, высокомерие и улучшать размер талии! Позвольте мне заверить вас, что наше победное шествие может оборваться в любой момент!

— Нет, если Школьный директор управляет Сказочником, — сказала Агата.

— Агата, Школьный директор совершенно ни коим образом *не может* повлиять на то, как поведет себя Сказочник, — раздраженно сказала профессор Дови. — Сказочник ему не подвластен.

— Как по мне, так он неплохо колдует, — сказала Агата.

— Что, прости?

— Он может разбивать тени, заставить исчезнуть комнату. Он может заставить явь казаться сном, так что наверняка он может и контролировать перо...

— И *откуда* тебе все это известно? — вздохнула профессор Дови.

Агата заметила ухмылку Тедроса.

— Он сам мне все это показал, — сказала она.

Ухмылка Тедроса исчезла. Профессор Дови стала похожа на чайник из которого валил пар. Ученики нервно поглядывали то на неё, то на Агату.

Учительница натянуто улыбнулась.

— Ох, Агата ну и воображение у тебя. Оно тебе очень пригодится, когда ты будешь ждать того, кто спасет тебя от голодного дракона. Будем надеяться спасение подоспеет вовремя. А теперь три ключа к Добрым делам: творческий подход, возможность его реализации и незапланированность...

Агата открыла было рот, но профессор Дови не позволила ей ничего сказать, остановив испепеляющим взглядом. Понимая, что ходит по тонкому льду, Агата достала пергамент и принялась делать заметки, как все.

Прежде чем отправиться на «Выживание в сказках», ученики обеих школ были вызваны на собрание на Поляне.

Не успела Агата выскочить из древесного туннеля, как её схватила Кико:

— Тристан сменил цвет волос!

Агата взглянула на Тристана, прислонившегося к дереву. Теперь его волосы были светлыми, почти закрывая один глаз. Кого-то он ей напоминал.

— Он сказал, что покрасился ради Беатрикс! — стонала Кико, волосы которой были все

еще вызывающе рыжие.

Агата проследила за взглядом Тедроса, смотревшего на Беатрикс, которая без умолку несла ему какой-то вздор. Принц же выглядел таким же поникшем, как и его белокурая челка, спадавшая ему на глаза...

Агата закашлялась. Она перевела взгляд обратно на Тристана, сдувавшего свою мешающую белокурую челку, а потом на Тедроса, две пуговицы на рубашке которого были расстегнуты и на его ослабленный галстук с золотой *T*. А потом снова посмотрела на Тристана, две пуговицы на рубашке которого были расстегнуты и его ослабленный галстук с золотой *T*.

— А что, если я стану блондинкой, как Беатрикс? — затравленно спросила Кико. — Тогда я понравлюсь Тристану?

Агата повернулась:

— Тебе срочно нужно втрескаться в другого.

— ВНИМАНИЕ.

Она посмотрела вверх и обнаружила между двумя тоннелями весь профессорско-преподавательский состав, в том числе Кастора и Поллукса, чьи головы были воссоединены на их собачьей теле.

Вперед вышла профессор Дови.

— Есть кое-кто...

— ВЫТАСКИВАЙТЕ СВОИ ШКУРЫ НА СВЕТ, ВЫ, ЛЕНИВЫЕ КОРОВЫ! — рявкнул Кастор.

И последние Несчастливцы поспешили из своего укрытия, а замыкающей, спотыкаясь, плелась Софи. Она озадаченно глянула на Агату, находящуюся по другую сторону Поляны, а Агата в свою очередь только и смогла, что пожать плечами.

Профессор Дови открыла рот, чтобы продолжить...

— ПРИВЕТСТВУЕМ КЛАРИССУ ДОВИ, ДЕКАНА ШКОЛЫ ДОБРА И ПОЧЕТНОГО ПРОФЕССОРА ФАКУЛЬТЕТА ДОБРЫХ ДЕЛ, — сказал Кастор.

— Спасибо, Кастор, — сказала профессор Дови.

— ЕСЛИ КТО-НИБУДЬ ВЗДУМАЕТ ПРЕРВАТЬ ИЛИ СОВЕРШИТ КАКОЙ-НИБУДЬ ПРОСТУПОК, БУДЕТ ТУТ ЖЕ НАКАЗАН...

— СПАСИБО, КАСТОР! — рявкнула профессор Дови.

Кастор уставился себе под ноги.

Профессор Дови откашлялась.

— Ученики, мы собрали всех вас здесь, потому что ходят кое-какие неприятные слухи...

— Я бы назвала их *ложью*, — сказала леди Лессо. Агата узнала в ней учительницу, которая испортила картину профессора Сэдера в галерее Добра.

— Так, давайте внесем ясность, — продолжила говорить профессор Дови. — Во-первых, на Зле не лежит никакого проклятья. Зло по-прежнему обладает силами, чтобы победить Добро.

— При условии, что Зло будет делать свою домашнюю работу! — прорычал профессор Мэнли.

Несчастливцы зароптали, не поверив в это ни на секунду.

— Во-вторых, Школьный директор соблюдает нейтралитет, — сказала профессор Дови.

— Откуда нам знать? — выкрикнул Раван.

— А с чего ради мы должны вам верить? — выкрикнула Эстер, под свист других

Несчастливцев.

— Потому что у нас есть *доказательство*, — вперед вышел профессор Сэдер.

Несчастливцы притихли. Глаза Агаты расширились. *Доказательство? Какое?*

А потом она обратила внимание, что леди Лессо выглядела особенно недовольной. Значит доказательство, подтверждающее это все-таки существует. Может это доказательство и есть ответ на загадку?

— И последнее, но не по важности, — выступала профессор Дови, — основная обязанность Школьного директора — защищать Сказочника. Именно по этой причине, он остается в своей неприступной башне. Посему, в независимости от сплетен, что могут до вас доходить, заверяю вас — ни один из учеников никогда не видел Школьного директора и *не увидит*.

Все уставились на Агату.

— Ах, *эти* сказочки?! — злобно спросила леди Лессо.

— Это не сказочки! — огрызнулась Агата. Она увидела, как Софи качает головой, как бы говоря — это битва будет проиграна.

Леди Лессо улыбнулась.

— Дам вам еще один шанс, чтобы реабилитировать себя. *Ты встречалась со Школьным директором?*

Агата посмотрела на учителя Зла, на её фиолетовые глаза на выкате, напоминающие стеклянные шарики. А потом на профессора Сэдера, загадочно ей улыбающегося. А потом на Софи на той стороне Поляны, жестами показывающей держать рот на замке...

— Да.

— Ты *лжешь* своему учителю! — обрушилась на неё леди Лессо.

— Это не ложь! — раздался голос.

Все повернулись к Софи.

— Мы обе там были! В его башне!

— И ты готова поклясться, что видела и Сказочника? — усмехнулась Беатрикс.

— По правде говоря, еще как видели! — ответила Софи насмешнице.

— И он поди еще и начал писать *твою* сказку?

— Начал! Сказочник начал писать нашу сказку!

— Все поприветствуйте Королеву дураков! — провозгласила под всеобщие возгласы Беатрикс.

— Тогда ты должно быть Великая *Императрица*.

Беатрикс повернулась к Агате, уперев руки в бока.

— Брр. «Недоразумение», — простионала Беатрикс. — Добро еще никогда так не ошибалось.

— Да ты бы сроду не распознала Добро, ухватишь оно за подол твоего платья! — выкрикнула Агата.

Беатрикс ахнула так громко, что Тедрос даже улыбнулся.

— Не разговаривай так с Беатрикс! — раздался чей-то голос.

Агата обернулась и увидела светловолосого Тристана.

— *Беатрикс?* — взорвалась Агата. — Уверен, что не хочешь Тедроса? Он с радостью женился бы на себе!

Тедрос перестал улыбаться. Опешив, он переводил взгляд с Агаты на Тристана, а с него на Беатрикс и обратно... А потом потерял терпение и врезал Тристану по челюсти. Тристан

выхватил свой тупой меч, предназначенный для тренировок, Тедрос обнажил свой, и они сошлись в поединке. Но Тристан изучал, как фехтует Тедрос, и потому они оба использовали одни и те же выпады и отступления, даже боевые кличи были одинаковыми, в итоге уже и нельзя было понять кто есть кто...

И вместо того, чтобы вмешаться, преподаватель по фехтованию, профессор Эспада, закрутил свои длинные усы и сказал:

— Завтра тщательно разберем это на занятие.

Несчастливцы отреагировали куда живее.

— *ДРАААКАААА!* — заорал Раван.

Несчастливцы бросились к Счастливым, сметая на своем пути ошеломленных волков, врезаясь в фехтовальщиков. Счастливые разожгли потасовку, напоминающую возню в песочнице, только эпических масштабов, на которой Счастливицы кидались друг в друга грязью. Агата не смогла сдержаться и рассмеялась, увидев, как девочки стояли на коленях в грязи, пока испачканная Беатрикс не ткнула в неё пальцем:

— Это она начала!

Счастливицы с криками бросились на Агату, которая взобралась на дерево. Тедросу, находящемуся рядом, удалось вынырнуть из-под груды мальчишек, в тот самый миг, когда мимо пробежала Софи.

— Помоги! — выкрикнул он.

Софи же пробегая, чтобы помочь Агате, наступила ему на голову, которая уворачивалась от камушков, бросаемой в неё Беатрикс. А потом краем глаза она заметила Хорта.

— Ты! А ну верни мою бородавку!

Хорт помчался, огибая массовое побоище, Софи за ним. Она смогла подбежать достаточно близко, чтобы швырнуть ему в голову подобранную по дороге упавшую ветку — Хорт пригнулся, и ветка угодила в лицо леди Лессо.

Ученики замерли.

Леди Лессо коснулась своей холодной оцарапанной щеки. Посмотрев на кровь на своей руке, её спокойствие стало просто жутким.

Её длинный красный ноготь поднялся и указал на Агату.

— Заприте в её башне!

Агату подхватил рой фей и поволок мимо ухмыляющегося Тедроса в тоннель Счастливых...

— Нет, это моя вина! — крикнула Софи.

— А эту, — леди Лессо пырнула окровавленным пальцем в сторону Софи, — в *Пыточную*.

И не успела Софи закричать, как рот ей заткнула чья-то когтистая лапа и потащила мимо окаменевших одноклассников в лесную чащу.

Софи нельзя пытаться! Софи не вынесет истинного Зла!

Пока феи её волокли наверх, Агата в приступе паники расплакалась, но заметила, как внизу, в фойе, разволновались преподаватели.

— Профессор Сэдер! — выкрикнула она, цепляясь за перила. — Вы должны нам поверить! Сказочник считает Софи злодейкой! Он убьет её!

Взволнованные Сэдер и еще двадцать преподавателей подняли взгляд вверх....

— Как вы увидели нашу деревню? — выкрикивала вопросы Агата, пока феи

оттаскивали её от перил. — Как нам попасть домой? Что есть у принцесс, чего нет у злодеек, — Сэдер улыбнулся. — Вопросы. И всегда три.

Учителя поусмехались и разошлись.

— *Видела Сказочника?* — удивился Эспада.

— Да это та, что конфеты съела, — объяснила профессор Анемон.

— Нет! Вы должны её спасти! — умоляла Агата, но феи дотащили её-таки до комнаты и заперли девочку там.

В отчаянии она бросилась мимо картин с целующимися парочками и взобралась по балдахину кровати вверх к сломанной потолочной плите... Но та больше не была сломанной. Кто-то её крепко-накрепко заделал.

Кровь отлила от Агатиных щек. Сэдер был её единственной надеждой, а он отказался отвечать на вопросы. А теперь её единственная подруга умрет в том подземелье, и все потому что волшебное перо перепутало принцессу с ведьмой.

А потом мелькнула какая-то мысль. Что там Сэдер сказал на уроке.

Если у вас возникнут вопросы...

Не дыша, Агата вытряхнула свою корзину с учебниками.

Серый волк, мужественно и умело, тянул Софи за длинную цепь, которая была зафиксирована железным ошейником на её шее. Стараясь не касаться стен вонючей канализации, Софи неустанно думала о том, что один неверный шаг, и она соскользнет по узкому проходу в бурлящую топь. По ту сторону зловонной клокочущей реки, она увидела двух волков, тащивших стонущего Векса, в обратном направлении. Их взгляды встретились. Его красные глаза были полны ненависти. Что бы с ним там не произошло в Пыточной, он стал еще злее, чем прежде.

«Агата, — сказала себе Софи. — Агата сможет отправить нас домой».

Она проглотила слезы. *«Выживи ради Агаты».*

Когда она приблизилась к середине, где грязь превращалась в чистейшее озеро, Софи почувствовала, что твердую каменную стену сменила ржавая решетка. Волк пинком открыл дверь и втолкнул девочку внутрь.

Софи подняла голову в темном подземелье, освещенном одним факелом. Куда бы она ни глянула, везде видела инструменты для наказания: ломающее кости колесо, дыба, плаха, петли, гаррота, железные гильотины, тиски и внушающая ужас коллекция копий, пик, дубинок, кнутов и кож. У неё замерло сердце. Она обернулась...

Из угла на неё сверкала пара красных глаз.

Из тени медленно поднялся здоровенный черный волк, в два раза больше всех остальных волков. Но у этого было человеческое тело, с широкой волосатой грудью, мускулистыми руками, рельефные лодыжки и массивные ступни. Чудовище сломало сургуч и, развернув свиток, прорычало написанное:

— Ты, Софи из-за Леса, в настоящий момент была доставлена с Пыточную за следующие грехи: Заговор с целью введения в заблуждение, Срыв собрания, Покушение на убийство одного из учителей...

— *Убийство!* — ахнула Софи.

— Подстрекательство к общественным беспорядкам, пересечение границ в ходе собрания, уничтожение школьного имущества, преследование сокурсников, и преступления против человечности.

— Я не признаю себя виновной ни по одному из обвинений, — рассердилась Софи. — Особенно по последнему пункту.

Чудовище схватило её лицо когтями.

— *Виновна, пока не докажешь обратного!*

— Отпусти! — вопила Софи.

Он понюхал её шею.

— Ну разве ты не сочный *персик*.

— Ты меня *испачкаешь!*

К её удивлению Чудовище отпустило её.

— Обычно у нас уходят часы истязаний на поиск слабых мест.

Софи озадачено посмотрела на Чудовище. Он облизнул губы и улыбнулся.

Она с криком рванулась в двери — но он перехватил её и повесил её руки на крюк у неё над головой.

— Отпустите!

Чудовище прохаживался вдоль стены, выбирая наилучший инструмент для наказания.

— Пожалуйста, я прошу прощение за все, что бы ни натворила! — умоляла Софи.

— Злодеи не учатся на извинениях, — сказал Чудовище. С мгновение он раздумывал, глядя на дубинку, а потом двинулся вперед. — Злодеев учит боль.

— Пожалуйста! Кто-нибудь, помогите!

— Боль сделает тебя сильнее, — сказал Чудовище.

Он нежно погладил кончик ржавого копья, потом повесил его на место.

— *На помощь!* — вопила Софи.

— Боль сделает тебя взрослее.

Чудовище взялся за топор. Лицо Софи стало белее снега.

Он подошел к ней, держа топор в мясистой лапе.

— Боль сделает тебя Злой.

Он взял ей волосы в свою ладонь.

— Нет! — выдохнула Софи.

Чудовище замахнулось топором...

— *Прошу вас!*

Лезвие полоснуло по её волосам.

Софи уставилась на свои длинные прекрасные золотые локоны на черном полу подземелья, застав с открытым ртом. Она медленно подняла измученное лицо на встречу большой черной морде Чудовища. И губы её искривились, тело в оковах задрожало и полились слезы. Она опустила остриженную голову себе на грудь и разрыдалась. Софи плакала и плакала до тех пор, пока нос не заложило, и она уже не могла дышать, по её черной тунике стекала слюна, а запястья кровоточили в оковах.

Щелкнул замок. Софи подняла свои заплаканные красные глаза, чтобы увидеть, как Чудовище отцепляет её от крюка.

— Выметайся, — прорычал он и повесил топор.

Когда он повернулся, Софи уже и след простыл.

Чудовище неуклюже вышел из клетки и упал на колени перед слиянием мутной жижи и чистой воды. Когда он окунул кровавые цепи, в обоих направлениях растеклись кровавые ручейки. Смывая оставшиеся пятна крови, он увидел отражение в грязном ручье...

Только это было не его отражение.

Чудовище обернулся...

И Софи столкнула его в воду.

Чудовище метался в воде и слизи, кряхтя и барабаня по стене. Приливы были слишком сильны. Она смотрела, как он выпускает пузыри, делая последние вздохи и оседает на дно, будто камень.

Софи пригладила волосы и пошла в сторону света, глотая слезы.

Добро всегда прощает, говорилось в правилах.

Но правила ошибались. Должны ошибаться.

Потому что она не простит.

Ни капельки.

Глава 14

Подсказка хранителя склепа

Обложка была сделана из серебристого атласа, украшена светящимся Сказочником, зажатым между двумя лебедями, черным и белым.

История Леса для студентов **ОГУСТ А. СЭДЕР**

Агата открыла первую страницу.

«Эта книга отражает мнение только её автора. И только. Это интерпретация истории профессора Сэдера — преподавательский состав не разделяет его взглядов.»

С уважением Кларисса Дови и Леди Лессо, деканы Школ Добра и Зла».

Агата приободрилась, узнав, что остальной преподавательский состав не одобрял эту книгу. Значит, это давало еще больше надежды, что где-то на страницах учебника мог быть ответ на загадку. Различие между принцессой и ведьмой... доказательство того, что Добро и Зло находились в равновесии... А могли бы они быть одинаковыми?

Она перевернула страницу, чтобы начать читать, но не увидела ни строчки. По бумажным листам были разбросаны выпуклые точки, всех цветов радуги, маленькие, будто булабочные головки. Агата перелистнула страницу. Опять точки. Она полистала еще. Ни одного словечка. В отчаянии она уткнулась лицом в книгу и тут раздался голос Сэдера:

«Глава четырнадцать: Великая война».

Агата резко вскинула голову, выронив книгу. Перед её глазами на поверхности книжных страниц появилась трехмерная полупрозрачная картинка — живая диорама просвечивающих цветов, как на картинах Сэдера в галерее. Она присела на корточки, чтобы понаблюдать как разворачивается безмолвное видение, показывающие трех дряхлых стариков, с бородами до земли, стоящих на башне Школьного директора, взявшись за руки. Когда старики разомкнули свои руки, над ними воспарил мерцающий Сказочник и знакомый белый каменный стол. Бесплотный голос Сэдера продолжал:

— *И вот, как вы помните из Первой главы, Сказочник был помещен в Школу Добра и Зла Тремя Провидцами Бескрайнего леса, которые полагали, что только там Сказочник будет защищен от злоупотреблений им...*

Агата с недоверием таращилась на диораму. Незрячий Сэдер не мог записать историю, но он мог её видеть и хотел того же для своих учеников. Каждый раз, когда она переворачивала страницу и прикасалась к точкам, история оживала и рассказывала себя. Большая часть из четырнадцатой главы демонстрировало то, что Софи рассказала ей за обедом: что Школа была под управлением двух братьев-волшебников, один — Добро, другой — Зло, чья любовь друг к другу была выше их привязанности к доброй и злой стороне. Но со временем братская любовь Злого уступила место искушению, и он решил, что между ним и бесконечной силой пера одно единственное припятские... его собственная кровь.

Руки Агаты промчались по точкам, просматривая обстоятельные сцены батальи Великой войны, альянсов, предательств и чем все это закончилось. Её пальцы замерли, когда она увидела знакомую фигуру в серебристых одеждах и маске восставшую из самого пекла битвы со Сказочником в руке:

— *В заключительной схватке между Злым братом и Добрым братом, выявившийся победитель не мог принять ни одну из сторон. Наступило Великое перемирие, в котором триумфатор Школьный директор поклялся быть выше Добра и Зла и защищать равновесие настолько долго, насколько хватит его жизни. Разумеется, ни одна из сторон не доверяла победителю. Но им и не нужно было.*

Следующая картинка явила смерть проигравшего брата, сгоревшего дотла, когда он отчаянно выбросил руку в направлении неба и вызвал столп серебряного света....

— *Умиравший брат использовал последние крохи магии, чтобы создать последнее заклинание против своего близнеца: чтобы доказать, что Добро и Зло все еще равны. Пока это доказательство остается целым и невредимым, тогда и Сказочник остается не предвзятым, а Бескрайний лес в равновесии. И относительно того, каково это доказательство...*

Сердце Агаты бешено забилося...

— *Оно и по сей день остается в школе Добра и Зла.*

Диорама погасла.

Она быстро перевернула страницу и дотронулась до точки. Загудел голос Сэдера...

— *Глава пятнадцатая: Лесная таракановая чума.*

Агата швырнула книгу в стену, а потом и остальные учебники, оставляя трещины на парочке нарисованных лиц. Когда больше нечего было кинуть, она уткнулась лицом в кровать.

Пожалуйста. Помогите нам.

И вот в тишине между молитвами и слезами, что-то такое мелькнуло. Даже не мысль, а вспышка.

Агата подняла голову.

На неё смотрел ответ на загадку.

«*Это всего лишь стрижка*, — говорила себе Софи, пробираясь через васильковые заросли. *Никто даже не заметит*». Она проскользнула между двумя фиолетово-голубыми деревьями на Западную Поляну, нагнав свою группу.

Просто нужно найти Агату и...

Все разом обернулись. Никто не рассмеялся. Ни Дот. Ни Тедрос. Ни даже Беатрикс. У всех на лицах появилось такое выражение ужаса, что у Софи перехватило дыхание.

— Прошу прощения...мне что-то попало в глаз... — Она нырнула за ближайший синий розовый куст и сделала глоток воздуха. Большого унижения ей не вынести.

— Ну теперь ты, по крайней мере, похожа на Несчастивицу, — сказал Тедрос. — Так что никто не повторит моей ошибки.

Софи покраснела как помидор.

— Что ж...вот, что случается, когда дружишь с ведьмой, — зло сказал принц.

Теперь Софи стала цвета граната.

— Слушай, это *не так уж* плохо. По крайней мере не так уж плохо, как твоей подруге.

— Извини, — сказала Софи, становясь фиолетовой, как баклажан. — Мне попало что-то в другой глаз...

Она выскочила из-за куста и ухватилась за Дот, как за спасительный плот...

— Где Агата?!

Но Дот по-прежнему пялилась на её волосы. Софи откашлялась.

— О, эээ, они не выпускают её из комнаты, — сказала Дот. — Очень плохо, если она пропустит Цветник. Или если Юба сможет вызвать проводника. — Она кивнула на ворчащего гнома, тычущего в синие тыквы на грядке. Взгляд Дот снова вернулся к волосам Софи.

— М-м-м...мило.

— Пожалуйста, не надо, — тихо сказала Софи.

Глаза Дот потускнели.

— Ты была такой *хорошенькой*.

— Они отрастут, — сказала Софи, стараясь не заплакать.

— Не беспокойся, — шмыгнула носом Дот. — Однажды найдется кто-нибудь достаточно Злой, чтобы убить этого монстра.

Софи напряглась.

— Все на борт! — кликнул Юба.

Она повернулась и увидела, как Тедрос снял верхушку с обычной синей тыквы, как крышку с чайника, и исчез внутри.

Софи прищурилась:

— Что за...

Что-то пихнуло её в бедро, и она посмотрела вниз. Юба сунул ей билет в Цветник и снял крышку тыквы, открывая крошечного таракана в фиолетовом бархатном смокинге и в соответствующем цилиндре, плавающего в водовороте пастельных тонов.

— В Цветнике не допускается: плевков, чихов, пения, нытья, ругани, сна или мочеиспускания, — сказал он самым раздражительным голосом, который только можно вообразить. — Нарушение приведет к удалению всей вашей одежды. Все на борт!

Софи резко оттолкнула Юбу.

— Пойдите! Мне нужно найти свою подр...

Тут взметнулась лоза и толкнула её внутрь.

Слишком ошеломленная, чтобы закричать, она погрузилась в ослепительный розовый, синий, а потом и в желтый слой, когда еще больше усиков принялись хлестать её и опоясывать, словно ремни безопасности. Софи услышала шипение и её закружило, а потом девочку поглотила гигантская зеленая мухоловка. Она завизжала, когда лианы выдернули её из пасти мухоловки в тоннель горячего слепящего тумана и подвесили её в нечто движущееся, в то время как руки и ноги остались свободно болтаться в ремне безопасности из плюща. Когда же туман, наконец-то, рассеялся, перед Софи предстало самое волшебное видение из когда-либо ею виденных.

Это была подземная транспортная система, большая, как целый поселок, сделанный полностью из люминесцентных *растений*. Болтающиеся пассажиры висели на ремнях-лианах, спускающихся с разноцветных деревьев, стволы которых были покрыты цветами такого же цвета. Эти цветастые стволы переплетались в огромные лабиринты дорожек. Некоторые стволы шли параллельно, некоторые перпендикулярно, некоторые разветвлялись в разные стороны, но все доставляли своих всадников в их точные места назначения в Бескрайнем лесу. Софи в шоке уставилась на ряд неулыбчивых гномов, с кирками за поясами, цепляющихся за стропы светящегося красного ствола, подписанного «ВЕРЕНИЦА РОЗАЛИНДА». В противоположном направлении, среди подвешенных на на вьюна трилистника всадников убегала излучающая зеленый цвет «ВЕРЕНИЦА АРБОРЕЯ», медвежьим семейством в шуршащих костюмах и платьях. Ошарашенная Софи взглянула на свою «ВЕРЕНИЦУ ГИБISKУСА» и увидела остальных из своей группы, свисающих с ствола электрически-синего цвета. Но только Несчастливцы были стянуты ремнями.

— Цветник только для Счастливых, — крикнула Дот. — Они вынуждены нас пропустить, потому что мы из школы, но, тем не менее, они нам не доверяют.

Софи было плевать. Она бы ездил по Цветнику всю оставшуюся жизнь, если бы могла. Помимо его быстрого, успокаивающего темпа и приятных запахов, здесь, на каждой веренице играл оркестр ящериц: на «МАНДАРИНОВЫХ ВЕРЕНИЦАХ» ящерицы бод играли на банджо, на «ФИАЛКОВЫХ» на сладострастных ситарах, на веренице Софи — играл оркестр ящериц на флейтах, которым подпевали синие лягушки. Чтобы ездки не голодали, каждая вереница предлагала какие-то свои закуски, на «ГИБISKУСНОЙ ВЕРЕНИЦЕ» подлетали синие птицы и предлагали кексы из синей кукурузы, а так же пунг из черники. На этот раз, у Софи было все, что нужно. Мышцы расслабились, она забыла с мальчишек и чудовищ, пока лианы тянули её все выше и выше в водовороте синего света. Её тело ощутило ветер, потом воздух, следом землю, и руки устремились в небо. Софи, словно расцвела, подобно небесному гиацинту...

И обнаружила себя на кладбище.

Пустынные холмы испещрили надгробия цвета унылого неба. Из дыры хлынули к ней дрожащие одноклассники.

— Гдеее ээттгтоо мы? — пролепетала она, стуча зубами.

— Сад... Добра и Зла, — дрожа, сказала Дот, грызя шоколадную ящерицу.

— По-моему, сааавсеем на сад не похоже, — простучала зубами в ответ Софи.

Юба своим волшебным посохом разжег несколько небольших костров, и Софи сразу же почувствовала, как стало теплее. Она со своими одноклассниками с облегчением выдохнула.

— Через несколько недель вы все будете разобщены, чтобы продемонстрировать заклинания, — сказал гном, взволнованно хихикая. — Но заклинания не могут заменить навыков выживания. Возле могил живут Торфяные черви, и они могут помочь вам выжить, когда не будет еды. Сегодня вы будете их искать и есть!

Софи схватила за живот.

— Вперед! Делимся на пары! — скомандовал гном. — Та, команда, которая съест большее количество червей — побеждает! — Он сверкнул глазами в сторону Софи. — Возможно, наша паршивая овца сможет снискать искупление.

— Паршивая овца вряд ли сможет что-нибудь снискать без своей подружки, — пробормотал Тедрос.

Софи затравленно смотрела, как он вставал в пару с Беатрикс.

— Давай же, — сказала Дот, потянув Софи к земле. — Мы сможем их победить.

Неожиданно получив мотивацию, Софи стала осматриваться с Дот в поисках червей, стараясь оставаться поближе к огню.

— А как выглядят торфяные черви?

— Как черви, — ответила Дот.

Софи обдумывала возражение, когда заметила в отдалении на вершине холма фигуру. Это был великан с длинной черной бородой, толстыми косами и темно-синей кожей. На нем была надета только небольшая коричневая набедренная повязка. Он рыл могилы.

— Он сам все делает, Хранитель склепа, — сказала Дот Софи. — Вот, почему здесь такой завал.

Софи перевела взгляд на двухмильный ряд тел и гробов позади Хранителя склепа, в ожидании своих похорон. Она сразу же заметила контраст между темными каменными гробами Несчастливцев и гробами Счастливых, сделанных из стекла и золота. Но были и такие тела, которые лежали сами по себе, на виду, заброшенные, и над ними кружили стервятники.

— Почему ему никто не поможет? — с отвращением спросила она.

— Потому что никто не может вмешиваться в систему Хранителя склепа, — тихонько сказал Хорт. — Мой отец ждал своей очереди два года. — Его голос надломился. — Убитый самим Питером Пэнном, мой отец. Он заслужил быть похороненным надлежащим образом.

Теперь вся группа наблюдала за тем как Хранитель склепа рыл могилы, а потом вытащил большую книгу из копы своих волос и внимательно пролистал её. Затем великан поднял золотой гроб с красавцем-принцем внутри и бросил его в пустую яму. Он прошел дальше вдоль тел, ожидающих своей очереди, поднял хрустальный гроб с прекрасной принцессой и опустил его рядом с гробом принца в ту же могилу.

— Анастасия и Якоб. Умерли от голода во время медового месяца. Смерть можно было бы предотвратить, если бы они были более внимательны на уроках, — резко высказался Юба.

Поворчав, ученики вновь вернулись к поиску Торфяных червей, но Софи продолжала глазеть на Хранителя склепа, который снова изучил свою книгу, прежде чем схватить огра, который валялся на земле сам по себе, без гроба, и положил его в следующую могилу. Вернулся к книге, а потом положил ослепительный серебряный гроб королевы рядом с её королем.

Софи обвела взглядом кладбище и увидела одну и ту же картину, что на холмах, что в долине. Счастливые были похоронены вместе, под двойным надгробием — мальчик и

девочка, муж и жена, принц и принцесса, вместе в жизни и в смерти. Несчастливцы в одиночестве.

Долго и счастливо. Рай для двоих.

Никакого долго и счастливо. Рай для одиночки.

Софи замерла. Она знала ответ на загадку Школьного директора.

— Возможно нам нужно поискать Трупный хребет, — вздохнул Юба. — Давайте, ученички...

— Прикрой меня, — прошептала Софи Дот.

Дот резко обернулась.

— Куда это ты...стой! Мы же...

Но Софи уже бежала со всех ног через надгробия к выходу из Цветника.

— Команда, — с обидой в голосе закончила Дот.

Спустя короткое время, в Синем лесу, пять стимфов оторвались от поедания своих козлов, чтобы увидеть, как Софи размахивает перед ними яйцом.

— Ну что, попытаемся еще разок, а?

А в это время, Агата продолжала напряженно думать, уставившись в стену. Оружие, которое делает Добро неуязвимым против Зла. То, чего никогда не будет у злодейки, но без чего не обойтись принцессе. Задача, решение которой отправит их с Софи домой.

Если Софи выживет.

Агата чувствовала очередную волну бессильного страха. Она не могла просто сидеть здесь, пока Софи пытаются...

Снаружи раздался крик. Она повернулась и увидела Софи, которую зашвырнула через окно летящая стимфа.

— Любовь, — задыхаясь выпалила Софи.

— Ты жива! Твои *волосы*, — ахнула Агата.

— Любовь — то, чего никогда не будет у злодея, но герои не представляют своей жизни.

— Но, что они... как ты...

— Я права или нет?

Агата заметила, что Софи не собиралась обсуждать то, что было с ней в Пыточной.

— Почти. — Она ткнула пальцем в картины на стена с изображением героев с героинями, застывшие в объятьях и прижимающиеся губами друг к другу.

— Поцелуй истинной любви, — выдохнула Софи.

— Если тебя поцелует истинная любовь, то ты не можешь быть злодейкой, — сказала Агата.

— А если ты не найдешь любовь, то ты не можешь быть принцессой, — продолжила Софи.

— И мы отправимся домой. — Агата сглотнула. — Моя часть обеспечена. А вот с твоей-то не так просто.

— О, да я тебя умоляю. Я могу заставить любого из этих мальчишек-Несчастливцев влюбиться в меня. Дай мне всего каких-то пять минут, и пустой чулан, и...

— Софи, существует только одна, — сказала Агата, раздраженным голосом. — Для каждого Счастливица существует только одна истинная любовь.

Софи встретила с ней взглядом. А потом рухнула на постель.

— Тедрос.

Агата слабо кивнула. Их дорога домой вела к человеку, который мог все погубить.

— Тедрос... поцелует меня? — спросила Софи, уставившись в пространство.

— И он не может сделать это обманом, по принуждению или каким-нибудь трюком. Он должен этого хотеть.

— Но как? Он считает меня злодейкой! Он меня ненавидит! Агги, он сын короля. Он прекрасен, он само совершенство, а взгляни на меня... — Она схватилась за обстриженные волосы и рваную школьную форму. — Я... я...

— Все еще принцесса.

Софи взглянула на неё.

— И есть только один способ вернуть нас домой, — сказала Агата, вымучено улыбаясь. — Поэтому мы должны сделать так, чтобы этот поцелуй состоялся.

— Мы? — переспросила Софи.

— Мы, — резко сказала Агата.

Софи крепко её обняла.

— Мы отправимся домой, Агги.

Но в её объятьях Агата почувствовала что-то еще. Нечто такое, что Пыточная забрала с собой у её подруги больше, чем просто волосы. Агата подавила свои сомнения и крепче обняла Софи.

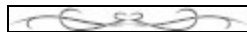
— Один поцелуй и все закончится, — прошептала она.

Когда они обнимались в одной башне, в другой Школьный директор наблюдал за тем, как Сказочник заканчивал великолепную картину, на которой две девочки обнимали друг друга. Перо добавило последние слова под картиной, написанные каллиграфическим почерком, и завершил главу.

— *Но за каждый поцелуй надо платить.*

Глава 15

Выбери себе гроб

Каждый раз, когда Тедрос испытывал давление, он тренировался. И если вдруг вы застали его в шесть часов утра в Палате красоты, обливающегося потом, тягающего гантели, метящего молоты и плавающего без остановки, это говорило о том, как много всего тяготит его разум. И это было понятно. Всю ночь ему под дверь подсовывались приглашения на Снежный бал.

Пока он взбирался по веревкам из белокурых волос, сплетенных в косы, то проклинал тот факт, что ему придется остаться и провести Рождество на Балу. Почему все Счастливицы помешались на этих танцуйках? Вся проблема Бала была в том, что парням предстояло выполнить всю работу. Девчонки могли флиртовать направо и налево, интриговать и требовать все, что им заблагорассудится, но в конце концов, именно парням предстоит сделать выбор и надеяться, что она скажет «да». Тедросу плевать было на её «да». Его больше беспокоило, что здесь не было ни одной девушки, которую он вообще хотел о чем-либо спрашивать.

Он не мог припомнить, когда ему по-настоящему нравилась девушка. И тем не менее, все время была та, которая всюду ходила за ним, утверждая, что она его девушка. Это случалось постоянно. Тедрос не раз клялся забыть про девушек вообще, но потом какая-нибудь привлекала его внимание, и он задавался целью доказать, что может заполучить её. Что ж он её получал и обнаруживалось, что она глупа как пробка и к тому же охотница до принцев, которая не спускала с него глаз ни на секунду. Проклятье Беатрикс. Нет. Для этого можно подобрать названьице получше:

Проклятье Гвиневер.

Тедросу было всего девять лет, когда его мать, Гвиневер, сбежала с рыцарем Ланцелотом, оставив его и отца. Он слышал шепотки: «Она нашла любовь». Но как тогда быть с тем, когда она говорила: «Я люблю тебя» — его отцу? Все это время, что она говорила это ему? А эта любовь была настоящей?

День за днем Тедрос наблюдал как его отец все больше погружался в пучину своего горя и пьянства. Смерть пришла к нему через год. Прежде, чем издать последний вздох, король Артур стиснул руки сына и произнес:

— Тедрос, народу нужна королева. Не совершай моих ошибок. Найди девушку *поистине Добрую*.

Тедрос взбирался все выше и выше по золотым косам, напрягая жилы, что есть сил.
Не совершай моих ошибок.

Его рука соскользнула, и он скалился с каната, рухнув на мягкий мат. Щеки горят, он сердито посмотрел на дразнящий водопад волос.

Все девушки были здесь ошибками. Гвеневеры, путающие любовь с поцелуями.

На подушку к Агате прыгнули солнечные зайчики, она шевельнулась, открыла глаза и увидела Софи, скрючившись, сидящую на старой кровати Рины.

— Почему ты все еще здесь! Если тебя схватят волки, то снова утащат в Пыточные! Кроме того, ты должна быть у себя в комнате и строчить анонимные стишки Тедро...

— А ты мне ничего не говорила о Бале.

Софи подняла сверкающую снежинку-приглашение, на котором жемчугом было выведено имя Агаты.

— О, да кому есть дело до этого дурацкого бала? — простионала Агата. — Мы уже будем далеко отсюда. Так, постарайся раскрыть в своей «поэме» его, как личность. Что весь из себя такой благородный, отважный, сме...

Софи уже принялась нюхать приглашение.

— Софи, послушай меня! Чем меньше времени будет оставаться до Бала, тем больше свиданий будет назначаться Тедросу! Больше свиданий, больше вероятность, что он влюбится в какую-нибудь другую! Чем сильнее он влюбится в какую-нибудь другую, тем больше вероятность, что он оставит нас здесь умирать! Усекла?

— Но я хочу с ним свидания.

— ТЫ НЕ ПРИГЛАШЕНА!

Софи брезгливо скривила губы.

— Софи, либо Тедрос поцелует тебя *сейчас*, либо мы никогда не вернемся домой!

— Слушай, вот, серьезно, неужели они проверяют приглашения на Бал?

Агата выдернула у неё из рук приглашение.

— Ну и дура же я, думала, что ты хочешь жить!

— Но я не могу пропустить Бал!

Агата подтолкнула её к двери.

— Воспользуйся Древесным туннелем...

— Мраморный пол, сверкающие платья, вальс под звездами...

— Если волки тебя схватят, соври, что просто заблудилась...

— Бал, Агги! Настоящий Бал!

Агата вытолкала её за дверь, но Софи сунула голову обратно в проем.

— Мне помогут соседки по комнате. Они *настоящие* подруги.

И она захлопнула дверь, прямо перед изумленным лицом Агаты.

А десять минут спустя, Эстер топнула ногой, чуть не убив крысу Анадиль.

— ПОМОЧЬ! ТЫ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ Я ПОМОГЛА ТЕБЕ НЕСЧАСТЛИВИ

ЗАПОЛУЧИТЬ ПОЦЕЛУЙ СЧАСТЛИВЦА! ДА Я ЛУЧШЕ МАХНУСЬ БАШКО
КОНЕМ...

— Софи, ни одна злодейка не находит своей истиной *любви*. Никогда, — сказала Анадиль, надеясь, что Софи внемлет голосу разума и это спасет её крыс. — Даже думать об этом — предавать свою душу...

— Так вы хотите, чтобы я отправилась домой, или нет? — огрызнулась Софи, которую листья выбросили из туннеля. — Тогда нужно приворожить Тедроса, чтобы он пригласил меня на Бал.

— БАЛ! — взвизгнула Эстер. — ДА КАК ТЫ ВООБЩЕ УЗНАЛА ПРО ЭТОТ БАЛ?

— Злодейка на *Балу*? — спросила Дот.

— Вальсирующая злодейка! — поправила Анадиль.

— Реверансирующая злодейка! — сказала Эстер, и все трое покатались со смеху.

— Я *иду* на этот Бал! — сердито сказала Софи!

— Разрешите представить: *Ведьма из-за леса!* — сквозь слезы хохотнула Эстер.

До обеда она больше не смеялась.

Сначала, Софи опоздала на занятие, после того как пыталась двадцать минут придумать, что бы ей сделать со своими стриженными волосами. Она отвергла береты, банты, гребни, прежде чем остановится на венке из ромашек.

— Ну хоть не так отвратительно, — вздохнула Софи, прежде чем зайти на урок Уродоведения, на котором она увидела, что волосы всех учеников поседели от зелья из крыльев летучих мышей. Над её головой неожиданно появилась «1».

— Отвратительно! — просиял профессор Мэнли, глаза на ее прическу. — Твоя великолепная красота. *Исчезла*.

Софи, рыдая, выходила из класса, когда услышала крик Эстер. В зале, Олбемарль, усердный очковый дятел выбивал имя Софи как раз под её на стене почета Зла.

— Один маленький приворот, Эстер, — сладким голосом напомнила Софи. — А тогда я исчезну навсегда.

Эстер затопала прочь, тем самым напомнив, что поцелуи между Несчастливцами и Счастливыми поощрять не стоит какими бы ни были экстраемальными обстоятельства.

В начале занятий по Проклятьям леди Лессо, появившаяся в ледяной комнате, сжимала свою челюсть крепче, чем обычно.

— В наши дни просто невозможно найти хорошего палача, — пробормотала она.

— О чем она говорит? — прошептала Софи Дот.

— Чудовище пропал! — прошептала в ответ Дот.

Софи нервно выглянула из-за её спины.

Проверяя класс на Немезидовы сны, леди Лессо закипала и делала язвительные замечания на каждый неправильный ответ.

— Но мне казалось, что Немезидов сон означает, что вы становитесь Главным злодеем, — сказала Эстер.

— Нет, дегенератка! Только, если у тебя есть симптомы! Немезидов сон ничто без симптомов! — рявкнула леди Лессо. — Дот, какой у тебя был привкус во рту во время твоего первого Немезидова сна?

— Того, что я ела перед сном?

— *Крови*, ты — идиотка! — леди Лессо впила ногтями в ледяную стену. — О, появится в этой школе наконец-то настоящий злодей, или нет. Настоящий злодей, который

смог бы заставить Добро зарыдать вместо этих навозных мух.

Когда же дошла очередь до Софи, то она ожидала худшего. Но получила лишь бородавку за неправильный ответ, и леди Лессо еще и потрепала её по стриженным волосам, проходя мимо.

— Почему это она с тобой такая *милая*? — прошипела ей Эстер.

Софи задавалась тем же вопросом, но в ответ улыбнулась и сказала:

— Потому что я будущий Староста класса. И им останусь до тех пор, пока буду здесь.

Эстер готова была свернуть Софи шею.

— Приворотное зелье — дрянь. Они *не работают*.

— Уверена, ты найдешь то, которое сработает, — ответила Софи.

— Предупреждаю тебя, Софи, все это *плохо* закончится.

— Гмм...как насчет горшков с петуниями во всех комнатах? — поинтересовалась задумчиво Софи. — Думаю, это будет мое первое предложение в качестве Старосты.

В тот вечер Эстер написала своим родственникам, чтобы те прислали рецепты приворотных зелий.

— Это заразно, — простонала Агата, наблюдая за тем, как девушки-Счастливицы столпились на Поляне показывая свои снежинки-приглашения, из которых ни одна не повторялась. Тедрос, находившийся неподалеку, кидался маленькими шариками, и не обращал на них никакого внимания. — Каждое испытание было связано с эстетикой Бала, этикетом на Балу, выходом на Балу, историей Бала...

Софи не слушала. С ведром баланды из свиных ног она с тоской смотрела на Счастливец.

— *Нет*, — ответила Агата.

— Но, что если он меня *попросит*?

— Софи, он должен тебя поцеловать! И немедленно! А не водить по разным дурацким балам!

— Ах, Агата, разве ты не знаешь из сказок, что, если он *возьмет* меня на Бал, то поцелует! Как Золушку в полночь! Поцелуи *всегда* случаются на Балу! И к тому времени у меня и волосы отрастут, и я почию свои башмачки — о нет, платье! Не могла бы ты стащить для меня немного шермеза у одной из девочек? И немного крепдешина. И тафты! *Горы* тафты! Желательно розового цвета, но я могу и перекрасить, хотя перекрашенная тафта никогда не смотрится как надо. Возможно, тогда стоит заменить её шифоном. Он куда послушнее.

Агата моргнула. У неё пропал дар речи.

— Ты права, сначала, я должна его спросить, — сказала она, вскочив. — Не хмурься, дорогая. Я буду приятна, как пирожок. Вот, увидишь! Принцесса Софи на *Балу*!

— Что ты...ТЫ ВСЕ ИСПОРТИШЬ....

Но Софи уже бросилась на сторону Счастливцев. Она шлепнулась рядом с Тедросом и протянула ему свою бадью.

— Привет, красавчик. Хочешь немного моей...ноги?

Тедрос промахнулся и попал Чаддику в глаз. Вся Поляна примолкла.

Он повернулся к ней.

— Вон, твоя подружка тебя зовет.

Софи проследила за его взглядом и увидела, как Агата ей машет.

— Она просто расстроена, — вздохнула Софи. — Ты был прав, Тедрос. Мы с ней слишком близки. Вот почему я вчера ушла посреди урока. Чтобы сказать ей, что пора мне заводить друзей среди Добра.

— Дот сказала — ты ушла, потому что тебя затошнило.

Софи закашлялась.

— Ой, да, я слегка замерзла...

— Она сказала у тебя случился понос.

— *Понос...* — Софи сглотнула. — Ну ты же знаешь Дот. Вечно она как что-нибудь ляпнет, не подумав.

— Да непохоже было, что бы она врала.

— Ой да ладно, она постоянно врет. Просто, чтобы привлечь внимание к себе. В связи с тем, что сама... ну ты знаешь...

Тедрос приподнял бровь.

— Что сама?

— Толстая.

— Понятно, — Тедрос, выстроил в линию шарики. — Забавно, не правда ли? Она лазила по пустым могилам, чтобы съесть достаточное количество червей для вас двоих, чтобы ты не получила неуд. Сказала, ты её лучшая подруга.

— Она так сказала? — Софи увидела, как Дот ей машет. — Удручающе. — Она повернулась к Тедросу, который приготовился пуляться. — Тедрос, помнишь, как мы впервые встретились? Это было в Синем лесу. Все, что произошло после — неважно, ни то, что ты ударил меня или обозвал Несчастливницей или уронил в навоз. Важно только то, что ты почувствовал, когда *впервые* увидел меня. Ты хотел *спасти меня*, Тедрос. И вот она я.

Она сложила свои руки на груди.

— Как только будешь готов, только скажи.

Тедрос поднял на неё глаза.

— Что?

— Попросишь меня пойти с тобой на Бал, — сказала Софи, улыбаясь.

Выражение лица принца не изменилось.

— Знаю-знаю, что еще рано, но девушка должна *подготовиться*, — поднажала Софи.

Встряла Беатрикс.

— Для Несчастливцев нет мест.

— Что? Места достаточно, — фыркнула Софи...

Рина толкнула её, а потом подключились еще шесть девочек и совсем вытолкнули из круга. Она повернулась к Тедросу в поисках защиты.

— Не могла бы ты уйти? — спросил он, не отрывая глаз от шариков. — Ты закрываешь мне обзор.

Агата ухмыльнулась, когда Софи медленно зашагала в её сторону.

— Приятная, значит, как пирожок, да?

Софи пролетела мимо неё.

— Посрамленный пирожок! — рявкнула Агата.

— Это все из-за волос! — всхлипывала Софи.

— Волосы тут ни при чем! — сказала Агата, когда они брели через ворота Синего леса. — Ты должна ему понравиться *как тогда*, в первый раз! В противном случае, мы никогда не попадем домой!

— Предполагалась, что это будет любовь с первого взгляда. В сказках так обычно бывает.

— Пора переходить к плану Б.

— С другой стороны, он не сказал *нет*, — с надеждой сказала Софи. — Может все прошло не так плохо.

К ним подросла Дот.

— Все говорят, что ты назвала Тедроса лжецом, кинула дерьмом в лицо и целовала ему ноги!

Софи повернулась к Агате:

— Что еще за план Б?

Они прибыли с остальными из их Лесной группы и обнаружили в бирюзовой траве восемь стеклянных гробов.

— Мы будем проводить это состязание каждую неделю, чтобы вы научились отличать Добро от Зла, поскольку, когда вас отправят в Бескрайний лес — это будет важнейший навык, — объявил Юба. — Сегодня мы проэкзаменуем Счастливец. Учитывая всю прелесть вчерашних погребений, я подумал, не прочувствовать ли это на своей шкуре.

С этими словами он заставил Счастливец и Несчастливец забраться в раскрытые гробы, со свистом рассек воздух своим посохом, и превратил все восемь девушек в одинаковых темно-волосых принцесс с большими бедрами, круглыми задями и пухлыми губами.

— Я *пожиринела*, — ахнула Софи.

— Слушай, это твой шанс, — сказала Агата, вспоминая слова принцессы Умы. — Если Тедрос твое самое большое желание, его к тебе потянет! Он поймет, что ты его истинная любовь!

— Но Беатрикс его тоже захочет!

— А ты хотя сильнее! Сосредоточься на любви к нему! Сосредоточься на том чтобы сделать его *своим*!

Юба захлопнул хрустальные крышки восьми гробов с девушками и перемешал их.

— А теперь внимательно изучайте девиц и ищите признаки Добра, — сказал он парням. — Как только решите, что нашли Счастливицу — целуйте ей руку и откроется её истинная природа!

Счастливицы насторожено шагнули к гробам...

— Мы тоже хотим сыграть.

Юба повернулся к Хорту и Несчастливым, которые прямо-таки изнывали от нетерпения.

— Ммм, полагаю, это даст повод вашим девушкам вести себя соответствующим образом, — сказал гном.

Пухлые принцессы внутри гробов напряглись, пока Добрые и Злые мальчишки бродили вокруг них. Хорт пробрался к синему кусту мяты, перешагнул через перекусывающего скунса, и сорвал несколько листочков. Он заметил, как на него пялится Раван.

— Чего? Люблю, чтобы от меня пахло свежестью, — сказала Хорт, жуя мяту.

— Поторапливайтесь и делайте свой выбор! — рявкнул Юба.

Лежа в своем гробу, Агата изо всех сил желала, чтобы Тедрос заглянул в самое сердце Софи и увидел, какая она была на самом деле...

Лежа в своем гробу, Софи закрыла глаза и подумала обо всем том, что она любила в

своём принце....

А Тедрос, тем временем, не хотел ни одну из девушек. Но только он подумал провалить состязание, как его взгляд упал на третий гроб. И что-то потянуло его к нему, даже не смотря на то, что девица в нем ничем не отличалась от остальных. Тепло, сияние, искры пульсирующей энергии между ними. Да, что-то там было. То, чего он не заметил раньше. Одна из этих девушек был большим, чем казалось....

— Время вышло! — сказал Юба.

Агата услышала душераздирающий крик и, повернувшись к Софи, которая превратилась в себя, увидела, как губы Хорта прижимаются к её губам.

Хорт отпустил её.

— Ой, рука. Блин. — Он сунул в рот еще один листочек мяты. — Может нам снова попробовать?

— Ты — *Обезьяна!* — Софи пнула его, и он рухнул в мятный куст, на подкрепляющегося скунса, который задрал хвост и прыснул вонючей жидкостью Хорту в глаза. Хорт, пошатываясь встал, и стал бродить, врезаясь в гробы: — Я ослеп! Я ослеп! — пока снова не врезался в Софи, упал в её гроб, крышка захлопнулась и заперла их вместе внутри. Софи в ужасе стала бить руками по стеклу, но крышка не сдвинулась с места.

— Правило № 5: Несчастливцы с любовью не шутят, — пояснил Юба. — Подходящее наказание. А теперь, давайте ребята, поглядим, кого вы выбрали.

Агата услышала, как открылся её гроб. Она повернулась и увидела Тедроса, который взял её за толстую руку и поднес к своим нежным губам. Ошеломленная Агата толкнула его в грудь. Тедрос отшатнулся и стукнулся головой о верх гроба, и рухнул на землю. Счастливы столпились вокруг него, все принцессы-близняшки повыскакивали из своих гробов, чтобы помочь, пока Юба наколдовывал лед, чтобы приложить к черепу принца. В этой суматохе, Агата выскользнула из своего гроба и залезла в следующий.

Тедрос пошатываясь поднялся на ноги, с твердым намерением не упустить свою принцессу.

Юба скривился.

— Может, тебе лучше посидеть....

— Я хочу закончить.

Юба вздохнул и кивнул клонам, которые забрались обратно в свои гробы и закрыли глаза.

Тедрос помнил, что это был третий гроб. Он приподнял драгоценную крышку и уверенно поцеловал руку девушки. Принцесса превратилась во властно улыбающуюся Беатрикс, — Тедрос бросил её руку, словно это был горячий камень. В другом же гробу, Агата с облегчением вздохнула.

Вдали завывали волки. Когда весь класс последовал за Юбой обратно в школу, Агата осталась с Софи.

— Пойдем, Агата, — окликнул её Юба. — Это урок для Софи.

Она обернулась и посмотрела на Софи, запертую с Хортом, которая зажимала свой нос и билась о стекло. Может быть гном был прав. Завтра её подруга будет готова слушать.

— Она это переживет, — пробормотала себе под нос Агата, следуя за остальными. — Это всего лишь Хорт.

Но проблема была не в Хорте.

Проблема была в том, что Софи видела, как Агата поменяла гробы.

Глава 16

Купидон озорничает

Закрываясь от утреннего ненастья, Агата подошла к Эстер в очередь к Несчастливцам.

— Где Софи?

— Она еще не выходила из комнаты. Пропустила все занятия, — сказала Эстер, когда волк незаметно подбросил мясо в её баланду. — По-видимому, прибытие в одном гробу с Хортом, лишило её воли к жизни.

Когда Агата добралась до Срединного моста, её вновь ждало её же отражение, еще мрачнее и изможденнее, чем в прошлый раз.

— Мне необходимо увидеться с Софи, — сказала Агата, избегая смотреть себе в глаза.

— Вот, уже второй раз он обратил на тебя внимание.

— Чего? Кто это второй раз обратил на меня внимания?

— Тедрос.

— Короче, Софи меня не слушает.

— Может все-таки не Софи истинная любовь Тедроса.

— Она должна ею быть, — сказала Агата, вдруг разволновавшись. — Это не может быть никто другой. Иначе, как мы вернемся домой! Кто еще это может быть? Беатрикс? Рина? Милли...

— Ты.

Агата подняла глаза. Её отражение устрасяюще улыбнулось.

Агата, смахнула слезы, предательски навернувшиеся в уголках глаз.

— Это самая идиотское предположение, что мне доводилось слышать. Во-первых, любовь — это выдумка для сказки, чтобы занять девчонок. Во-вторых, я ненавижу Тедроса. В-третьих, он считает меня злобной ведьмой, что, учитывая мое поведение, скорее всего правда. А теперь дай мне пройти.

Её отражение перестало улыбаться.

— Считаешь нас ведьмами?

Агата сердито посмотрела на свое отражение.

— Мы заставим нашу подругу завоевать свою истинную любовь, только для того, чтобы отобрать его у неё.

Её отражение мгновенно превратилось в уродливое.

— *Абсолютное зло*, — сказала оно и исчезло.

Дверь в комнату 66 была незаперта. Агата обнаружила Софи, свернувшись калачиком, под ее подпаленными оборванными покрывалами.

— Я все *видела!* — прошипела Софи. — Я видела, как он выбрал тебя. Я переживаю из-за какой-то там Беатрикс, когда именно *ты* та самая вероломная разлучница!

— Слушай, я знать не знаю, почему Тедрос продолжает выбирать меня, — сказала Агата, выжимая дождь из своих волос.

Софи пробуравила Агату взглядом.

— Какая же ты дура, я хотела, чтобы он выбрал тебя! — выкрикнула Агата. — Я хочу, чтобы мы смогли попасть домой!

Софи довольно долго изучала её лицо, а потом вздохнув, повернулась к окну.

— Ты не знаешь, *каково* это. Я до сих пор слышу его вонь повсюду. Он у меня в *носу*, Агата. Они выделили ему отдельную комнату, пока этот запах не исчезнет. Но откуда нам знать, где заканчивается вонь скунса и начинается уже его собственная, Хорта?

Софи обернулась, вся дрожа.

— Я все сделала, как ты сказала, Агги. Я сосредоточилась на всех тех чертах, которые я люблю в Тедросе — его коже, глазах, скулах...

— Софи, это всего лишь его *внешность!* У тебя не установится связи с Тедросом, если ты будешь воспринимать его всего лишь, как красивую картинку. Чем тогда ты отличаешься от других девчонок?

Софи нахмурилась.

— Я не хочу думать о его короне или состоянии. Это поверхностно.

— Думай о том, какой он! Как личность! Что он себя представляет! Какой он в глубине души!

— *Прошу прощения*, но уж я-то знаю, как заставить юношу влюбиться в меня, — раздраженно сказала Софи и стала выставлять Агату за дверь. — Просто перестань *лезть* и дай мне самой взяться за дело.

Видимо, взяться за дело по версии Софи — это унижаться настолько сильно, насколько это возможно.

Во время обеда на следующий день она пристроилась за Тедросом в очередь Счастливец, только для того, чтобы там её обсмеяли мальчики, громко чавкая синими листьями мяты. Потом она попыталась застать принца в одиночестве на Сказочном выживании, но к нему банным листом пристала Беатрикс, при любом удобном и не очень случае, напоминая, что именно её гроб он выбрал.

— Тедрос, могу я поговорить с тобой? — наконец выпалила Софи.

— С чего бы это ему говорить с *тобой?* — спросила Беатрикс.

— Потому что мы *друзья*, ты — жужжащая кровопийца!

— Друзья! — вспыхнул Тедрос. — Видел я, как ты относишься к своим друзьям. Используешь их. Предаешь. Называешь жирными. Лгунами. Спасибо, за столь ценное предложение, но я пас.

— Нападение, предательство, ложь. Похоже кто-то из наших Несчастливец пользуется

правилами! — просиял Юба.

Софи настолько раздосадовало это заявление гнома, что она даже съела кусочек шоколадки Дот.

— Как-нибудь да мы сумеем раздобыть для тебя приворотное зелье, — сказала Дот.

— Спасибо, Дот, — всхлипнула Софи с набитым ртом. — Это было бы *замечательно*.

— Крысиный помет. Лучшего ингредиента для помадки не найти.

Софи ахнула.

— И кого это ты жирной назвала? — спросила Дот.

Становилось все хуже. После недельного состязания по Натаскиванию подручных и Общения с животными, ученикам обеих школ случайным образом были назначены создания-подельники, которые повсюду следовали за ними. Сначала в обеих школах случилась полнейшая неразбериха. Тролли выбрасывали Несчастливцев из окон, разбежавшиеся сатиры разворовали обеденные корзинки, дракончики пожгли парты, а звери исцарапали когтями залы Добра и оставили после себя горы фекалий.

— Это традиция. Попытка объединить школы, — сказала профессор Дови с бельевой прищепкой на носу своим Счастливым. — Однако плохо организованная и в целом ошибочная.

Кастор ворчал на Несчастливцев, метавшихся по Часовне под осадой своих приспешников.

— КАК ТОЛЬКО ВЫНЕТЕ ГОЛОВЫ ИЗ ВАШИХ ЗАДНИЦ — СРАЗУ ЖЕ ПОЙМЕ КТО ЗДЕСЬ ХОЗЯИН!

И действительно, спустя три дня, Эстер приучила своего огра-малыша к горшку и плевать в Счастливым бумажными шариками за обедом, у Тедроса был свой волкодав, который всюду таскался за ним, питон Анадиль сдружился с её крысами, а пушистый белый кролик Беатрикс внушал такую любовь, что она назвала его Тедди. (Тедрос пинал его каждый раз, как видел.) Даже Агате удалось справиться со своим отважным страусом, и научить его воровать конфеты так, чтобы учителя ничего не заметили.

Софи, однако, достался полный купидон по имени Гримм, с густыми темными волосами, курносый носом, розовыми крыльями и глазами, которые меняли цвет в зависимости от его капризов. Что его зовут Гримм, она узнала в первый же день, потому что в первый же день он исписал своим именем всю комнату бб любимой помадой Софи. На второй день он впервые увидел Агату за обедом и его глаза сменили цвет с зеленого на красный. На третий день, пока Юба учил «Пользоваться колодцами», он начал стрелять стрелами в Агату, которая очень вовремя смылась в Синий лес.

— ОТЗОВИ СВОЕГО ГАДЕНЬША! — выкрикнул Тедрос, когда он нырнул в колоде со своим тренировочным мечом, уклоняясь от стрел Гримма.

— Гримм! *Она же моя подруга!* — закричала Софи.

Гримм виновато убрал стрелы.

На четвертый день, он просидел на всех занятиях Софи. При этом все время скалил ей зубы и царапал стены.

Леди Лессо с любопытством оглядела его.

— Знаешь, при взгляде на него можно было бы подумать... — Она взглянула на Софи, а потом отмахнулась от этой мысли. — Не бери в голову. Просто дай ему немного молока, и он станет поговорчивее.

На пятый день молоко помогло, но на шестой Гримм опять стрелял в Агату. Софи

испробовала все, чтобы успокоить его: она пела ему колыбельные, давала ему вкуснейшую помадку Дот, даже позволила ему занять её кровать, в то время как сама спала на полу, но на этот раз ничего не могло его остановить.

— Что мне делать? — плача спросила Софи леди Лессо, после урока.

— Некоторые подручные превращаются в прохиндеев, — вздохнула леди Лессо. — Возможный риск в злодействе. Но обычно это происходит из-за...

— Из-за чего?

— О, уверена, он успокоится. Они всегда успокаиваются.

Но на седьмой день Гримм принялся *летать* за Агатой во время обеда. Ученикам и волкам пришлось уворачиваться от него до тех пор, пока его не утихомирил демон Эстер. Агата не понимающе смотрела на Софи из-за дерева.

— Может ты ему кого-то напоминаешь? — всхлипнула Софи.

Но даже демон не мог надолго утихомирить Гримма. Наследующий день у его стрел наконечники были в огне. После того, как одна из стрел обожгла ей ухо, Агата решила, что с неё довольно. Вспомнив один из последних уроков Юбы, она заманила совсем распоясавшегося купидона во время обеда в Синий лес и спряталась в каменном колодце. Когда Гримм нырнул в темноту, чтобы найти её, она ударила его своим башмаком и выпнула в холод.

— Я думала, он убил тебя, — расплакалась Софи, после того, как они замуровали колодец валуном.

— Я могу за себя постоять, — сказала Агата. — Слушай, Бал состоится менее, чем через два месяца, а дела с Тедросом идут все хуже. Мы должны попробовать но...

— Он *мой* принц, — жестко сказала Софи. — И я сама с ним разберусь.

Агата не стала спорить. Когда Софи будет готова — она выслушает.

Пока обе школы носились с Кастором и Умой, чтобы вернуть своих приспешников обратно в Синий лес, Софи тайком пробралась в библиотеку Порока.

Ей потребовалась вся сила воли, чтобы не выскочить в туже секунду, как она туда вошла. Библиотека Порока ничем не отличалась от обыкновенной библиотеки, разве что выглядела, как после потопа, пожара и пронесшегося торнадо. Её ржавые железные книжные полки были искажены под странными углами, а на полу тысячами валялись книги. Стены были мохнатыми от зеленой плесени, а коричневый ковер был влажным и липким, и пахло в помещении чем-то похожим на дым и сбежавшее молоко.

За столом в углу, пыхтя сигарой, стоял студенистый жаб. Он штамповал книги одну за другой и сбрасывал их на пол.

— Предмет интересов, — отрыгнул он.

— Привороты, — сказала Софи, стараясь не дышать.

Жаб кивнул на влажную полку в углу, на которой осталось всего три книги:

«*Шипы, а не розы: Почему любовь — проклятье*», автор Барон Дракул;

«*Совсем не руководство по угасанию истинной любви*», автор Доктор Уолтер Бартоли;

«*Любовные привороты и зелья для чайников*», автор Глинда Гуч.

Софи тут же бросилась листать заклинания третьей, пока не нашла «Заклинание 53: Приворот истиной любви».

Она вырвала страницу и убежала, пока не грохнулась в обморок от этого смрада.

Дот, Эстер и Анадиль во время обеда все вместе сгрудились над листком.

— Как только юноша оказывается под действием этого заклинания, то немедленно

влюбляется в вас и делает все, о чем бы вы его ни попросили, — прочла Анадиль. — Особенно хорошо работает при выбивании предложения руки и сердца и приглашения на балы.

— Все что нужно, это приготовить зелье согласно рецепту, влить его в пулю и выстрелить ею прямо в сердце искомой истиной любви! — взволнованно прочла Софи.

— Ничего не выйдет, — сердито сказала Эстер.

— Да ты просто бесишься, потому что я его нашла.

Эстер сгребла кучу писем из сумки и показала остальным.

— «Дорогая Эстер, не знаю ни одного приворотного заклинания, которое бы сработало»... «Дорогая Эстер, приворотные зелья весьма сомнительны»... «Дорогая Эстер привороты — опасны. Сделаешь что-то не так и последствия могут быть необратимы»...

— Да здесь же заклинание для чайников! — возразила Дот.

— Кто сказал? Глинда ГУЧ?

— А я считаю — стоит попробовать, если это будет означать, что впредь мы не будем говорить ни о Балах, ни о поцелуях, — сказала Анадиль, изучая своими красными глазами рецепт. — Сердце летучей мыши, магнит, кошачья кость... Вполне себе обычный набор ингредиентов. О. Нам понадобится капля «аромата» Тедроса.

— И как же нам его достать? — спросила Дот. — Если Несчастливцы приближаются к Счастливым, то волки тут как тут. Нам нужен для этот Счастливец.

В кучу розового плюхнулась Агата.

— Что я пропустила?

Софи произнесла всего пять слов.

— Нет! Никаких приворотов! Никаких заклинаний! Без фокусов! — рассердилась Агата. — Это должна быть истинная любовь!

— Да, ты только погляди! — Софи протянула ей листок, на котором были нарисованы принц с принцессой, целующиеся на Балю, и подпись: **ЕДИНСТВЕННЫЙ ПОДЛИННЫЙ ЗАМЕНИТЕЛЬ ИСТИНОЙ ЛЮБВИ!**

Агата смяла страницу и выбросила её в ведро Софи.

— Больше и слова об этом слышать не хочу.

Оставшееся время обеда она отламывала кусочки от своего сыра.

Спустя два дня, Эстер почувствовала толчок посреди ночи. Она повернулась и увидела Софи, стоящую над её кроватью и приплюсывающуюся к синему галстуку с золотой Т.

— Пахнет раем. Уверена, нам этого хватит.

С мгновение Эстер не понимающе пялилась на Софи, но потом её щеки надулись, что казалось, их вот-вот разорвет.

— Что скажешь, если мы организуем хор — Злодейский хор? — поинтересовалась Софи. — Думаю, это будет мое второе предложение на посту Старосты.

Эстер не спала всю ночь — смешивала ингредиенты. Воспользовавшись материной старой глиняной посудой, она смешала их в пенистое розовое зелье, перегнала любовное зелье в мерцающее вещество и вылила его в пулю в форме сердца над огнем.

— Надеюсь, что он не умрет, — проворчала Эстер, протягивая пулю Софи.

Софи практиковалась в прицеливании два дня, пока не поняла, что готова. Она дождалась урока по Сказочному выживанию, когда Юба отвел их группу в лес для изучения «Лесной флоры». Когда Тедрос потянулся за веткой синего граба, она поняла, что это её шанс и зарядила пулю в рогатку...

— Ты *мой*, — прошептала Софи.

Розовая пуля вылетела и угодила прямо в серебряного лебедя, находящегося как раз над сердцем Тедроса, но стала темно-красной, отрикошетила, как резиновый мячик и в Софи, которая душераздирающе закричала. Все в шоке обернулись.

На черной школьной Софи алела здоровенная буква *H*^[4].

— За неспособность соблюдать правила. — Сердитый Юба выглянул из-за дерева. — Никаких заклинаний, пока *не будет* Инициации.

Беатрикс подняла с земли разбитую пулю в виде сердца.

— Приворотное зелье? Ты пыталась приворожить *Тедроса*?

Весь класс разразился воплями. Софи повернулась к Тедросу, который выглядел больше, чем разгневанным. У Агаты было то же выражение лица. Софи закрыла лицо руками и, рыдая, убежала в лес.

— Каждый год, какой-нибудь увалень да делает что-то такое. Но даже самый распоследний плут знает, что нет никаких кратчайших дорог для любви, — сказал Юба. — Обещаю, со следующей недели мы начнем изучение заклинаний. Но сейчас, все внимание папоротникам! Откуда нам знать папоротник это или нет, может это Несчастливец замаскированный...

Агата не пошла за остальными на Папоротниковое поле. Сгорбившись возле дуба, она смотрела на осколки сердца, словно на разбившуюся вдребезги мечту о доме.

Когда Эстер вернулась после ужина, она обнаружила Софи лежащей в своей постели в луже слез.

Софи подняла взгляд на *Неуд* на своей форме, которая стала даже еще ярче.

— Она не оттирается. Я уже все испробовала.

Эстер бросила свою школьную сумку на пол.

— Мы собираемся потренировать наши таланты в Общей. Не стесняйся, присоединяйся. — Она открыла дверь и помедлила. — Я тебя *предупреждала*.

Софи подскочила и захлопнула дверь.

Всю ночь она не могла сомкнуть глаз, боясь представить себе, как появится с *Неудом* на обеде на следующий день. Наконец ей удалось задремать, а когда она проснулась от солнечного света, то увидела, что все её соседки ушли на завтрак.

Агата сидела на краю её постели и снимала со своего розового платья опавшие листья.

— На этот раз волк меня видел. Но я смогла уйти от него в тоннеле. — Она взглянула на позолоченное зеркало на стене. — Здесь оно смотрится лучше.

— Спасибо, что принесла его, — просипела Софи.

— Моей комнате лучше без него.

Повисла напряженная тишина.

— Агата, прости.

— Софи, я на твоей стороне. Мы должны действовать сообща, если хотим вернуться домой.

— Приворотное зелье было нашей единственной надеждой, — тихо сказала Софи.

— Софи, мы не можем сдаваться! Мы должны попасть домой!

Софи устала в зеркало, на глаза навернулись слезы.

— Что со мной *стало*, Агата?

— Ты хочешь попасть на Бал, при этом не завоевав своего принца. Ты хочешь получить свой поцелуй, не приложив усилий. Слушай, я всю неделю мою тарелки после ужина, и за

это время успела кое-что прочесть. — Агата вытащила книгу из своего платья — *Завоюй своего принца*, автор Эмма Анемон — и начала перелистывать зачитанные до дыр страницы.

— Согласно этой книжке, основная задача состоит в завоевывании истинной любви. В любой сказке может показаться, что любовь случается с первого взгляда, но на самом деле за этим всегда стоит определенный уровень подготовки.

— Но я уже...

— Заткнись и слушай. Все сводится к трем вещам. Девушка должна сделать всего три вещи, чтобы завоевать своего сказочного принца. Во-первых, ты должна «выставлять на показ свои сильные стороны». Во-вторых, за тебя «должны говорить твои поступки, а не слова». И в-третьих, тебе необходимо «найти ему конкурентов». Если ты выполнишь все три пункта и хорошо с ними справишься, то мы...

Софи подняла руку.

— Что?

— Я не могу ничего выставлять в этом картофельном мешке, не могу действовать с той чертовкой в моем лице, и нет никаких конкурентов, кроме мальчишки, который выглядит и воняет как крыса! Агата, взгляни на меня! У меня неуд на груди, мои волосы похожи на мальчишескую стрижку, у меня мешки под глазами, сухие губы, и вчера я обнаружила на своем носу прыщ!

— И как ты думаешь это изменить? — огрызнулась Агата.

Софи склонила голову. Безобразная буква тенью легла на её руки.

— Агги, скажи мне, что делать. Я слушаю.

— Покажи ему, какая ты, — сказала Агата, уже мягче.

Она заглянула в глаза своей подруги.

— Покажи ему истинную Софи.

Софи увидела веру в ослепительной улыбке Агаты. Потом, повернувшись к зеркалу, она сумела и сама лукаво улыбнуться... улыбкой, которая напоминала мрачного маленького купидона, запертого во тьме и ожидавшего своего скорейшего освобождения.

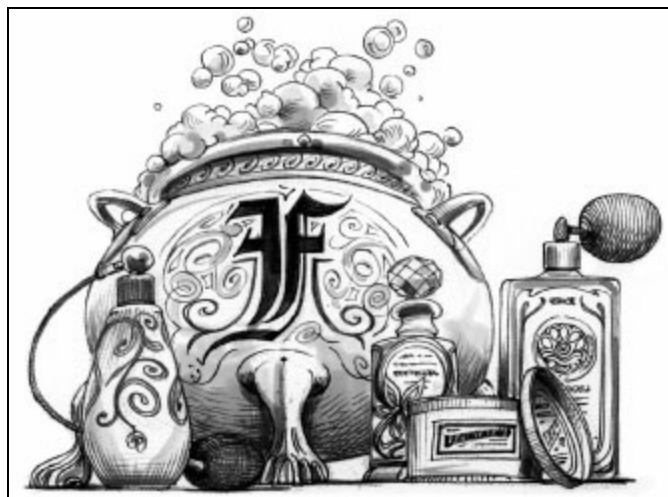
Глава 17

Новая одежда императрицы

Новость о провальной попытке Софи приворожить Тедроса прокатилась по обеим школам и к полудню все ждали, затаив дыхание её появления с алым неудом на форме. Но, когда Софи пропустила свои утренние занятия, стала ясно, что ей слишком стыдно, чтобы показываться на глаза.

— Слышали бы вы, как её Тедрос *называет*, — сказала Беатрикс Счастливицам за обедом.

Сидя в куче осенних листьев, Агата развернулась в сторону Тедроса и Счастливых. Она наблюдала за тем, как они играли в регби. Серебряные лебеди на синих свитерах так и мелькали. На другой стороне Поляны Несчастливы избегали групповой активности и по большей части сидели сами по себе. Эстер оторвалась от чтения *«Заклинания, приносящие страдания»* и встретившись с взглядом с Агатой, пожала плечами, как бы говоря, что местонахождение Софи её не особо волновало.

— Послушай, Тедросик, это не её вина, — громко молола языком Беатрикс. — Бедняжка думает, что она одна из *нас*. Мы должны пожалеть того, кто...

И тут глаза Беатрикс вылезли из орбит, и Агата увидела почему.

На поляну продефелировала Софи. Её унылый черный мешок был перекошен в платье с лифом без бретелек, Неуд сиял на груди ярко-алым. Она подстригла свои светлые волосы еще короче и уложила в боб на прямой пробор. Лицо было выбелено, веки — розовыми, а губы — красными, а её хрустальные башмачки были починены, но каблук их стал еще выше, и в сочетании с коротким платьем открывали красивые кремовые ноги. Когда она вышла из тени на солнце, то кожа её засияла от блесков на ней, омывая её неземным свечением. Софи прошла мимо Эстер, которая выронила книгу, мимо Счастливых, прекративших играть, и поплыла прямо к Хорту.

— Будем обедать, — сказала она, словно беря его в заложники.

На другом конце поля меч Тедроса выпал из ножен.

Он увидел, как глазеет на него Беатрикс и вложил меч в ножны.

В течение всего Сказочного выживания, Софи не обращала никакого внимания на лекцию Юбы о *«Вытаптывания полезных троп»*, а провела все занятие в заигрываниях с

Хортом и заполнением своего ведра Несчастливцы корешками, да травами Синего леса.

— Ты что творишь?! — прошипела Агата.

— Агги, дорогая, ты можешь в это поверить? У них есть свекла, кора ивы, лимон и все, что мне нужно, чтобы сделать свои настойки и мази! Скоро я опять стану прежней!

— Это не та Софи, которую я имела в виду.

— *Не поняла*, я просто следую твоим пунктам. *Показываю* свои сильные стороны, коих у меня в достатке, как ты видишь. А говоря о делах — разве я хоть *словом* обмолвилась с Тедросом? Нет. Не обмолвилась. И не забудем про конкуренцию. Ты хоть представляешь, как я пережила обед с Хортом? Чего мне стоило прижиматься к нему каждый раз, когда я видела, как смотрит Тедрос? *Эвкалипт*, Агата. Я *забила* свой нос эвкалиптом. Но как ни крути, ты была права.

— Слушай, твое непонима... я права?

— Ты напомнила мне о главном, — Софи кивнула в сторону Тедроса и Счастливец, глазевших на неё из-за деревьев. — Не важно Несчастливце ты, Счастливце. В конце концов, победит лучший. — Она сжала губы, провела одной по другой, подправляя помаду. — Вот увидишь, еще до конца недели он пригласит меня на Бал, и ты получишь свой драгоценный поцелуй. Все, больше никакого негатива, дорогая, у меня мигрени от этого. Ну куда подевался этот никчемный Хорт? Сказала же ему, будь рядом все время! — Она убежала, оставив Агату с разинутым ртом.

Весь ужин в школе Зла Несчастливцы прибывали в дурном расположении духа, зная, что впереди их ждет ночь учебы. С началом занятий по заклинаниям, учебные тесты больше основывались не на таланте, а на утомительной зубрежке. К следующему дню они все должны были выучить восемьдесят сценариев убийств для первого испытания леди Лессо, Громадное количество приказов для Приспешников, а для экзамена Сэдера по географии карту Цветника.

— А как он их будет проверять? — проворчала Эстер. — Он ведь ничего не видит!

С наступлением комендантского часа Эстер, Дот и Анадиль вышли из общей комнаты, заваленной книгами и побрели обратно в свою комнату, обнаружив, что их спальня превратилась в лабораторию. Над горелками булькали дюжины разноцветных зелий, полки были завалены флакончиками с кремами, мылами, а на их кроватях валялись вперемешку сухие листья, травы и цветы... а в центре всего этого восседала Софи, зарывшаяся в стразы, ленты и ткань, проверяющая новые смеси на своей коже.

— Батюшки, да она ж *ведьма*, — воскликнула Анадиль.

Софи держала *«Книга рецептов, как хорошо выглядит»*.

— Я свистнула её у Счастливицы за обедом.

— Разве тебе не нужно готовиться к состязаниям? — поинтересовалась Дот.

— Красота — требует непрерывной работы над ней, — вздохнула Софи, натирая себя ярко-зеленым бальзамом.

— А мы еще удивляемся, почему Счастливицы такие копуши, — сказала Эстер.

— Дорогуши, Софи вернулась. И это только начало, — мечтательно сказала Софи. — Теперь *любовь* — мое главное состязание.

И правда, несмотря на то, что на следующий день Софи провалила три состязания, она по-прежнему оставалась на первом месте по привлечению Внимания к себе, появившись на обеде в своей школьной форме, превращенной в невероятное черное платье-тогу, с поясом из синих орхидей. Каблуки стали на дюйм выше, лицо теперь отливало бронзой, тени на веках

дерзкого фиолетово-голубого цвета, губы аппетитно-алого, а «Н» на платье было дополнено блестками, которые превратили неуд в... *Неподражаемая*.

— Подобное *не должно* позволяться, — скулила Беатрикс, видя, как мальчишки пускали слюни.

Но она была одета в свою школьную форму, Софи и учителям это доказывала, в то время, как обычно свирепые волки смотрели на неё с таким же благоговением, как и мальчишки. Дот готова была поклясться, что один даже подмигнул Софи, когда наливал ей обеденную баланду.

— Она своими выходками делает из злодеев посмешище! — возмущалась Эстер, буравя черными глазами Софи, находящуюся на дальней стороне Поляны. — Им следует навсегда запереть её в пыточной.

— Чудовище так и не объявился, — зевнула Анадиль. — Что бы его там ни напугало — должно быть, это нечто ужасное.

На следующий день Софи опять же завалила свои испытания, но ей каким-то чудом удалось избежать вылета из школы. Хотя она определенно была самой худшей, каждый раз вместо «20» над ней загоралась «19». (— Просто я слишком хороша, чтобы получать неуд, — самодовольно выговаривала она недоуменным одноклассникам.)

Во время походов в Лес, Софи игнорировала лекцию Юбы на тему «Выживание в условиях пугания пугалом», деловито что-то строча в своей тетради, пока Агата сурово сверлила глазами её черное кукольное платье, розовый леденец и выведенные паялками «Н... на радость всем».

— Придумай что-нибудь еще на букву Н, — прошептала Софи.

— Я пытаюсь слушать и тебе советую, потому как мы с тобой застряли здесь навечно.

— Н — Навечно, гмм слегка неожиданно. А что ты думаешь по поводу Несравненная? Или Наипрекраснейшая?

— Или «Ничтожная»? Да, он с тобой даже не разговаривает!

— Н — *Надежда*, — сказала Софи, — которую, я думала ты испытываешь по отношению ко мне.

Все оставшиеся время занятий Агата ворчала себе под нос.

Но Софи почти заставила её поверить, когда появилась на следующий день в черном топе на бретелях, обнажающим живот, в соблазнительной мини-юбке, туфлях на каблуках, умопомрачительного розового цвета. Счастливы так и протаращились на неё весь обед, пуская слюни на отбивную. И все же, хотя Софи и замечала, как Тедрос украдкой бросал взгляды на её ноги, когда она проходила мимо он стискивал зубы, а если оказывалась слишком близко, то его прошибал пот... принц по-прежнему с ней не разговаривал.

— Этого не достаточно, — сказала Агата, заговорив с ней после занятия Юбы. — Ты должна показать ВСЕ свои достоинства.

Софи оглядела себя:

— Мне кажется, что я и так демонстрирую все свои достоинства.

— Я про те, что внутри тебя, идиотина! Нечто *глубинное*! Вроде сострадания, милосердия или доброты!

Софи непонимающе заморгала:

— Порой, ты просто замечательная, Агги. Он должен увидеть, что я истинное Добро.

— Она схватила суть. — Агата выдохнула. — А теперь поторапливайся, если он пригласит кого-нибудь другого на Бал, мы никогда не попадем домой.

Агата предложила, чтобы Софи написала Тедросу любовную записку, наполненную умными рифмами или оставила для него анонимные подарочки, которые продемонстрировали всю её глубину и незаурядность. И то, и другое является надежной стратегией по *Завоеванию Своего Принца*. Софи выслушала, покивала, так что, когда Агата на следующий день пришла на обед, то была готова прочесть черновой вариант любовной поэзии или оценить подарок, сделанный своими руками, но никак не группу из двадцати Несчастливцев, топчущихся на углу Поляны.

— Что там происходит? — спросила Агата у Эстер и Анадиль, которые занимались учебой в тени деревьев.

— Она сказала, что это твоя идея, — усмехнулась Эстер и снова уставилась в книгу.

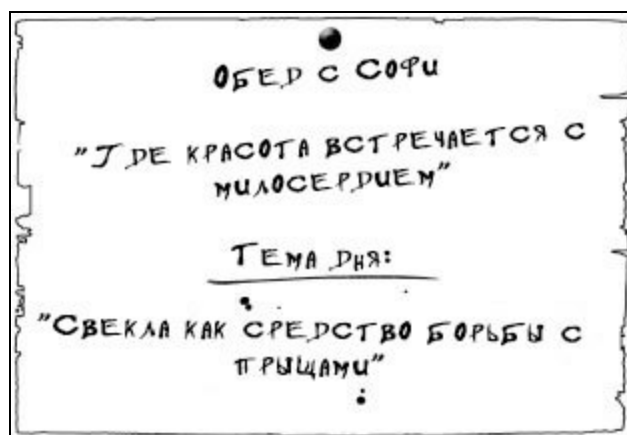
— Плохая идея, — сказала Анадиль. — Настолько плохая, что мы не хотим с тобой разговаривать.

Ничего не понимающая Агата повернулась к собравшимся. Из центра собрания раздавался знакомый голос...

— *Замечательно*, мои хорошие! Но только *крема* чуть меньше!

У Агаты сдавило грудь. Она стала пробираться сквозь толпу Несчастливцев, пока не оказалась в центре и чуть ли не умерла от шока.

Софи сидела на пне, а над ней, на ветке дерева висела деревянная табличка, на которой было написано:

И все Несчастливцы, окружавшие её мазали себе на прыщи и бородавки свекольный крем.

— Итак, девушки, запомните — только потому что вы уродливы не означает, что вы не можете иметь приличный вид, — проповедовала Софи.

— Я завтра приведу сюда и своих соседок, — прошептала Арахне зеленокожей Моне.

У Агаты так и отвисла челюсть от удивления. А потом она увидела кое-кого, делающего ноги с поляны.

— Дот?

Дот, измазанная красным кремом, покорно повернулась.

— О! Приветик! Я просто... это, ну ты знаешь, ну, подумала, как оно, решила проверить... ну, знаешь, что если, на случай... — Она уставилась себе не ноги. — Не рассказывай Эстер.

Агата никак не могла понять, *каким образом* эти уроки «по красоте» помогут Софи завоевать любовь Тедроса. Но когда Агата попыталась припереть Софи к стене, чтобы порасспросить об этом, то была оттеснена тремя Несчастливцами, которые желали узнать какую свеклу лучше выбрать. А потом и на Сказочном выживании ей не предоставилось

подобной возможности, потому что Юба разделил Лесную группу на две: Счастливец и Несчастливцев.

— Вы должны привыкнуть смотреть друг на друга, как на врагов! Первое Сказочное испытание всего через три недели! Для нынешнего испытания вам понадобятся базовые заклинания. Разумеется, колдовать можно по-разному. Одни заклинания требуют визуализации, другие магических формул, третьи взмаха руки, для четвертых достаточно топнуть ногой, пятым не обойтись без волшебных палочек, шестым нумеричных кодов, или даже напарников! Но для *всех* заклинаний есть единое правило.

Он достал из кармана маленький серебряный ключик, чем-то напоминающий по форме лебедя.

— Счастливы, ваши правые руки, пожалуйста.

Счастливы непонимающе переглянулись и протянули свои правые руки.

— Гмм... ты первая.

Агата нахмурилась, когда он схватил её за руку, а затем за средний палец.

— Подождите... что вы собираетесь...

Юба волшебством погрузил свой лебединый ключ под кожу Агаты — кожа её стала прозрачной, а лебедь прошел сквозь ткань, вены и кровь и присоединился к кости. Гном повернул ключ, и кость сделала полный поворот. Кончик ее пальца еще мгновение сиял ярко-оранжевым светом, но померк, как только Юба вытащил ключ. Сбитая с толку Агата пристально рассматривала свой палец, в то время как Юба инициировал остальных Счастливых, а потом и Несчастливых, в том числе, и Софи, которая едва подняла глаза от писанины в своем блокноте.

— *Волшебство следует за чувством.* Это единственное правило, — сказал гном, когда закончил. — Когда ваш палец светится, это означает, что в вас достаточно эмоций — достаточно, чтобы осуществить заклинание. Но колдовать вы можете только тогда, когда по-настоящему этого хотите!

Ученики уставились на свои пальцы, стараясь почувствовать и уговорить себя изо всех сил, и вскоре пальцы у всех засветились, уникальным сиянием.

— Но как и волшебная палочка, светящиеся пальцы только для учебы! — предупредил Юба. — В Лесу, вы будете выглядеть дебилами, если станете светиться при каждом заклинании. Мы снова заблокируем их, когда вы продемонстрируете достаточно хорошие навыки. — Он скривился смотря на Хорта, который без успешно тыкал пальцем в камни, пытаясь что-нибудь с ними сделать. — *Надеюсь.*

Гном повернулся к группе.

— В этом году вы познакомитесь с тремя типами заклинаний: Власть над водой, Манипуляции погодой, и Магрификация, как в растения, так и в животных. Сегодня мы начнем с последнего, — сказал он, и тут же начались взволнованные перешептывания. — Простое наглядное заклинание, но весьма эффективное в избавлении от врагов. Итак, так как ваша одежда станет вам не по размеру после Магрификации, проще всего будет её вообще не надевать.

Ученики перестали хихикать.

— Но, полагаю, и так можно, — сказал Юба. — Кто хочет пойти первым?

Все подняли руки, кроме двоих. Агаты, которая молилась отчаяней, чем когда-либо, что теперь у Софи есть план, как вернуть их домой. И Софи, которая была слишком занята тем, что строчила очередную лекцию у себя в блокноте («Ванна — это не просто слово из пяти

букв)), чтобы обращать внимание на то, что творилось вокруг.

К третьему дню возле пня Софи появились еще тридцать новеньких Несчастливцев, чтобы поприсутствовать на лекции: «Скажи нет тусклости и однообразию».

— Вот профессор Мэнли говорит, что Несчастливцы должны быть уродливыми. Что уродливость означает уникальность, силу, свободу! А мне вот хочется задать вопрос профессору Мэнли: как нам почувствовать свою уникальность, исключительность или свободу... в *этом*? — выкрикнула она, размахивая унылой черной формой, словно вражеским стягом. В ответ прозвучавшие «Ура!» было таким громким, что Беатрикс на той стороне Поляны выронила перо и испортила эскиз своего бального платья.

— Эта Софи психически ненормальная, — рявкнула Беатрикс.

— Однако, все еще пытается попасть на Бал, да? — пробормотал Тедрос, прицеливаясь очередной подковой, чтобы её бросить.

— Хуже. Теперь она пытается убедить Несчастливцев, что они не лузеры.

Тедрос от удивления промахнулся.

Агата даже не пыталась увидеться с Софи после обеда, на которую в это время напали Несчастливцы, чтобы она дала совет по стилю. Она не пыталась подходить к Софи и на следующий день, когда случилось импровизированное сжигание обуви, после лекции Софи: «Долой все башмаки!» и волки потом бегали с кнутами вокруг студентов, загоняя тех в башню. И уж конечно она не пыталась подходить к ней на следующий день, когда все Несчастливцы явились на семинар Софи «Спорт для неспортивных», за исключением Эстер и Анадиль, которые после обеда зажали в углу Агату.

— Идея-то все больше воняет, — сказала Анадиль. — Она настолько воняет, что мы с тобой больше не подруги.

— Мальчишки, балы, поцелуи — теперь это твои проблемы, — прорычала Эстер, а демон на её шее дернулся. — Пока эта белиберда не будет мешать моему становлению Старостой класса, мне плевать, чем вы обе занимаетесь. Поняла?

На следующий день Агата спряталась в Древесном тоннеле, ожидая звук удара высоких каблуков об опавшие листья, и дождавшись, выпрыгнула на неё:

— Что сегодня? Крем от кутикулы! Отбеливатель для зубов! Еще упражнений на пресс!

— Если хочешь поговорить со мной — дождись своей очереди! — провонила Софи.

— «Злобный перфекционизм», «Черный — обновленный мрачный», «Йога для Злодеев»! Ты *сдохнуть* здесь захотела?

— Ты сказала показать им нечто глубинное. Разве это не сострадание? Разве это не доброта и мудрость? Я помогаю тем, кто не может себе помочь!

— Извини меня, мать Тереза, но наша цель — Тедрос! И чего же ты так добьешься?!

— Достоинства. Такое размытое слово. Но я полагала, что ты *об этом* говорила, нет?

Агата выглянула следом за Софи из тоннеля. Возле пня толпилось больше сотни Несчастливцев. Но среди этой слотни выделялась одна спина.

Золотоволосый юноша в синем свитере для игры в регби.

Агата от удивления выпустила Софи.

— Ты должна обязательно прийти, — сказала Софи Агате, выплывая из тоннеля. — Тема дня: сухие и поврежденные волосы.

У пня Арахна сердито таранилась на Тедроса.

— А принц Прелестная мордашка что здесь забыл?

— Ага, шагай на свою сторону, Счастливчик, — резко сказала Мона, кидаясь в него

мхом с дерева.

И другие Несчастливцы засыпали его вопросами, да так, что Тедрос отшатнулся от неожиданности. Он не привык быть непопулярным. Но только его уже стали освистывать и гнать прочь...

— Мы рады *всем*, — сказала Софи и присела на пень.

На этой неделе Тедрос стал приходить ежедневно. Своим друзьям он говорил, что ему просто интересно, в чем на этот раз будет Софи, но на самом деле дело было не только в этом. Каждый следующий день он наблюдал за тем, как она обучала уродливых злодеев, как выпрямлять горбы, удерживать зрительный контакт и излагать свои мысли. Он наблюдал за тем, как поначалу скептически настроенные Несчастливцы прятались за деревьями, сначала только дразня Софи за советы, как высыпаться, маскировать запах тела, управлять гневом. Волки тоже поначалу, зевая, глядели на эти сборища, но Тедрос видел, что они прислушиваются. И с каждым днем на лекциях Софи появлялось все больше и больше Несчастливцев. Вскоре злодеи начали обсуждать ее предписания за ужином и в общих комнатах за мутным чаем. Они стали сидеть вместе за обедом, защищать друг друга на занятиях, и перестали издеваться друг над другом из-за неудач. Впервые за двести лет у Зла появилась *надежда*. И все из-за одной девушки.

К концу недели, Тедрос сидел в первом ряду.

— Получилось! Поверить не могу! — Агата подскочила к Софи, когда та появилась из древесного тоннеля. — Он скажет, что любит тебя! И возможно уже поцелует на этой неделе! И мы попадем домой! Какая темя завтра?

— *«Как извиняться за сказанное»*, — сказала Софи и усвистела вперед.

В обеденное время следующего дня, Агата стояла в очереди за корзиной с артишоками и оливковыми тартинками, представляя, что они будут встречены, как героини, когда вернутся с Софи домой. Гавальдон возведет в их честь статуи на площади, будут восхвалять их в проповедях, напишет мюзикл об их жизни, будет рассказывать школьникам на уроках о двух девочках, спасших город от проклятья. У её матери появилось бы две сотни новых пациентов, у Жнеца каждый день будет свежая форель, и её картины будут печататься в городском свитке, а все те, кто когда-то имел наглость насмеяться над ней, будут пресмыкаться...

— Что за шутка.

Агата повернулась к Беатрикс, которая наблюдала за Несчастливцами, толпившимися вокруг Софи в черном сари и шпильках с мехом на носках, которая проводила лекцию на тему: *«Как быть лучшей во всем (как Я!)»*

— Как будто *она* лучшая, — фыркнула Беатрикс.

— Думаю, она самая лучшая Несчастливца, что я встречал, — раздался голос позади неё.

Беатрикс резко развернулась к Тедросу.

— Это она-то, Тедди? А я считаю, что все это *сказочная нелепица*.

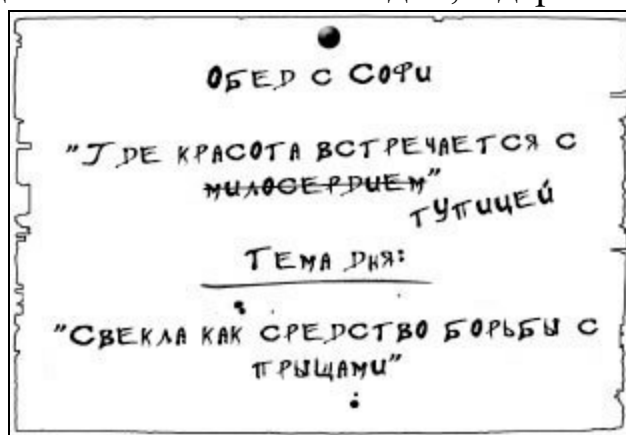
Тедрос перевел взгляд в ту сторону, куда смотрела и она, на таблички с рейтингом, греющихся в мягком солнечном свете на Вратах в Синий лес. Имя Софи красовалось в самом низу, все в дырах от клюва малиновок. Номер 120 из 120.

— Сходи, посмотри на *новое платье Императрицы*, — сказала Беатрикс и зашагала прочь.

В этот день Тедрос не пошел смотреть на Софи. Пошли слухи, что он посчитал слишком

печально наблюдать за Несчастливцами, которые возлагают такие надежды на «худшую девочку в школе».

На следующий день рядом с пнем было безлюдно, а деревянная табличка изуродована.

— Говорила тебе, будь внимательнее! — орала Агата, когда они ждали под проливным дождем, после занятия Юбы, когда волки откроют им ворота.

— Я не могу разорваться между шитьем новых нарядов, варением свежей косметики, подготовкой к лекциям, да еще и беспокоиться об уроках! — всхлипывала Софи под черным зонтиком. — У меня есть *фанаты*, которые как раз и должны думать об этом.

— Которых нет! — огрызнулась Агата. Она заметила, как Эстер ухмыльнулась, стоя в шестом отряде, глядя на неё. — Три раза самый низкий бал, и ты вылетишь, Софи! Понятия не имею, как тебе удалось так долго продержаться!

— Они *не выгонят* меня! И неважно насколько я плоха! Почему ты думаешь я бросила учиться!

Агата попыталась разобраться в том, что сказала Софи, но ей не давало сосредоточиться жжение в пальце. С тех пор, как Юба разблокировал его, палец теперь горел всегда, когда она злилась, как будто ему не терпелось начать колдовать.

— Но как-то прежде тебе удавалось получать высший бал? — спросила она, пряча руку в карман.

— Это было до того, как они заставили нас *читать*. То есть я что, *похожа* на того, кому интересно как пропитать ядом гребень, как вырвать жабыи глаза, как сказать Троллю «Можно я перейду через ваш мост?» Вот она я, пытающаяся *сделать злодеев лучше*, а ты хочешь, чтобы я запомнила рецепт супа «Дети с лапшой»? Агата, вот, ты, например, знала, что перед тем как опустить ребенка в горящий котел, его сначала нужно завернуть в пергамент? В противном случае он может быть приготовлен не должным образом, а еще, чего доброго, может и очнуться в котле. Ты хочешь, чтобы я это учила? Как причинять боль и убивать? Как быть *ведьмой*?

— Слушай, тебе нужно вернуть уважение...

— Через преднамеренное Зло? Нет уж. Дудки.

— Тогда мы обречены, — огрызнулась Агата. Софи сердито выдохнула и отвернулась. Но неожиданно у неё изменилось выражение лица.

— Что за...

Она таращилась на доску с рейтингом Счастливых, прибитой к воротам.

1. Тедрос из Камелота 71 бал
2. Беатрикс из Жан Жоли 84 бала
3. Рина из Барханов Паши 88 балов

4. Агата Из-за Леса 96 балов

— Но... но... ты... *ты!* — выкрикнула Софи.

— И я делала свою домашку! — рывкнула Агата. — Мне нафиг не сдалось изучать, как вызвать голубицу или как правильно падать в обморок или как лучше вышить носовой платочек, но я делаю все, что требуется, чтобы вернуть нас домой!

Но Софи не слушала. На её лице расплылась нахальная улыбочка.

Агата скрестила руки на груди.

— Ни за что. Во-первых, учителя нас поймают.

— Тебе понравится моя домашка по Проклятьям, весь этот обман принцев — ты ведь *терпеть не можешь* мальчишек!

— Во-вторых, твои соседки нас сдадут...

— А как тебе понравится домашка по Уродству! Мы изучаем, как пугать детей — а тебя же *бесят* дети!

— Если Тедрос об этом узнает, мы — трупы...

— И погляди на свой палец! Он светится, когда ты расстроена! Я просто не могу сделать это!

— Это всего лишь совпадение!

— Смотри, он светится еще ярче! Ты прирожденная злод...

Агата топнула ногой.

— **МЫ НЕ ЖУЛЬНИЧАЕМ!**

Софи молчала. Волки открыли Врата Синего леса и ученики хлынули в свои тоннели.

Ни Софи, ни Агата не шелохнулись.

— Мои соседки утверждают, что я стопроцентное зло, — тихо сказала Софи. — Но ты знаешь правду. Я не знаю, *как* быть Злом. Даже на толику. Прошу тебя, не заставляй меня идти против собственной души, Агата. — Её голос дрогнул. — Я просто не могу.

Она оставила Агату под зонтом. Когда Софи присоединилась к остальным, дождь смыл блеск с её волос, блестки с её кожи, и Агата уже не могла её отличить от других злодеев. Её обожгло чувство вины. Она не сказала Софи правды. Её посетила та же мысль, что и Софи — сделать за неё всю домашнюю работу. Но Агата не предложила этого не потому что боялась, что их на этом подловят.

А боялась она, что ей понравится. На все сто процентов.

Той ночью Софи снились кошмары. Тедрос целует кикимор, Агата выползает из колодца с купидоновыми крыльями, демон Эстер гнал её по водосточным трубам, пока Чудовище поднимался из темных вод, и хватал Софи окровавленными ручищами, а она проскользнула мимо него и заперлась в Пыточной. Только там её ждала уже иная пытка. Её отец в волчьей маске.

Софи резко поднялась в постели.

Её соседки крепко спали. Она вздохнула, устроилась на своей подушке поудобнее, и подскочила, как ужаленная...

У неё на носу сидел таракан.

Она заголосила...

— Это я! — прошипел таракан.

Софи закрыла глаза.

«Проснись, проснись, проснись».

Она открыла глаза. Таракан все еще сидел на её носу.

— Мой любимый кекс? — прохрипела она.

— Черничный из отрубей, — сплюнул таракан. — Есть еще дебилские вопросы?

Софи сняла таракана с носа. У него были те же выпученные глаза и впалые щеки.

— Да как же это...

— Магрификация. Нам её две недели талдычили. Встретимся в общей комнате.

Агата «Таракан» посеменила к двери, но по дороге оглянулась:

— И захвати свои учебники.

Глава 18

Таракан и Лисы

— Предположим мои свечения зеленое или коричневое или типа того? — зевнула Софи, почесывая ноги ногтями. Все в Общей комнате ЗЛОБЫ было сделано из мешковины — полы, мебель, шторы — не комната, а святилище чесотки. — Не буду этим заниматься, если это не будет сочетаться с моей одеждой.

— Просто сосредоточься на эмоциях! — рявкнул таракан у неё на плече. — На злости, например. Попробуй разозлиться.

Софи закрыла глаза: — Светится?

— Нет. О чем ты думаешь?

— О здешней еде.

— Нужен подлинный гнев, тупица! Волшебство рождается из *настоящих* чувств!

Лицо Софи сморщилось от усилий.

— Сильнее! Ничего не происходит!

Лицо Софи потемнело и её палец засветился ярко-розовым свечением.

— Вот оно! У тебя получилось! — Агата взволнованно подпрыгнула. — О чем ты думала?

— Как меня бесит твой голос, — сказала Софи, открывая глаза. — Я что, теперь каждый раз должна о тебе думать?

На всю следующую неделю Общая комната Злобы превратилась в ночную школу таракана. Заклинание Магрификации действовало всего три часа, так что Агата заставляла работать Софи, словно та была рабыней, заставляя её палец светиться сильнее, напускать в комнату туман и наводнять пол, получать Дремучую Иву из Плакучей, и даже выучить несколько слов на языке Великанов. Рейтинг Софи незамедлительно улучшился, но к четвертому дню бессонные ночи взяли свое.

— Моя кожа *посерела*, — прохрипела Софи.

— И ты все еще занимаешь 68 место, поэтому будь внимательней! — отругал таракан

Софи, посверкивая лебедем на брюшке. — Лесная чума началась, когда Румпельштильцхен топнул с такой силой, что земля треснула...

— Что заставило тебя передумать? И помочь мне?

— И из земли вылезли миллионы ядовитых жуков. Они наводнили Лес, заразив Несчастливцев и Счастливых, — сказала Агата, игнорируя её вопрос. — Пришлось даже закрыть эту школу, так как насекомые были очень заразны...

Софи откинулась на спину на диване.

— Откуда ты *столько* знаешь?

— Пока кто-то пялился в зеркало с утра до ночи, я читала «*Яды и Бедствия*»!

Софи вздохнула.

— Значит, школу закрыли из-за жуков. Тогда, что слу...

— *Так вот*, куда ты подевалась?

Софи резко повернулась и увидела в дверном проеме Эстер в черной пижаме, а за ней Анадиль и Дот.

— Домашка, — зевнула Софи, демонстрируя учебник. — Без света никак.

— С каких пор *тебя* волнует домашка? — поинтересовалась Эстер, выглядя еще свирепее, чем когда-либо.

— Мы думали, что «Красота — требует непрерывной работы над ней», — передразнила Софи Анадиль.

— Соседство с вами тааак меня вдохновило, — сказала Софи, улыбаясь. — Заставило меня захотеть стать самой лучшей злодейкой на свете. Коей я и могу быть.

Эстер долго и пристально на неё посмотрела, а потом, зарывав, отвернулась и увела остальных.

Софи выдохнула, сдувая Агату с дивана.

— Она что-то затевает, — слышали они рык Эстер.

— Или она изменилась! — пропищала Дот, идя вразвалочку позади Эстер. — На её учебнике таракан, а она даже не замечает!

Спустя шесть ночей обучения, Софи поднялась до 55 места. Но с каждым новым днем, она больше становилась похожа на зомби: кожа белая как снег, а глаза были стеклянными и под ними пролегли синяки. Вместо нового модного платья или шляпки, теперь она ходила с грязными волосами и в мятом платье, оставляя по все башне шпаргалки, словно хлебные крошки.

— Может тебе поспать, что ли, — пробормотал Тедрос на уроке Юбы по «Как правильно готовить насекомых».

— Слишком занята тем, как не быть «худшей девушкой в школе», — сказала Софи, взявшись за блокнот.

— Когда нет червей, то чаще всего доступны насекомые, — сказал Юба, держа в руке живого таракана.

— Слушай, ну, как ты можешь ждать, что тебя послушают, когда твой рейтинг ниже рейтинга Хорта, — прошептал Тедрос.

— Когда я стану первым номером, ты будешь просить у меня прощения.

— Как только станешь этим первым номером, можешь просить о чем угодно, — фыркнул он.

Софи повернулась к нему: — Ловлю на слове.

— Если ты все еще будешь держаться на ногах.

— Во-первых, удалите несъедобные части, — сказал Юба, сворачивая голову таракану.

Агату передернуло, она спряталась за сосну и весь остаток урока просидела там. Но той же ночью она чуть не свалилась у Софи с грудной клетки, когда услышала рассказ Софи о случившемся с Тедросом.

— Все Счастливицы держат свои обещания! — сказала она, подпрыгивая на узловатых тараканьих ножках. — Это Кодекс Чести Принцев. И теперь только осталось стать номером один и он попросит тебя...Софи?

Софи ответила храпом.

К десятому дню Колледжа имени Таракана, Софи было всего лишь на сороковой позиции, а круги под её глазами были такими черными, что она была похожа уже на енота. Потом она опять скатилась до шестьдесят пятого места, когда заснула во время тестирования леди Лессо по Немезидовым снам. Спала она и на предмете по Приспешникам, по её милости Бизл выпал из Колокольни, и потеряла голос на «Особые таланты», еще тем самым понизив свой рейтинг.

— Твой талант — прогрессирует, — сказала Шеба Анадиль, которой удалось сделать своих крыс больше на добрых пять дюймов. А потом она повернулась к Софи. — А я-то думала, что *ты* наша Великая ведьминская надежда.

К концу недели Софи в очередной раз стала самой худшей злодейкой в школе.

— Я заболела, — сказала Агата, кашляя в руку.

Профессор Дови, не отрывая взгляда от своего стола устланного пергаментом, сказала:

— Имбирный чай и две дольки грейпфрута. Каждые два часа.

— Уже пробовала, — сказала Агата, сильнее кашляя.

— Агата, сейчас не самое подходящее время, чтобы пропускать занятия, — сказала профессор Дови, складывая бумаги под пресс-папье в виде тыквы. — Бал состоится меньше чем через месяц, и мне хочется быть уверенной, что ученица, находящаяся на четвертом месте по успеваемости, будет готова к самой важной ночи в её жизни! Тебе уже приглянулся какой-нибудь Счастливец?

Агата забилась в конвульсиях. Профессор Дови взволнованно на неё посмотрела.

— Похоже... у меня *чума*, — прохрипела Агата.

Профессор Дови побелела.

Когда было объявлено, что её комната на карантине, Агата-Таракан смогла сопровождать Софи на все её занятия. Спрятавшись у Софи за ухом, она могла нашептывать первые признаки Немезидовых снов (*ответ: привкус крови*), подсказывать, как должно управлять Ледяными Великанами на занятии по Приспешникам, и говорить Софи какие пугала были Добром, а какие Злом на Лесном состязание у Юбы. На другой день она помогла Софи лишиться зуба на Уродоведении, угадать чудовищ на экзамене у Сэдера (*Лолки: льстецы; Гарпии: едят детей*), и определить какие из Юбених бобов ядовитые, а какие съестные, все из которых были замаскированы Дот. Конечно, случались и опасные моменты. Она чуть не распрощалась с жизнью, встретившись с подметкой башмака Эстер, едва выжила, увернувшись от летучей мыши, и чуть было не превратилась в себя на Особых талантах, но вовремя сумела запереться в чулане для метел.

К третьему дню Агата едва проглядела домашнюю работу для Добра и потратила все свое время на изучение заклинаний Зла. Пока её одноклассники изо всех сил старались поддерживать сияние своих пальцев, она заставит свой светиться, лишь думая о том, что её

так злит: школа, зеркала, мальчишки...Здесь же было важно следовать точному рецепту заклинания, и вуаля, она могла творить магию. Ничего такого, всего лишь поиграть с водой или погодой, но все же — это было *настоящее волшебство!*

Она поражалась невероятностью, невозможностью и притом такой естественностью волшебства. В то время как другие не могли вызвать морозящий дождик, Агата накалдовывала в своей комнате грозовые тучи, тем самым смыв одиозные фрески со стен молниями и дождем. Между занятиями, она проскользнула в ванную комнату, чтобы испытать новые *Заклинания вызывающие страдания* — Проклятье мраком, которое вызвало краткое потемнение небес, Проклятье морской зыби вызвало гигантскую волну...Время протекало незаметно, когда она изучала Зло, которое изобиловало такими возможностями и мощью. Оно никогда ей не надоедало.

Как-то вечером, когда Агата ждала Поллукса, который должен был доставить ей домашнее задание Добра, она насвистывала, пока выводила...

— *И что это*, позвольте узнать?

Она обернулась и увидела в своем дверном проеме Поллукса. Голова на зайчьем теле рассматривала её рисунок.

— О, гмм, я на своей свадьбе. Видите, вот, мой принц. — Она смяла страницы и откашлялась. — Домашнее задание?

Отругав ее за то, что скатилась в рейтинге Счастливецев, трижды объяснив суть каждого задания и отчитав за то, что она не прикрывает рот, когда кашляет, Поллукс, наконец, ушел, подскакивая и опускаясь на ходу. Агата выдохнула. Потом ее взгляд зацепился за собственный набросок, где она летела сквозь пламя, и девочка увидела, что же такое рисовала.

Никогдабольше. Рай Зла.

— Мы должны вернуться домой, — пробормотала она.

К концу недели Агата провела Софи через великолепную победную серию в состязаниях на всех её занятиях, включая Сказочную разминку на лекции Юбы. В тех дуэлях один на один, которые готовили к неизбежному Испытанию сказкой, Софи победила всех и каждого в своей группе, используя разрешенные заклинания: будь то молния, которая ошеломила Равана, заморозка губ Беатрикс, прежде чем та успела бы призвать зверей, или расплавление в жидкость тренировочный меч Тедроса.

— Кто-то делает свою домашнюю работу, — сгорая от любопытства, сказал Тедрос. Прятавшаяся Агата под воротником у Софи покраснела от гордости.

— Раньше — это можно было списать на удачу, но здесь другое, — прорычала Эстер Анадиль, когда они давились за обедом коровьим подгорелым языком. — Как она это *делает?*

— Старое доброе: Без труда — не вытащишь и рыбки из пруда, — сказала Софи с мерцающим макияжем, выкрашенными волосами в рубиново-красный цвет и черном кимоно, на котором драгоценными камнями была выведено: «*Н — значит Нацеленная*» и прошла дальше.

Эстер с Анадиль прикусили языки.

К концу третьей недели Софи поднялась уже до пятого места и её Послеобеденные лекции возобновил связи с большим спросом. Так что она снова ввела в моду черную школьную форму, которая стала еще смелее и экстравагантнее. В большом разнообразии были представлены: ажурные лифы, искусственные обезьяньи меха, расшитая блестками

паранджа, кожаные брючные костюмы, напудренные парики, и даже бюстье из кольчуги.

— Она *жульничает*, — шипела Беатрикс всем, кто был готов слушать. — Ей помогают какие-нибудь изгнанные феи-крестные или заклинание, обращающее время вспять. Ни у кого не найдется столько времени, чтобы столько успеть!

Но у Софи нашлось время, чтобы каждый раз перешивать сутану монахини в сверкающее платье и подбирать соответствующие туфли. У неё нашлось время, чтобы победить Эстер в испытании «Изуродуй банкетный зал», написать доклад «Волки против оборотней» и приготовить Послеобеденные лекции на темы: «Успех зла», «Уродство — это новая красота», «Создай свое тело для Греха». У нее было время, чтобы подготовить показ мод в лице одной девушки, побыть бужотером и жрицей — однако, до сих пор ей приходилось бороться с Анадиль, которая была второй по успеваемости.

На этот раз Беатрикс не могла остановить Тедроса от его нарастающего внимания к Софи. Но Тедрос сам пытался мужественно себя остановить.

Она же Несчастливица! И что с того, если она красива? Умна? Личность творческая, добрая и щедрая и...

Тедрос сделал глубокий вдох.

Счастливицы не могут увлечься несчастливицами. Ты просто запутался.

Он почувствовал облегчение, когда Юба устроил очередное состязание «Добро или Зло». На этот раз гном превратил всех девушек в синие тыквы и спрятал их где-то в лесу.

«Просто найди свою Счастливицу, — брюзжал на себя Тедрос. — Найди Счастливицу и выкинь её из головы».

— Это Счастливица! — закричал Хорт и постучал по синей коже. Ничего не произошло. Остальные мальчики не могли разглядеть в чем разница между тыквами и принялись обсуждать достоинства каждой.

— Это индивидуальное задание! — рявкнул Юба.

Уцепившись за синюю лозу Софи, таракан-Агата наблюдала, как мальчики разбрелись по одному. Тедрос направился на запад Бирюзовой Рощи и остановился. Очень медленно он развернулся в сторону тыквы Софи.

— Он подойдет, — сказала Агата.

— Откуда ты знаешь? — прошептала Софи.

— Потому как он смотрит на меня.

Тедрос подошел к тыкве.

— Эта. Это — Счастливица.

Юба нахмурился.

— Приглядиись...

Тедрос проигнорировал его совет, похлопал по синей коже, тыква взорвалась светящейся пылью и превратилась в Софи. Над головой принца вспыхнул зеленый дым оценкой «16», а над Софи высветилась черная «1».

— Только настоящее Зло может замаскироваться под Добро, — прокомментировал Юба, и, махнув своим посохом, стер *H* с платья Софи.

— А что касается вас, сын Артура, то я бы посоветовал вам изучить правила. Надеюсь, вы больше *не допустите* подобной ужасной ошибки.

Тедрос попытался выглядеть пристыженным.

— Мы не нашли ни одной! — раздался голос.

Юба обернулся и увидел, как у всех мальчиков над головами дымятся самые низкие

оценки.

— Им тоже что ли оценки ставить нужно. — Он вздохнул и, переваливаясь, пошел по дорожке, тыча посохом в тыквы, проверяя, может какая вскрикнет.

Как только гном ушел, Тедрос позволил себе улыбнуться. Как он мог сказать преподавателю, что его не волновали правила? Правила *дважды* привели его к этой ужасной Агате. Впервые, он нашел девушку, в которой было все, чего ему хотелось. Эта девушка не была ошибкой.

— Должна сказать, что сын Артура, проиграл спор.

Тедрос повернулся и увидел у Софи точно такую же улыбку. Он проследил за её взглядом к табло с рейтингом Несчастливцев над Лесом, где Олбемарль выбивал её имя клювом в самом верху.

На следующий день она нашла записку в своем обеденном ведре.

«Волки не любят лисиц. Синий ручей, в полночь. Т.»

Что бы это значило? — прошептала она таракану на своем плече.

— Это означает, что мы отправимся сегодня домой! — воскликнула Агата, и так быстро зашевелила усиками, что Софи её сбросила от неожиданности.

Таракан расхаживал по мешковине на полу в Общей комнате Злобы и поглядывал на часы, которые отсчитывали минуты до полуночи. Наконец, она услышала, как открылась дверь и вошла Софи в соблазнительном черном платье, дополненным длинными черными перчатками, начесом из волос, элегантным жемчужным ожерельем, и солнцезащитными очками. Агата чуть был не лопнула от смеха.

— Во-первых, я велела тебе не опаздывать, а во-вторых, *не* вырваться...

— Ты только взгляни на эти очки. Разве они не шикарны? Они защищают глаза от солнца. Знаешь, эти подлизы-Счастливицы надавали подобных безделиц: жемчуг, драгоценностей, косметики, чтобы дополнить мой ансамбль. Поначалу я подумала, что это они ради Добрых дел, а потом поняла, нет, им просто нравится видеть свои вещи на ком-то более гламурном и харизматичном. Только все это такая *дешевка*. У меня даже сыпь выступила.

У Агаты аж усики закрутились.

— Просто...просто запри дверь!

Софи заперла дверь на засов. Она услышала треск, обернулась и увидела покрасневшую Агату, завернувшую свое бледное тело в занавеску из мешковины.

— Эээ... должно быть несколько не своевременно... — быстро проговорила Агата.

Софи оглядела её сверху вниз.

— Мне больше нравилось, когда ты была тараканом.

— Надо придумать способ, как добывать одежду, когда обращаешься обратно в себя, — проворчала Агата, туже заматываясь в занавеску. А потом она увидела, как Софи любовно смотрит на записку Тедроса. — А теперь слушай, не делай ничего идиотского, когда встретишься с ним сегодня. Просто получи поцелуй и...

— Мой принц пришел за мной, — мечтательно произнесла Софи, нюхая пергамент. — И теперь он мой навечно. И все благодаря тебе, Агата. — Она с любовью посмотрела на свою подругу и увидела её выражение лица.

— Что?

— Ты сказала «навечно».

— Я имела в виду на ночь. Он мой на одну ночь.

Они обе погрузились в молчание.

— Софи, мы будем героинями, когда вернемся в Гавальдон, — мягко сказала Агата. — Тебе достанутся слава и богатство, и любой юноша, которого захочешь. И всю оставшуюся жизнь ты будешь читать о Тедросе в сказках. И будешь вспоминать, что когда-то он был твоим.

Софи кивнула с болезненной улыбкой.

— А у меня будут мои кладбище и кот, — пробормотала Агата.

— Когда-нибудь ты встретишь свою любовь, Агата.

Агата помотала головой.

— Слышала, что сказал Школьный директор, Софи. Злодейки, такие, как я никогда не найдут свою любовь.

— Он еще сказал, что мы не можем быть подругами.

Агата встретила взглядом с ясными красивыми глазами Софи.

Потом она глянула на часы и подскочила как ужаленная.

— Раздевайся!

— *Чего* делать?

— Быстро! Мы его упустим!

— Извини, но я вообще-то зашила себя в это плат...

— *ЖИВО!*

Несколько минут спустя, Агата сидела рядом с одеждой Софи, сложив голову на руки.

— Ты должна быть уверенной в том, что делаешь!

— Я голая, сижу на ужасном диване. И я никак не могу себя заставить поверить, позволить своему пальцу светиться и превратить меня в грызуна. А мы не можем подобрать более привлекательное животное?

— У тебя пять минут до того, как ты упустишь свой поцелуй! Просто представь себя в другом теле!

— Как на счет неразлучника? Это *мне* больше подходит.

Агата схватила очки Софии, и раскрошила их на диван.

— Прodelать то же самое и с ожерельем?

БА-БАХ!

— Получилось? — раздался голос Софи.

— Я тебя не вижу... — сказала Агата, вертя головой. — Все, что нам известно, что ты превратила себя в тритона!

— Я здесь.

Агата повернулась и у неё перехватило дыхание.

— Но...но...ты...

— Больше похожа на себя, — выдохнула Софи — лисица с восхитительным рыжим блестящим мехом, завораживающими зелеными глазами, сочными красными губами и пушистым пурпурным хвостом. Она нацепила жемчужное ожерелье себе на шею и любовалась собой в осколок стекла. — Как думаешь, дорогая, он меня поцелует?

Агата смотрела, словно зачарованная.

Софи наблюдала за ней в зеркало.

— Ты заставляешь меня нервничать.

— Волки тебя не тронут, — скороговоркой выговорила Агата, отперев дверь. — Они считают лис разносчиками болезней, плюс у них дальтонизм. Просто держи свою грудь пониже к земле, и тогда они не увидят твоего лебеда...

— Агата.

— Что? Ты его упустишь...

— Пойдешь со мной?

Агата отвернулась.

Софи нежно обернула хвост вокруг запястья своей подруги:

— Мы одна команда, — сказала она.

Агате пришлось напомнить себе, что ей некогда сейчас плакать.

Софии-Лисица просеменила по Синему лесу, мимо ив, поблескивающих спящими феями и охранников-волков, которые шарахались от неё, как от кобры. Она обогнула сапфировые папоротники и Бирюзовую Чащу извилистых дубов, прежде чем подкрасться к вершине моста с видом на лунный ручей.

— Я его не вижу, — шепнула Софи таракану, спрятанному у неё на шее в розовый мех.

— В его записке говорится, что он будет здесь!

— Полагаю, Эстер с Анадиль решили подшутить...

— С кем ты разговариваешь?

По другую сторону моста сверкнула пара синих глаз.

Софи застыла.

— Скажи что-нибудь! — прошипела Агата ей на ухо.

Софи не могла.

— Я когда нервничаю, разговариваю сама с собой, — прошептала Агата.

— Я когда нервничаю, разговариваю сама с собой, — быстро повторила Софи.

Из тени вышел темно-синий лис, на его груди мерцал лебедь.

— Я думал только принцессы нервничают, а не лучшие злодейки в школе.

Софи изумленно уставилась на лиса. На упругие мускулы Тедроса и его насмешливую полуулыбку.

— Только лучший из Добра может притвориться Злом, — вмешалась Агата. — Особенно, когда приходится бороться за свою любовь.

— Только лучший из Добра может притвориться Злом, — повторила Софи. — Особенно, когда приходится бороться за свою любовь.

— Так что — это действительно было ошибкой? — спросил Тедрос, медленно кружа вокруг неё.

Софи пыталась подобрать слова...

— Мне пришлось играть на обе стороны, чтобы выжить, — выручила её Агата.

— Мне пришлось играть на обе стороны, чтобы выжить, — эхом повторила Софи.

Она услышала, что Тедрос перестал ходить.

— Теперь, согласно Кодексу чести принцев, я обязан исполнить обещание. — Его мех соприкоснулся с её мехом. — Так о чем же ты меня попросишь?

У Софи ойкнуло сердце.

— Теперь ты видишь, какая я? — сказала Агата.

— Теперь ты видишь, какая я? — выдохнула Софи.

Тедрос молчал.

Он приподнял её подбородок своей теплой лапой.

— Ты ведь понимаешь, что это погрузит обе школы в хаос?

Софи, как загипнотизированная, смотрела в его глаза.

— Да, — прошептал таракан.

— Да, — повторила лисица.

— Ты ведь понимаешь, что никто не примет тебя в качестве моей принцессы? — сказал

Тедрос.

— Да.

— Да.

— Ты ведь понимаешь, что всю свою оставшуюся жизнь будешь пытаться доказать, что ты Добро?

— Да, — сказала Агата.

— Да, — повторила Софи.

Тедрос подошел ближе и их тела соприкоснулись.

— И ты ведь понимаешь, что я собираюсь тебя сейчас поцеловать?

Обе девушки одновременно ахнули.

И когда радужный ручей осветил мордочки синей и розовой лисиц, Агата закрыла глаза и попрощалась с этим миром ночных кошмаров. Софи тоже закрыла глаза и ощутила тепло Тедроса, его приятное дыхание, когда его нежные губы приблизились к её губам...

— Но нам следует повременить, — отпрянув, сказала Софи.

Глаза Агаты-таракана тут же открылись.

— Разумеется, ну, конечно, я все понимаю, — с запинками сказал Тежрос. — Я, эээ, провожу тебя до твоего тоннеля.

Когда они в тишине шли обратно, розовый хвост Софи обернулся вокруг его хвоста. Тедрос посмотрел на неё и выдавил улыбку. Агата наблюдала за всем этим и багровела. И когда принц наконец исчез в своем тоннеле, она вцепилась Софи в нос.

— Что ты *делаешь!*

Софи не ответила.

— Почему ты его не поцеловала!

Софи и на это ничего не сказала.

Агата вцепилась тараканьими лапками Софи в нос:

— Ты должна бежать за ним! Вперед! Мы не сможем вернуться домой, пока ты не поцелуешь...

Софи сбросила Агату со своего лица и скрылась в темноте тоннеля.

Завернувшись в опавшие листья, Агата наконец поняла.

Поцелуя не случилось, потому что ему и не суждено было случиться.

Софи не собиралась возвращать их домой.

Никогда.

Глава 19

У меня есть принц

Преподаватели Школы Добра и Зла всякого навидались за многие годы.

Им доводилось видеть студентов, как и не заслуживших никакого уважения, после первого года обучения, так и ставших богаче королей. Они видели, как Старосты класса прогорали к третьему году обучения и заканчивали его уже в качестве голубей или ос. Они видели шалости, протесты, и внезапные нападения, поцелуи, клятвы, и неожиданные песни о любви.

Но им ни разу не доводилось видеть, чтобы Счастливец и Несчастливица держались в очереди за обедом за руки.

— Ты уверен, что у меня не будет неприятностей? — забеспокоилась Софи, заметив, как их разглядывают с балкона.

— Если ты достаточно хороша для меня, то достаточно хороша и для корзины, — сказал Тедрос, подталкивая её веред.

— Наверное, им надо с этим как-то свыкнуться, — вздохнула Софи. — Я не хочу никаких неприятностей на Балю.

Рука Тедроса застыла на её руке. Софи покраснела.

— О... После прошлой ночи, я тут подумала...

— Все Счастливцы принесли клятву, и мы не можем никого приглашать до Арены талантов, — сказал Тедрос, дергая свой воротник. — Эспада сказал, что это традиция ждать окончания Коронации на Арене, которая происходит в ночь перед Балом.

— В ночь перед Балом?! — задохнулась от возмущения Софи. — Но когда нам успеть подобрать цвета наших нарядов и отрепетировать наш выход и...

— Поэтому мы даем клятвы. — Тедроса взял свою плетеную корзину с бутербродами с ягненком, шафрановым кускусом, и миндальным муссом из рук зеленовласой нимфы. — И одну для леди.

Нимфа не обратила на Софи никакого внимания и протянула корзинку следующему Счастливцу. Тедрос взялся за ручку этой корзины.

— Я сказал: одну для *леди*.

Нимфа крепче сжала ручку корзины.

— Да ладно, ягненок все равно плохо усваивается, — раздраженно сказала Софи...

Но принц держал корзину до тех пор, пока нимфа не сдалась и, ворча, не отпустила ручку. Тедрос протянул корзину Софи.

— Как я и сказал, лучше бы им с этим свыкнуться.

Её глаза расширились: — Ты... отдаешь её мне?

— Ты так прекрасна, когда чего-то хочешь.

Софи прикоснулась к нему.

— Обещай мне, — сказала она с придыханием. — Обещай мне, что возьмешь меня на Бал.

Тедроса посмотрел на ее нежные руки, держащие ленты его рубашки.

— Ладно, — наконец вздохнул он. — Обещаю, но никому не говори, а то я засуну змею тебе в корсаж.

Софи взвизгнула и бросилась к нему в объятия. Наконец-то она могла заняться своим нарядом.

И с этим Счастливец № 1 и Несчастливица № 1, сказочные враги и телом и душой, взявшись рука об руку, направились к высокому дубу. Тедрос вдруг заметил, что на него пялятся все Счастливы, ошеломленные его вероломством. Софи же увидела Несчастливец, которым она проповедовала неделями о Злодейской гордости, смотревших на неё и она поняла, что они чувствовали себя преданными.

Напряженные Тедрос с Софи одновременно откусили по куску от своих бутербродов.

— Ведьма все еще заразна? — тут же спросил Тедрос. — Она только-только вернулась на занятия?

Софи взглянула на Агату, которая стояла, прислонившись, спиной к дереву и в упор смотрела на неё.

— Эээ... да мы вообще-то не разговариваем.

— Она настоящая пиявка, да? Считает, что красота в разуме. Едва ли она понимает, что у тебя все есть.

Софи сглотнула.

— Это правда.

— Одно можно сказать наверняка. Больше на состязании я её не выберу.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что, когда я нашел свою принцессу, я её уже не отпущу, — ответил её принц, глядя ей в глаза.

Софи неожиданно почувствовала грусть.

— Даже, если это означает всю жизнь ждать поцелуя? — сказала она, почти про себя.

— Даже, если это означает всю жизнь ждать поцелуя, — ответил Тедрос, беря её за руку. А потом он склонил голову на бок. — Полагаю, это был гипотетический вопрос.

Софи рассмеялась и уткнулась в его плечо, чтобы спрятать навернувшиеся слезы. Когда-нибудь она все ему объяснит. Когда их любовь будет для этого достаточно сильна.

Преподаватели двух школ наблюдали с балкона как две влюбленные птички нежатся на солнышке. Учителя Добра и Зла бросили друг на друга мрачные взгляды, а потом разошлись по своим кабинетам.

Сидя в холодной тени, Агата не делала никаких резких движений. Как и учителя, она понимала, что этот роман обречен. На его пути стояло некое припятские. Нечто, о чем

забыла Софи.

И это нечто называлось: Испытание Сказкой.

— Победа в Сказочном состязании считается великой честью в Школе Добра и Зла, — заявил Поллукс, голова которого вновь оказалась рядом с головой Кастора на массивном теле. С пятнадцатью Лесными руководителями за ним, Поллукс пристально рассматривал учеников, собравшихся в Театре Сказок.

— Раз в год мы отправляем лучшего Счастливицы или Несчастливицы в Синий лес на ночь, чтобы посмотреть, кто же доживет до утра. Чтобы победить ученик должен выжить, избежав смертельных ловушек Школьного директора и нападений противоположной стороны. Последний Счастливец или Несчастливец, встретивший рассвет объявляется победителем и получает дополнительно пять наивысших баллов. — Поллукс задрал нос и оскалился. — Как известно, Добро побеждало в Испытании на протяжении последних двух сотен лет....

Добро разразилось скандированием: — СЧАСТЛИВЦЫ РУЛЯТ! СЧАСТЛИВЦЫ РУЛЯТ! СЧАСТЛИВЦЫ РУЛЯТ!

— ТУПОЕ ВЫСОКОМЕРНОЕ ДУРАЧЬЕ! — прогремел Кастор, и Счастливицы раззаткнулись.

— Через неделю, каждый Лесной отряд отправит своего лидера Счастливицы или Несчастливицы на Испытание, — фыркнул Поллукс. — Но прежде, чем мы объявляем конкурентов, давайте коротко рассмотрим правила.

— Слышал, Беатрикс вырвалась вчера на первое место по Добрым делам, — прошептал Чаддик Тедросу. — Эта Несчастливица делает тебя размазней?

— Попробуй заштопать крыло голубю с моей-то силищей, — ответил Тедрос. А потом выражение его лица смягчилось. — Парни и правда меня ненавидят?

— Чувак, ты же не можешь тусить с Несчастливицей, — сказал Чаддик, взгляд его серых глаз был суров. — Даже если она самая прекрасная, умная, талантливая девочка в школе.

Сомнения приковали Тедроса к сидению... Он выпрямился.

— Я могу доказать, что она — Добро! Я докажу это на Испытании!

— Твое место в группе могут занять Беатрикс или Агата, — сказал Чаддик.

Тедрос напрягся. Он заметил, как Софи ему улыбнулась со своей скамьи Зла. Их совместное будущее зависело от того, как он пройдет Испытание. Он не мог её подвести.

— Согласно правилам, в Испытании Сказкой не может быть больше одного победителя, — сказал Поллукс. — Однако, те кто, доживет до рассвета, *разделят* первые пять мест. Таким образом, в ваших интересах — устранить конкуренцию. Естественно Школьный директор предпочитает увидеть в итоге единственного победителя и будет колдовать как можно больше препятствий, чтобы это обеспечить.

— В течение всей недели все занятия будут посвящены подготовке этих пятнадцати Счастливиц и пятнадцати Несчастливиц к ночи в Синем лесу, — продолжил говорить пёс, в то время как ученики начали перешептываться, гадая, кто же эти пятнадцать человек. — Испытания на занятиях будут ограничены участием *только* этих соперников. Те, чьи оценки будут худшими за неделю, вступают в Испытание первыми, в то время как ученики с лучшими оценками пройдут Испытание значительно позже. Это, конечно, огромное преимущество. Чем меньше времени вы проводите в Сказочном Испытании, тем больше шансов остаться в живых.

Ученики перестали разговаривать.

До Поллукса дошло, что он только что сморозил, и выдавил из себя смешок.

— Это фигура речи. Ни один из учеников *не умрет* на Испытании. Какая нелепость.

Кастор откашлялся.

— Но что на счет...

— Состязание — совершенно *безопасно*, — сказал Поллукс, улыбаясь детям. — У каждого будет белый флаг, демонстрирующий, что участник сдается. Если вы обнаружите, что подвергаетесь смертельной опасности, бросьте его на землю и вас изымут из Синего леса живым и невредимым. Вы узнаете больше о других правилах на занятиях, а теперь я уступаю место вожатым Лесных отрядов, которые огласят Испытания для соперников в этом сезоне.

Вперед шагнула крошечная нимфа лилии в платье из изумрудной лозы.

— Отряд номер девять: Рина будет представлять Добро, а Векс — Зло.

Рина сделала реверанс под одобрительные выкрики Счастливых, в то время, как Несчастливцы ворчали, де Вексу и его острым ушам повезло, что он оказался в слабой группе.

Огр объявил Тристана и одноглазую Арахну из Отряда номер семь, затем последовали новые лидеры, которыми оказались темнокожий Николас и Анадиль из отряда четыре, Кико и зеленая Мона из двенадцатого, Гизель и Эстер из шестого...

Софи все это время таращилась на Тедроса, мечтая, как она станет королевой и заживет припеваючи. (А в Камелоте достаточно шкафов? Зеркал? Огурцов?) Затем вперед вышел Юба. Софи перевела взгляд с Тедроса на Беатрикс, оба зависели от следующих слов гнома. «*Пожалуйста, пусть он победит эту простоквашу*», — молилась она.

— Отряд номер три, Тедрос будет представлять Добро, — сказал Юба.

Она с облегчением вздохнула.

— А Софи будет — Зло.

Софи потеряла уши. Конечно же она ослышалась. Потом она увидела ухмылки.

— Наверное, в этом и состоит проблема, когда встречаешься со злодейкой, — заметил Чаддик. — Вся эта любовь и поцелуи длятся до тех пор, пока тебе не приходится их убивать.

Тедрос не стал обращать на него внимания и сосредоточился на своем плане по доказательству того, что Софи — Добро. «Хвала Небесам — его отец был мертв», — подумал он и от этой мысли через его рубашку проступил пот. То, что собирался сделать его сын, заставило бы сердце Артура перестать биться.

В то время, как Счастливые ушли через западные двери, Несчастливцы — через восточные, обратно в башню Зла, Софи, оглушенная, осталась сидеть на черной скамье. На неё легла чья-то тень.

— Все, чего я просила, чтобы ты ушла с моей дороги...

Дыхание Эстер холодом обожгло ей затылок.

— И вот, ты злодейка номер один, оставившая всех нас в дураках. Что ж, дорогуша, ты, наверное, позабыла, но в сказке у злодеев нет счастливого конца. Так что позволь мне напомнить тебе, как все закончится. Сначала ты. А потом твой принц. *Умрете*.

Холодные губы приблизились к уху Софи.

— И это не фигура речи.

Софи резко повернулась. Никого не было. Она вскочила на ноги и с криком бросилась к Тедросу... и рухнула в его объятия.

— Она хочет нас убить, тебя, а потом меня, или сначала меня, а потом тебя... не помню

в каком порядке... ты Счастливец, а я Несчастливица и теперь нам придется сражаться друг против друга....

— Или с *остальными*...

Софи моргнула.

— Мы... что?

— Все будут знать, что ты Добро, если я буду защищать тебя, — сказал Тедрос, все еще немного мокрый от пота. — Только *истинная* принцесса достойна щита принца.

— Но... из тебя сделают мишень! Все считают меня Злом!

— Нет, если мы победим, — сказал Тедрос, ухмыляясь. — Им придется перевести тебя к Счастливым.

Софи помотала головой и крепче обняла его.

— Ты — мой принц. Истинный.

— А теперь иди и побеждай в своих состязаниях, чтобы мы смогли вступить в Испытание одновременно. Ты не можешь попасть туда без меня.

Софи побелела.

— Но... но...

— Что но? Ты же лучшая Несчастливица на милю в округе.

— Я знаю, это просто...

Тедрос приподнял ее подбородок, заставляя ее посмотреть в его кристально-голубые глаза.

— Первое место во всех состязаниях. Договорились?

Софи слабо кивнула.

— Мы одна команда, — сказал Тедрос, и, проведя последний раз тыльной стороной ладони по её щеке, исчез в Дверях Счастливых.

Софи медленно прошагала через всю сцену к Дверям Несчастливых и остановилась. Она медленно повернулась.

Агата сидела одна одишенька на розовой скамье.

— Я же говорила тебе, дорогая, что принадлежу этому месту. — Софи вздохнула. — Ты просто меня не слушала.

Агата ничего не сказала.

— Может Школьный директор отпустит тебя домой одну, — сказала Софи.

Агата даже не вздрогнула.

— Агата, тебе нужно завести новых подруг. — Софи нежно улыбнулась. — У меня теперь есть принц.

Агата только уставилась ей в глаза.

Софи перестала улыбаться.

— У меня есть *принц*.

Она захлопнула дверь за собой.

На Уроковедении Мэнли попросил пятнадцать соперничающих Несчастливых наколдовать маскировку, которая напугала бы Счастливого «с первого взгляда». Зелье Эстер заставило все её тело покрыться шипами. Зелье Анадиль сделало её кожу такой тонкой, что через неё просвечивала вся кровеносная система. Между тем, Софи покрошила головастиков, чтобы снова покрыться коростой, но каким-то образом вместо неё наколдовать спиральные рога и блестящий лошадиный хвост.

— Потому что страшнее принцессы может быть только *единорог*? — прикрикнул на неё Мэнли.

На приспешниках, Испытуемым Несчастливцам требовалось приручить Огненного Великана, девятифутовая глыба с жаркой оранжевой кожей и горящими волосами. Софи попыталась прочесть его мысли, но все его мысли были на языке Великанов. К счастью, она вспомнила некоторые слова из великанского языка, которым научила её Агата.

ОГНЕННЫЙ ВЕЛИКАН: И почему это я не должен тебя убивать?

СОФИ: Я знаю эту лошадь.

ОГНЕННЫЙ ВЕЛИКАН: Я не вижу никакой лошади!

СОФИ: Она такая же большая, как твое исподнее.

Кастор успел вмешаться, пока великан её не съел.

А затем леди Лессо попросила Испытуемых Несчастливцев назвать «заклинание, которое может быть отменено, только тем, кто его наколдовал».

— Ответы?

Дрожащие от холода Несчастливцы подняли вверх ледяные таблички, на которых было накарябано:

ЭСТЕР: Окаменение

АНАДИЛЬ: Окаменение

АРАХНЕ: Окаменение

СОФИ: Особое заклинание

— Эх, если бы любовь давала ответы *на все вопросы*, — сказала леди Лессо, вешая одни пятнадцать балов за другими.

— Что *случилось*? — спросил Тедрос, когда протолкнул её через очередь Счастливых.

— Да так, слабоватый старт...

— Софи, тебе нельзя в Лес без меня!

Она проследила за его взглядом к сердитым Счастливым. Придя на Испытание, они все захотят отмщения.

— Просто делай то, что и *раньше!* — умолял Тедрос.

Софи стиснула зубы, когда шла обратно в свою комнату. Если Агата смогла как-то справиться в Школе Добра, тогда и ей все по плечу здесь! Да, она сварит эти чертовы её жабыи глаза, она выучит Веливанский язык, да зажарит ребенка, если потребуется! (Или, по крайней мере, проруководит процессом.) Ничто не остановит её от Долго и Счастливо! Она расправила грудь, ворвалась к себе в комнату и замерла.

Её кровать исчезла. Зеркало разбито.

И над головой висели все ее старые наряды, словно на виселице, изуродованные, как обезглавленные трупы.

Сидя на своей кровати Анадиль оторвалась от чтения «*Убийство хорошеньких девиц*» и подняла на неё глаза. Эстер оторвалась от чтения «*Убийство самых хорошеньких-прехорошеньких девиц*».

Софи бросилась в кабинет на самом верхнем этаже.

— Мои соседки по комнате задумали меня убить!

Леди Лессо в ответ улыбнулась ей, не выходя из-за своего стола.

— Вот, это дух.

И дверь волшебным образом захлопнулась прямо перед носом Софи.

Софи сгорбилась, оставшись стоять в темном коридоре. На прошлой неделе, она была самой популярной девочкой в школе! А теперь она даже не может вернуться в свою комнату?

Она вытерла глаза. Но это ведь и не важно, да? Скоро она сменит школу и все это останется позади. У неё есть мальчик, о котором мечтает любая девочка. У неё есть принц! Две тупые ведьмы не смогут противостоять истинной любви!

Наверху послышались голоса. Она нырнула в тень...

— Эстер сказала, что тот, кто прикончит Софи во время Испытания, будет её Замом Старосты весь следующий год, — сказала Арахне, когда она спускалась по лестнице. — Но это должно выглядеть, как несчастный случай, иначе нас всех исключат.

— Нам надо подбить на это Анадиль! — сказала Мона, поблескивая зеленой кожей. — Полагаю, она прибьет её еще до Испытания!

— Эстер сказала, что сделать это нужно *во время* Испытания. Даже Векс с Броном до этого доперли. Слышала, их план по её умерщвлению? Они разыщут озеро Добра, чтобы поискать те оставшиеся *яйца*. И все, девчонка — труп.

— Поверить не могу, что мы слушали лекции этой предательницы, — кипела Мона. — Знаешь, следующее, о чем бы она нас попросила — натянуть розовое и обжиматься со Счастливыми!

— Она унизила всех нас и теперь поплатится за это, — сказала Арахне, щуря единственный глаз. — Нас четырнадцать. Она одна. Шансы не в её пользу.

Их кудахтанье потихоньку умолкло.

Софи не шевельнулась во тьме. Это были не только её соседки. Вся школа желала её смерти. Теперь нигде не было безопасно.

Нигде, кроме...

В конце темного коридора с тяжелым застоявшимся воздухом, после третьего стука открылась дверь комнаты номер 34, и оттуда выглянули два крошечных черных зрачка.

— Привет, красавчек, — проворковала Софи.

— Даже не думай... ты якшаешься с принцем, ты — двуличная, ты...

Софи зажала нос, подлетела к Хорту и выперла его из своей новой комнаты.

Хорт в течение двадцати минут колотил в дверь и вопил на весь коридор, так что Софи пришлось его впустить.

— Ты можешь мне помогать с учебой до комендантского часа, — сказала она обрызгивая комнату лавандой. — Но спать ты здесь не будешь.

— Это *моя* комната! — надулся Хорт, шлепаясь на пол в черной пижаме, усеянной хмурыми зелеными лягушками.

— Что ж, теперь здесь я, не так ли?! А мальчики с девочками не могут жить в одной комнате, так что комната определенно не может быть *твоей*, — сказала Софи, укладываясь в его постель.

— Но мне-то куда, тогда податься!

— Я слышала в общей комнате Злобы довольно уютно.

Не обращая внимания на скулеж Хорта, Софи поудобнее устроилась на его подушке и

поднесла свечу к его конспектам. Завтра она должна выиграть *все* состязания. Это её единственная надежда на выживание в Испытании — отправиться туда вместе с Тедросом и прятаться за ним все время, как за щитом.

— Унизь врага — преврати его в курицу: *Vanta pareo dirosti?* — Она прищурилась. — Все верно?

— Софи, откуда тебе знать, что ты не злодейка? — Хорт зевнул и скрючился, лежа, на обгоревшем полу.

— Я смотрюсь в зеркало. Хорт, твой почерк просто *ужасен*.

— Когда я смотрю в зеркало, то вижу, что похож на Злодея.

— Может, это означает, что ты и есть Злодей.

— Папа говорил мне, что злодеи ни за что и никогда не могут полюбить. Это неестественно и отвратительно.

Софи разобрала небрежно написанные слова.

— *Чтобы превратить Счастлинца в лед, обратите свою душу в холод...*

— Так что я определенно не могу любить, — вздохнул Хорт.

— *Даже холоднее, чем могли себе представить... А потом произнесите эти слова...*

— Но, если бы я мог любить, я бы любил тебя.

Софи повернулась. Хорт тихо похрапывал на полу, на его пижаме, на откидном кармашке на попе загорелась сердитая зеленая лягушка.

— Хорт, ты не можешь здесь спать, — сказала она.

Он только свернулся потуже калачиком.

Софи сбросила покрывала и, топая, подошла к нему...

— Забирай все, Пан, — скорбно сказал он тихим голосом.

Софи наблюдала за ним, как дрожит и потеет этот маленький человеческий комочек.

Она залезла обратно под пыльные покрывала. Поставила свечку на конспекты, и попыталась поучиться, но его ритмичное похрапывание ввело Софи в транс и, девушка не успела опомниться, как наступило утро.

Второй день прошел точно так же, как и первый, Софи заработала три последних места, третье из которых пришлось на Приспешников, когда она не смогла заставить свой палец светиться, чтобы вовремя обезоружить вонючего тролля.

Софи видела, как у Тедроса вздулись вены на шее, когда он вел её через очередь за обедом, зажав свой нос.

— Мне нужно проиграть? Или ты *хочешь*, чтобы Испытание для тебя началось на три часа раньше?

— Я стараюсь изо всех сил...

— Софи, которую я знаю, не старается, она *побеждает!*

Они ели молча.

— Ну и где её фея-крестная *теперь?* — услышала Софи, как прокаркала Беатрикс.

На другом конце поля Агата, сидя спиной, делала свою домашку с Кико.

На следующий день, соперники провели первые два занятия, готовя свою форму для Испытания: темно-синие туники из приятной железной кольчуги, такие же шерстяные плащи с капюшонами, украшенные красной полосой. Когда все тридцать учеников будут одеты в одинаковые плащи, невозможно будет отличить Счастлинца от Несчастлинца, тем более в Синем лесу. Когда дело касалось одежды, Софи обычно была вся внимание. Но сегодня, она была погружена в конспекты Хорта. Урок леди Лессо был следующим и ей

необходимо было занять там первое место.

— Злодей убивает ради одной цели: чтобы уничтожить свою Немезиду. Которая становится сильнее, когда вы слабеете. Только тогда, когда ваша Немезида будет *мертва*, вы почувствуете удовлетворение, — сказала учительница с туго натянутой кожей на лице, чеканя шаг по проходу. — Разумеется, поскольку только у лучших Несчастливцев будут Немезидовы сны, большинство из вас имеют риск провести всю свою жизнь не отнимая ни у кого жизни. Считайте, что вам повезло. Убийство требует чистейшего Зла. Пока никто из вас этим не обладает, чтобы совершить убийство.

Софи слышала, как в её сторону раздавалось ворчание.

— Но раз Испытание Сказкой — *безобидная* прогулка... — Леди Лессо улыбнулась ей, — почему бы не пройти мое любимое состязание...

Она наколдowała призрачную принцессу с каштановыми локонами, розовыми ямочками на щечках и улыбкой милее, чем у дитя.

— *Попрактикуемся в убийстве*. То, кто убивает её самым жестоким образом — побеждает.

— Наконец-то, хоть что-то полезное, — сказала Эстер, глядя на Софи.

Хотя в классе было холоднее, чем обычно, Софи прошиб пот.

К убийству принцессы, отрезанной запертой дверью от мира, и подозрительных незнакомцев, Несчастливцы должны были подойти творчески. Мона изуродовала себя, переодевшись в лавочницу, и подарила принцессе отравленную помаду. После того, как леди Лессо наколдowała новую девушку, Анадиль постучала в её дверь и оставила под ней плотоядный букет. Эстер превратилась в милую белочку и предложила своей жертве сверкающий воздушный шар.

— За что?! Спасибо! — обрадовалась принцесса, когда воздушный шар поднимал её все выше и выше и выше, к потолку со свисающими острыми сосульками.

Софи в основном закрывала глаза во время всех этих убийств.

— Кто следующий? — спросила леди Лессо, создавая очередную принцессу за дверью. — Ах, да. *Ты*. — Она пробарабанила длинными красными ногтями по парте Софи. Кляц-кляц-кляц.

Софи почувствовала тошноту. *Убийство?* Даже, если это был призрак, она не могла уби...

У неё перед глазами промелькнуло лицо умирающего Чудовища и она побледнела. Это другое! Он был Злом! Любой бы принц на её месте поступил бы точно так же!

— Похоже, у нас тут еще один негод, — искоса поглядев на Софи, сказала леди Лессо.

Встретившись с ней глазами, Софи думала о том, что Тедрос теряет веру в неё. Она думала о четырнадцати злодеях убежденных, что они достаточно чисты, чтобы совершить убийство. Софи думала о своем «Долго и Счастливо», которое ускользало от неё...

Софи, которую я люблю, не старается.

Сжав челюсти, она рванула к двери мимо удивленной учительницы. Палец Софи светился розовым...

Чтобы превратить Счастливца в лед...

Она забарабанила в дверь.

Обрати свою душу в холод...

Дверь распахнулась и свечение пальца Софи потускнело.

На неё смотрело собственное лицо, только её белокурые волосы были длинными, как до

встречи с Чудовищем. Чтобы выиграть состязание, она должна убить... себя.

Софи увидела, как леди Лессо ухмыляется в углу.

— Чем могу помочь? — спросила Принцесса Софи.

Это всего лишь призрак. Софи стиснула зубы и почувствовала, как ее палец опять загорелся.

— Ты похожа на незнакомку, — сказала принцесса, краснея.

Даже холоднее, чем могли себе представить...

Софи направила свой светящийся палец в неё.

— Матушка велела не заговаривать с незнакомцами, — сказала взволновано принцесса.

Говори же!

Палец Софи мерцал...но она не могла найти нужных слов...

— Мне нужно идти. Матушка зовет.

Убей её! Убей её! Сейчас же!

— Всего хорошего, — сказала принцесса, закрывая дверь...

— *BANTA PAREO DIROSTI!*

Пуф! Принцесса превратилась в курицу. Софи схватила её, отшвырнула стул, разбила вдребезги окно изо льда, и швырнула птицу в открытое небо...

— *Лети, Софи! Ты свободна!*

Курица попыталась взлететь, но потом осознала, что не может и рухнула вниз, чтобы разбиться на смерть.

— Впервые в жизни, мне жалко живое создание, — прокомментировала леди Лессо.

Еще одна «15» была выплюнута Софи в лицо.

Пожалуй, единственное, что Софи нравилось в школе Зла — это то, что там было много места, где можно поплакать. Она спряталась за полуразрушенной аркой и рыдала. Как она покажется на глаза Тедросу?

— Мы настаиваем на том, чтобы Софи не принимала участие в Испытании.

Софи узнала в грубом голосе профессора Мэнли. Она выползла из-под арки и заглянула в замочную скважину в его вонючий класс. Но там где за партами, на проржавевших стульях обычно сидели злодеи, теперь были учителя обеих школ. Профессор Дови председательствовала за кафедрой из черепа дракона, которую она освещала пресс-папье из тыквы.

— Несчастливцы собираются её убить, Кларисса, — закончил лысый прыщавый Мэнли.

— Билиос, у нас приняты все меры против смерти учеников.

— Будем надеяться, что эти меры куда эффективнее, чем четыре года назад, — огрызнулся он в ответ.

— Думаю, все присутствующие согласятся с тем, что смерть Гаррика была *несчастливым случаем!* — вспыхнула профессор Дови.

Класс погрузился в зловещую тишину. Софи было слышно её собственное прерывистой дыхание.

Гаррик из Гавальдона. Его забрали вместе с Бейном.

Бейна исключили, а Гаррик погиб.

Её сердце бешено заколотилось.

Возвращение домой живой и невредимой — вот, твое Долго и Счастливо.

Агата была права.

— Есть еще одна причина, по которой Софи не должна участвовать в Испытании, — отчеканил Кастор. — Феи говорят, что она с мальчишкой-Счастливецем, собираются действовать, как единая команда.

— Как *команда*? — ахнула профессор Дови. — Счастливец и Несчастливица?

— Вы только представьте себе, если они победят! — взвизгнула профессор Шикс. — Представьте, если это известие выйдет за пределы Леса!

— Значит, она либо умрет, либо разрушит эту школу, — проворчал Мэнли и сплюнул на пол.

— Кларисса, решение простое, — сказала леди Лессо.

— Но нет прецедентов, чтобы не допускать до Испытания подготовленного ученика! — возразила профессор Дови.

— Подготовленного! Да она завалила все состязания на этой неделе! — сказал Мэнли. — Мальчик убедил ее, что она — Добро!

— Возможно, она просто чувствует давление Испытания, — предположила принцесса Ума, кормя перепела на своем плече...

— Или она одурачила нас всех, заставив нас считать себя великой надеждой Зла! — сказала профессор Шикс. — Она должна ба быть исключенной еще до Испытания!

— Так почему же этого *не произошло*? — спросила профессор Анемон.

— Каждый раз, когда мы пытались её завалить, какой-нибудь ученик получал вместо неё самый низкий бал, — сказал Мэнли. — Кто-то удерживает её от исключения!

Учителя Зла принялись яростно выкрикивать, дескать, что и они так считают.

— А что, в этом есть смысл, — сказала профессор Дови. — Какой-то загадочный хлопотун, которого никто *не видел* ни разу, бегают по башням и подправляет, выставляемые вами, оценки.

— У вас очень хорошо получилось описать Школьного директора, Кларисса, — сказала леди Лессо.

— Не будьте смешной, леди Лессо. Зачем Школьному директору мошенничать с оценками учеников?

— Потому что ему любо-дорого наблюдать за тем, как «лучшая» ученица из Зла победит, прикрываясь щитом Добра, — прошипела леди Лессо, искря фиалковыми глазами. — Ученицей, которую, даже я по дурости своей, считала надеждой. Но, если Софи победит с этим жалким принцем, я не буду стоять в сторонке, Кларисса. Я не позволю ни Школьному директору, ни вам, ни вашим наглым чудовищам разрушить дело всей моей жизни. Говорю вам: позвольте Софи участвовать в Испытании и рискуете не просто её жизнью, а развязыванием *войны*!

Комната наполнилась гробовой тишиной.

Профессор Дови откашлялась.

— Возможно, она сможет поучаствовать в Испытание в следующем году...

Софи вздохнула с облегчением.

— Вы прикрываете Зло! — выкрикнул профессор Эспада.

— Всего лишь защищаю девочку... — беспомощно сказала Дови.

— Но Счастливец все еще любит её! — с тревогой в голосе высказалась Анемон.

— Неделька в Пыточной это поправит, — сказала леди Лессо.

— Мы все еще не можем найти Чудовище, — сказала Шеба...

— Тогда нужно найти *нового*! — отрезала леди Лессо.

— Может, проголосуем? — прошебетала Ума.

— ГОЛОСОВАНИЕ ДЛЯ БАРЫШЕНЬ! — прогремел Кастор, и учителя загалдел. Перепел Умы стал клевать учителей Зла, Кастор постарался слопать надоедливую птицу, а Поллукс умудрился в очередной раз потерять свою голову, пока кто-то не свистнул, громко и властно. Все повернулись к мужчине, стоявшему в углу обгоревшей комнаты.

— У этой школы одна миссия, первоочередная и единственная, — сказал профессор Сэдер. — Защитить равновесие между Добром и Злом. Если участие Софи в Испытании нарушит это равновесие, то она должна быть немедленно дисквалифицирована. К счастью для нас, доказательство этого равновесия находится прямо у нас перед глазами.

Все перевели свои взгляды. Софи попыталась увидеть, на что они смотрят, а потом поняла, что все они смотрят в разные стороны.

— Все согласны, что равновесие должно быть *сохранено*? — спросил профессор Сэдер. Никто не стал спорить.

— Тогда Софи участвует в Сказочном Испытании и это больше не обсуждается.

Софи подавила крик.

— Всегда так разумно, Огуст, — сказала леди Лессо, поднимаясь. — К счастью, неуды девушки гарантируют, что большую часть Испытания она проведет без, защищающего её, мальчика. Будем надеяться, что она умрет настолько жестокой смертью, что никто не посмеет повторить её ошибок. Только тогда, её сказка будет иметь то окончание, которого она *заслуживает*. Пожалуй, она подойдет даже для картины.

Она выскочила из класса и учителя Зла последовали за ней.

В то время как учителя Добра уходили по парам, бормоча что-то друг другу. Профессор Дови и профессор Сэдер, уходили самыми последними. Они шли, молча, её зелено-желтое платье с высоким воротником шуршало, соприкасаясь с его зеленым костюмом.

— Огуст, что, если она умрет? — спросила Кларисса.

— А что, если *выживет*? — спросил Сэдер.

Кларисса замерла.

— Так ты все еще веришь, что это правда?

— Верю. Как верю и в то, что Сказочник начал писать её сказку.

— Но это невозможно... это безумие... это... — ужаснулась Кларисса. — Вот, *почему* ты вмешался?

— Наоборот, я *не вмешивался*, — сказал Сэдер. — Наша обязанность заключается в том, чтобы пустить историю на самотек...

— Нет! Что ты... — Рука профессора Дови взметнулась к её рту. — *Вот*, почему ты отправил девочку рисковать своей жизнью? Потому что веришь в свое сомнительное *пророчество*?

— Кларисса, на кону стоит гораздо больше, чем жизнь одной девочки.

— Но она всего лишь девочка! Невинная девочка! — воскликнула профессор Дови, вытирая злые слезы. — Её кровь будет на твоих руках!

Когда она убежала, и её всхлипывания разносились эхом вниз по лестнице, карие глаза профессор Сэдера заволокло сомнением.

Он не мог видеть Софи, сидевшую на корточках рядом с ним, старающуюся не дрожать.

Купаясь в кудрявых листьях Поляны, Кико, укутавшись в свою шаль, облизнула пряный кукурузный початок.

— Короче, я спросила всех девочек, согласились бы они на приглашение Тристана и все они ответили нет! А это означает, что он *пригласит* меня! Он не может пойти один, разумеется, но, если мальчик пойдет один на Бал, он получит только половину оценки, а Тристан любит пользоваться Палатами красоты, так что он точно меня пригласит. Значит, Тристан мог бы пригласить *тебя*, но ты сказала ему жениться на Тедросе, так что думаю, ты ему не нравишься. Поверить не могу, что ты такое сморозила. Как принцы могут жениться друг на друге. Что они делать-то будут вместе?

Агата чавкала своей кукурузой, чтобы заглушить щебет Кико. На другой стороне Поляны она увидела, как возле жерла древесного тоннеля ожесточенно спорили Софи с Тедросом. Казалось, Софи пыталась извиниться и обнять его (даже поцеловать), но Тедрос её оттолкнул.

— Ты меня, вообще, слушаешь?

Агата повернулась.

— Пстой. Значит, если девушку никто не пригласит на Бал, то она получит неуд и понесет наказание хуже смерти. Но, если мальчик не пойдет на Бал, то он просто получит половину оценки? Это же не честно?!

— Но это правда, — сказала Кико. — Мальчик может пойти один, если хочет. Но, если девочка в итоге останется одна... то с таким же успехом можно и умереть.

Агата сглотнула.

— Но это же нелепость...

Что-то упала в её корзину.

Агата подняла взгляд и встретила глазами с Софи, когда Тедрос тащил её в очередь Счастливецев.

Пока Кико продолжила свою бессмысленную болтовню, Агата вытащила роскошную розовую розу из своей корзины, а потом увидела, что она была сделана из пергамента. Очень осторожно она развернула бутон на подоле своего платья.

В записке было всего три слова.

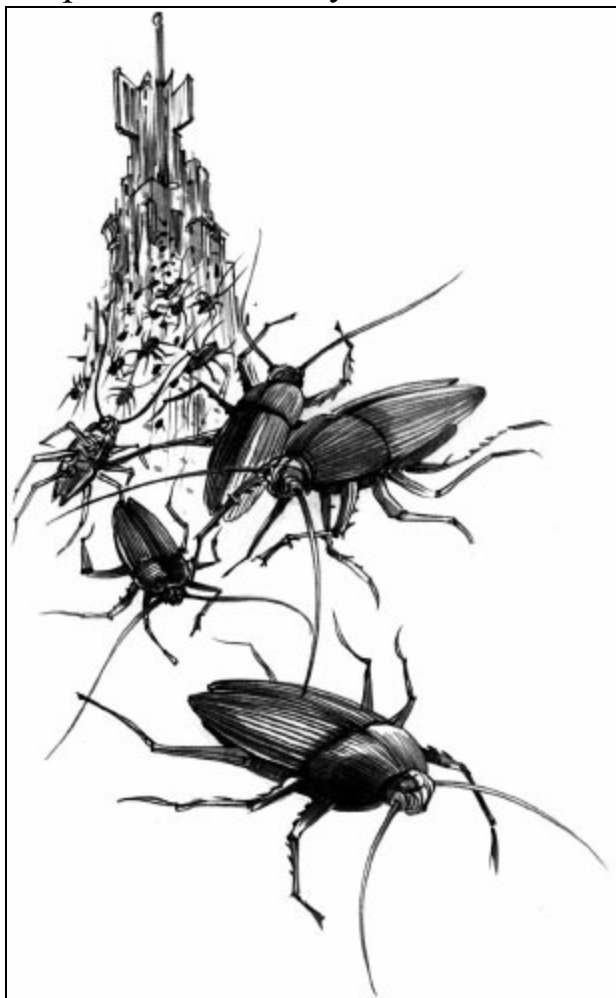
Ты нужна мне.

Глава 20

Секреты и ложь

Таракан нырнул под дверь Комнаты номер 66 и чуть было не выскочил из своей оболочки. Таракан устался на осколки битого стекла, подвешанные платья, трех спящих ведьмочек — и выполз в коридор, пока кто-нибудь из них его не заметил.

Но одна из них все-таки заметила таракана.

И лебедя на брюшке.

Агата повела усиками вправо-влево и последовала за запахом Софи, вниз по кривой лестнице и промозглым коридорам (едва не погибнув от лапок мужской тараканьи особи, встретившейся по дороге), пока не нашла его источник, исходящий из общей комнаты. Первое, что она увидела внутри — это Хорт без рубашки, и лицо у него было таким красным, как у малыша на горшке. В последний раз, хрюкнув от усилий, он глянул на свою обнаженную грудь и два свежевращенные волоска.

— *О да!* Что может сравниться с таким талантом!

Рядом на диване сидела Софии, уткнувшись носом в «*Заклинания для чайников*».

Она слышала два постукивания, изданных насекомым, и тут же оторвалась от книги. Хорт надул грудь и подмигнул. Софи охватил ужас, а потом она увидела, как позади её дивана было написано губной помадой:

«ВАННАЯ. ПРИНЕСИ ОДЕЖДУ».

Софи терпеть не могла ваннные комнаты Зла, но, по крайней мере, они были безопасными для встреч. У Несчастливцев похоже была фобия по отношению к туалетам и они их постоянно избегали. (Она понятия не имела, что стало причиной этих страхов или где они справляли нужду, но предпочитала об этом не думать.) Дверь застонала, когда она проскользнула в тусклую железную клетку. На проржавевших стенах мерцали два зажженных факела, вытягивая тени, падающие от кабинок. Когда она прокралась к последней, то увидела, как из щелей виднеется бледная кожа.

— Одежда?

Софи сунула Агате одежду под кабинку.

Дверь распахнулась и на пороге с ноги на ноги переминалась Агата, одетая в лягушачью пижаму Хорта, скрестив руки на груди.

— У меня больше *нет* ничего! — прошептала Софи. — Мои соседки повесили всю мою одежду!

— Последние дни ты никому не нравишься, — огрызнулась Агата, пряча свой светящийся палец. — Узнать бы, почему.

— Слушай, прости! Я просто не могла вернуться домой! Теперь, когда я наконец получила своего принца!

— Ты? Ты получила своего принца?

— Ну, в основном я...

— Ты сказала, что хочешь домой. Ты сказала, что мы *команда!* Вот, почему я помогала тебе!

— Агата, мы команда! Каждой принцессе нужен помощник!

— Помощник! *Помощник!* — кричала Агата. — Что ж, давай посмотрим, как наша героиня управляется со всем *сама!*

Она развернулась, чтобы уйти. Софи схватила её за руку.

— Я попыталась его поцеловать! Но теперь он во мне сомневается!

— Отпусти...

— Мне нужна твоя помощь...

— А я не собираюсь тебе помогать, — сплюнула Агата и оттолкнула Софи локтем. — Ты — лгунья, трусиха и мошенница.

— Тогда, зачем же ты пришла? — спросила Софи. У неё на глаза навернулись слезы.

— Берегись. Крокодиловы слезы — крокодиловы морщины, — фыркнула Агата у двери.

— Пожалуйста, я сделаю все, что угодно! — впала в истерику Софи.

Агата развернулась:

— Поклянись, что тут же его поцелуешь, как только тебе предоставится такая возможность. *Жизнью* клянись.

— Клянусь! — прорыдала Софи. — Я хочу домой! Я не хочу, чтобы они меня убили!

Агата уставилась на неё:

— Чего?

В комплекте с голосом и жестами, рыдающей, Софи удалось красочно пересказать заседание кафедры преподавателей обеих школ, её неуды по состязаниям и ссоре с Тедросом.

— Софи, мы приближаемся к развязке, — сказала Агата, теперь бледная как призрак. —

Кто-то всегда умирает в конце сказки.

— Что же нам теперь делать? — прохрипела Софи.

— Ты победишь в Испытании и поцелуешь Тедроса.

— Но мне не выжить! Я должна буду провести три часа без его защиты!

— Ты не будешь одна, — раздраженно сказала Агата.

— Не буду?

— У тебя будет крестная фея-таракан под воротником, которая отколдует тебя от неприятностей. Только на этот раз, если ты не поцелуешь своего принца по сигналу, я прокляну тебя всеми заклинаниями Зла, которые знаю!

Софи обняла Агату.

— О, Агата, я просто ужасная подруга. Но у меня будет вся жизнь, чтобы исправить это.

По коридору разнеслось эхо шагов.

— Иди! — прошептала Агата. — Мне нужно мोगрифицировать!

Софи в последний раз обняла её и, радостная, испытывая облегчение, прокралась из ванной обратно под защиту Хорта. А спустя минуту следом за ней из ванной выскочил таракан и поспешил к лестнице.

Никто не заметил красную татуировку тлеющую в тени.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Согласно традиции за день до Испытания не проводилось никаких занятий. Вместо них соперникам — 15 Счастливым и 15 Несчастливым давалось время на изучение Синего леса. Так что пока остальные невыбранные ученики трудились на Арене талантов, Софи выходила из ворот за Тедросом, очень хорошо ощущая холод, воцарившийся между ними.

Хотя остальная часть школьной территории пала жертвой медленной осенней смерти, Синий лес сиял сочной листвой, как всегда под полуденным солнцем. Всю неделю ученики пытались выведать у своих учителей, с какими препятствиями придется столкнуться соперникам, но те не имели не малейшего понятия. Школьный директор разрабатывал Испытание в тайне, давая профессорам минимальные полномочия, чтобы обезопасить его границы. Учителя даже не могли *подсмотреть* за соперничеством, поскольку он набросил вуаль заклинания над Синим лесом на всю ночь.

— Школьный директор запрещает нам вмешиваться, — пробормотала профессор Дови своему классу, явно расстроенная. — Он предпочитает, чтобы Испытание было максимально приближенно к тем опасностям, которые подстерегают вас в Бескрайнем лесу, вне границ разума и ответственности.

Но, как и соперники в Синем лесу, столпившиеся позади Софи с Тедросом, никто из них не мог поверить, что осталась всего лишь ночь и эта прекрасная площадка превратится в адскую серию испытаний. Счастливы и Несчастливы вместе промчались по Папоротникову полю, поделив по-братски опоссумов между собой в Сосновой лощине, перепрыгнули через Голубой ручей, с выпрыгивающей из него форелью, и, вспомнив, что они враги — разбежались.

Тедрос прошел мимо Софи.

— За мной.

— Я пойду одна, — тихонько сказала она. — Я еще не заслужила твоей защиты.

Тедрос обернулся.

— Беатрикс сказала, что ты жульничала, чтобы получить первое место. Это правда?

— Разумеется, нет.

— Так почему же ты провалилась на пред-Исптательных состязаниях?

Слезы жемчужинами выступили на глазах Софи.

— Я хотела доказать, что смогу выжить и без тебя. Что бы ты мной гордился.

Тедрос уставился на неё.

— Ты проиграла... *специально?*

Она кивнула.

— Ты с ума сошла! — взорвался он. — Да Несчастливцы... они же *убьют* тебя!

— Ты собираешься рискнуть своей жизнью, чтобы доказать, что я — Добро, — шмыгнула носом Софи. — Я тоже готова сражаться за тебя!

С мгновение Тедрос выглядел так, будто хотел поколотить её. Затем румянец отхлынул от его щек, и он сгреб девушку в объятия.

— Когда я пройду через эти ворота, пообещай, что ты все еще будешь там.

— Обещаю, — всхлипнула Софи. — Я обещаю тебе.

Тедрос заглянул ей в глаза. Софи сложила трубочкой свои идеальные, накрашенные блеском, губы...

— Ты права, ты должна изучить все сама, — сказал её принц, отстраняясь. — Ты должна чувствовать себя уверенной без меня тут. Особенно, после провала такого количества состязаний.

— Но... но...

— Держись подальше от Несчастливцев, хорошо?

Он сжал ее руку и бросился догонять мальчишек-Счастливых по тыквенной дорожке. До неё донеслось эхо резкого голоса Чаддика:

— Все еще возишься со злодейкой, приятель. Она не получит от нас особого отношения...

Софи не слышала ответ Тедроса. Она стояла в одиночестве в лесной тиши под синей омелой.

— И мы все еще здесь, — проворчала она.

— Может быть, стоило сказать именно то, что я подсказывала! — раздался голос таракана из-под воротника.

— Три часа в одиночку, не так уж и плохо, — вздохнула Софи. — Я хочу сказать, что Несчастливцы не могут использовать неодобренные заклинания. Все, что мы можем это начать бурю или обратиться в ленивца. Что они на самом деле могут мне сделать?

Что-то кольнуло её в голову. Она резко повернулась и увидела глубокий надрез в стволе дуба, как раз там, где она стояла. На ветке над ней сидел проказливый Векс с острой палкой в руке.

— Просто любопытствую — насколько ты высокая, — сказал Векс.

Из-за другого дуба вразвалочку вышел рыхлый лысый Брон, снял мерку.

— Ага, ей в самый раз.

Софи изумленно уставилась на них.

— Как я и сказал, — хихикнул Векс, шевеля заостренными ушами. — Просто любопытствую.

— Я умру! — простонала Софи, сбежав в Синий лес.

— Только не со мной, — сказала Агата, крепче вцепившись в Софи. — Я побеждала их на всех ваших занятиях, и сумею уделать их всех завтра. Просто сосредоточься на

поцел... — Что-то легонько шлепнуло её по голове.

— Что за...

Агата посмотрела вниз на мертвого таракана в траве. Рядом с ним приземлилось еще четыре.

Софи с Агатой вытянули шеи, чтобы увидеть Башню Зла, вздымающуюся из розового тумана, с балкона которой на Поляну сыпал дождь из мертвых тараканов.

— Что происходит? — спросила Софи.

— Истребление, — ответил голос.

Сфои повернулась к Эстер, которая стояла возле Лесных врат, скрестив руки на груди.

— Видимо, они по ночам шныряют вокруг нашей школы. Мы же не можем рисковать появлением очередной вспышки чумы. После того, как твоя подружка преболела.

Эстер сняла мертвого жука со своего плеча.

— Кроме того, хорошее напоминание для всех, кто пытается идти туда, где ему *не место*, тебе не кажется?

Она положила таракана себе в рот и плавно зашагала в Синий лес, листья скрипели под её ногами.

Софи ахнула.

— Думаешь, она знает, что ты — таракан?

— Ну, конечно же она знает, идиотина!

Из Синего леса доносились приближающиеся голоса Несчастливцев.

— Иди! — прошипела Агата, спускаясь по ноге Софи. — Мы не можем больше встречаться!

— Стой! Как же мне выжить на Испыт...

Но Агата уже исчезла в тоннеле Добра, оставляя Софи самой стоять за себя.

Пока феи проверяли комнаты, после начала комендантского часа, начиная с первого этажа, у Агаты едва хватило этого времени, чтобы пробраться по переходам между строениями и пересечь башню Доблести. Как и у всех учителей, спальня Сэдера примыкала к его кабинету. Сломав замок в его спальню, она могла удивить его своим появлением, застав в постели. Ей было плевать, если чудик не захочет отвечать на вопросы. Она его свяжет, если потребуется.

Агата понимала, что это ужасный план, но что её еще оставалось? Сейчас она не могла попасть на Испытание, а Софи никак не продержаться три часа. Сэдер был их последней надеждой попасть домой.

Лестница вела прямо в его кабинет, одинокая дверь на шестом этаже в башне Доблести. Мрамор по восходящей был усыпан вереницей синих точек. Агата провела по ним пальцем.

— *Ученики не допускаются на этот этаж*, — прогремел голос Сэдера. — *Немедленно вернитесь в свою комнату.*

Агата ухватила за дверную ручку и ткнула своим светящимся пальцем в замочную скважину...

Дверь скрипнула и сама открылась.

Сэдера внутри не оказалось, но ушел он явно недавно. Простыни скомканы, чай на столе еще теплый... Агата прошла, оглядела его научные изыскания, книжные полки, стулья. Пол задыхался от книг. Стол был погребен под ними же, но несколько, громоздившиеся на самом верху трехфутовых башен, лежали раскрытыми, некоторые строчки из разноцветных точек были отмечены серебряными звездами на полях. Она

провела рукой по одному из точечных рядов и страница взорвалась туманом, демонстрируя сцену из книги, а резкий женский голос сказал:

— *Призрак не может успокоиться до тех пор, пока не выполнил свое предназначение. Для этого, он должен использовать тело провидца.*

Агата наблюдала за тем, как чахлый дух врезался в тело бородатого старика, прежде чем туман вернул страницу в начало. Она прикоснулась к отмеченным строчкам в следующей книге:

— *Дух в теле провидца может находиться всего лишь несколько секунд, прежде чем оба они будут уничтожены.*

Два плывущих тела у неё перед глазами слились, а потом рассыпались в прах.

Она пробежала пальцами по отмеченным строчкам.

— *Только сильнейший провидец может приютить дух...*

— *Большинство провидцев умирают еще до того, как дух успеет закрепиться...*

Агата скривилась. Что у него за одержимость провидцами...

Её сердце замерло.

«Пророчество», — говорили учителя.

«Мог ли Сэдер видеть будущее?»

«Мог ли он увидеть наше возвращение домой?»

— Агата!

В дверном проеме появилась профессор Дови.

— У Сэдера сработал сигнал тревоги... я думала это таракан... *ученик!* И не в постели после наступления комендантского часа?

Агата опрометью кинулась мимо неё к лестнице.

— Две недели чистки туалетов! — громко крикнула ей вслед учительница.

Агата обернулась и увидела как профессор Дови обхватила ладонями книги Сэдера и нахмурилась. Она заметила, что Агата наблюдает за ней и волшебным образом захлопнула дверь перед её носом.

В ту ночь обеим девочкам снился дом.

Софи снилось, что она убегает от Эстер сквозь розовый туман. Она пыталась выкрикнуть Агатино имя, но вместо звуков из её рта выполз таракан. В конце концов, она отыскала каменный колодец, нырнула в него и обнаружила, что попала в Гавальдон. Она почувствовала чьи-то сильные объятия, а потом её отец нес Софи в их дом, где пахло мясом и молоком. Её захотелось в туалет, но он отнес её на кухню, где на сверкающем крюке висела свинья. За столом сидела женщина и барабанила красными ногтями по столешнице. *Тск, тск, тск.*

— Мама? — вскрикнула Софи. И прежде чем женщина обернулась, отец Софи поцеловал её в лоб, пожелал ей спокойной ночи, открыл духовку и бросил девочку внутрь.

Софи, проснувшись, так резко подскочила в постели, что ударилась головой о стену и свалилась с кровати.

Агате снился Гавальдон, охваченный огнем. Шлейф горящих черных платьев привел её на Могильный холм. Когда она добралась до вершины, то вместо своего дома обнаружила там могилу. Она слышала звуки изнутри и начала копать, потом уже слышала голоса, все ближе, ближе, пока не проснулась с ними по соседству...

— Ты сказала, что это было важно! — рявкнул Тедрос за дверью.

— Несчастливцы говорят, что ей помогает жульничать Агата! — сказала Беатрикс.

— Софи не дружит с Агатой! Агата — *ведьма*...

— Они обе такие! Агата обращается в таракана и подсказывает ей ответы!

— В *таракана*? Да ты не просто мелочная и ревнивая, а еще и окончательно свихнулась!

— Они *обе* злодейки, Тедди, они тебя используют!

— Ты единственная слушаешь Несчастливцев! Знаешь, почему Софи проиграла те состязания? Она хотела уберечь меня! Если это злодеяние, тогда что же такое *ты*...

Ветер зашелестел её шпорами и Агата не смогла расслышать остальное, но вскоре дверь глухо стукнула и Тедрос ретировался. Агата попыталась снова заснуть, но обнаружила, что тарашится на бумажный розовый цветок, дрожащий на её ночном мраморном столике, как роза на могиле.

Она взвизгнула от поразившей её идеи.

Все комнаты в коридоре были темны, за исключением Испытательной для Счастливых. Они так и не сомкнули глаз до рассвета, готовясь к предстоящей ночи. Агата на цыпочках, босая, вышла в своем кружевном пеньюаре на розовую стеклянную лестницу, подняв глаза кверху в поисках фей или учителей.

А пятью этажами выше на неё, через просвет в спиральной лестнице смотрел Тедрос, неожиданно крепко призадумывавшийся, может Беатрикс была права.

Оставив свои сапоги, он последовал по переходам за Агатой в башню Чести на четвертый этаж, который полностью занимает Библиотека Добродетели. Прокрадываясь за ней в черных гольфах, он увидел, как она исчезла в золотом колизее книг, высотой в два этажа, в безупречном состоянии, сохранением которого занималась кожистая черепаха, крепко спавшая над неподъемным библиотечным журналом, с гусиным пером в лапе. Как только Агата отыскала, что хотела, она проскользнула мимо рептилии и принца, которому так и не удалось разглядеть, что за книгу она взяла. Звук её шагов постепенно тонул в море переходов, а потом и вовсе растворился.

Тедрос скрипнул зубами. Что за убийственный план вынашивает ведьма? Неужели и Софи в нем участвовала? Она собиралась его предать? Разве две злодейки все еще *подружки*? Принц качнулся на ногах, сердце бешено колотилось — а потом он услышал странный скрип.

Обернувшись, он увидел, как гусиное перо волшебным образом закончило писать в черепашем журнале и вновь упало обратно в лапу похрапывающего создания. Его глаза сощурились. Он подошел к журналу.

Сила цветов: Очаровательные растения для Счастливого мира (Агата, Башня Чистоты 51)

Тедрос фыркнул. Ругая себя за то, сомневался в своей принцессе, он пошел обратно за своими сапогами.

Правил Сказочного Испытания было немного, но они были предельно точны. С заходом солнца в Синий лес отправляется первая пара соперников. Каждые пятнадцать минут в Лес будет входить следующая пара в соответствии с их пре-Испытательным рейтингом, пока не войдет последняя пара, спустя три часа, после первой. Как только все окажутся внутри, то Несчастливцы нападают на Счастливых всеми своими талантами и любыми заклинаниями, изученными на занятиях, пока Счастливые защищаются разрешенным оружием и

контрзаклинаниями. Колдовство Школьного директора будет нацеленно на обе стороны. Больше правил нет. В обязанности соперников входит определение смертельной опасности и, в случае чего, бросок белого флага на землю, тогда он будет благополучно извлечен из Испытания. С первым лучом рассвета, волки огласят о завершении Испытания и тот, кто первым пройдет через ворота, объявляется победителем. Победитель может быть только один. Довольно часто случается так, что победителей нет вовсе.

Зима явилась в капризном расположении духа, завыв ледяными порывами на Поляне, как раз, когда на неё вышли соперники. Все Счастливыццы держали ромбовидный щит, совпадающий по цвету с плащом, цвета морской волны. Так же они были вольны взять с собой одно единственное оружие; большинство выбрало луки и стрелы (затупленные профессором Эспадой, чтобы ими можно было лишь оглушить, но ни в коем случае не убить), однако Чаддик с Тедросом выбрали два тяжелых меча для тренировок. Поблизости стояли Счастливицы, тихонечко занимающиеся призывом зверушек, стараясь казаться как можно беспомощнее, с тем, чтобы мальчишки взяли их под свое крыло.

А на другом конце поля, Испытуемые Несчастливицы в своих плащах прижимались к голым деревьям, поглядывая на толпу невыбранных учеников, появляющихся из тоннеля. Невыбранные же Счастливицы выглядели так, будто собрались на пикник, прихватив с собой подушки, пледы, корзины прикрытые муслином цвета шпината, со сливочными блинчиками с курицей, фаршированными перцами, с заварным кремом из бузины и кувшином вишневого сиропа. Тем временем, невыбранные Несчастливицы зависли рядом с их тоннелями в тапочках и ночных колпаках, готовые со всех ног броситься к своей команде при первых же признаках унижений.

Пока волки раздавали заколдованные шелковые «белые флаги» — белые платки для Счастливицев и красные для Несчастливицев — Кастор и Поллукс выстроили соревнующихся в шеренгу в порядке наступления их очереди Испытания. Из-за того, что у Софи с Кико были наихудшие оценки на пред-Испытательных состязаниях, они войдут в лес сразу на закате. Брон с Тристаном на пятнадцать минут позже, потом спустя еще пятнадцать минут Векс и Рина, и так пара за парой, пока не дойдет очередь до Эстер и Тедроса.

В конце шеренги принц взял у волка свой белый флаг.

— Мне он не понадобится, — пробормотал Тедрос и засунул тряпицу себе в сапог.

А в авангарде шеренги Софи вцепилась в свой платок, готовая его бросить немедленно, как её нога ступит на территорию Леса. Она пожалела, что не уделяла должного внимания одежде во время примерки. Её туника висела на груди, а плащ волочился по земле, а синий капюшон так низко падал на лицо, что ей почти ничего не было вид...

Да как она могла думать об одежде?! Она иступленно оглядела толпу. Однако, Агаты все еще не было видно.

— До нас дошли слухи, что на Испытания могут захотеть *проникнуть* не очень хорошо подготовленные ученики, — сказал Поллукс следующий за Кастором, внушительной двухголовой тенью в угасающем свете. — В этом году, чтобы этого не случилось, мы приняли дополнительные меры предосторожности.

Сначала Софи подумала, что выставят волков, охранять каждый сантиметр ворот. Но потом Кастор посветил факелом, и она увидела, что ворота больше не были золотыми — а их покрывали огромные черные и красный пауки, скрещивающие свои жала.

Сердце у неё оборвалось. Как же она незаметно проскользнет там теперь без Агаты?

— Если кто-то жульничает, то этот кто-то заслуживает смерти.

Она обернулась.

— А я не пропущу ни одного из этих злодеев, — сказал Тедрос, его золотые щеки разругались от холода. Он взял её за руку, которая все еще сжимала платок. — Софи, ты не можешь его бросить. Просто не можешь.

Без Агаты, подсказывающей реплики, Софи просто беспомощно кивнула.

— Когда мы объединимся, они сделают все, чтобы взять одного из нас — Счастливец, Несчастливцы и Школьный директор, — сказал принц. — Мы должны друг друга *защитить*. Ты должна прикрывать мою спину.

Софи кивнула.

— Больше тебе нечего добавить?

— Поцелуй на удачу? — пискнула Софи.

— На глазах у всей школы? — Губы Тедроса растянулись в улыбке. — А это мысль.

Софи засветилась от радости и вытянула.

— Долгий, — выдохнула она. — На всякий случай.

— О, я подарю тебе долгий поцелуй, — усмехнулся он. — Когда мы победим. Как раз перед тем, как внесу тебя на руках в замок Добра.

Софи поперхнулась.

— Но... но... что если... предположим мы не...

Тедрос осторожно вытащил шелк из её дрожащих пальцев.

— Софи, мы — Добро, — сказал он, убирая шелк в карман ее пальто. — А Добро *всегда* побеждает.

В его ясных синих глазах, Софи увидела отражение Эстер, стоявшую у неё за спиной, одетую в плащ с капюшоном, будто Смерть с косой.

В мгновение ока волки растащили Софи с Кико к противоположным сторонам Северных врат. Волосатые пауки зашипели ей в лицо, от чего у неё перехватило дыхание. В панике её взгляд метнулся к башне Школьного директора, возвышающейся над Лесом, и она увидела в лучах заходящего солнца его силуэт, взвизгивающий из окна. Софи резко повернулась в поисках Агаты, чтобы та спасла её, но все, что она увидела — это как небо над Лесом неумолимо темнело. Из башни Школьного директора посыпался столп серебряных искр, который окутал Лес дымкой...

— ПЕРВАЯ ПАРА ГОТОВА! — рявкнул Кастор.

— Нет... постойте!..

Но Софи уже схватила волчьи лапы и бросила прямо в пауков. Сотни мохнатых клещей обшаривали её, а она вопила, что есть сил, потом раздался щелчок и ворота открылись, оставляя её одну в Лесу, освещенным зажженным факелом на воротах. Волки взвыли, а пауки закрыли ворота на засов.

Испытание началось.

Глава 21

Сказочное испытание

В ужасе Софи повернулась в сторону Кико. Они должны были остаться вместе...

Но Кико бежала на восток, в сторону Клубничных полей, оглядываясь, чтобы убедиться, что её никто не преследует.

Софи быстро выбрала западное направление, напрямик к Голубому ручью, где она могла спрятаться под его мостом. Она ожидала, что Лес погрузится в крошечную тьму и ей придется разжечь огонь заклинанием, которому её обучил Хорт за завтраком. Но ночные деревья флуоресцировали холодным синим светом, излучая темное сияние, наполняя Лес арктическим свечением. Несмотря на то, что этот эффект был скорее зловещим, она вздохнула с облегчением. Горящий факел сделал бы из неё легкую мишень.

Когда она пробралась на Папоротниковую поляну, то почувствовала, как электрически синяя зелень целует её шею. Её тело расслабилось. Она воображала себе, что её здесь ждет только череда ужасов. Но Лес был необычайно тих. Никаких притаившихся зверей. Никаких душераздирающих воплей. Только она на эфирном лугу да ветер играющий в стеблях, как на струнах арфы.

Пока она пробиралась через папоротники выше её роста, то думала об Агате. Неужели учителя разгадали её план? Может Эстер его перехватила?

Софи почувствовала, как у неё на коже стал проступать пот.

Или Агата испугалась ей помочь?

Значит, если она победит с Тедросом, то никто не сможет препятствовать ей сменить школу. Она сможет управлять Добром, как их милосердный Староста. У неё будет принц для её Долго и Счастливо и жизнь королевы. Софи улыбнулась во все зубы. Если, конечно, она не исполнит свое обещание насчет отправления домой! Вот, если бы она могла выиграть это Испытание в одиночку, тогда ей не пришлось бы держать слово!

Она остановилась. «*Но я могу! Поглядите-ка на меня! У меня все получится, только если...*»

Послышался крик. В небе россыпью выстрелили белые искры. Кико сдалась.

Ноги Софи стали ватными. Сколько времени понадобилось нападающему на Кико, чтобы её найти? О чем она думала? Она не может здесь оставаться! Софи вытащила свой платок из кармана, развязала кроваво-красную материю и...

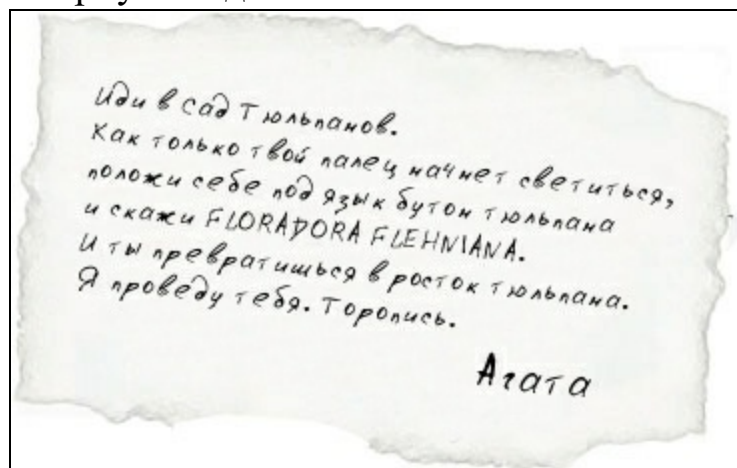
БАЦ! Что-то упало сверху и приземлилось рядом с её ногой. Она поглядела вниз на пергаментный свиток, обмотанный полоской ткани.

Тряпица светилась злой зеленой лягушкой.

Софи подняла взгляд вверх и увидела белую голубицу над деревьями. Голубица пыталась слететь вниз...

БАЦ! Барьер взорвался пламенем в небо, и если птица подлетит еще ближе, то ей не поздоровится. У преподавателей не было никакого шанса.

Софи нетерпеливо развернула подпаленный свиток...

Софи тяжело опустилась на землю, испытав облегчение. Тюльпан! Никто никогда её не найдет! Ох, как же она могла сомневаться в Агате? Милая, добрая Агата! Софи, чувствуя вину, засунула, скомкав, красный платок обратно к себе в карман и последовала за голубицей.

Чтобы добраться до Сада Тюльпанов по тропе, она должна пересечь Бирюзовый Чашу, затем Тыквенную грядку, и наконец Лесок Дремучих Ив. Когда она последовала за Агатой через папоротники в Чашобу, фосфоресцирующие листья осветили тропу холодным синим светом. Софи могла разглядеть каждую трещинку и царапинку на сияющих стволах, включая зарубку Векса, которую он оставил над её головой.

Неожиданно задул ветер и разметал листья по тропинке. Она не могла видеть Агату сквозь кроны деревьев. Софи услышала приглушенный ворчание — человек? зверь? — но она не остановилась, чтобы выяснить это. У неё в ушах звенел крик Кико, и она побежала по тропинке, приподняв свой волочившийся по земле плащ. Спотыкаясь о кусты и пни, она нырнула в колкие ветви, бросилась через щупальца синих листьев, пока не увидела тыквы и скорей-скорей прошмыгнула между двумя светящимися стволами...

Между ними кто-то стоял. Маленькая девочка в красном капюшоне.

— Извини? — окликнула Софи. — Мне нужно пройти.

Незнакомка в красном капюшоне подняла глаза. Это была вовсе не девочка. У неё были затуманенные голубые глаза, розовый румянец на сморщенных пятнистых щеках, густые седые волосы, собранные в два пучка.

Софи рассердилась. Она терпеть не могла старух.

— Я же сказала — мне нужно *пройти*.

Женщина не шелохнулась.

Софи зашагала к ней:

— Глухая что ли?

Старя карга сбросила красный плащ и обнажила свое ястребиное грязное обрюзгшее тело. Софи отшатнулась назад, услышав оглушительный клетот. Появились еще две птицы-старухи и двинулись прямо на неё.

Гарпии.

Агата же учила её... *Льстецы? Слепцы?*

А потом она увидела их скрюченные, острые как лезвие, когти.

Детей едоки.

Они со страшным криком бросились к ней, и Софи нырнула под крыло, когда вопящие чудовища накинулись на неё, уродливые лица которых исказились от ярости. Она мчалась через кусты, чтобы спрятаться от них, но каждый уголок чащи светился синим цветом. Гарпии попытались вцепиться ей в шею, и она сунула руку в карман, нащупав красный платок — плащ запутался в ногах и она рухнула на дерн. Когти погрузились в её спину и она закричала, когда её оторвали от земли, размахивающую платком. Гарпии уже раскрыли свои пасти у неё перед лицом...

Чащоба потемнела.

В криках послышалось замешательство — когти отцепились от неё и Софи рухнула в грязь. В кромешной тьме она пробиралась сквозь царапающие ветви, пока её руки не нащупали бревно и она спряталась за ним. Она слышала, как когти слепо царапали грязь, а яростное ворчание все приближалось. Софи отпрянула и врезалась с криком в камень. Чудовище её услышало и повернуло свою голову...

Чащоба вновь загорелась синим светом.

Гарпии задрали вверх клювы, чтобы увидеть Голубку-Агату парящую высоко, кончики крыльев которой светились оранжевым. Агата взмахивала крыльями, и чаща погружалась во тьму. Агата снова ими взмахивала и чаща освещалась. Темнота, а потом свет, темнота, а потом свет, пока Гарпии не поменяли цель и две не полетели за Агатой, которая в страхе пронзительно закричала...

— *Лети!* — закричала Софи, но Агата била крыльями, крутясь на месте, будто забыла, как это делается. Два чудовища метнулись к беспомощной голубке, поднимаясь все выше и быстрее, пока их когти не достали до...

Барьер с жутким треском взорвался огнем, и они упали на землю, обугленными телами с сожженными перьями.

Последняя Гарпия уставилась на их дымящиеся тела. Она медленно подняла глаза. Агата улыбнулась и помахала светящимся крылом. Чаща снова стала светлой. Чудовище повернуло голову и...

Софи размозжила камнем ей голову.

В Лесу воцарилась тишина, она тяжело дышала и истекала кровью, одна на земле, ноги под плащом тряслись.

Софи посмотрела в небо.

— Я хочу поменяться местами!

Но голубка уже была на полпути к Тыквенной грядке. Несчастной Софи ничего не

оставалось, как следовать за ней. Её рука судорожно сжимала платок в кармане.

На безмолвной грядке, тыквы, светящиеся синим, отбрасывали разнообразные тени. Софи ступила на грязную дорожку, которая змеилась между горящими сферами, бормоча себе под нос, что это тыквы, всего лишь тыквы, и даже Школьный директор не может заставить их казаться страшными. Она бросилась вперед, чтобы не отставать от Агаты...

На тропинке появились темные силуэты. Перед ней стояли два человека.

— Здравствуйте? — окликнула Софи.

Те не двинулись с места.

Сердце Софи бешено колотилось, она подошла ближе. Их было больше двух, по меньшей мере, десятеро.

— Чего вы хотите! — выкрикнула она.

Нет ответа.

Она подошла чуть ближе. Они оказались семь футов ростом, худощавые, лица словно черепа, а кривые руки были сделаны из...

Соломы.

Пугало.

Софи выдохнула.

Пугала стояли по обе стороны тропинки, дюжины на деревянных крестах, охраняя тыквы распростертыми руками. Тыквы позади пугал освещали их профили, выявляя изорванные коричневые рубахи, лысые головы из мешковины, и черные ведьмины шляпы. Когда Софи медленно проходила мимо них, то видела их пугающие лица — пустые глазницы, оборванные свиные носы, зашитые большими стежками улыбки. Вдоволь набоявшись, она поспешила вперед, глядя теперь только на тропинку.

— *Помогите мне...*

Она застыла. Голос исходил от ближайшего к ней пугала. И она знала этот голос.

«*Этого не может быть*», — подумала Софи. Она постаралась отмахнуться от этой мысли.

— *Софи, помоги мне...*

Перепутать было невозможно.

Софи заставила себя идти вперед. «*Моя мать мертва*».

— *Я внутри...* — прохрипел голос ей в спину, слабый от агонии.

Глаза Софи наполнились слезами. «*Она умерла*».

— *Я в западне...*

Софи повернулась.

Пугало больше не было пугалом.

На неё с деревянного креста смотрел человек, которого она знала. Из-под шляпы на неё взирали серые глаза без зрачков. Вместо рук у него торчали два крюка для мяса.

Софи побледнела.

— Отец...?

Его шея с треском повернулась, и он осторожно оглядел себя на кресте.

Софи отпрянула и напрямик угодила в другое пугало. Это был тоже её отец, оторвавший свои руки от креста. Софи осмотрелась — все пугало были её отцом, слезающие со своих крестов и идущие к ней, мясные крюки поблескивали в холодном синем свете.

— Отец... это я...

Они приближались. Софи вжалась в крест.

— Это...я...Софи...

А далеко впереди голубка оглянулась и увидела, как Софи, крича, съежилась, в то время как пугала мирно стояли по обе стороны тропинки. Агата вскрикнула...

Софи споткнулась об тыкву и упала. Она вращала головой из стороны в сторону, чтобы увидеть лицо своего отца, лишенного милосердия, снова и снова.

— Отец, пожалуйста!

Пугала подняли свои крюки. У Софи замерло сердце — она сделала последний хриплый вздох и закрыла глаза. Сталь прорезала воздух...

Вода.

Прохладная, чистая вода.

Открывшись, её глаза встретились с бурей.

Тропинка была пуста. Только пугала на крестах, разорванные в клочья.

Парящая в вышине Агата, взмахнула светящимся крылом и дождь прекратился.

Софи рухнула на затопленную дорожку.

— Я не могу... я этого не переживу...

Вдали послышался вой. Её глаза расширились от ужаса.

Следующая пара вошла в Лес.

Разволновавшись, голубица окликнула её и полетела в Ивовый лесок.

Дрожа, Софи кое-как поднялась и последовала за Агатой, удивляясь, как еще её сердце бьется от пережитого.

Она шла длинной, узкой тропой через Дремучие Ивы, склонивших свои кроны вниз по холму, поэтому Софи не могла видеть призрачное голубое сияние Сада Тюльпанов внизу. Последний рывок и она будет в безопасности, среди своих цветов. На мгновение, она задумалась, почему Агата не заставила её превратиться в дерево или травинку возле ворот, но потом вспомнила, что Юба научил их обнаружить заколдованные деревья, а травинку бы затоптали к концу ночи. Нет, Агата выбрала то, что нужно. Один тюльпан среди тысячи. Она будет в безопасности до рассвета.

Пока Софи пробиралась через ивы, её глаза судорожно искали следующую опасность. Но сапфировые деревья стояли, словно стражи вдоль дорожки, длинные висячие ветви сверкали, словно хрусталь в люстрах. Когда она плавно шла мимо, листья вокруг неё шелестели в медленном красивом ритме, капельки скатывались в браслеты.

«Здесь что-то есть. Не обманывай себя».

Волки у ворот снова взвыли, и у неё свело живот.

Теперь их в Лесу, по крайней мере, четверо: Брон, Тристан...а кто потом? Ну почему она не запомнила, кто за кем идет! Она должна добраться до тюльпанов, прежде чем они её найдут! Софи бросилась бежать за голубицей, летевшей впереди. Она не заметила, что, чем быстрее она бежала, тем быстрее опадали ивовые листья, осыпая её подозрительными искрами света.

А потом её голова отяжелела, ноги ослабели...

Нет...

Из-за нападавших листьев она, спотыкаясь, замедлила шаг.

Дремучие ивы...

Пролетая над ней, Агата посмотрела вниз и вскрикнула.

Софи едва переставляя ноги шла вперед, услышав аромат тюльпанов... *еще несколько шагов...*

Она упала всего в десяти футах от цветов.

Агата махнула светящимся крылом, вызвав раскаты грома. Софи не шелохнулась. Агата попыталась наколдовать дождь, град, снег, но безрезультатно. В отчаянии она затянула любимую песню Софи дрянную оду о принцах и свадьбах...

Глаза Софи приоткрылись.

В полном восторге голубица продолжила петь, фальшивя в каждой ноте...

А потом Агата поперхнулась.

Синие капюшоны.

Два а Чашобе, два на Тыквенных грядках, еще два возле ворот. Она не могла разглядеть, кто именно это был, но все они застыли, внимательно прислушиваясь, чтобы понять, кто был источником песни, которая только что доносилась до них.

А потом они припустили прямо к тюльпанам.

Агата взглянула на Софи, распластавшуюся в грязи... значит, синие капюшоны идут, чтобы убить её...

Софи на земле, вцепилась ногтями в почву и проползла на несколько дюймов вперед.

Почувствовав, что она пытается сбежать, ивы еще быстрее принялись ронять листья, парализуя её мышцы. Агата беспомощно махала крыльями, голубица металась между Софи и охотниками на неё.

Пыхтя, кряхтя, Софи добралась сама через последнюю гряду ив, обращая лепестки под ней в грязь. Ликуя, она свалилась в большие синие цветы и вдохнула их аромат, который тут же возродил её. Она сунула бутон тюльпана в рот, выхватила записку Агаты из кармана, палец загорелся розовым...

— FLORADORA FLEUR...

Она застыла.

На другом конце Сада Тюльпанов ей улыбались Векс и Брон. У них в ладонях бились две крошечные белые рыбки.

— Так вот значит, как вы собирались убить меня? — фыркнула Софи. — *Рыбой?*

— Золотой рыбкой, — уточнил Брон. Рыбка у них в руках стала черной.

— И мы хотим быть замом Старосты, — ухмыльнулся Векс.

Мальчишки швырнули рыбешек в воздух — рыбки тут же стали надуваться, одна размером с тело Софи, другая с голубку, клацая пираньими зубами...

Окаменевшая Софи зажмурилась. Она почувствовала, что её палец горит...

ПУФ! Розовая лисица увернулась от опухших рыб, которые ударились об землю и поскакали по ней, будто мячики. Софи, спасаясь, бежала между ними, лапы скользили по тюльпанам...

Быстрее! Нужно что-то быстрее! Её палец засветился, готовый помогать. *Гепард! Лев! Тигр!*

Пуф! Она превратилась в розового медлительного бородавочника, который бежал вразвалочку и испускал газы. Софи стало не по себе от ужаса. Надувные рыбки отскочили от дерева и рванули за ней. Она вытянула свои светящиеся копыта, и сосредоточилась сильнее...

ПУФ! Она проскочила между ними розовой газелью, и слышала, как рыбы врезались друг в дружку.

Софии, прихрамывая, ворвалась на поляну, тяжело дыша. Слабый волчий вой у ворот, заставил её вздрогнуть. Еще больше врагов на её пути.

Её большие зеленые глаза искали в темном небе Агату. Ничего. Кроме звезд, подмигивающих ей в ответ.

Она посмотрела назад и подскочила на месте. На другой стороне поляны в лунном свете стояли Тристан с Чаддиком. Тристан с ледяным выражением лица зарядил лук стрелой. Чаддик обнажил свой меч.

Софи побежала...

Рина преградила ей дорогу. Арабская принцесса свистнула, и на поляну выбежали два золотистых волкодава, обнажая острые зубы, словно кинжалы.

Софи обернулась и увидела Арахне, вышедшую из-за дерева. Палец её светился. Еще два Счастливица зарядили стрелами свои луки.

Ноги Софи — розовой газели подгибались, она была окружена. Она ждала, когда же её спасет белая голубка.

— Пли! — закричал Чаддик.

Мальчишки выпустили стрелы, Арахне ткнула пальцем в направлении Софи и два пса сорвались с мест, когда розовая газель вытянула свое розовое копытце, закрыв глаза...

Стрелы и проклятья пролетели над её чешуйчатой головой гремучей змеи. Софи с облегчением прошипела и поползла скорее-скорее в сторону безопасных деревьев... пока её не накрыла тень.

На неё набросился волкодав Рины и схватил в зубы.

В ярости, Софи почувствовала, как её змеиная погремушка горит розовым...

Слоновий зад раздавил собачью голову, Софи в панике утопала с поляны, трубя в хобот от ужаса. Стрелы Счастливец вонзились в массивный розовый круп и она, взыв от боли, рухнула в траву. Софи посмотрела назад на десять убийц в капюшонах и двух чавкающих рыбок, прыгающих к ней. Беспомощная, загнанная в угол, она подняла светящийся слоновий хобот...

Проклятья, стрелы, мечи, рыбки... всем достались только перья, когда Софи взмылась в воздух розовым неразлучником...

Победно взвизгнув, Софи полетела все выше и выше, прочь от стрел, чтобы те не достали её, а потом она увидела отблеск пламени барьера. Софи в шоке отпрянула и почувствовала, как что-то схватило её за крыло. Медленно, её тянул хлыст из воды прямо к фигуре в капюшоне в Голубом ручье.

Софи закричала, взывая о помощи, но её схватило еще большее количество кнутов, притягивая вниз через ветви к её хватчику в водном потоке, который обрушился на воду светящимся зеленым пальцем. Медленно вода доставила неразлучника-Софи в пепельные руки, когда тень скинула капюшон.

— А ты ведь могла бы стать великой ведьмой, — сказала Анадиль, постукивая ее по клюву. — Даже лучше меня.

Неразлучник глядел на неё умоляющими глазами.

Пальцы Анадиль сдавили тоненькую шею. Птица, задыхаясь, била крыльями, но Анадиль давила все сильнее, и, когда в глазах у Софи потемнело, она знала, что последнее увиденное ею — это горящая звезда, падающая с небес, прямоком на ведьму, врезавшаяся ей в шею...

В мгновение ока, горящая голубка вырвала Софи из рук Анадиль, и унесла её безразличное небо.

Когда стрелы разорвали крону деревьев, Агата выставила свое светящееся крыло и

превратила их в маргаритки на ветру. Она летала так долго, сколько могла продержаться в огне, чтобы Софи поднялась на ноги, а потом нырнула во тьму соснового ущелья и птица ударилась о землю, крутясь, сбивая пламя.

Плачущая, Агата изо всех сил пыталась, чтобы её обгоревшее крыло засветилось. Оно замерцало — и она с Софи превратились тут же в людей, обе парализованные от боли. Софи бросила взгляд на обнаженные руки Агаты, испещренные ожогами. И прежде чем Софи сумела закричать, глаза Агаты округлились и она, соединив указательные и большие пальцы, приложила светящиеся оранжевые круги к ним и сказала:

— *Floradora pinscoria!*

Обе они превратились в щуплые синие сосенки.

Анадиль вместе с Арахне ворвалась на узкую лесистую лощину. Они вгляделись в пустынный участок.

— Я же говорила тебе, что они приземлились в тыквы, — сказала Арахне.

— Тогда веди, — сказала Анадиль.

— Кто из нас её прикончит? — спросила Арахне, поворачиваясь...

Анадиль оглушила её молнией. Она достала красный платок из кармана Арахне и бросила его на землю. В воздухе взорвался столп красных искр и Арахне исчезла.

— Я, — сказала Анадиль.

Красные глаза сузились, и она бросила один последний взгляд на округу.

— Ник, я видел её здесь! — раздался голос Чаддика поблизости.

Анадиль коварно улыбнулась и зашагала в его направлении.

В ночном безмолвном ущелье бок о бок дрожали две сосенки.

Ночь только началась.

А снаружи золотых врат, невыбранные Счастливы и Несчастливы ждали, когда с табло исчезнет имя Софи, как исчезли имена Кико и Арахне. Но время шло и все больше имен исчезало — Николас, Мона, Тристан, Векс, Тарквиний, Рина, Жизелль, Брон, Чаддик Анадиль — имя Софи же упорно оставалось на табло.

Неужели Софи с Тедросом объединились? А что будет означать их победа? Принц и ведьма... *вместе?*

По прошествии нескольких часов, Добро и Зло смотрели друг на друга по разную стороны Поляны — поначалу угрожающе... потом с любопытством... после с надеждой... и прежде, чем они сами поняли, что произошло, ученики стали прохаживаться на противоположные стороны, делясь пледом, блинчиками и вишневым сиропом. Зло думало, что Добро подсовывало им испорченные вещи и продукты, а Добро считало, что это хоть как-то вразумит Зло. Но это было неважно.

Две стороны, вскоре слились воедино, радостно приветствуя Революцию Принц-Ведьма.

А внутри, в холодном ущелье, ждали две сосенки.

Они ждали в тишине, прерываемой криками. Они ждали под звуки сражений своих одноклассников с врагами и предательством друзей. Они ждали, когда что-то ловило в ловушку ребенка за ребенком с неистовыми всплесками в Ручье. Она ждали, когда, пускающие слюни, тролли протопали мимо них, размахивая окровавленными молотами. Они ждали, когда красные и белые искры окрасили небо, пока не осталось всего четыре состязавшихся ученика.

А потом Синий лес умолк на очень долго.

Их желудки изнемогали от голода, а холодный ветер морозил их иголки. Их одолевал сон. Но два деревца упрямо держались на корнях, пока небо не окрасилось голубым. Софи затаила дыхание, желая, чтобы скорее показались солнечные лучи...

В ущелье хромая вошел Тедрос.

Он был без плаща, без меча, только помятый щит в руке. Его туника изодрана, серебристый лебедь на обнаженной груди сиял на фоне рубцов и крови. Принц взгляделся в светлеющее небо. А потом он устало привалился к остову сосны, тихо шмыгая носом.

— *Corpadora volvera*, — прошептала Агата. — Это контрзаклинание. Иди к нему!

— Когда солнце взойдет, — в ответ прошептала Софи.

— Ему нужно знать, что ты в порядке!

— Он узнает об этом уже через несколько минут.

Тедрос выпрямился.

— Кто здесь?

Его взгляд переместился на деревца Агаты и Софи, как кто-то вышел из-за их тени.

Тедрос отступил к дереву.

— А где твоя ведьма? — прошипела Эстер целая и невредимая в чистом плаще.

— В безопасности, — прохрипел Тедрос.

— А, понятно, — ухмыльнулась Эстер. — Для твоей *команды* это слишком.

Принц напрягся.

— Она знает, что я тоже в безопасности. В противном случае, она была бы уже здесь, чтобы сражаться со мной бок о бок.

— Ты так в этом уверен? — поинтересовалась Эстер, сверкая черными глазами.

— Вот, что нас делает Добром, Эстер. Мы доверяем. Мы защищаем. Мы любим. А что есть у вас?

Эстер улыбнулась:

— *Искушение*.

Она выставила вперед свой светящийся и красный палец, а её тату слезла с её шеи, раздуваясь от крови. Тедрос в ужасе отступил назад, когда её демон разбухал от крови, все больше и больше, и вот-вот мог лопнуть. Пока Эстер шипела заклинание, глаза её посерели, а кожа потеряла цвет. Она сползла в агонии на землю и выла от ярости, будто её душу раздирали на части. А потом тело демона разделилось на части... голова, две руки, две ноги.

Пять отдельных частей и все живые.

Тедрос побелел, как снег.

Пять демоновых частей бросились к нему, вместо огненных стрел, низвергая в него кинжалы. Он отбился своим щитом от проникающего удара в голову и ногу, но рука соскользнула, и кинжал угодил ему в бедро. С криком он отвел руку, вытащил нож из ноги, и поднялся вверх цепляясь за единственное дерево в ущелье...

Ветка агатовой сосны стукнула Софи:

— Помоги ему!

— И быть разорванной на пять частей? — огрызнулась Софи.

— Ты ему нужна!

— Ему нужно, чтобы я была в безопасности!

Демон швырнул нож в голову принцу и тот запрыгнул как раз вовремя на ветку, что находилась выше. Остальные четыре конечности метнулись в его сторону, замахнувшись

кинжалами...

Загнанный в ловушку, он взглянул на Эстер, сидящую на ослабших коленях, направляющую части демона своим светящимся пальцем. Глаза Тедроса округлились, когда он кое-что увидел сквозь листья.

Красный шелк. В её ботинке.

Демонические части тела решительно выпустили пять ножей, все направленные в его жизненно-важные органы. Когда они проникли в его рубашку, он спрыгнул из дерева и приземлился на свое запястье, которое издало отвратительный треск.

Эстер заметила, как он подбирается к ней. Она сделала движение пальцем, призывая части демона вернуться за новыми ножами. Тедрос не отрывал глаз от её пристального взгляда, когда подползал к ней. Эстер презрительно подняла палец выше и конечности понеслись обратно, чтобы прикончить его. На этот раз не будет никаких промахов. Она взревела и ножи устремились нанести удар... принц рванулся к её ботинку...

Рот Эстер в ужасе раскрылся, когда Тедрос припечатал её красный платок к земле. Ножи упали на землю, а все части демона исчезли. А потом исчезла и Эстер, с широко распахнутыми от удивления глазами.

Тедрос рухнул спиной на землю. Тяжело дыша, он уставился в розовое небо. Рассвет приближался.

— Софи, — прохрипел он.

Он сделал глубокий вздох.

— СОФИ!

Агата с облегчением опустила иголки. А потом она увидела, что сосенка Софи, убирает лишние иголки.

— Что ты дела... *Вперед*, кретинка!

— Агата, я без *одежды*.

— По крайней мере, я его звала, так что он знает... — Агата замерла.

На земле лежала рука демона, которая еще не полностью исчезла. Она мерцала в воздухе, желая остаться.

А потом она проскользнула по траве и подняла с земли нож.

— Софи... Софи... вперед...

— Солнце взойдет в любую минуту...

— *Софи, вперед!*

Сосенка Софи повернулась и увидела, как из-за плеча Тедроса поднимается нож. Она ойкнула и спрятала свои глаза...

Клинок полетел. Тедрос слишком поздно увидел, что кинжал нацелен прямо ему в сердце.

Неожиданно щит пригвоздил руку в земле. Демонова рука со скрипом дернулась и растворилась в воздухе.

Ошеломленный Тедрос пялился на неглубокую рану на своей грудной мышце, и окровавленный нож на своей груди. Он поднял глаза на Агату, прикрывающую свое тело его щитом.

— Однако, пока так и неясно где бы раздобыть немного одежды, — пробормотала она.

Тедрос в шоке подскочил на ноги.

— Но... ты ведь даже... что ты...

Он увидел за её спиной дрожащее деревце. Тедрос ткнул в его сторону своим

свелящимся золотом пальцем:

— *Corpadora volvera!*

Софи упала вперед и спрятала свое тело за кустарником...

— Агата, мне нужна одежда! Тедди не мог бы ты отвернуться?

Тедрос помотал головой.

— Но в библиотеке... та книга... Вы жульничали!

— Тедди, нам *пришлось*... Агата, *помоги!*

Агата вытянула свой обожженный светящийся палец в сторону Софи, чтобы обернуть её лозой, но Тедрос схватил её за руку.

— Ты сказала, что будешь сражаться вместе со мной! — выкрикнул он, уставившись на Софи, прятавшуюся за кустарником. — Ты сказала, что будешь прикрывать мне спину!

— Я знала, что с тобой все будет в порядке... Агата, *прошу тебя*...

— Ты лгала! — сказал он надломленным голосом. — Все, что ты говорила, было ложью! Ты меня использовала!

— Это не так, Тедрос! Ни одна принцесса не станет рисковать собственной жизнью! Даже, если её истинная любовь...

Тедрос смотрел очень неласково, сильно покраснев.

— Тогда зачем нужна *она*?

Софи проследила за взглядом принца к Агате, в ссадинах и ожогах.

Агата заметила, что глаза Софии медленно округлились, будто обнаружила нож воткнутый ей в спину. Но только Агата попыталась сама защититься, как солнечный свет ворвался в ущелье и омыл её тело золотом.

Волки возле ворот взвыли. Послышался топот детских шагов, прогремевших по Лесу.

— У них получилось!

— Они победили!

— Софи и Тедрос победили!

В ущелье ворвались тела. Запаниковав Агата зажгла свой палец и улетела прочь белой голубкой, пока ученики еще не показались в ущелье...

— Счастливцев и Несчастливцев! — прокричал кто-то.

— Ведьма и принц! — проорал кто-то другой.

— Все чувствуем Софи и Тед...

Лес умолк.

С дерева Агата наблюдала за невыбранными Счастливцами и Несчастливцами, хлынувшими в ущелье, потом за павшими соперниками, вылеченными и подлатанные магией — все застыли, увидев представшую сцену.

Софи пряталась за кустарником, а Тедрос испепелял её взглядом.

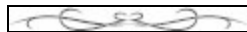
И они понимали, что мира никогда не будет.

Счастливцы и Несчастливцы всегда будут порознь — они вечные враги.

Ни одна из сторон не могла слышать смех, раздававшийся из башни, наполовину скрывавшуюся в тени, нависающую над всеми ними.

Глава 22

Немезидовы сны

— Ты не видела мою пижаму? — прохныкал Хорт из-за двери Софи. — Такая, с лягушками?

Запеленавшись в его изодранные простыни, Софи уставилась в окно, которое она затемнила черным одеялом.

— Мне отец их смастерил, — шмыгнул носом Хорт. — Я не могу спать без них.

Но Софи просто таращилась в черное окно, как будто в нем было что-то такое, что только она могла видеть.

Хорт принес ячменную кашу, вареные яйца, обжаренные овощи из Обеденного зала, но она не удосужилась открыть ему дверь, когда он постучал. Несколько дней Софи просто неподвижно лежала, словно труп, ожидая, что её принц все-таки появится. Вскоре её глаза совсем затуманились, и она уже не знала, который день, утро было за окном или ночь. Она не понимала: спит или бодрствует.

Но каким-то образом в этом мрачном тумане её сморил первый сон.

Ей привиделись полосы, черные и белые, а потом она почувствовала привкус крови. Она вглядывалась в бурю обжигающего красного дождя. Она попыталась спрятаться, но была привязана к белокаменному столу фиолетовыми шипами, её тело было исписано странными надписями, которые она уже где-то видела, но не могла припомнить где именно. Рядом с ней появились три старые ведьмы, распевая и водя скрюченными пальцами по надписям на её коже. Темп ведьминых распеваний становился все быстрее и быстрее, пока над ней не появился стальной, длинный и узкий клинок, напоминающий спицу. Софи попыталась вырваться, но было уже слишком поздно. Нож вонзился, её живот затопила боль, и что-то зародилось внутри неё. Чистое белое семя, потом молочная масса, которая становилась все больше и больше, пока она не увидела что же это было... Лицо... лицо слишком размытое, чтобы различить его черты...

— Сейчас же убей меня, — раздался голос.

Софи тут же проснулась.

На краю её кровати сидела, завернутая в испачканные простыни Хорта, Агата.

— Знаешь, даже не хочу *знать* в чем это они.

Софи не глядела на неё.

— Ну ладно тебе. Можешь надеть на мой нос прищепку на занятие у Юбы. — Агата поднялась. В прореху из окна вползло немного света. — Третий день идет «Узнай зверька по его фекалиям»!

В комнате висела напряженная тишина.

Агата рухнула на кровать.

— А что мне оставалось делать, Софи? Я не могла позволить ему *погибнуть*.

— Это не правильно, — сказала Софи, скорее себе. — Ты и я... это не правильно.

Агата спешно придвинулась ближе.

— Я хочу для тебя только лучшего...

— *Нет*, — сказала Софи так резко, что Агата отпрянула назад.

— Я просто хочу вернуть нас домой!

— Мы не попадем домой. Сама видела.

— Ты думаешь, мне этого хотелось? — сказала раздраженно Агата.

— Почему ты здесь?

— Потому что хотела посмотреть, как ты. Я волновалась.

— Нет. Почему ты *здесь*, — сказала Софи, таращась на окно. — В моей школе. В моей сказке.

— Потому что я пыталась тебя спасти, Софи! Я пыталась тебя спасти от проклятья!

— Тогда почему ты постоянно причиняешь страдания мне и моему принцу?

Агата нахмурилась.

— Это не моя *вина*.

— Мне кажется, это от того, что в глубине души, ты не хочешь, чтобы я нашла любовь, Агата, — сказала Софи спокойным голосом.

— Что? Конеч...

— Мне кажется, что ты хочешь, чтобы я проводила время *только с тобой*.

Тело Агаты застыло.

— Это... — Она сглотнула. — Это *глупо*.

— Школьный директор был прав, — сказала Софи, все еще не глядя на неё. — Принцесса не может дружить с ведьмой.

— Но мы подруги, — пробормотала Агата. — Ты моя единственная подруга, которая у меня когда-либо была!

— Агата, знаешь, *почему* принцесса не может дружить с ведьмой? — Софи медленно повернулась. — Потому что у ведьмы никогда нет собственной сказки. Ведьма *губит* сказку, чтобы быть счастливой.

Агата боролась с подступившими слезами.

— Но я не... я не ведьма...

— **ТОГДА ЖИВИ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ!** — выкрикнула Софи.

Она смотрела, как в её затемненное окно выпорхнула голубка, а потом свернулась клубочком под своими простынями, укрывшись так, чтобы свет совсем исчез.

В ту ночь Софи приснился второй сон. Она бежала по лесу, голодная как никогда — пока не встретила оленя с человеческим лицом, таким же молочно-белесым, какое она видела накануне. Она пригляделась, чтобы разобраться, кто же это был, но лицо превратилось в зеркало, и она увидела только свое отражение. Но это была не она в зеркале.

Это был Чудовище.

Софи проснулась в холодном поту, в висках стучала кровь.

Снаружи комнаты номер тридцать четыре, ютился Хорт, при свете свечи, читая, «*Дар Одиночества*».

Дверь позади него со скрипом отворилась.

— Что обо мне говорят?

Хорт замер, будто приведение услышал. Он обернулся, глаза его расширились.

— Я хочу знать, — сказала Софи.

Она последовала за ним в темный коридор. Суставы её хрустели. Софи не помнила, когда стояла в последний раз.

— Я ничего не вижу, — сказала она, разыскивая впотьмах его светящуюся эмблему лебедя на груди. — Где ты?

— Сюда.

Зажегся факел и в свете огня показался перебинтованный Хорт. Софи попятилась от него.

Каждый дюйм черной стены у него за спиной была покрыта плакатами, лозунгами, граффити — ПОЗДРАВЛЯЕМ, СТАРОСТА! С ТРИУМФОМ В ИСПЫТАНИИ! ЧТ ВЫЖИЛ! — сопровождающиеся скабрёзными карикатурами Счастливец, демонтирующие различные несчастные случаи, приводящие к смерти. Под стеной на полу валялись зеленые букеты из цветов-хищников, держа в острых зубах бутонов сообщения:

Хотел бы я поменяться с тобой местами!

Раван

Ты величайшая Воровка Сердец!

Мона

Тедрос это заслужил!

Твоя подруга, Арахне

Софи была ошеломлена.

— Я не понимаю...

— Тедрос сказал, что ты использовала его, чтобы победить в Испытании, — объяснил Хорт. — Леди Лессо назвала это «Ловушка Софии» — сказала, что ты даже её одурачила! Учителя сказали, что ты лучшая Староста Зла за все время. Смотри!

Софи проследила за его взглядом к ряду зеленых коробочек среди букетов, перевязанные красными лентами.

Она открыла первый и обнаружила пергаментную карточку:

НАДЕЮСЬ, ВЫ ПОМНИТЕ, КАК ЭТИМ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ.

ПРОФЕССОР МЭНЛИ.

Под карточкой лежал плащ из черной змеиной кожи.

В последующих коробочках она плучила от Кастора мертвого перепела в подарок, леди Лессо подарила цветок во льду, а Сэдер её плащ для Испытания, при этом прося её пожертвовать эту вещицу для Выставки достижений Зла.

— Какой гениальный ход, — заискивающе сказала Хорт, пытаюсь примериться к плащу. — Превратиться в растение и ждать, пока останутся только Тедрос и Эстер, а потом заманить и отыграть на Эстер, пока Тедрос ранен. Но почему ты не расправилась с Тедросом? Все спрашивают, но он ничего не говорит. Я сказал, что солнце взошло, ты просто не успела.

Хорт увидел выражение лица Софи и его улыбка исчезла.

— Это же был ловкий ход, не так ли?

Глаза Софи наполнились слезами. Она начала трясти головой...

Но потом она кое-что заметила на стене перед ней.

Черная роза, шипы которой проткнули записку. С записки еще капали чернила.

Софи взяла её в руки.

Мошенница. Лгунья. Змея.

Ты там, где и должна быть.

Да здравствует ведьма.

— Софи? От кого это?

У Софи защемило сердце, когда она услышала такой знакомый аромат, источаемый шипами.

Значит, это была её награда за Любовь.

Она раздавила розу, окропив кровью слова Тедроса.

— Это заставит тебя почувствовать себя лучше.

В комнате номер шестьдесят шесть Анадиль черпала молочно-желтую муть из своего казана, капая на пол. К образовавшимся лужам немедленно подлетали крысы, уже выросшие на восемь дюймов, кусались и царапались за право лизнуть первой.

— Твой талант становится сильнее, — прохрипела Эстер.

Анадиль села на краешек постели Эстер с пиалой.

— Всего несколько глотков.

Эстер сделала только один, а потом упала на спину.

— Не стоило даже и пытаться, — прохрипела она. — Она слишком хороша. Она в два раза лучше ведьма, чем я...

— Тише, не напрягайся.

— Но она любит его, — сказала Дот, свернувшись калачиком на своей кровати.

— Она *думает*, что любит, — уточнила Эстер. — Как мы все думали.

Глаза Дот вылезли из орбит.

— Дот, да я тебя умоляю. Думаешь, она единственная Несчастивица замаранная

любовью?

— Эстер, перестань, — с нажимом сказала Анадиль.

— Нет уж, давайте на чистоту, — упорствовала Эстер, изо всех сил пытаясь сесть. — Все мы испытывали постыдное волнение. Все мы чувствовали слабость.

— Но эти чувства — неправильны, — сказала Анадиль. — И неважно насколько они сильные.

— Вот, почему этот случай особенный, — иронично сказала Эстер. — Она почти убедила нас, что они были правы.

В комнате повисла тишина.

— И что теперь с ней будет? — спросила Дот.

Эстер вздохнула:

— А то, что было с нами всеми.

На сей раз их молчание было прервано удаленными треском в медленном, угрожающем ритме. Три девочки вытянули шею в сторону двери, а треск стал жестче и чище, словно удар хлыста. Он становился громче, более резким, пронзая коридор, затем ослабев возле их комнаты, затих.

Дот с облегчением пукнула.

Дверь распахнулась и девочки вскрикнули, а Дот даже свалилась с кровати...

Сильная тяга сдула подвешенные платья и они занялись огнем от факела над дверью, отбрасывая всполохи света на затененные лица.

Волосы мерцали и свободно развивались, черные в тон накрашенным глазам и губам. Белая, как у призрака кожа светилась на фоне черного лака на когтях, черного плаща и черной кожи.

Софи шагнула в комнату, высокие серные сапоги чеканили пол.

Эстер улыбнулась ей в ответ.

— Добро пожаловать домой.

Дот нервно пискнула с пола:

— Но где мы найдем новую кровать?

Три пары глаз уставились на неё.

У неё даже не было времени, чтобы собрать свои пожитки. Дот колотила в железную дверь в темном-претемном коридоре, но ответом ей была ужасающая тишина. Все было бесполезно.

Для шабаша хватало ведьм и её, будучи лишней, изгнали.

Счастливы не праздновали, когда Тедрос получил свой жетон Старосты. Как они могли, когда Софи сделала из него дурака?

— Зло вернулось! — горланили Несчастливы. — У Зла есть своя Королева!

А потом Счастливы вспомнили о том, чего нет у Несчастливых. То, что доказывает их превосходство.

Бал.

И Королева не была приглашена.

Первый снег завалил Поляну грязноватыми льдинками, стуча по ведрам Несчастливых громкой дробью. Когда они попытались схватить заплесневелый сыр замороженными пальцами, то метали свирепые взгляды на Счастливец чего-то ищущих, слишком занятых, чтобы волноваться о погоде. Когда до Бала оставалось всего две недели, девочкам

необходимо было сделать все возможное, чтобы расположить к себе мальчиков, потому что они по-прежнему отказывались приглашать кого-либо до Арены. Рина, например, ожидающая предложения от Чаддика, перекрасила старое платье своей умершей матушки под серый цвет его глаз. Но, если Чаддик вместо неё пригласит Аву (она подловила его за разглядыванием портрета Белоснежки, так что он может предпочитать бледных девиц), тогда её может позвать на Бал Николас. В этом случае она поменяется белым платьем с Жизель, которое отлично будет смотреться на фоне его смуглой кожи. А если её не пригласит Николас...

— Мама говорит, что добродетель заставляет людей чувствовать себя желанной, даже, если вы этого не хотите, — вздохнула она рядом с Беатрикс, которая явно скучала. С Софи более не влияющей на ситуацию, она понимала, что Тедрос был её парой. Не то, что бы он это подтвердил. Принц игнорировал всех, после Испытания, став угрюмым как Несчастливцы. Теперь Беатрикс почувствовала, что его настроение заразило и её, когда она смотрела, как он стреляет из лука в дерево, под которым они некогда сидели с Софи.

Тедрос рвал на части свое сердце, но не получал от этого удовлетворения. После нескольких дней издевок, его приятели попробовали как-то взбодрить его. Да кого волнует, что он хочет губить себя ради какой-то там Несчастливки! Да всем плевать, если впустую теряет с ней время! Он все еще победитель страшного Испытания и уделал их всех. Но Тедрос видел в этом только стыд, для него он был сейчас не лучше своего отца. Рабом ошибок своего сердца.

Однако, он по-прежнему никому не рассказал об Агате. Он знал, что она удивлена этим, потому что вздрагивала каждый раз, когда он обращался к классу, словно ожидая, что он в любую секунду рассекретит её. Но еще неделю назад, он бы с удовольствием понаблюдал за её наказанием, а теперь он чувствовал неуверенность. Почему она рисковала жизнью, чтобы спасти его? Может она говорила ему правда про горгулью? Может эта ведьма на самом деле... *Добрая?*

Он вспомнил, как она громко топала по коридорам, выпучив свои большие жучьи глаза...

Таракан. Вот, о чем говорила Беатрикс.

Значит, Агата была все время здесь, помогая Софи подниматься вверх по успеваемости? Должно быть она пряталась у Софи в платье или в волосах, нашептывая ответы и плетя заклинания... Но, как она заставила его выбрать Софи на тыквенном состязание?

Тедросу пополохело.

Одна из двух кикимор... Принцесса, вытолкнувшая его из гроба... Таракан, прячущийся на тыкве....

Он никогда не выбирал Софи.

Он каждый раз выбирал Агату.

Тедрос, ужаснувшись, выругался, ища её, но Агаты нигде не было видно на Поляне. Он должен был держаться подальше от этой девицы. Он должен был сказать ей, чтобы она держалась от него подальше. Он обязан был прекратить все это...

Кусок мокрого снега, ударил его по щеке. Слепленный водой, Тедрос увидел тени, скользящие к нему. Он вытер глаза — и опустил лук.

Софи, Анадиль и Эстер появились с одинаково черными волосами, черным макияжем, и угрюмым видом. Зашипев в унисон, они разогнали всех Счастливец, и на Поляне остались только Тедрос, да напуганные Счастливы, ютившиеся у него за спиной. Анадиль с Эстер

чуть поодстали от Софи, когда та подошла к Тедросу, чтобы встретиться с принцем лицом к лицу.

С неба между ними упал лед зазубренными осколками.

— Ты считаешь, что я притворялась, — выпалила Софи, подлетая к нему со своими зелеными глазами. — Думаешь, я тебя никогда не любила.

Тедрос попытался успокоить свое колотящееся сердце. Почему-то она была сейчас еще прекраснее, чем когда-либо.

— Софи, ты не можешь жульничать на пути к любви, — сказал он. — Мое сердце никогда тебя не желало.

— О, да видела я, кого желает твое сердце, — усмехнулась Софи, подражая Агатеной манере «считать ворон» и извечно хмурому виду.

Тедрос покраснел.

— Я могу объяснить это...

— Дай-ка, угадаю. Твое сердце слепо.

— Нет, оно просто готово выбрать кого угодно, *кроме тебя*.

Софи ухмыльнулась, а потом рванулась вперед, и Тедрос обнажил свой меч, как и его приятели, стоявшие позади него.

Софи слабо улыбнулась.

— Ты только погляди-ка, что произошло, Тедрос. Ты боишься своей истиной любви.

— Возвращайся на свою сторону! — выкрикнул принц.

— Я ждала тебя, — сказала Софи надломленным голосом. — Думала, ты придешь за мной.

— Что? Почему это я должен был прийти *за тобой*?

Софи уставилась на него.

— Потому что ты дал обещание, — выдохнула она.

Оскалив зубы, Тедрос в ответ в упор посмотрел на неё:

— Я не давал тебе никаких обещаний.

Ошеломленная, Софи уставилась на него. Потом она потупила взор и произнесла:

— Понятно.

Она медленно подняла на него глаза.

— Тогда я буду той, которой ты пожелал мне быть.

Она выставила свой светящийся палец вперед, и мечи парней превратились в змей. Когда Счастливыцы бежали, Тедрос пинком поднял пыль с земли в шипящие клубки. Затем повернулся и увидел, как Софи вытирает слезы, обернул плащ вокруг неё и поспешил прочь.

Эстер побежала, чтобы перехватить Софи.

— Стало лучше?

— Я давала ему шанс, — сказала Софи, идя быстрее.

— Да ты его даже сейчас даешь. Все кончено, — утешала её Эстер.

— Нет. До тех пор, пока он не сдержит обещание.

— Обещание? Какое обещание?

Но Софи уже мчалась к тоннелю. Когда она пробиралась сквозь перекрученные ветви, то почувствовала, что за ней кто-то наблюдает. Сквозь слезы и деревья она не могла видеть лица, смотревшее на неё с балкона — снизу оно казалось молочно-белым пятном. У неё засосало под ложечкой — она остановилась передохнуть...

Но лицо исчезло, будто это был сон.

На следующее утро, когда Добро проснулось, полы на всех их этажах были натерты салом. Спустя день уже кричали мальчишки-Счастливыцы, после того как надели свои мундиры обсыпанные порошком, вызывающим сыпь. На третье утро, учителя обнаружили исподнее вместо портрета Красавицы на Легендарном Обелиске, обмен сторон в Театре сказок, и конфетные классы залитые какой-то противной зеленой слизью.

Феям не удалось поймать вандалов на месте преступления. Тедрос со своими приятелями-Счастливыцами сформировал ночной дозор, который патрулировал все коридоры с заката до рассвета. Однако, преступникам по-прежнему удавалось ускользать от праведного гнева Добра и к концу недели, бандиты наводнили Палаты красоты скатами, деформировали коридорные зеркала, чтобы насмехаться над проходящими мимо, выпустили перекормленных голубей в Обеденный зал и зачаровали туалеты Добра, которые взрывались, когда ученики садились на фаянс.

Не на шутку разозлившись, профессор Дови требовала, чтобы Софи привлекли к ответственности, но леди Лессо сказала, что в высшей степени сомнительно, будто один ученик сумел бы изуродовать всю школу без помощи.

Она была права.

— Мне больше не приносит это удовольствия, — проворчала Анадиль после ужина в комнате 66. — Мы с Эстер хотим это остановить.

— Ты свершила свое возмездие, — добавила Эстер. — Отпусти его.

— Я думала, вы обе злодейки, — сказала Софи со своей кровати, не отрывая взгляда от *«Как избавиться от Ночных кошмаров»*.

— Злодейство свершается ради какой-то цели, — огрызнулась Эстер. — А то, чем мы занимаемся — просто хулиганство.

— Сегодня вечером мы запустим мальчишкам в бриджи чуму, — сказала Софи, перелистывая страницу. — Найдите нужное заклинание.

— Чего ты *добиваешься*, Софи? — умоляюще спросила Эстер. — За что мы боремся?

Софи подняла глаза:

— Вы будете помогать или мне без вас придется обойтись?

В ночном дозоре у Тедроса скоро оказались все шестьдесят мальчиков, но нападения Софи стали изощреннее. В первую ночь она заставила Эстер и Анадиль сварить зелье, чтобы превратить озеро Добра в иловый сток Зла, вынуждая волшебную волну смыться в канализацию. Варевое оставило их руки красными от ожогов, но Софи заставила их вернуться на рассвете, чтобы наводнить постельное белье Счастливыцев вшами. Вскоре девочки нападали так часто — добавление пивок в пунш на ужин Счастливыцам, выпускание саранчи во время лекции Умы, отправление разъяренного быка на урок Фехтования, проклятье лестниц Счастливыцев, чтобы каждая ступенька оглушительно верещала, как только на неё кто-нибудь наступал — что половина учителей Добра отменили свои занятия, Поллукс споткнулся на овечьих копытах о свои собственные ловушки, а Счастливыцы чувствовали себя в безопасности только перемещаясь в пакетах.

Профессор Дови ворвалась в кабинет леди Лессо.

— Эта ведьма должна быть исключена!

— Несчастливцу нет никакой возможности пробраться в вашу школу, уже не говоря о нападении, денно и нощно, — зевнула леди Лессо. — Все, что мы знаем — Счастливец сжульничал.

— *Счастливец!* Мои ученики побеждают в каждом состязании в этой школе на

протяжении двух сотен лет!

— До сего дня! — Леди Лессо улыбнулась. — И я не собираюсь просто так, *без доказательств*, терять свою лучшую ученицу.

Пока Профессор Дови отправляла одно за другим прошения Школьному директору, остававшиеся без ответа, леди Лессо обратила внимание, что соседки по комнате все больше и больше отдалялись от Софи, что Софи больше не дрожала в её ледяном классе, и как неистово она пишет различные оскорбления рядом с именем Тедроса на обложках своих книг.

— Ты хорошо чувствуешь себя, Софи? — спросила леди Лессо, запирая ледяную дверь, после занятия.

— Да, спасибо, — ответила Софи, чувствуя себя неудобно. — Мне, наверное, следу...

— Стать Старостой класса, введение своей моды, и твоя ночная активность... со многим приходится справляться.

— Не знаю какую активность вы имеет в виду, — сказала Софи, стараясь боком пройти мимо неё.

— Софи, тебя посещают странные сны?

Софи застыла, как вкопанная.

— А какие сны вы называете странными?

— Злые сны. Сны, которые становятся все хуже с каждой ночью, — сказала леди Лессо ей в спину. — У тебя возникнет чувство, будто что-то рождается в твоей душе. *Лицо*, скорее всего.

У Софи свело желудок. Страшные сны продолжались и заканчивались все они появлением молочно белого размытого лица. В последние несколько дней на нем появились красные прожилки, будто оно было в крови. Но она все равно не могла его узнать. Все, что она знала — это то, что с каждым днем она просыпалась все злее и злее.

Софи обернулась.

— Эээ, и что бы такой сон означал?

— Что ты особенная девочка, Софи, — проворковала леди Лессо. — Девочка, которой мы должны гордиться.

— О. Нууу... мне снилось раз или два...

— Немезидовы сны, — сказала леди Лессо, сверкнув своими фиалковыми глазами. — У тебя Немезидовы сны.

Софи уставилась на неё.

— Но... но...

— Не о чем волноваться, дорогая. Пока не появятся симптомы.

— *Симптомы?* Какие симптомы? А что случится, когда появятся симптомы?

— Тогда ты, наконец-то увидишь лицо своей Немезиды. Которая становится сильнее, в то время как ты слабеешь, — спокойно ответила леди Лессо. — Которую мы должны уничтожить, чтобы жить.

Софи побелела.

— Н-н-но это невозможно!

— Разве? Мне кажется, довольно ясно, кто твоя Немезида.

— Что? У меня нет никого, кто бы...

У Софи перехватило дыхание.

— *Тедрос?* Но я люблю его! Вот, почему я все это делала! Я должна его вернуть...

Леди Лессо только улыбнулась.

— Я разозлилась! — плакала Софи. — Я не хотела никому... Я не хочу причинять ему страдания! Я не хочу никому причинять страдания! Я не злодейка!

— Видишь ли, неважно кто мы такие, Софи.

Леди Лессо склонилась так низко, чтобы можно было расслышать её шепот.

— Мы — наши *поступки*.

Её глаза гуляли по лицу Софи.

— Но боюсь, симптомов пока никаких нет, — вздохнула и уселась за свой рабочий стол. — Закрой дверь по дороге.

Софи убежала слишком быстро, чтобы побеспокоиться о незакрытой двери.

В ту ночь Софи не нападала на Счастливецев.

Отпусти его, говорила себе Софи, с подушкой на голове. *Отпусти Тедроса*.

Она повторяла это снова и снова, пока не стерла встречу с леди Лессо из памяти. Когда эти слова успокоили её настолько, что она готова была заснуть, Софи почувствовала, как в ней зашевелилось её старое «я». Завтра она будет любить. Завтра она будет прощать. Завтра она будет снова Добром.

Но после, ей приснился еще один сон.

Она бежала вдоль зеркал, отражающих её улыбающееся лицо, длинные золотые локоны и дорогой розовый наряд. У последнего зеркала была распахнута дверь и там по другую сторону, стоя под шпильями Камелота, её ждал Тедрос, одетый по-королевски, в синем бальном мундире. Она вбежала и бросилась к нему, но её истинную любовь стали опутывать острые колючки. Она протолкнулась в проем, чтобы спасти его, потеряв хрустальный башмачок, рванула его за руки... Принц растаял молочным вперемешку с красным пятном и оставил её одну в терниях.

Софи проснулась вне себя от злости и напрочь забыла об отпуске.

— Середина ночи! Ты же сказала, что все кончено! — возмутилась Анадиль, идя за ней по тоннелю.

— Мы не можем проделывать подобное просто так, без умысла, — кипятилась Эстер.

— Есть у меня умысел, — сказала Софи повернувшись. — Слышите? *Есть!*

На следующий день Счастливецевы явились на обед и обнаружили, что все деревья с их стороны спилены. Все, кроме одного, под которым сживали Софи с Тедросом, покрытое одним единственным легко читаемым словом.

ЛГУН.

Обескураженные волки и нимфы призвали воем учителей, которые немедленно принялись формировать границу между двумя половинками Поляны. Тедрос прорвался через границу, между двумя волками.

— Прекрати. *Немедленно*.

Все проследили за его взглядом к Софи, спокойно сидевшей на фоне заснеженного дерева на стороне Несчастливецев.

— А то что? — самодовольно улыбнулась она. — Поймаешь меня?

— Вот теперь ты похожа на самую настоящую злодейку, — усмехнулся Тедрос.

— Поаккуратнее, Тедди. Что они скажут, когда увидят нас танцующими на Балу?

— Так, ладно, вот теперь, ты потеряла...

— Знаешь, я думала, что ты был моим принцем, — сказала Софи, подходя к нему. — Потому что ты обещал взять меня на Бал прямо на этом самом месте. А принцы никогда не нарушают своих *обещаний*.

Обе стороны Поляны ойкнули. Тедрос выглядел так, будто его только что пнули в живот.

— В конечном итоге, принц, нарушивший свое обещание... — Софи встретила с ним лицом к лицу, встав между двумя волками, — сам *злодей*.

Тедрос не мог говорить, щеки покрылись красными пятнами.

— Но ты не злодей и я не злодейка, — сказала Софи, глядя на него виноватыми глазами. — Поэтому все, что тебе нужно сделать, это держать свое обещание, и мы можем быть снова самими собой. Тедрос и Софи. Принц и принцесса.

Робко улыбнувшись, она протянула к нему между волками свою руку.

— Добро должно жить Долго и Счастливо.

На Поляне повисла гробовая тишина.

— Я никогда не возьму тебя на Бал, — сплюнул Тедрос. — *Никогда*.

Софи отдернула руку.

— Что ж, ладно, — сказала она вкрадчиво. — Теперь все знают, кто несет *ответственность* за нападения.

Тедрос почувствовал, как Счастливы прожигали его обвиняющими взглядами. Пристыженный он поплелся прочь с Поляны, а Софи наблюдала за его уходом. У неё стоял ком в горле, и она боролась с желанием окликнуть его.

— Так все дело в *Бале*? — раздался голос.

Софи повернулась и сердито посмотрела на Эстер и Анадиль.

— Все дело в том, что поступать нужно *правильно*, — парировала она.

— Ты сама по себе, — огрызнулась Эстер, и Анадиль последовала за ней.

Софи стояла в окружении ошеломленных учеников, учителей, волков и фей, слушая свое прерывистое дыхание. Она медленно подняла глаза.

Тедрос глядел на неё изнутри стеклянной башни. В слабеющем солнечном свете его молочно-белое лицо мерцало красным.

Софи встретила с его взглядом, который вонзил нож в её сердце.

Он должен снова её полюбить. Ему придется.

Потому что она разрушит его, если он посмеет полюбить другую.

Глава 23

Свет мой зеркальце

Даже зарывшись в кружевные подушки все, что слышала Агата, это несколько ужасных слов:

ЖИВИ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ.

Какой жизнью? До Софи, все, что она помнила — это тьма и боль. Софи заставила её почувствовать себя нормальной. Софи заставила почувствовать себя нужной. Без Софи она была уродцем, ничем...

У Агаты свело живот.

У ведьмы никогда не бывает своей собственной сказки.

Без Софи, она была ведьмой.

В течение шести дней Агата безвылазно оставалась в своей башне, слушая крики Счастливых, терроризируемых очередным нападением. Все совместные учебные занятия были отменены на неопределенный срок, включая обед и занятия Лесных отрядов. Может это была её вина? Разве не ведьмы разрушают сказки? Когда в криках, раздававшихся снаружи, прибавилось паники, её чувство вины обострилось еще сильнее.

А потом нападения прекратились.

Счастливы ютились в общих комнатах, затаив дыхание. Но, по прошествии субботы и воскресенья, Агата поняла, что буря миновала. Софи могла прийти в любую минуту, чтобы извиниться. Глядя на розоватую луну, Агата обняла подушку и молилась, что их дружба это переживет.

Под дверью послышался звон фей, и она обернулась, чтобы увидеть, как под дверь

проскользнула записка. Сердце в груди заколотилось сильнее, она скатилась с кровати и взяла её в потные ладони...

Уважаемые Ученики,

До Снежного бала осталось шесть дней. Эта неделя состязаний покажет вашу готовность. Несмотря на недавние препятствия, в дальнейшем не предвидится никаких заминок. Наши традиции — вот, что отличает Добро от Зла. Даже в самые мрачные времена, Бал может быть лучшей возможностью для вас найти свой счастливый конец.

Профессор Дови.

Агата простонала и зарылась в розовые простыни.

Но как только она начала засыпать, ей стали слышаться слова... *Бал... успех... счастье...* Она провалилась во тьму, а они повторялись эхом еще, еще и еще, пока, словно волшебные семена, не посеяли в её душе надежду.

Раван на цыпочках крался к комнате номер шестьдесят шесть, а за ним впотьмах сияли шесть лебедей на груди еще шестерых Несчастливцев.

— Если нападения прекратились, может она померла, — сказал Векс.

— Может злодейки по воскресеньям не творят Зло, — предположил Брон.

— Или может Софи перестала сохнуть по своему тупому принцу! — хохотнул Раван.

— Вам никогда не перестать сохнуть по своей любви, — подавленно сказал Хорт, одетый в грязные длинные кальсоны. — Даже если она крадет у тебя комнату и пижаму.

— Софи даже не должна была позволять себе любовь! — резко ответил Раван. — Когда я в первый раз сказал отцу, что мне понравилась девочка, он обмазал меня медом и запер на ночь в берлоге с медведями. С тех пор, мне ни одна девчонка не нравилась.

— Впервые, когда я сказала, своей матери, что мне кое-кто понравился, как она запихнула меня в печь и целый час пекла, — согласилась Мона. Её зеленая кожа при этом побледнела. — Напрочь отбила охоту думать о мальчишках.

— В первый раз, когда мне понравился мальчик, папа убил его.

Вся группа остановилась и уставилась на Арахне.

— Может у Софи были просто плохие родители, — предположила она.

Понимающе кивнув, Несчастливцы сгрудились возле комнаты номер шестьдесят шесть, прячась в тени. Затаив дыхание, они нашли себе каждый по местечку на двери и приложили к нему свои уши.

Они ничего не слышали.

— На счет три, — произнес Раван одними губами. Несчастливцы попятнулись, готовые штурмовать дверь. — Раз... два...

— Вышей это.

Раздался голос Анадиль внутри. Несчастливцы тут же прислонили уши к двери.

— Они... убивают... меня... — донесся слабый голос Софи.

Звуки рвоты.

— У неё сильный жар, Эстер.

— Леди Лессо сказала... Немезидовы... сны...

— Они — ничто, Софи, — сказала Эстер. — А теперь спи.

— А мне станет лучше к Балу? Тедрос... обещал...

— Закрывай глаза, дорогуша.

— Сны... они придут... — прохрипела Софи.

— Тише-тише, теперь мы здесь, — сказала Эстер.

Внутри было тихо, но Раван и остальные Несчастливцы не шелохнулись. А затем они услышали голоса у двери.

— Лица во Снах, сильная лихорадка, одержимость... леди Лессо права! — прошептала Анадиль. — Тедрос — её *Немезида*!

— Так значит она встречалась со Школьным директором! — прошептала Эстер. — У неё есть настоящая сказка!

— Тогда лучше присмотреться ко всей школе, Эстер. Настоящая сказка означает *войну*!

— Ани, мы должны *вновь* свести Тедроса и Софи! Пока не проявились симптомы!

— Но как?

— Твоим *талантом*, — прошептала Эстер. — Но мы не можем заговорить душу! Это вылезет наружу и и наши жизни будут под...

Голоса умолкли.

Раван увел остальных от двери...

Дверь распахнулась. Эстер прищурившись выглянула наружу.

Но коридор был пуст.

В понедельник утром Агата проснулась с сильной тягой пойти на занятия.

Топая по своей комнате, она расправила свой передник и взлохматила свои засаленные волосы, чтобы вытряхнуть из них все пушинки. Сколько дней можно ждать? Софи не хотела извиняться? Софи не хочет быть подругой? Она раздавила бумажную розу Софи и выбросила её в окно...

Я могу жить своей жизнью!

Она искала что бы еще можно было выкинуть, а потом заметила, как у неё между пальцами мелькнул пергамент.

— *Бал может быть лучшей возможностью...*

Агата вновь схватила записку в руки и с загоревшимися глазами, перечитала сообщение профессора Дови.

Вот оно! Бал был — был её возможностью!

Все, что ей было необходимо, чтобы ее пригласил на Бал один из тех высокомерных юношей! Тогда Софи проглотит свои слова!

Она запихнула свои мозолистые ступни в башмаки и затопала вниз по лестнице, заставляя очнуться ото сна всю башню.

У неё есть пять дней, чтобы устроить свидание со Счастливецем на Снежном Балу.

Пять дней, чтобы доказать, что она не ведьма.

Неделя перед Балом началась очень странно, когда профессор Анемон опоздала на десять минут и вошла в класс танцующей походкой, одетая в белое платье из лебединых перьев, с высоким задом, и со скандально коротким подолом, в фиолетовых колготках, сверкающих подвязках, и в короне, которая напоминала перевернутую люстру.

— Вот, истинная *элегантность* на Балу, — гордо сказала она, поглаживая свой перьевого хвост. — Мальчики не могут пригласить меня на бал, так что вам повезло, иначе многие из вас потеряли бы принцев!

Она наслаждалась выражением лиц своих учеников.

— О, да, разве это не божественно. Императрица Вайсилла сказала, что в Пуци это последний писк моды.

— Пуци? Где эта Пуци? — шепотом спросила Кико.

— Родина злых лебедей, — сказала Беатрикс.

Агата уколола себя пером, чтобы не рассмеяться.

— Поскольку ваши ухажеры приняли решение ждать с приглашением до Арены, я настоятельно всем рекомендую очень серьезно отнестись к состязаниям на этой неделе, — вздохнула профессор Анемон. — Исключительно хорошее или плохое исполнение может очень повлиять на мнение юноши!

— Вроде как Тедрос обещал взять Софи на Бал? — прошептала Рина Беатрикс. — Принцы не могут нарушать своих обещаний, иначе случится что-то ужасное!

— Некоторые обещания должны быть нарушены, — ответила Беатрикс. — Но, если кто-то попытается разрушить мой вечер с Тедросом, клянусь, этот кто-то *не доживет* до следующего утра.

— Разумеется, *не все* получают приглашение на Снежный Бал, — взволнованно сказала профессор Анемон. — Каждый год, всегда находится одна несчастная девочка, получающая неуд, потому что юноши предпочитают получить половину оценок, нежели пригласить её. И такая девушка, которая не может найти мальчика, даже при самых благоприятных обстоятельствах. ну что ж, она должна быть ведьмой, ведь так?

Агата почувствовала, что все взгляды обращены к ней. Будет ли она *исключена*, если её не пригласит ни один мальчик?

Теперь поиск её половинки — вопрос жизни и смерти.

— На сегодняшнем состязании, вы должны попытаться увидеть свою пару на Бал! — объявила учительница. — Только тогда, когда вы ясно мысленно увидите мальчика, тогда поймете, что он точно хочет вас пригласить. А теперь объединитесь со своим соседом и по очереди предлагайте варианты. Когда подойдет ваша очередь, закройте глаза и посмотрите, чье лицо появится...

Агата повернулась к Миллисент, сидевшую на другом конце парты, которая выглядела так, будто её сейчас вырвет.

— Дорогая, гмм, Агата... небудешьлитымоейпринцессойнаБалу? — с трудом выдавила она, но так громко, что Агата подпрыгнула.

Ой, она что, шутит? Агата посмотрела на свои костлявые конечности, белую кожу и обкусанные ногти. Какой мальчик пригласит её на Бал! Когда надежда её почти оставила, она посмотрела на других девочек, радостно закрывшие глаза, грезящие лицами своих принцев...

— Да или нет, — простонала Миллисент.

Вздыхнув, Агата закрыла глаза и попыталась представить себе лицо своего принца. Но, все, что она слышала — громкое эхо дерущихся мальчишек, а не свою половинку...

— *Дорогая, для тебя никого не осталось.*

— *Но я думала все мальчики должны пойти, профессор Дови...*

— *Что ж, видимо, оставшийся предпочел удавиться, чем пригласить тебя.*

У неё в ушах раздался призрачный смех. Агата стиснула зубы.

Я не ведьма.

Голоса мальчиков стали чуть тише.

Я не ведьма.

Голоса отступили во тьму...

Но на их смену ничего не пришло. Ничего, во что можно было бы поверить.

Нет! Я не ведьма!

Ничего.

О, кое-что.

Молочный, безликий силуэт, рожденных из тьмы.

Он пал перед ней на колени... взял её за руку...

— Ты в порядке?

Она открыла глаза. На неё пялилась профессор Анемон. Как и остальной класс.

— Эээ, наверное?

— Но ты... ты... *улыбалась!* По-настоящему!

Агата сглотнула:

— Правда?

— Ты была околдована? — взвизгнула учительница. — Может на тебя напал один из Несчастливцев...

— Нет... это... оно само... это случайно...

— Но, моя дорогая! Это было *прекрасно!*

Агате показалось, что она может выпорхнуть со стула. Она не была ведьмой! Не была уродцем! Она почувствовала, как её улыбка вернулась, шире и ярче, чем прежде.

— Ах, если бы и остальное было таким же, — вздохнула профессор Анемон.

Улыбка Агаты исчезла, девочка снова нахмурилась.

В подавленном состоянии она с треском провалила два состязания. Поллукс назвал её отношение «злодейским», а Ума пропела, что видала лень и с большим очарованием.

Угрюмая, она сидела на скамейке перед уроком Истории, и гадала, правда ли профессор Сэдер видит её будущее. Найдёт ли она пару к Снежному Балу? Или Софи была права в том, что она ведьма? Значит, она будет отчислена или умрет здесь в одиночестве?

Проблема была в том, что у Сэдера невозможно было ничего выспросить, даже если он был провидцем. Кроме того, если начать об этом спрашивать, тогда пришлось бы сознаться, что она шарилась у него в кабинете. Не лучший способ расположить преподавателя к себе.

В итоге все это было неважно, потому что Сэдер так и не появился. Он решил на этой неделе преподавать в Школе Зла, заявив, что История не сможет составить конкуренцию, предстоящему Балю, и завладеть всем вниманием учеников. В свое отсутствие он разрешил провести занятие на тему «Обычай и традиции Бала» банде неопрятных сестер средних лет в грязных платьях. Двенадцать Танцующих Принцесс из очень известной сказки, в которой каждая завоевала своего принца на придворном Балю. Но прежде чем они могли показать, как именно они вели себя с принцами, двенадцать мегер принялись грызться из-за того, какая версия их истории правильная, а какая нет. А потом и сорвались на крик.

Агата закрыла глаза, чтобы постараться не обращать на них внимания. Не важно, что сказала профессор Анемон, она видала чье-то лицо. Размытое, белесое... но настоящее. Кто-то хотел пригласить её на Бал.

Она крепко сжала челюсти.

Я не ведьма.

Постепенно силуэт появился из тьмы, на этот раз ближе, понятнее, чем раньше. Он

встал не одно колено, поднял свое лицо к свету...

Визг заставил её очнуться.

Двенадцать сестер на подмостках рывкали и избивали друг друга, словно гориллы.

— Как они могут быть принцессами? — воскликнула Беатрикс.

— Вот, что случается, после того, как выходишь замуж, — сказала Гизелль. — Моя мама перестала брить ноги.

— А моя не влазит ни в одно из своих старых платьев, — поддержала беседу Миллисент.

— А моя не красится, — сказала Ава.

— Моя ест сыр, — вздохнула Рина. Беатрикс от этих слов, чуть было не бухнулась в обморок.

— Короче, если моя жена будет вести себя так же, то она может отправляться жить к ведьмам, — сказал Чаддик, грызя ножку индейки. — На всех этих картинках Долго и Счастливо никто никогда не видел уродливых принцесс.

Он заметил, что Агата, сидящая рядом с ним, выпрямилась.

— О-о. Не в обиду.

За обедом Агата позабыла про все эти поиски пары на Бал и хотела вновь пойти унижаться к Софи. Но ни её, ни Эстер с Анадиль нигде не было видно (даже Дот, если уж на то пошло) и Несчастливцы казались какими-то подозрительно притихшими на своей стороне Поляны. Тем временем, она слышала, как Счастливицы хихикали, когда Чаддик пересказывал свою историю различным группкам «Не в обиду», с каждым разом которая становилась еще обиднее. Еще хуже было от того, что Тедрос продолжать бросать на неё странные взгляды между бросками подков (и особенно странными после того, как она уронила миску со свекольным рагу себе на колени).

Кико плюхнулась рядом с ней.

— Не расстраивайся. Может это и не правда.

— Что?

— Ну, та фигня про двух мальчиков.

— Что за «фигня» с двумя мальчиками?

— Ну, знаешь, когда они заключают соглашение пойти вдвоем, лишь бы не приглашать тебя.

Агата уставилась на неё.

— Ой, нет! — пискнула Кико и убежала.

На Добрых делах профессор Дови дала всем письменный тест на тему — как справляться с моральными трудностями на Балу. Например:

1. Если вы находитесь на балу с кем-то другим, а не с вашим первым выбором, но ваш первый выбор, в который вы влюблены, просит вас о танце, вы:

а) Вежливо сообщу, что если они хотели потанцевать, то следовало пригласить вас на Бал;

б) потанцую, но только быстрое *рондо*;

в) откажетесь от своей пары в пользу первого выбора;

г) спросите свою пару, не смутит ли его танец с другим.

Агата выбрала «г» и подписала под этим пунктом:

«Если никто не пригласит вас на Бал, не говоря уже о танце. Тогда этот вопрос снимается».

2. Прибыв на Бал, вы замечаете, что дыхание вашего друга пахнет чесноком и форелью. Однако, ваша подруга именно с тем человеком, который, как вы надеялись, пригласит *вас* на Бал. Ваши действия:

- а) сообщу своей подруге о неприятном запахе у неё изо рта;
- б) промолчу, она сама виновата;
- в) ничего не скажу, потому что хочу насладиться её унижением;
- г) предложу ей кусочек сладкой солодки без упоминания дыхания.

Агата выбрала пункт «а». И добавила: *«потому что, по крайней мере, неприятный запах изо рта — явление временное. А уродство — это навсегда».*

3. В Зал Добра вползает птенец голубки со сломанным крылом, оказываясь на танцполе во время последнего вальса, и находится в серьезной опасности быть раздавленным. Ваши действия:

- а) кричите и перестаете танцевать;
- б) заканчиваете танец, а уж потом уделяете внимание птенцу;
- в) выпинаете птенца с танцпола, чтобы при танце об него не споткнуться, а потом уж уделяете ему внимание;
- г) отказываетесь от танца и спасаете голубя, даже если это означает задеть гордость своего партнера.

Агата выбрала «г». *«Мой партнер фикция. Уверена, он будет не против».*

В том же духе она ответила и на остальные двадцать семь вопросов.

Усевшись за своим столом, сделанным из жевательных конфет, профессор Дови сгребла все тесты и сунула их под светящиеся тыквенные пресс-папье. Лицо её становилось все мрачнее, мрачнее и мрачнее.

— Именно то, чего я боялась, — сердито сказала она, раздавая результаты студентам. — Ваши ответы бездумны, легкомысленны, а где-то даже злы! Не удивительно, что Софи вас всех одурачила!

— Нападения закончились, ведь так? — пробормотал Тедрос.

— Не благодаря тебе, — рявкнула профессор Дови, сунув ему тест весь исчерканный красными чернилами. — Несчастливцев побеждает в Испытании, забрасывает мусором нашу школу — и ни один из Счастливых не может поймать её? Никто из Добра не может угомонить *ученицу*?

Она расшвыряла результаты тестов, пройдя по ряду.

— Должна ли я напоминать вам, что Арена Талантов всего через четыре дня? И тот, кто победит на Арене в ту школу и переедет Театр Сказок? Хотите, чтобы ваш Театр перешел *Злу*? Хотите ходить пристыженными перед Злом весь оставшийся *год*?

Все боялись встретиться с ней взглядом.

— Чтобы быть Добром — вы должны *доказать*, что вы Добро, Счастливы, — взывала профессор Дови. — Защищать. Прощать. Помогать. Дарить. Любить. Вот наши правила. Нс

вам *выбирать* следовать им или нет.

Когда она раздала все тесты, устроив разнос по каждому неверному ответу, Агата оттолкнула свой прочь. Но после заметила в уголке:

100 %
ПОДОЙДИ КО МНЕ

Когда феи объявили о конце занятия, профессор Дови выставила всех Счастливец из класса, закрыла дверь из тыквенных конфет и заперла её. Она обернулась и увидела, что Агата сидит верхом на её столе и лопаёт конфеты.

— Значит, если я следую правилам, — сказала Агата, громко чавкая, — то я не ведьма.

Профессор Дови узрела новую дыру в своем столе.

— Только истинное Добро живет по этим правилам. Да.

— А что, если мое лицо говорит о том, что я Зло? — спросила Агата.

— Ох, Агата, не будь смешн...

— Что, если мое лицо говорит о том, что я *Зло*?

От тона её голоса учительница вздрогнула.

— Я далеко от дома, я потеряла свою единственную подругу, все меня ненавидят, и все, чего я хочу обрести хоть какой-нибудь счастливый конец, — сказала запальчиво Агата. — Но вы даже не можете сказать мне правду. Мой конец зависит не от того, что Доброго я делаю или что внутри меня. А от того, как я *выгляжу*. — Слюна вылетела из её рта.

— Мне не дали даже *шанса*.

Довольно долго профессор Дови просто смотрела на дверь. А потом она села на стол рядом с Агатой, отломала от стола одну конфетку и, когда разломилась, та брызнула сочной струей.

— Что ты подумала о Беатрикс, когда впервые её увидела?

Агата уставилась на конфету в руках учительницы.

— Агата?

— Не знаю. Она была красивой, — проворчала Агата, вспоминая, свое представление при знакомстве.

— А теперь?

— Она — отвратительная.

— Она растеряла свою красоту?

— Нет, но...

— Так она красивая или нет?

— Да, на первый взгляд...

— Значит красота всего лишь радует глаз?

— Нет, если ты Добрый человек...

— Значит, важно быть Добрым? А мне показалось, что ты сказала — все дело во внешности.

Агата открыла рот. Но не произнесла ни слова.

— Только красота может так долго бороться за правду, Агата. У тебя с Беатрикс больше общего, чем тебе кажется.

— Класс. Я могу быть её рабыней-зверушкой, — сказала Агата, и впилась в зубы в свою ладонь.

Профессор Дови встала.

— Агата, что ты видишь, когда смотришь в зеркало?

— Я не смотрюсь в зеркала.

— Почему это?

— Потому что лошади и свиньи не таращатся празднично на свои отражения!

— А чего ты боишься увидеть? — спросила профессор Дови, склонившись возле двери.

— Я не боюсь зеркал, — фыркнула Агата.

— Тогда взгляни в это.

Она подняла глаза и увидела, что дверь возле профессора Дови превратилась в гладкое ровное зеркало.

Она отвернулась.

— Клевый трюк. Один из вашей книженции?

— Посмотри в зеркало, Агата, — спокойно сказала профессор Дови.

— Это глупость. — Агата спрыгнула со стола и протопала мимо неё, отводя голову от своего отражения. Она все никак не могла нащупать дверную ручку...

— Выпустите меня! — Она царапала дверь, закрывая глаза каждый раз, когда видела своё отражение.

— Если я посмотрюсь в зеркало, вы меня выпустите?

Агата изо всех сил старалась, чтобы её палец засчетился:

— *Вы-пу-сти-те... ме-ня!*

— Тогда, посмотри в зеркало.

— **ВЫПУСТИТЕ МЕНЯ ИНАЧЕ ПОЖАЛЕЕТЕ!**

— Всего один взгляд...

Агата сняла свой башмак и треснула им по стеклу. Зеркало разбилось вдребезги, и она прикрылась рукой от мерцающей стеклянной пыли. Когда все стихло, она медленно подняла голову.

На неё в ответ смотрело новое зеркало.

— Заставьте его исчезнуть, — умоляла Агата, пряча лицо.

— Агата, просто попробуй.

— Не могу.

— Почему?

— Потому что я уродка!

— А, что если ты была бы красавицей?

— Да вы *только посмотрите* на меня, — простонала Агата.

— Предположим, что была бы.

— Но...

— Может ты была как девочки из сказок, Агата.

— Не читаю подобный хлам, — огрызнулась Агата.

— Если бы это было так, тебя бы здесь не было.

Агата застыла.

— Ты их читала, как и твоя подруга, дорогая, — сказала профессор Дови. — Вопрос — *почему?*

Агата долгое время ничего не говорила.

— Если бы я была красивой? — спросила она тихо.

— Да, дорогая.

Агата подняла глаза. Они блестели.

— Я была бы счастлива.

— Как странно, — сказала учительница, сползая за свой стол. — Именно это мне сказала Луша из Невестограда.

— Что ж, троекратное ура для Луша из Невестограда! — обиженно сказала Агата.

— Я нанесла ей визит, когда узнала, что она хочет пойти на бал и никак не могла. Все, что ей было нужно — это новое лицо и отличная пара обуви.

— Не понимаю, какое это имеет отношение к... — а потом глаза Агаты округлились. — Луша... *Золушка?*

— Однако, как это не прискорбно, но не самая моя лучшая работа, — сказала учительница, поглаживая тыквенное пресс-папье. — Знаешь, такие продаются в Невестограде. Совсем не похожа на Лушину карету. Правда.

Агата подалась назад.

— Но... но это означает, что вы...

— Самая-пресамая в Бескрайнем лесу исполнительница желаний фея-крестная. К вашим услугам, моя дорогая.

Агата почувствовала, что её голова стала легкой-легкой. Она прислонилась к двери.

— Я предупреждала тебя, Агата, когда ты спасла горгулью, — сказала профессор Дови. — У тебя мощный талант. Ты Добра настолько, что можешь победить любое Зло. Ты настолько Добра, что отыщешь свой счастливый конец, даже, если собьешься с пути! Все, что тебе нужно, находится *внутри* тебя, Агата. И теперь, сильнее, чем когда-либо, тебе нужно выпустить это наружу. Но, если красота — это то, что тебя сдерживает, дорогая...

Она вздохнула.

— Ну это легко исправить, не так ли?

Она засунула руку в свое зеленое платье и достала тоненькую палочку из вишневого дерева.

— А теперь закрой глаза и загадай желание.

Агата моргнула, чтобы удостовериться, что не спит. В сказках, обычно таких девочек, как она наказывали. В сказках уродинам никогда не выпадало возможности загадать желание.

— *Любое* желание? — спросила она хриплым голосом.

— Любое, — сказала её фея-крестная.

— И я должна произнести его вслух?

— Я не читаю мысли, дорогая.

Агата посмотрела на нее сквозь слезы.

— Но... я никогда никому об этом не говорила...

— Значит, настало самое время.

Вся дрожа, Агата посмотрела на палочку в её руке и закрыла глаза. Неужели все происходит взаправду?

— Я хочу...

Она не могла дышать.

— Быть... ну знаете... эээ...

— Боюсь, магия реагирует на конкретику, — сказала профессор Дови.

Агата судорожно сглотнула воздух.

Все, о чем она думала — это Софи. Как Софи смотрит на неё, будто она была собакой.

ЖИВИ СВОЕЙ ЖИЗНЬЮ!

Неожиданно её сердце обожгло гневом. Она стиснула зубы, сжала кулаки, подняла голову, и выкрикнула:

— *Я желаю стать красавицей!*

В воздухе раздался свист взмаха палочки, а потом тошнотворный щелчок.

Агата открыла глаза.

Профессор Дови хмуро смотрела на сломанную палочку в своей руке.

— Это желание, слегка амбициозно. Сделаем-ка все по старинке.

Она оглушительно свистнула и через окно влетели шесть розовокожих семифутовых нимф с радужными волосами и выстроились в ряд.

Агата отступила к зеркалу.

— *Постойте-ка... погодите...*

— Они будут очень бережны. Насколько это возможно.

Агата последний раз взвыла, прежде чем нимфы, словно медведицы вцепились в неё.

Профессор Дови предпочла закрыть глаза на неравную схватку девочки и нимф.

— Они и правда очень высокие.

Глаза Агаты затрепетали и очнулись в полумраке. Она чувствовала себя как-то странно слабой, будто она проспала несколько дней подряд. Она нерешительно оглядела свое полностью одетое тело, развалившееся на зеленом кресле без подлокотников...

Она была в Палате красоты. Нимфы исчезли.

Агата подскочила с кресла. Ароматические ванны были наполнены и пенились. Трюмо Красной Розы перед ней было уставлено сотнями откупоренных бутылочек с мазями, кремами, краской и масками. В раковине лежали использованные бритвы, пилочки, ножи и щипчики. Пол был усыпан стриженными волосами.

Агата подобрала немного с пола.

Они были светлыми.

Зеркало.

Она огляделась кругом, но другое трюмо с креслом и зеркалом исчезло. Она судорожно коснулась своих волос, кожи. Все на ощупи было мягкое и гладкое. Она прикоснулась к своим губам, носу, подбородку. Они были очень приятными на ощупь.

— *Все, что ей было нужно — это новое лицо.*

Она рухнула в кресло.

У них получилось.

Они сотворили невозможное! Она стала как все! Нет, она стала не как все. Она стала хорошенькой! Привлекательной! Она стала...

Красивой!

Наконец-то она могла жить! Наконец-то она могла быть счастливой!

Кемаря на своем насесте на двери, Олбемарль издал особенно громкий храп, когда она распахнула дверь.

— *Доброй ночи, Олбемарль!*

Олбемарль в очках приоткрыл один глаз.

— *Доброй ночи, Ага... о, ничего себе!*

Улыбка Агаты стала только шире, когда она поднялась на первый этаж.

Она должна была добраться до позолоченного зеркала возле Обеденного зала (она знала наизусть расположение всех зеркал в школе, чтобы избегать их). Агата почувствовала

головокружительную радость. *Узнает ли она в нем себя?*

Она услышала вздохи и увидела, как Рина с Миллисент изумленно пялятся на неё через просвет в спиральной лестнице.

— Привет, Рина! — радостно сказала Агата. — Здравствуй, Миллисент!

Обе девочки были слишком ошеломлены, чтобы помахать в ответ. Когда она протанцевала на лестничный пролет, то почувствовала, что её улыбка стала еще шире.

Взобравшись на Обелиск Легенд, Чаддик с Николасом рассматривали портреты прошлых Счастливец.

— Рапунцель была в четверке лучших, — сказал Чаддик, свисая, как заправски алипинист. — Но у этой Мартины твердая девятка.

— Жаль, что она в итоге оказалась лошадью, — сказал Николас.

— Вот, погоди, пока они сюда Агату не повесят. Она-то закончит...

— Кем? Кем я в итоге-то стану?

Чаддик повернулся к Агате. Да так и замер с открытым ртом.

— Кошкой? — улыбнулась Агата. — Похоже, ты проглотил язык.

— Оооо, — воскликнул Николас, и Чаддик спихнул его с колонны.

Улыбаясь так широко, что аж кожа разболелась на лице, Агата подошла к лестнице Доблести, которая вела в Обеденный зал. Она проскользнула через величественную голубую арку с двойными золотыми дверями, готовая встретиться с зеркалом внутри, готовая почувствовать то, что на протяжении всей своей жизни чувствовала Софи — но только она потянулась к ним, двери распахнулись прямо у неё перед носом.

— Прошу прощения...

Агата услышала голос, прежде чем увидела его. Она медленно подняла глаза, сердце бешено заколотилось.

Тедрос уставился на неё, и выглядел он таким озадаченным, что Агата подумала будто она случайно заставила его окаменеть злодейским заклинанием.

Он откашлялся, словно пытаясь найти свой голос.

— Гммм. Привет.

— Привет, — сказала Агата, глуповато улыбаясь.

Тишина.

— Что на ужин? — сказала она еще глупее.

— Утятина, — прохрипел он.

И снова откашлялся.

— Извини. Просто ты выглядишь... ты выглядишь так...

Агату вдруг посетило странное чувство. Это испугало её.

— Я знаю... это не я... — выпалила она, и скрылась за углом.

Она рванула в коридор и съежилась под портретной рамой. *Что они наделали!* Неужели они подменили её душу, когда давали новое лицо? Неужели они подсунули ей другое сердце, когда подарили новое тело? Почему у неё такие липкие ладони? Почему в животе щекотно? Куда делась очередная порция оскорблений в адрес Тедроса, всегда готовая сорваться с её губ? Да что же во имя небес, заставило её улыбаться *мальчишке*? Она ненавидела мальчишек! Да она бы даже под страхом смерти им не улыбнулась...

Агата поняла, где она.

Портрет, под которым она стояла, был вовсе не портрет.

Потряса от ужаса, она стояла лицом к залу гигантских зеркал, готовая увидеть незнакомку.

Агата от удивления закрыла глаза.

А потом открыла.

Но ванные... флакончики... светлые волосы...

В панике она вновь прислонилась к стене.

Желание... палочка...

Но все это было частью хитрости феи-крестной.

Нимфам совсем ничего не пришлось делать с Агатой.

Она мельком взглянула в зеркало и увидела те же засаленные волосы и глаза навывкат и в ужасе грохнулась на пол.

Я все еще уродец! Я все еще ведьма!

Погодите.

А как же Олбемарль? Рина, Чаддик... *Тедрос?*

Они тоже были зеркалами, да? Зеркалами, которые говорили ей, что она больше не уродина.

Агата медленно поднялась и взглянула на свое отражение. Впервые в жизни она не отвела взгляд.

Только красота может так долго бороться за правду, Агата.

Все эти годы она верила, что была такой, как выглядела. Неприглядной ведьмой с мрачным сердцем.

Но в этих залах она поверила в кое-что другое. На мгновение она освободила свое сердце и позволила ворваться в него свету.

Аккуратно Агата прикоснулась к своему лицу в зеркале, светящемуся изнутри.

Это было больше не то лицо, которое она знала — это лицо было счастливым.

Назад пути быть не могло. Крошки хлеба на темной тропинке пропали. Вместо них появилась правда, которая будет её проводником. Правда мощнее любого волшебства.

Все это время я была красивой.

Агата разразилась глубокими очищающими рыданиями по нерожденным улыбкам.

Она не слышала чей-то крик, раздавшийся вдали, кого-то, проснувшегося из-за своего самого жуткого сна.

Глава 24

Надежда в туалете

Ученики Школ Добра и Зла думали, что волшебство подразумевало заклинания. Но Агата находила в улыбке нечто более могущественное.

Везде, где бы она ни прошла, Агата замечала разинутые рты, пристальные взгляды и шепотки, будто она произвела самое сильное заклинание, которое доводилось видеть ученикам или учителям. А потом, как-то, утром по дороге на занятия Агата поняла, что тоже околдована. Потому что впервые обнаружила, что с нетерпением ждала их.

Другие изменения были не такими очевидными. Она заметила, что больше не затыкает нос от запаха своей школьной формы. Она больше не боялась умыться или не возражала против того, чтобы минутку-другую провести гребнем по волосам. Её настолько захватили танцевальные репетиции к Балу, что она каждый раз вздрагивала в конце занятия, когда выли волки. Ещё некогда она смеялась над своей домашней работой по Добру, теперь же прочла заданное и продолжала читать, очарованная историями героинь, которые перехитрили опасных ведьм, мстили за гибель своих родителей и приносили в жертву свои тела, свободы и даже жизни ради истинной любви.

Закрыв учебник, Агата посмотрела на фей, украшающих Синий лес фонариками-звездами для Бала. Это было красиво, на самом деле, а что ещё могло сделать Добро. Ещё несколько недель назад она бы ни за что себе в этом не призналась. Но сейчас, лежа в постели, при свете фонарика, она думала о своей комнате в Гавальдоне и не могла вспомнить, какой у неё был запах. Неожиданно она не смогла вспомнить какого цвета глаза у Жнеца... как звучит голос матери...

И вот, до Бала оставалось всего два дня. Накануне должна была состояться Аренда талантов. В класс вошел Поллукс, голова которого была водружена на черепашьё панцирное тело, чтобы объявить правила.

— Слушайте, слушайте, слушайте! По приказу Школьного директора Школ Добра: Просвещение и Чародейство и Зла: Проучение и...

— Давай уже короче! — взвизгнула профессор Анемон.

Поллукс мрачно пояснил, что Арена была состязанием талантов между Добром и Злом, которых представляют десять лучших Счастливых и Несчастливых. В конце соревнования победителю вручается Корона Арены и Театр Сказок по волшебству оказывается в школе победителя.

— Конечно, Театр Сказок стоял на одном месте веками, — фыркнул Поллукс. — Он прочно закрепился.

— А кто судья? — спросила Беатрикс.

— Школьный директор. Однако, само собой, вы его не увидите, — пропыхтел Поллукс. — В качестве облачения, я бы посоветовал вам надеть скромную одежду, неприметных цвет...

Профессор Анемон выкинула его голову за дверь.

— Довольно! Предложения поступят уже завтра и единственное, о чем вам следует думать — это лицо вашего принца!

Пока учительница кружила по комнате, Агата наблюдала, как девочки принимали приглашения с закрытыми глазами, носики их морщились от сосредоточенности, в то время как Поллукс стонал снаружи.

У неё засосало под ложечкой.

С её-то оценками она наверняка попадет в команду для Арены! А какой *талант* она могла бы показать? У неё нет талантов! Кто сделает предложение той, которая унизила себя на глазах всей школы! А если её никто не пригласит...

— Значит ты ведьма и будешь *отчислена*, — напомнила ей Миллесент, когда она так и не смогла увидеть лицо.

Агата провела все занятие Умы с закрытыми глазами, но все, что она смогла увидеть — это молочный силуэт, который исчезал каждый раз, когда она пыталась дотронуться до него. Она очень расстроенная брела обратно в замок, и заметила, как несколько учеников шумят о чем-то на лестничной площадке. Агата дернула Кико за локоть.

— Что прои...

Она охнула. Расписные стены ангелочками теперь были покрашены кроваво-красными буквами:

СЕГОДНЯ НОЧЬЮ

— Что это значит? — спросила Агата.

— Что Софи снова собирается на нас напасть, — ответил голос.

Агата повернулась и увидела Тедроса в голубой рубашке без рукавов, блестящего от пота, после Фехтования. Он отчего-то вдруг смутился.

— Ой, прости... мне нужно в ванную.

Агата неловко засуетилась и вновь уставилась на стену.

— Мне казалось, нападения прекратились.

— На этот раз я её поймаю, — сказал Тедрос, уставившись на стену позади неё. — Эта девчонка — яд.

— Тедрос, она страдает. Она считает, что ты дал обещание.

— Это не обещание, если оно получено под ложными предлогами. Она использовала меня, чтобы победить в Испытании, и она использовала тебя.

— Но ты ведь совершенно ничего о ней не знаешь, — возразила Агата. — Она все еще любит тебя. И она все еще моя подруга.

— Черт возьми, тогда твоя душа лучше моей, потому что я не понимаю, что такого ты в ней видишь. Все, что вижу я — это ведьма, манипулирующая вся и всем.

— Тогда приглядиись получше.

Тедрос повернулся.

— Или присмотрюсь к кому-нибудь другому.

Агате почувствовала себя нехорошо.

— Я опаздываю, — сказала она, карабкаясь вверх по лестнице...

— На Историю сюда.

— Мне в ванную... — откликнулась она...

— Но это же мужская башня!

— Я предпочитаю мужские... туалеты...

Она нырнула под статую полуобнаженного водяного, чтобы отдышаться. *Да что со мной!* Почему она не может дышать нормально рядом с ним? Почему, каждый раз, когда он смотрит на неё, ей становится нехорошо? И почему он смотрит на неё как-будто она... ну... *девушка!* Агата подавила крик.

Она должна остановить нападение Софи.

Если бы Софи отреклась от своего мнения, если бы только умолила Тедроса о прощении, тогда еще оставалась бы надежда, что он к ней вернется! Это и был бы счастливый конец этой сказки! Тогда не было бы никаких непонятных взглядов, никакой тошноты и страха, что она потеряет власть над своим сердцем.

Пока ученики с учителями суетились у испорченной стены, Агата припустила до Зверинца Мерлина, где живые изгороди были наконец-то восстановлены в своем былом величии, которое они утратили после пожара. Она пробежала мимо последней скульптуры молодого Артура, стоящей в пруду. Сильная рука вынимала меч из камня. Только теперь она видела не Артура, а его сына, подмигивающего ей. Она в ужасе залилась краской и прыгнула в ледяную воду.

— Пропусти меня! — рывкнула она своему отражению на Мосту. — Я должна остановить Софи, пока она... — Её глаза округлились. — погоди. А где я?

В ответ ей улыбалась восхитительная принцесса с распущенными темными волосами, в великолепном темно-синем платье с ажурными золотыми листьями, с рубиновым кулоном на шее, и тиарой из голубых орхидей на голове.

Сердце Агаты пронзила вина. Она узнала эту улыбку.

— Софи?

— *Добро с Добром.*

— *А Зло со Злом, и никаких сомнений,*

Вернись же в башню вновь свою

Во избежанья потрясений.

— Ну теперь я абсолютное Зло, так что дай мне пройти, — приказала Агата.

— С чего это? — поинтересовалась принцесса. — Потому что по-прежнему носишь эту стрижку?

— Потому что я думаю о твоём принце!

— Давно пора.

— Славно, тогда пусти меня... Что? — рассердилась Агата. — На это же Зло! Софи, он твоя истинная любовь!

Принцесса улыбнулась.

— А я предупредила тебя в последний раз.

— Чего? Кто предупреждал? Когда?

А потом Агата вспомнила, когда она была здесь в последний раз.

Он твой.

Её глаза вылезли из орбит.

— Но это означает... это означает, что ты...

— *Абсолютное Добро.* А теперь, прошу меня извинить, нам нужно готовиться к Баллу.

И с этими словами принцесса Агата растворилась в воздухе, оставляя барьер нетронутыми.

— Ммм. Это уже шестой кусок, — сказала Кико, наблюдая, как Агата отрезает себе еще вишневого пирога.

Агата проигнорировала её замечание и затолкала пирог себе в рот, глотая его вместе с виной. Она расскажет Софи. Да, обязательно расскажет все Софи и Софи рассмеется и поставит её на место. Она *принцесса*? Тедрос её *истинная любовь*?

— Ты будешь это есть? — прочавкала Агата с набитым ртом.

— А я-то думала ты добилась прогресса. — Кико вздохнула и отрезала кусок от своего пирога.

Пока Агата пожирала пирог, она сосредоточилась на том, как бы ей проникнуть в Школу Зла. Во время первого нападения учителя накинули на башни Добра заклинания анти-могрификации, когда предположили, что Софи проникает в школу, превратившись в мотылька, лягушку или кувшинки. Но Софи все равно каким-то образом проникала внутрь.

Значит, должен быть и другой способ, думала Агата. Не задумываясь, она встала и пошла прочь из Обеденной залы туда, куда она всегда шла, когда ей нужны были ответы.

Агата сразу же заметила пополнение среди экспонатов галереи Добра. В собственной витрине лежала окровавленная испытательная туника Тедроса, табличка под которой гласила: ИСПЫТАНИЕ ВЕКА, и краткое изложение злополучного альянса Тедроса и Софи. Она заметила множество отпечатков пальцев на стекле, без сомнения их точно оставили девчонки. Подкатила тошнота и Агата бросилась к экспонатам Школьной Истории, с десятками карт, отслеживающих появление новых башен на протяжении всех лет. Она попыталась изучить их, в поисках тайного прохода, но вскоре у неё разболелись глаза, и она сама не заметила, как переместилась в знакомый укромный уголок.

Она прошла мимо всех картин с Чтецами к той, на которой были изображены она с Софи у озера. Её глаза затуманиваются, когда она видит их вместе, когда-то давным-давно, лучшие подруги. Высоко в башне Школьного Директора Сказочник скоро напишет их конец. Как далеко они теперь от залитого солнцем берега...

Она посмотрела на картину рядом. Последняя в ряду. В темноте дети бросают свои книжки сказок в костер, в то время пока пламя и дым пожирает Бескрайний лес вокруг них.

Пророчество Чтеца, как сказала леди Лессо.

Может *это* будущее Гавальдона?

От попытки осознать все это, у неё запульсировали виски. Кому какое дело до того, что дети сжигали сказки? Почему Гавальдон был так важен для Сэдера и Школьного директора? А как же другие деревни?

— *А какие другие деревни?*

Она уже давно выкинула из головы слова Школьного директора, потому что его мысль была незаконченной. Мир состоял из деревень, таких же как Гавальдон, затерявшихся где-то в лесу. Но почему же *их* нет в этой галерее? Почему детей из них не похищают?

Когда её шея покраснела, она сосредоточилась на облаках дыма, нарисованных рядом с детьми. Потому что теперь она видела, что это были вовсе не облака.

Это были тени.

Громадные и черные. Тянущиеся из горящего Леса к деревне.

И эти тени не были похожи на человека.

Неожиданно её собственная тень на стене выросла и Агата в ужасе обернулась...

— Профессор Сэдер, — выдохнула она.

— Боюсь, Агата, художник я неважный, — сказал он, сжимая в руке чемодан в цвет своему клеверному костюму. — Реакции на мое новое дополнение были довольно плохи.

— Но что это за тени?

— У меня есть одна мысль, которую я проверю, когда найду пропавшие с Выставки достижений Зла шипы. Порой злодеи ведут себя так, как и следовало ожидать. — Он вздохнул и побрел к двери.

— Пойдите! О чем эта ваша последняя картина? — с нажимом спросила Агата. — О том как закончится наша сказка с Софи?

Профессор Сэдер повернулся.

— Понимаешь, Агата, провидцы просто не могут отвечать на вопросы. На самом деле, если бы я ответил на твои вопросы, то тут же постарел бы на десять лет, в качестве наказания. Вот почему большинство провидцев выглядят такими ужасными стариками. Пришлось совершить несколько ошибок, чтобы научиться не отвечать на вопросы. К счастью, сам я совершил только одну.

Он улыбнулся и снова направился к выходу.

— Но мне нужно знать София истинная любовь Тедроса или нет?! — воскликнула Агата. — Скажите, поцелует ли он её?!

— Агата, ты научилась чему-нибудь просматривая свою галерею? — спросил Сэдер, оборачиваясь.

Агата посмотрела на чучела животных, окружавших его.

— Тому, что вам нравятся чучела какие получаются из ваших учеников?

Он не улыбнулся.

— Не каждый герой добивается славы. Но у тех, кому это удастся, есть нечто общее. — По-видимому, он хотел, чтобы она сама догадалась, что это было.

— Они убивают злодеев? — спросила на.

— Никаких вопросов.

— Они убивают злодеев.

— Агата, мысли шире. Что связывает наших величайших героев?

Она проследила за его стеклянным взглядом к королевским синим баннерам,

свисавшим с потолка, на каждом из которых был изображен канонический герой. Белоснежку заключили в гробу, Золушка потеряла серебряный башмачок, Джек убил великана, Гретель затолкала в печь ведьму...

— Они находят свое счастье, — сказала она, запинаясь.

— Ах, ну что ж. Мне нужно *вернуться* к делам.

— Пойдите...

Агата сосредоточилась на баннерах и задумалась. Глубоко. Что такого общего между этими героями? Что не лежит на поверхности. Правда, все они красивы, добры, успешны, но с чего они начинали? Белоснежка жила в тени своей мачехи. Золушка служила горничной своим двум сводным сестрам. Мать Джека называла сына тупицей. Родители Гретель оставили умирать ей в Бескрайнем лесу...

У них был общим не конец.

А начало.

— Они верили своим врагам, — сказала Агата профессору.

— Да, все их сказки начинались тогда, когда они совсем этого не ждали, — сказал Сэдер, серебряный лебедь ярко сверкнул на его кармашке. — После завершения обучения в нашей школе, они отправились в Бескрайний лес, в ожидании эпического сражения с чудовищами или колдунами, лишь затем, чтобы обнаружить, что сказки-то, на самом деле, у *них дома*. Они не подозревали, что злодеи те, кто ближе всего к ним. Они и не думали, чтобы встретить свой счастливый конец, герой должен внимательно посмотреть, что же творится у него под носом.

— Значит, Софи нужно посмотреть на то, что у неё прямо под носом, — огрызнулась она в спину, удаляющемуся Сэдеру. — *Это* ваш совет.

— Я говорил не о Софи.

Агата подозрительно уставилась на него.

— Скажи им, нет нужды беспокоиться, — сказал он у двери. — Я уже нашел замену.

Дверь за ним захлопнулась.

— Подождите! — Агата побежала и вылетела в дверь. — А вы куда собра...

Но профессора Сэдера не было в коридоре. Она выбежала на лестничную площадку, но его не было и там. Её учитель, по просту говоря, исчез.

Агата стояла на площадке между четырьмя лестницами. Она что-то упускала. Нечто такое, что говорило ей о неправильности всей истории. Но потом она услышала слова, которые так и требовали обратить на них внимание.

У себя под носом.

И вот что она увидела.

Дорожку шоколадных крошек, убегающую вверх по лестнице Чести.

Капельки шоколада петляли по трем пролетам из синего стекла через мозаичный пол с изображением морских ракушек и резко прерывались перед входом в туалет к мальчишкам.

Агата приложила ухо к двери, украшенной жемчугом и отпрянула назад, когда два Счастливица вышли из комнаты напротив неё.

— Простите... — пролепетала она. — Я... это... просто...

— А эта та самая, которой нравятся мужские сортиры, — услышала она, как они перешептывались между собой, проходя мимо.

Вздохнув, Агата толкнула дверь.

Туалетные комнаты Чести больше походили на мавзолей, чем на ванны, с мраморным

полом, мозаиками сражений морских змей, с писсуарами, в которых плескалась чистейшая синяя вода, и массивными лавками из слоновой кости каждая с сапфировым туалетом и ванной. Туалеты Счастливец пахли духами, здесь же стоял запах чистой кожи с привкусом пота. Следуя за шоколадной дорожкой, она прошла вдоль кабинок и влажных синих ванн, она обнаружила, что гадают, какой пользуется Тедрос... И тут же покраснела, как свекла. *С каких это пор, ты думаешь о мальчишках! С каких это ты пор думаешь о ванной! Похоже, ты совсем потеряла свой...*

Из последней кабинки раздалось сопение.

— Эй? — окликнула она.

Ответа не последовало.

Она постучалась в дверцу.

— *Занято*, — раздался глубокий голос, явно специально измененный.

— Дот, открой дверь.

После долгого молчания, дверь все же открылась. Вся одежда Дот, волосы, кабинка были усыпаны шоколадной крошкой, будто она собиралась превратить туалетную бумагу в шоколад, а вместо этого удалось сотворить только хаос.

— Я думала Софи была мне *подругой!* — надрывно плакала Дот. — Но она выкинула меня из комнаты и забрала у меня подруг, а не теперь некуда деться!

— И поэтому, значит, ты живешь в мужском *туалете?*

— Я не могу сказать Несчастливцам, что меня вышвырнули из комнаты! — завывала Дот, вытирая слюни рукавом. — Тогда они будут издеваться надо мной еще сильнее!

— Но должно же быть *где-то еще* мест...

— Я попыталась проникнуть в ваш Обеденный зал, но фея меня укусила, прежде чем я успела сбежать!

Агата поморщилась, точно зная, что именно за фея это была.

— Дот, если тебя найдут здесь, то *исключат!*

— Лучше исключенной, чем бездомной, одинокой злодейкой, — Дот зарыдала, уткнувшись к себе в ладони. — Как бы Софи понравилось, если бы кто-нибудь сделал *с ней* то же самое? Как бы ей понравилось, если бы *ты* отобрал у неё принца? Никто не сравнится с ней Злом!

Агата сглотнула.

— Мне просто нужно поговорить с ней, — сказала она взволнованно. — Я помогу ей вернуть Тедроса, хорошо? Я все исправлю, Дот. Обещаю.

Рыдания Дот перешли во всхлипывания.

— Настоящие друзья могут все исправить и неважно насколько плохо все кажется, — настаивала Агата.

— Даже такие как Эстер с Анадиль? — прохныкала Дот.

Агата коснулась её плеча.

— Даже ведьмы.

Медленно Дот отняла руки от лица.

— Я знаю, Софи говорит, что ты ведьма, но ты бы не вписалась в нашу школу.

Агата снова почувствовала приступ тошноты.

— Слушай, а как ты сюда *пробралась?* — Она нахмурилась и убрала шоколадную крошку из волос Дот. — Больше ведь никакого способа попасть из одной школы в другую.

— Конечно же есть. А как ты думаешь Софи устраивала нападения все те ночи?

Агата от удивления дернула Дот за волосы.

Глава 25

СИМПТОМЫ

Ревущая канализационная река тянулась по длинному тоннелю от Добра ко Злу, прерываясь только Пыточной на полдороге между школами. Чудовище долгое время охранял место, где чистая вода озера превращалась мутный ров. Но в течение двух недель Софи беспрепятственно нарушала границу и без сомнения собиралась сделать это и сегодня, как и обещала. Единственное, на что надеялась Агата, что она сумеет остановить её, прежде чем та пересечет Добро.

Когда Агата прижалась к тоннельным стенам, приближаясь к Пыточной, у неё сдавило грудь. Софи никогда не рассказывала, какое ей здесь было уготовано наказание. Может Чудовище оставил невидимые шрамы? Может он её ранил так, что никто не понял?

— Подожди, пока они не соберутся убить его.

Агата вытянула голову дальше по тоннелю.

— Тедрос будет думать, что ты спасла его от смерти, — раздался эхом голос Анадиль.

У Агаты насквозь пропотело платье, но она продолжала продвигаться вдоль канализационных стен, пока не увидела три тени, присевшие на корточки перед ржавой решеткой в подземелье.

— Все Счастливицы подумают, что за нападениями стоит Анадиль, а не ты, — сказала Эстер, голос которой грохотал над ревом реки. — Тедрос подумает, что ты спасла его. Он подумает, что ты рисковала своей жизнью.

— И тогда он меня полюбит? — спросила третья тень.

Агата от удивления отпрянула назад.

Эстер обернулась.

— Кто здесь?

Агата медленно вышла из тени — Эстер с Анадиль тут же подскочили на ноги. Третья тень медленно повернулась.

В тусклом свете Софи выглядела бледной, изможденной и очень худой.

— Моя милая, милая Агата.

У Агаты пересохло во рту.

— Что происходит? — просипела она.

— Помогаем принцу сдержать свое обещание.

— Инсценировкой *нападения*?

— Демонстрацией моей сильной *любви* к нему, — ответила Софи.

Из Пыточной раздались громкие хрюканья и визг. Агата отшатнулась назад.

— Что это было?

Софи улыбнулась.

— Анадиль трудится над своей Ареной талантов.

Агата кинулась вперед, чтобы посмотреть на содержимое клетки, но Эстер ей не дала.

Через её плечо, Агата увидела три гигантских черных рыла, вылезших через решетку, обнажившие острые, как бритва, зубы. Они вынюхивали нечто вне их досягаемости.

Шейный платок Счастливица с вышитой *T* на нем.

— Они не очень хорошо видят, бедняжки, — вздохнула Софи. — Выбирают цель по запаху.

Агата стала белее белого.

— Но это же... это же Тедроса...

— Я остановлю их, разумеется, прежде чем они успеют ему хоть что-нибудь сделать.

Они просто его хорошенько напугают.

— Но... но... что если они нападут на других людей?

— А разве ты не этого хотела? Чтобы я нашла свою любовь? — спросила Софи, не моргая. — К сожалению, это действительно самый безопасный способ, после всего, что произошло.

Агата потеряла дар речи.

— Я скучала по тебе, Агги, — ласково сказала Софи. — Правда.

Она склонила голову.

— Однако ж, это странно. Агата, которую я знаю, с удовольствием бы посетила зал мертвых принцев.

Еще одно жуткое ворчание раздалось из темницы. Агата побежала к двери, её схватила Анадиль и оттащила к стене...

— Софи, ты не можешь так поступить! — умоляла Агата, вырываясь из рук Анадиль. — Ты должна попросить его простить тебя! Только так все снова станет правильно!

Глаза Софи округлились от удивления. Потом она их медленно прищурила.

— Подойди ближе, Агата.

Агата вырвалась от Анадиль и вышла на свет от факела Пыточной.

— Софи, прошу тебя, выслушай меня...

— Ты выглядишь... по-другому.

— У Счастливецев ужин почти закончился, — с нажимом сказала Анадиль, вызывая нетерпеливую возню в клетке.

— Софи, ты можешь извиниться перед Тедросом на Арене, — сказала Агата, повышая голос. — Когда подойдет твоя очередь выступать! И тогда все увидят, что ты Добро!

— Думаю, я предпочитаю *прежнюю* Агату, — сказала Софи, изучая её лицо.

— Софи, я не позволю нападать на мою школу...

— *Твою школу!* — завопила Софи так громко, что Агата сжалась. — Так теперь, значит, это *твоя* школа?! — Она ткнула пальцем туда, где тек ил. — *А эта*, по твоему мнению, стало быть, *моя*?

— Нет... конечно, нет... — заикаясь возразила Агата. — Тедросу все равно, Софи! Он хочет быть с тем, кому доверяет!

— А теперь значит, ты еще и в курсе чайний *моего* принца?

— Я хочу, чтобы ты его вернула себе!

— Знаешь, а мне кажется подобный вид, тебе не слишком идет, Агата, — сказала Софи, шагая к ней.

Агата отступила.

— Софи, я на твоей стороне...

— Нет, боюсь, *совсем* не идет.

Агата поскользнулась и упала, приземлившись в дюйме от ревущей реки. Она поползла вперед и замерла от ужаса. Замерли Анадиль и Эстер.

На них в ответ уставилось чудовище, неуклюжее черное тело попало в сеть грязи у стены в реке, мертвые глаза налились кровью.

Агата медленно подняла голову и увидела, как Софи смотрит на него.

— Добро никогда не желает причинять вреда, Агата. Но порой любить означает наказать злодеев, которые стоят на вашем пути.

Сверху эхом отразился волчий вой.

— Ужин закончился, — воскликнула Анадиль.

Эстер оторвала свой взгляд от Чудовища:

— Сейчас, Ани! Освободи их сейчас!

Запаниковав Анадиль вытянула вперед палец, чтобы немедленно открыть дверцу клетки.

— Я должна предупредить его, — сбивчиво сказала Агата, поднимаясь на ноги, но её силой опустили вниз.

Пораженная, она подняла глаза. Эстер пригвоздила её месту слияния реки.

— Ты не догоняешь, что ли? — прошипела она ей на ухо. — Тедрос — её *Немезида!* Если симптомы Софи проявятся, то ничто не остановит её от его убийства! Мы его спасаем ему жизнь!

— Но... это ведь Зло... — прохрипела Агата. — Это — Зло!

Подошла Софи и взглянула на неё, свисавшую над границей между илом и озером.

— Эстер, будь нежной. Просто помоги ей вернуться в её настоящую школу...

Агата слышала, как щелкнул засов и увидела тени мамонтоподобных созданий, пронзительно вопивших на ворота...

— Прощу тебя, Софи, не делай этого...

Софи ласково посмотрела на неё.

— Не переживай, Агата. На этот раз у меня будет мое Долго и Счастливо.

Её лицо превратилось в лед.

— Потому что тебя там не будет, чтобы все *разрушить*.

Эстер толкнула Агату в бурлящую муть. Девочку потянуло в сторону Зла, она барахталась и отплевывалась, тщетно пытаясь открыть щиплющие глаза. Но как только мутный поток увлек её за собой, Агата слепо выдернула руку из ила и, нащупав холодную кожу... утащила с собой Софи.

Обеих девочек несло в крутящуюся тьму. Агата в ужасе толкала Софи прочь к месту слияния, к чистой воде. Она оглянулась, чтобы увидеть, как далекий силуэт отчаянно колотит по грязной жиже и погружается глубже. Софи *не умела плавать*. Задыхаясь, Агата подплыла к Софи. На последнем издыхании она нырнула, схватила Софи за талию и вытолкнула её на поверхность. Их головы все в иле вынырнули далеко вниз по канализации Зла...

— Помогите, — булькала Софи.

— Держись за меня, — прокричала Агата, таща её за собой по илу. Задыхаясь она старалась добраться до стены, но с весом Софи, она не могла до неё дотянуться. Либо она отпустит её, либо рискнет плыть против течения.

— Не дай мне умереть, — умоляла Софи.

Агата обняла ее покрепче и рванула к стене. Её пальцы соскользнули и в них врезался поток грязи отрывая их друг от друга. Она нырнула, чтобы схватить Софи, но поймала только её хрустальный башмачок, и ей только и оставалось, что наблюдать, как её подругу уносит во тьму.

Но в мгновение ока их обеих поймали серебристые крюки....

Ошеломленные обе девушки обернулись, чтобы посмотреть на мерцающую волну, которая вытащила их из грязи в чистые синие воды. Они поняли, что наконец-то могут вздохнуть в нарастающей волне и выдохнули, сдув пухлые щеки. Их питомцы заперты, Агата видела, как лицо Софи становится все грустнее, испуганнее, как будто она очнулась от ночного кошмара. Но как только зачарованная волна потянула их на отдельные гребни, чтобы забросить каждую в свою школу, Агата открыла глаза.

К ним мчалась знакомая тень, черная и скрюченная. И прежде чем Агата успела закричать, тень врезалась в волну, выбив девочек из её хватки. Тень схватила их тонкими длинными пальцами и потащила их прочь от их замков по направлению другого берега озера. Агата увидела, как Софи сопротивлялась тени и присоединилась к подруге в борьбе с тенью. Получив своё, тень ослабила хватку, но только Софи качнулась к Агате, как тень схватила её за бедра и бросила из воды с неистовой силой. Задыхаясь от ужаса, Агата попыталась уплыть, но тень накинулась и потянула ее вперед, разбив подводную сторону рифа острой скалы. Она закрыла глаза, молясь о мгновенной смерти, и почувствовала, как Школьный директор выкинул её из озера в холодный ночной воздух.

Агата ударилась о землю так сильно, что была уверена — сейчас она потеряет сознание.

Но каким-то образом этого не сделала и продержалась достаточно долго, чтобы открыть глаза и увидеть массивные деревья, опоясанные фиолетовыми шипами. Должно быть она находилась где-то на землях Добра. Агата попробовала сесть, но тело взорвалось болью, и она рухнула обратно в сырую грязь. Почему Школьный директор напустил на них волну? Как он мог бросить её здесь без всяких объяснений? Голова у неё пульсировала от гнева и недоумения. Она расскажет профессору Дови о случившемся... она потребует ответы...

Но для начала ей нужно вернуться в школу.

Агата задрала голову вверх. Все, что она видела это исполинские деревья, украшенные фиолетовыми колючками. Она должна была находиться недалеко от цветочного поля, на котом Агата с другими Счастливицами оказалась в первый день. Но где же озеро? Она посмотрела назад и уловила сквозь ветви светоотражающий блеск. Испытав прилив облегчения, она поползла вперед, морщась от боли при каждом движении, пока не подобралась достаточно близко, чтобы увидеть что это было.

У неё отвисла челюсть.

Это было не озеро. Это были золотые ворота с шипами, надпись на которых гласила: НАРУШИТЕЛИ ГРАНИЦ БУДУТ УБИТЫ. И вдали за воротами голубым и розовым светились башни школы Добра.

Агата находилась не на территории школы.

Она была в Бескрайнем лесу.

— *Агата!* — раздался поблизости голос Софи.

Агата побледнела.

Школьный директор отправил их на свободу.

Она почувствовала прилив облегчения, а потом её пронзил страх. Все, чего ей всегда хотелось, это вернуться домой вместе с Софи. Но, что что произошло в канализации, повергло её в ужас.

— *Агата! Ты где?!*

Агата не издала ни звука. Стоит ли ей искать Софи? Или лучше сбежать домой?

Сердце её застучало быстрее. Но как она сейчас могла все бросить? Когда, наконец, почувствовала, что принадлежит чему-то?

— *Агата! Это я!*

Боль в голосе Софи немедленно вывела Агату из состояния транса. *Да что со мной?!*

Софи была права. Она начала верить, что это её школа, её сказка. Она даже начала надеяться, что лицо, которое все время стояло у неё перед глазами, может принадлежать...

«*Никто не сравнится с ней Злом*», — сказала Дот.

Агату затопило чувство вины.

— *Софи, я иду!* — выкрикнула она.

Софи не отвечала. Неожиданно забеспокоившись, Агата пробиравалась вперед в направлении её последнего зова. В темноте мерцала эмблема лебедя на груди. Что-то пощекотало ей ногу.

Она опустила глаза и увидела, как по её ноге к бедру ползла лоза фиолетовых шипов. Она сбросила её, но та сразу же вцепилась во вторую ногу. Она рванулась назад, но два вьюна схватили её за руки и два за ноги, а потом количество терний приумножилось настолько, что они покрыли каждый дюйм её тела. Агата дернулась, чтобы сбежать, но колючки пригвоздили её к земле, словно агнца на заклании. Потом появился толстый шип, который подполз к её груди. Он остановился в дюйме от её лица и уставился на неё своим пурпурным острым концом. Со спокойной непринужденностью, он свернулся обратно и вонзился в её лебедя.

По шипам полоснула сталь. Агату вытащили вверх теплые бронзовые руки...

— *Держись за меня!* — крикнул Тедрос, рубя тернии своим тренировочным мечом.

Ошеломленная Агата прижалась к его груди, когда он со стонами от боли противостоял терниям. Вскоре он вытащил руку и потянул Агату из Лесу в сторону ворот, которые сверкали и, узнавая их, разъехались, открывая узкую дорожку двум Счастливым. Когда ворота за ними захлопнулись, Агата посмотрела на хромающего в изодранной рубашке Тедроса, исполосованного кровавыми царапинами.

— Было предчувствие, что Софи пойдет через Лес, — тяжело дыша, сказал он, поднимая её на руки, прежде чем Агата успела что-нибудь возразить. — Поэтому профессор Дови разрешила мне взять с собой несколько фей и выйти за ворота. Стоило догадаться, что ты будешь здесь пытаться сама её спасти.

Агата тупо уставилась на него.

— Дурацкая идея для принцессы справиться с ведьмой в одиночку, — сказал Тедрос.

Капелька пота с него упала на её розовое платье.

— Где она? — прохрипела Агата. — В безопасности?

— И переживать из-за ведьмы, не очень удачная мысль для принцессы, — заметил Тедрос, крепче обнимая её за талию. У неё в животе запорхали бабочки.

— Опустите меня, — быстро проговорила она...

— Еще одна не лучшая мысль для принцессы.

— Опустите меня!

Тедрос повиновался и Агата отстранилась.

— Я *не* принцесса! — отрезала она, поправляя воротник.

— Как скажешь, — сказал принц, медленно опуская глаза.

Агата проследила за его взглядом к своим исцарапанным ногам, по котором сочилась кровь. Она увидела кровь и...

Тедрос улыбнулся.

— Один... два... три...

И упала в обморок ему на руки.

— Настоящая принцесса, — сказал он.

Тедрос отнес её к шести феям, игравшимся в озере и застыл как вкопанный на берегу. Сидя на коленях, в окровавленной одежде, на него смотрела Софи.

— Агата?

— *Ты!* — прошипел Тедрос.

Софи преградила ему путь, расставив руки.

— Отдай её мне. Я заберу её с собой.

— Это *ты* во всем виновата! — рявкнул Тедрос, прижимая Агату крепче.

— Она спасла мне жизнь, — выдохнула Софи. — Она моя подруга.

— Принцесса не может дружить с *ведьмой!*

Софи вспыхнула, а её палец засветился розовым. Тедрос это увидел и его палец тут же засветился золотом, поднятый, чтобы защищаться...

Медленно напряженное выражение исчезло с лица Софи, а её палец потух.

— Я не знаю, что со мной случилось, — прошептала она. На глазах у Софи навернулись слезы.

— Даже не пытайся, — прорычал Тедрос.

— Это все школа, — всхлипывала она. — Она изменила меня.

— Прочь с дороги!

— Пожалуйста — дай мне шанс!

— *Прочь!*

— Позволь мне показать тебе, что я Добро!

— Я тебя предупредил, — сказал он, пытаясь пройти мимо...

— Тедрос, мне *жаль!* — плакала Софи, но он просто оттолкнул ее в сторону и пошел дальше.

— Добро прощает, — прошептал голос.

Тедрос остановился. Он посмотрел на ослабшую Агату у его груди.

— Тедрос, ты ей обещал, — сказала Агата тихонько.

Он пораженно уставился на неё.

— Что? Что ты говоришь...

— Возьми её в замок, — сказала Агата. — Покажи всем, что она твоя принцесса Бала.

— Но она... она...

— Моя подруга, — сказала Агата, встретившись с удивленными глазами Софи.

Тедрос смотрел то на Агату, то на Софи.

— *Нет!* Агата, послушай меня...

— Сдержи слово, Тедрос, — сказала Агата. — Ты должен.

— Я не могу... — взмолился он.

— Прости её. — Агата заглянула ему в глаза. — Ради меня.

Тедрос потерял дар речи и весь запал.

— Иди, — сказала Агата, вырвавшись у него из рук. — Я пойду с феями.

Несчастный Тедрос, скинул с себя остатки своей голубой рубашки и накинул её вокруг её дрожащих розовых плеч. Он открыл было рот, чтобы возразить...

— *Иди,* — сказала она.

Тедрос не мог смотреть на неё и сердито отвернулся — его раненная нога подгибалась. Софи рванулась к нему и перекинув его руку через свое плечо, обняла его за грудь. Принц отпрянул от её прикосновения.

— Прошу тебя, Тедди, — прошептала Софи, сквозь слезы стыда. — Обещаю, я изменюсь.

Тедрос оттолкнул ее, пытаясь устоять. Но затем он увидел, Агату позади Софи, ее взгляд, который напоминал ему о его же собственном обещании.

Тедрос пытался бороться с собой... пытался сказать себе, что обещание может быть нарушено... но он знал правду. Он обмяк в объятьях Софи.

Удивленная Софи помогла ему пройти вперед, боясь вымолвить слово. Тедрос оглянулся на Агату, которая с облегчением расслабилась и поплелась за ними следом. Принц покорно вздохнул и заковылял под руку с Софи вперед.

Софи потянула его к озеру со всей своей силой, тяжело дыша и всхлипывая. Мало-помалу она почувствовала, что Тедрос сдается ей на милость. Застенчиво взглянув на него, она улыбнулась сквозь слезы. На её изящном лице читалось раскаяние. Наконец принц сумел выдать в ответ скупую улыбку.

Из-за тучи показался месяц, обливая их чистым светом. Когда он с Софи добрались до озера, их тела переплелись. Тедрос опустил взгляд на их две тени, когда его сапоги и её хрустальные башмачки стояли всего в шаге друг от друга, и на свое окровавленное отражение в мерцающих водах озера, светящееся рядом с... отвратительной старой ведьмой.

Тедрос в ужасе поднял взгляд, но перед ним стояла только прекрасная Софи, ведя себя с ним очень нежно, как истинное Добро. Он снова взглянул на озеро, но небо затянули облака и ничего не было видно. У него побежали мурашки по спине.

— Я не могу... — закашлявшись, сказал он, высвобождаясь из её руки.

— Тедди? — тихо сказала Софи.

Он отшатнулся и поднял Агату, которая взидала на него с удивлением.

Софи побледнела.

— Тедди, что я должна сде...

— Держись подальше от нас! — сказал он, прижимая Агату к своей груди. — Держись подальше от нас обоих!

— *Нас?* — взвилась Софи.

— Тедрос, стой... — умоляла Агата. — А как же...

— Позволь ей самой найти свою дорогу к Злу, — сплюнул Тедрос и поднял свой светящийся палец, чтобы позвать фей.

Софи сжалась как от пощечины. Агата смотрела на неё, находясь на руках у Тедроса, всем своим видом показывая, как ей жаль. Но на лице её подруги не было прощения. Оно покраснело от неистовой ярости и ненависти...

— *ВЗГЛЯНИ НА НЕЁ!*

Эхо её голоса пронеслось над озером.

Агата побледнела.

— *ОНА ЖЕ ВЕДЬМА!* — выкрикнула Софи.

Тедрос медленно повернулся и обжег её своим взглядом.

— А ты присмотришься получше.

Софи с ужасом наблюдала, как над двумя Счастливыми кружили феи. И находясь в руках у Тедроса, Агата смотрела на неё с тем же выражением лица.

Теперь она и сама видела, что все это время они находились в правильных школах.

Софи оставшись одна-одинешенька в темноте, тяжело дыша, неподвижно стоя на берегу озера наблюдала, как феи уносят прочь Агату и её принца. У неё туго свело мышцы, а потом она с треском сжала руки в кулаки. Ее кровь закипела, все больше и больше, а тело горело, и как только она подумала, что сейчас превратится в пламя — подбородок пронзила острая боль. Свои поднесла к лицу руку.

Там что-то было.

Её пальцы ощупывали это, пытаясь понять, пока она не почувствовала влажные капли, упавшие её на руку. Она отошла назад, когда поднялась волна, накрывая её своей тенью...

Софи ввалилась в окно комнаты номер шестьдесят шесть, сверху до низу перепачканная в иле.

Эстер с Анадиль повскакивали со своих кроватей.

— Мы тебя повсюду искали... где ты была...

Софи приложила руку к лицу и проползла мимо них к последнему острому осколку зеркала, оставшемуся на стене и похолодела при взгляде в него.

На её подбородке красовалась жирная черная бородавка.

Софи судорожно взялась за неё, дернула — а потом она увидела, как отражения её соседок побелели, как снег.

— *Симптомы*, — ахнули обе.

Насквозь промокшая, дрожащая, Софи бросилась по лестнице на самый верхний этаж, где находился кабинет, дверь которого она распахнула настезь светящимся пальцем. Леди Лессо, одетая в ночную сорочку, вскочила со своей кровати и вытянула вперед палец. Софи мгновенно подлетела в воздух и у неё сдавило горло.

Леди Лессо опустила руку, аккуратно ставя Софи на пол. Широко распахнув глаза, она подошла к Софи и взялась за её дрожащие лицо своими острыми красными ногтями.

— Как раз в аккурат к Арене, — сказала она, поглаживая пальцами черную бородавку. — Счастливец ждет *сюрприз*.

Софи при этих словах замахала руками....

— Порой наши приспешники знают нас лучше, чем мы сами, — восхитилась леди Лессо.

Софи, не понимая, помотала головой.

Учительские губы задели мочку её уха.

— Он тебя ждет.

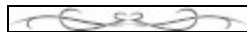
Когда факелы в замках все погасли, Синий лес, отбрасывающий растянутые тени, освещала только луна. Кутаясь в свою черную змеиную накидку, Софи прошла по папоротникам, мимо дубов. Её сильно знобило. Когда она дошла до гигантского каменного колодца, то навалилась всем телом на завал, закрывающий колодец, снова и снова, пока тот не сдвинулся. Забравшись к ведро, она опустилась во тьму, пока частичка лунного света не осветила самое дно.

Возле гладкой молочно белой стены её ждал Гримм, щеки и крылья которого были черный от копоти. Стена вокруг него была покрыта тысячами рисунков одного и того же лица. Лицо нарисованное кроваво-красной помадой. Лицо, которое ей никак не удавалось разглядеть в своих снах. Но здесь, в кромешной ночи, её Немезида обрела имя.

И это был не Тедрос.

Глава 26

Арена талантов

— В кабинет к профессору Дови, — приказал Тедрос феям, когда он с Агатой поднялись в небо, оставляя кровавую дорожку за собой.

— Ко мне в комнату, — приказала Агата феям, несущих её.

— Но ты ранена! — сказал Тедрос, дрожа...

— Если мы кому-нибудь расскажем о том, что произошло, тогда станет все еще хуже, чем есть, — сказала Агата.

Феи потащили их в разные стороны.

— Подожди! — выкрикнул Тедрос.

— Никому не рассказывай! — крикнула в ответ Агата, удаляясь в сторону розовых шпилей.

— Ты будешь на Арене? — прокричал Тедрос, утаскиваемый в сторону синих...

Но Агата не ответила, а он и его феи уменьшились, превратившись в светящиеся точки.

Когда её собственные феи поднимали девочку все выше в темном небе, она посмотрела на серебряную башню, нависшую над заливом, удрученно и оцепенело. Школьный директор их предупреждал. Он видел, кем они были...

Она закуталась потуже в окровавленную рубашку Тедроса, выброшенную ей на плечи и феи подняли еще выше, навстречу резкому ветру. Но когда Агата взглянула на освещенные факелами окна, мельтешащие силуэты, наряжающиеся для предложений, её вину и шок, сменил гнев.

Злодеи — те, кто ближе всего к нам.

Злодеи под личинами лучших друзей.

О, да, она будет на этой Арене.

Потому что Сэдер был прав.

Эта сказка никогда не была сказкой Софи.

Она была её сказкой.

— Значит, никаких нападений на самом деле не было? — спросила профессор Анемон,

потягивая дымящийся сидр.

Стоящая возле окна своего кабинета, профессор Дови смотрела на башню Школьного директора, утопающую в красных лучах закатного солнца.

— Профессор Эспада сказал, что мальчики ничего не нашли. Тем временем, Тедрос провел половину ночи безуспешно прочесывали сад. Возможно, это была такая тактика у Софи. Лишить наших лучших участников сна.

— Девочки тоже едва ли спали, — сказала профессор Анемон, вытирая сидр со своего лебедя на ночной сорочке из верблюжьей шерсти. — Остается надеяться, что они достойно будут выглядеть, когда им будут делать предложения.

— От чего он так боится, что нас увидят? — спросила профессор Дови, не сводя глаз с башни. — Какой смысл нам готовить учеников для этих испытаний, если мы *не можем быть* там, с ними?

— Потому что нас не будет с ними в Бескрайнем лесу, Кларисса.

Профессор Дови отвернулась к окну.

— Вот, почему он запрещает нам вмешиваться, — сказала профессор Анемон. — Неважно, насколько жестоки дети по отношению друг к другу, ничто не может подготовить их к той жестокости, которая их может встретить в сказке.

Профессор с мгновение хранила молчание.

— Ты должна идти, дорогая, — сказала она наконец.

Профессор проследила за её взглядом к закату и подпрыгнула.

— Во имя Добра! Да, ты так застряла бы со мной на всю ночь! Спасибо за сидр.

Она пошла к двери.

— Эмма.

Профессор Анемон посмотрела себе через плечо.

— Она меня пугает, — призналась профессор Дови. — Та девочка.

— Кларисса, твои ученики готовы.

Профессору Дови удалось улыбнуться и кивнуть.

— Довольно скоро мы услышим их победное ликование, не так ли?

Эмма послала ей воздушный поцелуй и закрыла за собой дверь.

Профессор Дови наблюдала за солнцем, которое уже душило горизонт и когда небо потемнело, она услышала у себя за спиной резкий щелчок. Она немедленно подошла к двери и дернула её — затем она попробовала отпереть её своей палочкой, выстрелила в неё пальцем... Но дверь была крепко-накрепко заперта более сильным волшебством, чем тем, что обладала она.

Её лицо, искажившиеся от нервного напряжения, медленно расслабилось.

— Они будут в безопасности, — пропела она, устало бредя в свою спальню. — Они всегда в безопасности.

В восемь вечера, когда до Бала оставалась всего ночь, ученики вошли в Театр Сказок, чтобы увидеть, что он был весь зачарован по этому случаю. Над каждой из сторон плавали по канделябру в виде лебедей с десятью свечами каждый, горящие белым светом над Добром и сине-черным над Злом. Между ними зависла стальная Корона Арены, сверкающая в свете пламени с семью длинными, резкими шпильями, ожидая победителя вечера.

Первыми прибыли Счастливицы, разодетые в вечерние платья и нервозные улыбки в ожидании приглашения на Бал. Когда они вошли через западные двери, размахивая

флажками с белыми лебедями и баннерами с лозунгами «КОМАНДА ДОБРА!», стеклянные цветы опыляли их ароматом и хрустальные фризы ожили.

— Приветствуем, красно-девиц, чей талант поможет победить нам на Арене? — пропыхтел хрустальный принц, сражаясь с драконом, извергающего обжигающий дым.

— Я слышала дитя по имени Софи очень грозна. Вы сможете её одолеть? — встряла хрустальная принцесса рядом с ним, сидящая за сверкающей прялкой.

— Я не попала в команду, — призналась Кико.

— Все будет тот, кто останется последним, сказал принц, нанося удар дракону.

Через восточные ворота с ревом протолкнулись Несчастливцы, размахивая коряво сделанными плакатами с кривой надписью «КОМАНДА ЗЛА!», в то время как Хорт размахивал флагом с черным лебедем так истоиво, что сломал сталактиты, свисающие с потолка, вынуждая тем самым Несчастливцев броситься в рассыпную в поисках укрытия. Когда Хорт рванул к своему месту, то оглядел обожженные стены, искаженные тенями чудовищ, пожирающих крестьян и ведьм, жарящих детей. Неподалеку от лавочки ожили гравюры с вопящими принцами, которых режут злодеи, забрызгивая все вокруг черной кровью.

— Кто все это *сделал*? — Он выпучил глаза, когда его забрызгало этой черной дрянью.

— Школьный директор, — сказал Раван, затыкая уши, чтобы не слышать воплей. — Не удивительно, что он не пускает сюда учителей.

Тем временем, когда прибыли последние Несчастливцы и Счастливы, загнанные волками и феями, они тоже почувствовали нервную дрожь в отсутствии взрослых. Только Тедрос выглядел спокойным. Он прохромал последним, в своих кремово-белых бриджах, на груди в пройме рубашки между кружевами красовалась рана, лицо исполосовано сердитыми царапинами. Он осмотрел места Счастливых в поисках кого-то, а потом с выражением разочарования на лице, сел на свое место.

Наблюдая за ним, Эстер напряглась.

— А где Софи? — прошипела она Анадиль, игнорируя взгляд Дот, уставившийся в лавочку.

— Она так и не вернулась от Лессо! — прошептала Анадиль.

— Может Лессо её исцелила?

— Или может симптомы стали еще хуже! Может она напала на Тедроса!

— Но *у него* нет никаких признаков, Ани, — возразила Эстер, глаза на принца. — Когда у злодея начинают проявляться симптомы, их Немезиды становятся сильнее!

Но Тедрос сидел сгорбленный на своем месте, он выглядел бледным и слабым.

Анадиль изумленно уставилась на него.

— Но, если он не Немезида Софи, тогда кто?

Но позади них распахнулись двери Счастливых и в Театр впорхнула самая красивая принцесса из тех, что им доводилось когда-либо видеть.

Она была одета в темно-синее платье, на котором блестели изящные золотые листья. По проходу за ней тянулся длинный бархатный шлейф. Ее блестящие темные волосы были зачесаны вверх под тиару из синих орхидей. На шее висел рубиновый кулон, в форме капли, будто кровь на снегу. Её большие темные глаза подчеркивали золотые тени, а губы — розовый блеск.

— Немного поздновато, для появления новеньких, — сказал Тедрос.

— А она и не новенькая, — сказал Чаддик, сидевший рядом с ним.

Тедрос опустил взгляд вниз и, увидев, её привычные черный башмаки под платьем, закашлялся.

Застенчиво улыбаясь, Агата прошла мимо Беатрикс, которая окаменела, мальчиков, пускавших слюни себе на колени, девочек, неожиданно испугавших из-за своих кавалеров на Бал, и присела рядом с Кико, глаза которой вылезли из орбит настолько, что вот-вот могли выпасть.

— Черная магия? — пискнула Кико.

— Палата красоты, — прошептала Агата, замечая, что место Софи пусто. Она обратила внимание, что и Тедрос это заметил. Он перевел взгляд и её глаза встретились с его синими глазами.

На другой стороне от прохода, Эстер с Анадиль побелели, от понимания того, что только что произошло.

— Добро пожаловать на Арену талантов.

Все ученики подняли глаза и увидели на постаменте белого волка и фею, парящую рядом с ним.

— Сегодня вечером состоится двадцать поединков, в порядке рейтинга оценок, — прогремел он. — Десять Счастливых из первой десятки явят свои таланты, преследуемые Несчастливыми из первой десятки. Школьный директор публично наградит победителя и накажет проигравшего.

Ученики затравленно оглядели Театр. Волк фыркнул и продолжил.

— Перед нами предстанет девятая пара, затем восьмая и так до первой в рейтинге. По окончании Арены, тот, чей талант Школьный директор сочтет самым впечатляющим и станет победителем и получит Корону Арены, а так же его школа выиграет Театр сказок на весь следующий год.

Добро скандировало: — НАШЕ! НАШЕ! — в то время как Несчастливые: — БОЛЬШ НЕТ! БОЛЬШЕ НЕТ!

— Только от того, что здесь нет ваших учителей — не означает, что вы можете вести себя, как животные, — прорычал волк и фея его поддержала своим перезвоном. — И мне плевать, если придется побить принцессу или двух...

Счастливицы ахнули.

— Если у вас есть какие-то вопросы, то держите их при себе. Если вам нужно в туалет, то делайте свои дела себе в штаны, — гремел волк. — Потому что двери закрыты, и Арена начинается *прямо сейчас*.

Агата с Тедросом вздохнули с облегчением. Эстер и Анадиль тоже.

Потому что из всех талантов, которые они увидят сегодня вечером, деяния Софи не станут одними из них.

Первые четыре состязания Арены выиграли Счастливые, оставляя Несчастливого страдать от наказаний Школьного директора. Брон начал икать бабочками, Арахне слепо гонялась за своим единственным глазом, прыгающим по всему Театру, острые уши Векса превратились размером со слоновьи — все жертвы невидимого судьи Арены, который казалось приходил в восторг, наказывая Зло.

Видя, как еще одна свеча в виде лебедя погасла у Зла, Агата почувствовала себя плохо. Осталось всего три дуэли, когда дойдет очередь и до неё.

— А у тебя какой талант? — толкнула локтем Агату Кико.

— Краситься — считается? — смутившись, сказала Агата, замечая еще большее

количество изумленных взглядов Счастливец.

— Неважно, как ты выглядишь, Агата! Ни один принц не пригласит ту, кто проиграла Злу!

Агата застыла. У неё в голове было тысячи мыслей, но только одна имела значение. Потому что, если никто её не пригласит...

Это провал.

Агата прерывисто задышала и повернулась к помосту. Ей немедленно было необходимо где-то раздобыть талант.

— Приветствуем Несчастливца Равана! — вызвал волк, и на постаменте вырисовался феникс, светящийся зеленым цветом.

Раван, с густой черной гривой и черными глазищами взглянул вниз на зевающих Счастливец, готовых к еще одному хромому проклятию или злодейскому монологу. Он кивнул своим приятелям на скамейке, которые выволокли из-под скамеек бочки и давай в них бить; Раван принялся скакать с одной ноги на другую, потом к ногам присоединились резкие взмахи рук, и не успели Несчастливцы опомниться, как один из их лучших злодеев...

— Он *танцует*, что ли? — выпучив глаза, сказала Эстер.

Бой барабанов ускорился, топот Равана стал громче, а его глаза налились кровью.

— Красные глаза у злодея, — пробормотал Тедрос. — Как свежо.

Но потом раздался треск. И сначала все подумали, что это сломались ноги Равана, но после они поняли, что это была его голова, вернее, теперь вместо одной головы было *две*, а затем три, и четыре и пять, пока на его шее не появилось десять голов. От боя барабанов закладывало уши, топот прекратился, и Раван спрыгнул со сцены, присев на корточки, широко расставив ноги. Из десяти ртов вываливалось десять опухших языков и извергалось пламя.

Несчастливцы повскакивали на ноги и взвыли от ужаса.

— Ну и кто может быть круче! — сплюнул Раван, после того как дым рассеялся и у него осталась только одна голова.

Агата заметила, что волки-охранники Зла находились под впечатлением, в то время как феи взволнованно звенели. *Возможно, они делали ставки на итоговый результат*, подумала она, переключая свое внимание на отсутствие у себя таланта. Все Несчастливцы почувствовали себя лучше и в отличие от Счастливец, которые до сих пор побеждали. Она не умела вертеть лентами или выполнять фокусы с мечом или зачаровывать змей. Как же она могла бы доказать, что она Добро?

Агата увидела, что Тедрос опять смотрит на неё и почувствовала, как внутренности перекрутились, не давай ей нормально дышать. Вместе с тем, она думала, что если бы вернулась домой с Софи — это бы и был её счастливый конец. Но этому не суждено было случиться. Её счастливый конец здесь — в этой волшебной школе. С её принцем.

Как далеко она ушла от своего кладбища.

Теперь у неё была собственная сказка. Собственная *жизнь*.

Глаза Тедроса были прикованы к ней, будто больше не было никого на свете. Они светились надеждой.

Он твой, пообещало ей её отражение, одетое точно так же, как она сейчас. Она пришла в Придворную комнату, надеясь почувствовать себя как принцесса, улыбающаяся ей на Мосту.

Но почему же она тогда не улыбалась? Почему же она все думает о...

Софи?

Тедрос улыбнулся еще радостнее и сложив руки, приложил их ко рту:

— В чем твой талант?

У Агаты упало сердце. Подходила её очередь.

— Приветствуем Счастливица Чаддика! — объявил белый волк и появился феникс, который теперь сиял золотом.

Несчастливцы освистали Чаддика и закидали его горстями каши. Художественное оформление стен Зла так же пришло в действие, они демонстрировали, как побьют его, сожгут, обезглавят, в то время как злодеи, вырезанные на лавочках, кидались в него щепками. Чаддик сложил свои руки на бочкообразной груди и вытерпел все со спокойной улыбкой. Затем он натянул лук и выстрелил в сидения. Стрела отрекошетила от скамьи, пролетела мимо Несчастливцев, задевая их уши и шеи, пролетела бумерангом вдоль стен и пронзила все фигурки, который хором застонали, а потом наступила гробовая тишина.

Еще одна свеча сгорела в канделябре Зла.

Улыбка Равана исчезла. Он тут же был подброшен в воздух невидимой силой, на лице вместо носа появилось свиное рыло, внизу спины вырос хвост, и Раван с громким хрюканьем упал в проход.

— Счастливицы победили, — ослабился волк.

«Странно, — подумала Агата. — Почему он хочет, чтобы его сторона проиграла?»

— Всего две пары осталось до тебя! — прошептала Кико.

У Агаты заныло сердце. Она не могла сосредоточиться, разум её так и метался между Софи и Тедросом, между радостным возбуждением и чувством вины. *Талант... Думай о таланте...* Она не могла ни смогрифицировать, с тех пор, как учителя наложили контрзаклинания, которое все еще действовало, ни сотворить ни одно из своих любимых заклинаний, потому что все они были из арсенала Зла.

— Я просто призову какую-нибудь птичку или вроде того, — пробормотала она, припоминая уроки Умы.

— Эээ, а как птичка сюда *попадет*? — поинтересовалась Кико, кивая в сторону запертых дверей.

Агата сломала свой свежее-отполированный ноготок.

Талант же Анадиль был все еще заперт в Пыточной. Она попыталась колдовством открыть дверь, только магия для взлома оказалась слишком сильной, и как итог в качестве наказания превратилась в пчелиный рой. Затем Хорт потерпел неудачу в состязании с Беатрикс. После Испытания Хорт преуспел в своих оценках, чтобы попасть на Арену, обещав, что наконец-то добьется причитающееся ему «уважения». Но большую часть из отведенных ему минут он провел кряхтя и ворча на сцене, пытаясь вырастить волосы на груди.

— Я очень резко его зауважаю, если он просто сядет и перестанет позориться, — проворчала Эстер, в то время как остальные Несчастливцы освистали его.

Но как только время вышло, Хорт издал разъяренный рык, и его шея искривилась. Он простонал, грудь его раздулась. Он вздрогнул и щеки его распухли. Его трясло, он пошатывался, он дергался и непрерывно кричал. Одежда на нем разорвалась в клочья.

Все в шоке вжались в свои места.

Массивные мышцы покрывал темно-коричневый мех, из зубастой пасти капала слюна.

— Он... *оборотень*? — ахнула Анадиль.

— Человек-волк, — сказала Эстер, содрогаясь при воспоминании вида мертвого Чудовища. — Он больше владеет собой, чем оборотень.

— Видали? — рычал на всех них Хорт. — *Видали?*

Неожиданно его выражение лица изменилось, а сам он... просто сдулся, превратившись в маленькое тощенькое безволосое тельце, которое спрыгнуло за сцену, чтобы прикрыть свою наготу.

— Про владение собой, беру свои слова назад, — прокомментировала Эстер.

Однако, Зло по-прежнему придерживалось мнения, что эта дуэль за ними, пока на сцену не вплыла Беатрикс в персиковом платье, сжимая в руках знакомого белого кролика, и напевая песенку такую привязчивую и милую, что вскоре ей подпевали все Счастливицы:

*Я могу быть грубой,
Порой веду себя не так,
Но никогда не буду глупой,
И ты ведь не простак.*

*Кто никогда тебе не врал,
Старался быть полезной,
Советы дельные давал?
И был всегда чудесной?*

*Так неужели же, скажи,
Не заслужила я твоей руки?*

— Они идеально подходят друг другу для Бала, скажи? — вздохнула Кико, обращаясь к Агате.

И, когда она увидела, как к поющим в конце концов присоединился и Тедрос, такая искренняя преданность настолько её позабавила, что она тоже улыбнулась. Где-то там у глубине души в Беатрикс была крупица Добра. Все что требовалось — это талант его явить.

Агата моргнула и увидела, как Тедрос, улыбаясь смотрел прямо на неё, как будто был уверен, что она предьявит талант намного превосходящий этот. Талант достойный сына Камелота. Этот был тот же взгляд, которым он когда-то давным-давно смотрел на Софи.

Пока она не упала в его глазах.

— Несчастливица Эстер против Счастливицы Агаты! — огласил белый волк, после того, как Хорт был наказан иглами дикобраза.

Агата сникла. Время её уже истекло.

— Без Софи, Эстер наша последняя надежда, — икнув очередной бабочкой, сказал Брон.

— Она похоже так не считает, — сердито высказался Векс со слоновьими ушами, наблюдая за тем, как Эстер тяжело опустилась на сцену.

Вскоре они увидели почему. Когда Эстер освободила своего демона, тот всего лишь сумел выпустить слабенькие огненный шарик, прежде чем снова оказаться на шее. Она мучительно закашлялась, схватившись за сердце, будто эти несчастные усилия истощили её.

Но, если Эстер сдалась без боя, её товарищи по команде не намерены были делать того

же. Как и все злодеи, когда на горизонте замаячило поражение, они просто изменили правила. И когда подошла очередь Агаты выйти на сцену, она лихорадочно соображая какой же у неё все-таки талант, услышала шепоток: — Давай! Давай! — а потом голос Дот: — *Нет!*

Она повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как мальчишки сгрудились над красным учебником Заклинания. Векс поднял свой красный светом светящийся палец, прокричал заклинание... Агата онемела и рухнула без сознания.

Единственным звуком в Театре был звук медленно растрескивающихся сталактитов на потолке.

И они обрушились.

Тедрос схватил Векса за его уши-крылья. Брон вцепился Тедросу в воротник, зашвырнув его в люстру, и ученики увернулись от падающих свечей, которые скатились в проход. Счастливыцы повскакивали на лавки Несчастливыцев, в то время как Несчастливыцы поджигали и пускали в них мертвых бабочек из-под сидения Брона.

Агата медленно подошла к сцене и, подняв взгляд, увидела, как Несчастливыцы и Счастливыцы кидаются друг в друга обувью, через горящий проход. Сквозь дым, словно снаряды летели башмаки, ботинки и туфли на высоких каблуках.

А где охрана?

Мелькавшие в дымке волки били Несчастливыцев, а феи, пикирующее вниз, бомбили Счастливыцев, туша заодно волшебной пылью пламя. Агата вытерла глаза и снова внимательно взглянула. Волки и феи драку... усугубляли?

А потом она увидела фея, кусавшего каждую хорошенькую девушку, которая ему попадалась.

— *Я не хочу умирать.*

— *Я тоже, — сказал белый волк.*

И в мгновение ока Агата все поняла.

Она махнула светящимся пальцем и в проходе кнутом ударила молния, заставив всех застыть от неожиданности.

— Сидеть, — скомандовала она.

Никто не посмел ослушаться, включая волков и фей, которые расхаживали по проходу.

Агата тщательно изучила охрану обеих школ.

— Вам кажется вы знаете на какой вы стороне, — заговорила она в приумолкшем Театре. — Вы думаете, вы знаете, кто вы есть. Вы разрываете жизнь на Добро и Зло, красота и уродство, принцесса и ведьма, правильно и неправильно.

Она посмотрела на кусающегося фея.

— Но, что если есть нечто срединное?

Фей посмотрел на неё, у него на глазах навернулись слезы.

«Загадай желание», — подумала она.

Испугавшийся фей мотнул головой.

«Все, что тебе нужно сделать — это загадать желание», — умоляла Агата.

У фея текли слезы, он боролся с собой...

А потом так же как с рыбкой, так же как с горгульей, Агата начала слышать его мысли.

Покажи им... — раздался знакомый голос.

Покажи им правду...

Агата грустно ему улыбнулась. *Желание исполнено.*

Она выставила вперед палец и из тел фей и волков вырвался, поднявшись в верх призрачно-голубой свет, который неподвижно застыл.

Обескураженные ученики сощурившись рассматривали плавающий в воздухе над застывшими телами голубой свет. Какие-то духи были их возраста, большинство же были высохшими и старыми, но на всех надета та же школьная форма — только форма Добра висела над волчьими телами, а форма Зла — над телами фей.

Потерявшие дар речи ученики, уставились на Агату, в ожидании объяснения.

Агата подняла глаза на лысого, одетого в черное, Бейна, парящего над телом фея. Мальчик, кусавший всех хорошеньких девушек в Гавальдоне, теперь уже подросток, некогда пухлые щеки стали впалыми и покрылись пятнами от слез.

— Если вы проваливаетесь, то становитесь рабом, для противоположной стороны, — объяснила Агата. — Таково наказание Школьного директора.

Она внимательно посмотрела на седовласого мужчину, висевшего над белым волком, успокаивающего дух молоденькой девушки над феей.

— Вечное наказание для нечистых душ, — сказала Агата, когда девушка разрыдалась в объятьях старика. — Это, считает он, исправит плохих учеников. Если поместить их не в ту школу, то они выучат урок. Вот чему этот мир нас учит. Что мы можем находиться только в одной школе, и никак не в другой. Но тогда возникают вопросы...

Она поглядела всех призраков, все были такими же испуганными и беспомощными, как Бейн.

— Это правда?

У неё задрожала рука. Фантомы замерцали и погрузились обратно в свои тела фей и волков, которые ожили.

— Я бы их всех освободила, если б могла, но его магия слишком сильна, — сказала Агата надломленным голосом. — Хотелось бы мне, чтобы мой талант приводил к более счастливому финалу.

Когда она сползла вниз по ступеням сцены, то услышала всхлипы и повернулась, чтобы увидеть, как волки, феи и дети обеих сторон вытирают слезы.

Агата опустилась рядом с Кико, макияж которой теперь напоминал размытое пятно розового и голубого.

— Я вообще-то терпеть не могла волков, — всхлипнула она. — А теперь мне хочется их обнять.

Она увидела, как через проход сквозь слезы улыбается Эстер.

— Что заставляет меня задуматься, на чьей же я стороне, — тихонько сказала Эстер.

Над ней погасла девятая свеча Зла.

Эстер несчастно вздохнула и застыла, и тут же с потолка на неё низвергся поток нефти. Она закрыла глаза и в неё что-то врезалось...

Но вместо нее нефть вылилась на мех.

Эстер обернулась и увидела трех волков, прикрывающих её, чьи тела обожгла горячая нефть. Задышающиеся от боли, они взвыли, сообщая Школьному директору, что с них довольно наказаний.

Театр погрузился в тишину. Все переглядывались так, словно правила игры неожиданно изменились.

— Видишь, он должен быть Добром, — прошептала Кико Агате. — Ведь если бы он был Злом, то убил бы их!

— Поооследняя дуэль, — пробормотал белый волк, почувствовав удачу. — Несчастливица Софи против Счастливица Тедроса. Поскольку Софи отсутствует, то мы переходим прямо к Тедросу.

— Нет.

Тедрос поднялся.

— Все, конец Арене. Мы видели, что Добру нет равных.

Он, в качестве признания поражения, склонился перед Агатой.

— Нет никаких сомнений, кто здесь победитель.

Агата встретилась с его взглядом синих глаз и впервые, она не думала о Софи.

Обе стороны посмотрели на сияющую корону, в ожидании благословенного вердикта принца.

Вместо этого раздался очень громкий стук.

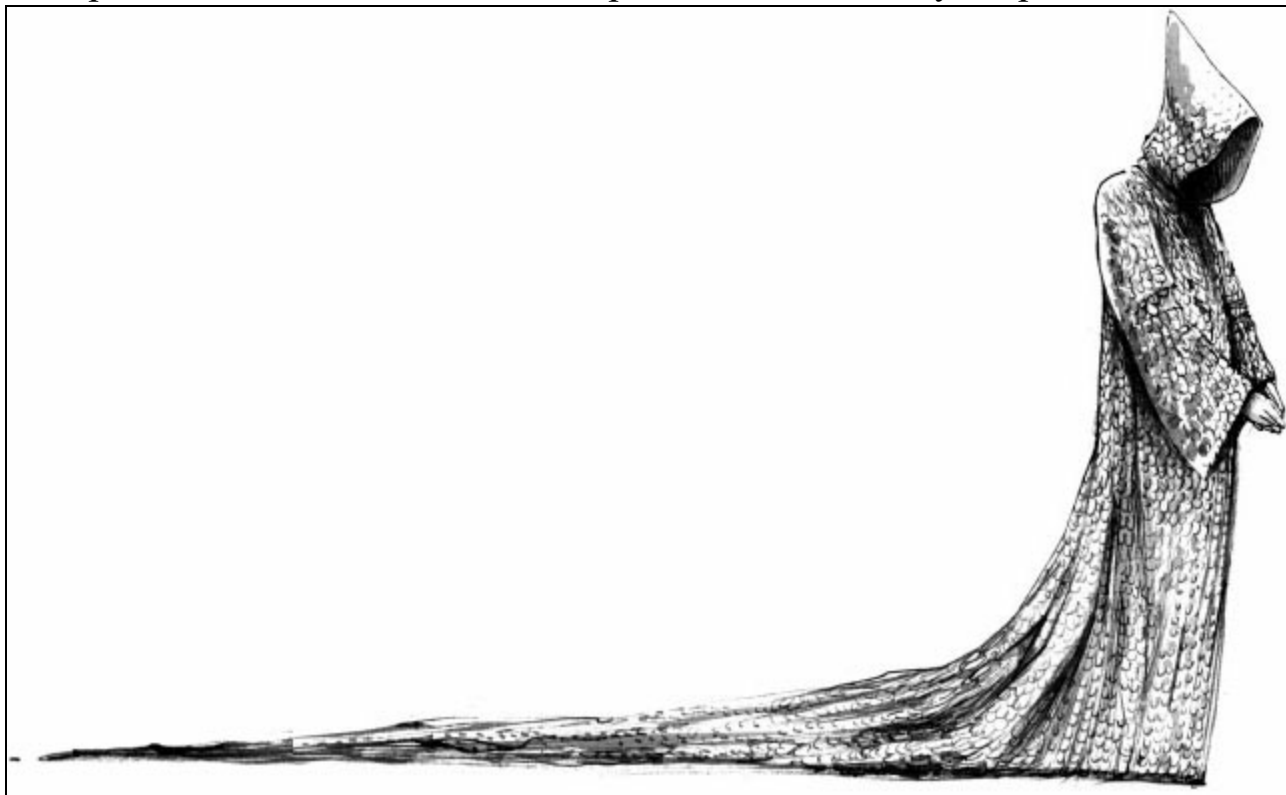
Глава 27

Несдержанные обещания

Сначала ни у кого не было уверенности, откуда раздался стук.

Но затем раздался еще один. Этот был громче. Кто-то был у дверей Несчастливцев.

— Арена *закрыта!* — взревел волк.

Еще два удара.

— Я думала, учителя заперты в своих комнатах, — прошептала Агата.

— Итак, очевидно, что это не учитель, — прошептала Кико, не отрывая взгляда от

Тристана.

Агата через проход взглянула на Эстер. Обе, напуганные девочки повернулись к двери и вздрогнули от очередного громкого удара.

— Вас не впустят! — прогремел волк.

Удары прекратились.

Агата вздохнула.

А потом медленно, по волшебству, двери со скрипом сами отворились.

В Театр Сказок проскользнула фигура, завернутая в черный плащ с капюшоном. Сотни глаз уставились на незнакомца, скользящего по проходу, тихо ступая. Змеиный шлейф плаща напоминал свадебный. Черная тень безмолвно и плавно поднялась на сцену и замерла под Коронай Арены, чешуйки плаща мерцали в свете свечей. С опущенной головой фигура напоминала летучую мышь.

Двери с грохотом захлопнулись.

Из-под плаща выскользнули бледный пальцы и стянули капюшон.

Софи оглядела собравшихся. Её нос и подбородок покрывали бородавки. В черных волосах появились белые клочки. Изумрудные глаза превратились в мрачно серые, а кожа

стала настолько прозрачной, что теперь были видны вены.

Она медленно внимательно осмотрела толпу, с усмешкой встречая испуганные лица. А потом она увидела Агату в роскошном синем платье, и улыбка исчезла с её лица. Софи уставилась на неё во все глаза, её серые глаза помутнели от злости.

— Вижу тут у нас новая принцесса, — сказала она вкрадчиво. — Красотка, не правда ли?

Агата в ответ не отвела взгляд, больше не чувствуя жалости или желания угождать Софи.

— Но приглядитесь повнимательнее, детки, и вы увидите, что она — вампир, который пришел, чтобы высосать ваши души. — Софи злобно посмотрела вокруг. — Потому что *своей-то* души у неё нет.

Агата задрожала под платьем. Но она выдержала её взгляд, пока Софи вдруг не повернулась к Тедросу и улыбнулась.

— Мой дорогой Тедди! Радостно тебя здесь видеть! Полагаю, мы все еще должны довести до конца наше соперничество.

— Арена *завершилась*, — сплюнул Тедрос. — Победитель коронован.

— Понятно, — сказала Софи. — Тогда, что это?

Она разрешила воздух костлявым пальцем и все посмотрели наверх на зависшую Корону, все еще никому не врученную.

— Паршиво, — сказала Эстер Анадиль. — Это очень паршиво.

Тедрос перегородил проход.

— Просто уйди, — прорычал он на Софи. — Пока не выставила себя душой.

Софи улыбнулась.

— Страшно, да?

Тедрос надул грудь, пытаясь удержаться. Он чувствовал, что глаза всех Счастливых обращены к нему, точно так же, как на Поляне, когда Софи рассказала про данное ей обещание.

— Покажи нам Тедди, — сладко пропела Софи. — Покажи нам что-нибудь эдакое, что мне не по плечу.

Тедрос стиснул зубы, борясь со своей гордостью.

Векс вдруг заметил на полу обгоревший баннер «КОМАНДА ЗЛА». В его глаза появились искорки надежды.

— ПОКАЖИ НАМ! — проревел он, и пихнул локтем Брона, который вскочил: — ПОКАЖИ НАМ! ПОКАЖИ НАМ! — Желая вырвать победу из челюстей пораженных Несчастливцы заскандировали хором: — ПОКАЖИ НАМ! ПОКАЖИ НАМ!

— Нет — прекратите! — прокричала Эстер, когда она с Анадиль обернулись...

Злодеи зарычали на них, словно те были предательницами и две ведьмочки не мешкая присоединились к общему скандированию.

Но, когда призыв Несчастливцев стал громче, Тедрос так и не сдвинулся с места. Счастливые подались вперед и с нетерпением ждали, когда же их Староста примет вызов. Все, за исключением Агаты, которая закрыла глаза.

Не поддавайся. Она хочет именно этого.

Раздался хриплый рев. Агата открыла глаза...

Тедрос шел на сцену.

— *Нет!* — выкрикнула она, но обе стороны заглушили её голос своим ликованием.

Находясь друг от друга всего в шести шагах, Софи обворожительно улыбнулась, а принц отпрянул назад. Ни сказав ни слова, в то время как Несчастливцы уже кричали: «ЗЛО! ЗЛО ЗЛО!», а Счастливы вторили им: «ДОБРО! ДОБРО! ДОБРО!» Где-то вдалеке прогремел гром и крики стали громче, злее, заглушая разворачивающуюся на улице грозу. Мышцы Тедроса напряглись, скулы стали очерченней, а улыбка Софи сделалась шире. Агату затрясло сильнее от страха, пока она наблюдала как улыбка Софи становилась более издевательской, пока наконец принц не покраснел от ярости, его палец не засветился золотом, и только она собрался было напасть на Софи...

Он упал на колени.

Весь зал погрузился в тишину.

Несчастливцы вырвали победу. Агата побелела.

Жалостливо вздохнув, Софи подплыла, преклонившему колени, принцу. Она нежно взяла его голову за соломенные волосы и заглянула в его испуганные глаза.

— Тебби, я наконец-то сделала свою домашнюю работу. Хочешь взглянуть?

Тедрос уверенно произнес: — Сейчас моя *очередь*.

Он выхватил свой тренировочный меч и на этот раз отпрянула Софи. Но вместо того, чтобы ударить им её, Тедрос встал на одно колено, повернувшись к проходу, направив клинок в сторону толпы...

— Агата Из-за Леса.

Он положил меч.

— Окажешь мне честь быть моей принцессой на Балю?

Софи застыла, а Несчастливцы перестали скандировать.

В мертвой тишине, Агата пыталась вновь обрести свое дыхание. А потом она увидела лицо Софи, перекошенное от боли. Глядя на ввалившиеся перепуганные глаза своей подруги, Агата вновь скатилась во тьму и сомнения....

Пока мальчик не вернул её обратно.

Мальчик, стоящий на одном колене, смотрел на неё, точно так же как смотрел на неё сквозь кикимору, гроб и тыкву.

Мальчик, который выбрал её задолго до того, как они оба это поняли.

И теперь этот мальчик просил её выбрать его.

Агата взглянула на своего принца.

— Да.

— Нет! — закричала Беатрикс и подскочила на ноги.

Чаддик упал перед ней на колени.

— Беатрикс, будь моей принцессой на Балю?

Один за другим, Счастливы опускались на колени.

— Рина, будь моей принцессой на Балю? — попросил Николас.

— Жизель, будь моей принцессой на Балю? — попросил Таркин.

— Ава, будь моей принцессой на Балю?

Остальные мальчики поддержали благородный порыв, протянув свои руки, делая предложение. Каждая девочка услышала свое имя, каждая девочка радостно ойкнула, пока не осталась единственная не приглашенная. Слезы ослепляли Кико, и она вытерла их, понимая, что это провал... а потом увидела как Тристан стоит на одном колене перед ней.

— Будешь моей принцессой на Балю?

— Да! — выкрикнула Кико.

— *Да!* — сказала Рина.

— *Да!* — сказала Жизель.

По Театру прокатилась волна вздохов экстаза — «*Да!*» «*Да!*» «*Да!*» — пока море любви не накрыло даже Беатрикс, которая нацепила свою самую обворожительную улыбку и, взяв Чаддика за руку, сказала — «*Да!*»

Лица, наблюдавших Несчастливцев за всем этим начали меняться. У одного за другим злость сменилась печалью, а глаза заволокла боль. Хорт, Раван, Анадиль и даже Эстер... Как будто им очень хотелось почувствовать себя такими же счастливыми. Будто им тоже хотелось почувствовать себя желанными. Исчезла их воля к победе, их сердца разбились, и злодеи безмолвно забились подальше. Змеи истратили весь свой яд.

Но одна змея никак не унималась.

Софи, стоявшая на сцене, не сводила глаз с Агаты и Тедроса, обнимающего её. Зрачки Софи превратились в раскаленные угли. Её пробрал озноб и прошиб холодный пот. Она сжимала кулаки настолько сильно, что черные ногти, впившиеся в ладони, до крови разодрали кожу. Ненависть, словно лава извергалась из самых глубин её души, пробуждая песнь в её сердце. Глядя на счастливую пару, Софи подняла руку и пропела во всю силу своего голоса. Сталактиты над её головой почернели и превратились в острые, как бритва клювы, которые закаркали и ожили.

И все разом вороны сорвались с потолка и бросились на все, что попадалось им на глаза.

Дети попрятались в укрытиях, прикрывая уши, когда Софи закричала, на октаву выше. К Софи полетели феи, но вороны проглотили всех, кроме одной, которой едва-едва удалось сбежать через трещину в стенах. Вороны отыскивали всех волков, прикрывающих лапами уши, и с беспощадной скоростью перерезали им глотки. Белый волк схватил молодого бурого волка, отбиваясь от воронов отступая назад, из его носа и ушей сочилась кровь, но воронья стая утатила обоих волков за сцену и закончила свой бой там. Когда же птицы собрались сделать то же самое с учениками...

Софи перестала петь и вороны рассыпалась в воздухе.

Задыхаясь от боли, все медленно повернулись к злодейке на сцене. Только Софи не смотрела на них.

Счастливы и Несчастливцы проследили за её взглядом к Короне Арены, покачивающуюся в воздухе, наконец очнувшись от суда. Она спустилась ниже, проплыла между Добром и Злом, туда-сюда-обратно, пока легкая, как перышко резко не закрутилась, принимая решение... и мягко не опустилась на голову Софи.

Её губы искривились в улыбке.

— Не забудем о призе.

Агата увидела, как полосы белого цвета стерли сцену позади Софи, полосы, что ей уже доводилось видеть...

— *БЕГИ!* — закричала она.

Белые полосы стерли стены и выплеснулись в проход, когда кричащие ученики запоздало бросились к дверям...

Театр Сказок исчез под натиском белого, изгоняя обе школы на лестницы Добра и Зла. Счастливы высыпали на лестницы розовой башни, а Несчастливцы — голубой. Когда молнии и ветер разрушили вдребезги витражи, Эстер и остальные злодеи влетели вверх по лестнице Чести и Доблести. Но только стоило Эстер остановиться, как она поскользнулась и

упала. Свисая, держась одной рукой за перила, она заметила Дот, проползающую мимо неё...

— *Дот!* Дот, помоги!

— Извини, — шмыгнула Дот, ползя вперед. — Я помогаю только своим *соседкам по комнате*.

— Дот, ну, пожалуйста!

— Я живу в *туалете!* А вы, девочки, хулиганки и плохие друзья, и вы заставляете меня краснеть за то, что я злодей...

— *ДОТ!*

Дот успела схватить руку Эстер как раз, когда та соскользнула с перил.

Счастливицы оказались менее удачливыми. Пока они лихорадочно взбирались вверх по лестницам Чистоты и Милосердия, Софи пела сиреной и две стеклянные лестницы разрушились, отправляя красивых девушек и юношей на встречу с мраморным полом. Софи взяла еще на ноту повыше. Пол фойе под ними вздрогнул и пошел трещинами, как тонкий лед, и раскололся в сотне мест. Ошалелые Счастливицы попадали друг на друга, сползая в направлении зияющих дыр. Они пытались удержаться за разломы мрамора и остовы лестниц, но неровные склоны пола были слишком крутыми, и дети с душераздирающими криками, сползли к краям. Когда они повисли с отвесных разломов, их руки уцепились за рогатые куски мрамора. Счастливицы держались за них изо всех сил, болтая ногами над ужасающей чернотой под ними.

— Агата! — выкрикнул Тедрос, перепрыгивая через мокрые ущелья и пропасти, чтобы вытащить своих сотоварищей, все больше и больше боясь за девушку.

— *Агата, где ты?*

А потом на другом конце комнаты, он увидел через разбитое окно, как в разбитой стене за камень цепляются две бледные руки.

— *Агата! Я иду!*

Он бросился бежать по каменным кратерам, взбираясь по разломанным лестницам, все выше и выше к мраморному утесу. Перепрыгнув, он приземлился на зубчатую вершину камня и оцарапавшись о стекло схватил её руку с противоположной стороны....

У него перед лицом выросла Софи.

Тедрос в ужасе попятился назад к краю мрамора, где Счастливицы зывали о помощи.

— Мне вот интересно, значит, если принцы спасают принцесс... — сказала Софи. Корона Арены сверкала на мокрых волосах. — Кто спасает *принцев?*

— Ты обещала... — запнулся Тедрос, ища возможность сбежать. — Ты обещала, что изменишься!

— Разве? — Софи почесала свой череп. — Что ж. Значит мы оба дали обещания, которые так и не сдержали. — И закричала так высоко, как смогла.

Принц упал на колени. Наблюдая за тем, как он корчится от боли, Софи запела еще выше. Парализованный Тедрос почувствовал, как у него из носа потекла кровь, а уши заложило. Софи медленно наклонилась и приложила свой палец к его дрожащим губам. Затем она улыбнулась, прямо глядя в его глаза и взяла смертельную ноту...

Агата затолкала Софи в открытое окно, отправляя её корону лететь в бурю.

Окровавленный и ослабший Тедрос попытался помочь ей, но Агата оглянувшись на него сказала:

— Спасай остальных!

— Но...

— *Ну же!* — прикрикнула Агата, крепко прижимая Софи к окну.

Собрав все свои силы, Тедрос прыгнул с обрыва за своими беспомощными одноклассниками. Услышав его крик внизу, Агата отвернулась от Софи, чтобы убедиться, что с ним все в порядке. Софи немедленно ударила её по ноге и Агата врезалась лицом в подоконник.

Пошатываясь, она поднялась. Нос был разбит и кровоточил.

— Леди Лессо была права, — сказала Софи, стоя лицом к ней. — Ты становишься все сильнее, в то время как я слабею. Ты моя Немезида, Агата.

Софи сделала шаг вперед.

— Знаешь, откуда я это знаю?

Ее лицо потемнело от печали.

— Потому что я стану счастлива только тогда, когда ты умрешь.

Агата попятилась к окну, стараясь держать светящийся палец так, чтобы он не дрожал.

А четыремья пролетами ниже, Эстер, Анадиль и Дот прорывались через коридоры Чести, по которым эхом разносились крики и грохот.

— Корона Арены — вручена! — выкрикнула Эстер, бросаясь к открытым дверям учительской. — Где они? — Она свернула за угол и обнаружила...

Что профессор Анемон, профессор Дови и профессор Эспада были заморожены. Причем заморозили их в движении, с открытыми ртами, будто заклинание было заброшено на них из засады, как раз тогда, когда они спешили к лестницам.

— Эстер...

Эстер проследила за взглядом Анадиль через окно зала. На Срединном мосту, освещенный молниями точно так же замороженными, с теми же удивленными выражениями лиц, стояли леди Лессо, профессор Шикс и профессор Мэнли.

— Мы можем их расколдовать? — спросила, бледнея, Дот. — Это ведь просто Заклинание Оглушения.

— Это не Заклинание Оглушения. — Анадиль постучала по коже профессора Дови, которая издала тонкий полый звук.

— Окаменение, — сказала Эстер, вспоминая урок леди Лессо. — Только тот, кто наложил заклятье — может его снять.

— Но *кто?* — пискнула Дот.

— Тот, кто не хочет вмешательства учителей, — сказала Анадиль, взглянув на серебристую башню над заливом.

Дот вздрогнула.

— Но это... это означает, что...

— Мы сами по себе, — сказала Эстер.

А на беспокойном мраморном островке, возвышающемся над разрушенным фойе, Агата противостояла Софи.

— Софи, нам не обязательно быть врагами, — умоляла она, пытаясь зажать свой палец у себя за спиной.

— Это ты меня такой сделала, — выдохнула Софи, у неё на глазах блестели слезы. — Ты забрала все, что было моим.

Агата увидела, как по завалам пробираются Тедрос и Счастливы, дрожа от боли и страха. Во вспышках молний она увидела Несчастливых, наблюдающих за ними из башен,

по другую сторону Залива, с теми же выражениями страха на лицах. Сердце Агаты бешено колотилось. Сейчас все было в её руках.

— Мы можем найти свой счастливый конец, — умоляла она, чувствуя, что палец у неё за спиной стал горячим. — Мы обе можем найти счастливый конец.

— *Здесь?* — Софи слегка улыбнулась. — А что случилось с отправлением домой, Агги? Агата замаялась, не зная, что сказать...

— А, понятно, — сказала Софи. Её улыбка стала шире. — Теперь у тебя есть приглашение на бал. Теперь у тебя есть *принц*.

— Я просто хотела дружить с тобой, Софи, — сказала Агата с мокрыми от слез глазами. — Это все, чего я хотела.

Софи превратилась в лед.

— Ты *никогда* не хотела, чтобы мы были подругами, Агата. Ты хотела, чтобы я стала уродкой.

И тут же кожа на её щеках стала морщинистой.

От шока палец Агаты померк.

— Софи, ты сама это делаешь!

— Ты хотела, чтобы я стала Злом, — наступала Софи, ногти на руках которой уже превратились в когти.

— Софи, ты можешь быть Добром! — выкрикнула Агата, но гром заглушил её.

— Ты хотела, чтобы я стала ведьмой, — сказала Софи, и в её глазах полопались кровеносные сосуды.

— Это неправда! — Агата попятилась к окну...

— Что ж, дорогуша, — улыбнулась Софи, обнажая беззубый рот. — Твое желание *исполнилось*.

— *Нет!*

И последним толчком Софи спихнула Агату в бурю. Агата полетела к сияющему Мосту и за мгновение до смерти... она услышала крик Тедроса...

Но тут же вниз бросился фей и подхватил Агату, отчаянно цепляющуюся за жизнь. Когда он опустил её вниз на затопленные камни, Бейн безмолвно поблагодарил Агату из Гавальдон за все то Добро, что она сделала. А потом, когда она сделала первый вдох, он испустил последний и умер в её влажной раскрытой ладони.

Когда молния осветила башню, Софи посмотрела вниз на Агату, чье лицо было белое от пережитого шока. На другом конце Залива, Софи увидела, как тарасились на неё Несчастливцы, которых страх пробрал до костей. Она повернулась к Тедросу и Счастливым, забившихся в углы, в то время как Эстер, Анадиль и Дот вне себя от страха убегали по ступенькам.

Удары её сердца эхом вторили грому, Софи подняла острый осколок стекла и стерла с него дождь.

Её вымокшие волосы стали абсолютно белыми, лицо испещрили черные бородавки, а глаза вылезли из орбит и напоминали вороны.

Застывшая, в панике, она уставилась в стекло.

Но потом, когда Софи взглянула в свое зеркало, паника медленно отступила и её лицо исказилось странным облегчением, как будто, наконец-то, она видела то, что находилось внутри, за самым отражением.

Её прогнившие губы искривились в улыбке, а потом она рассмеялась свободным...

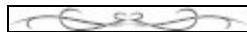
громким... высоким смехом...

Софи бросила стекло, запрокинула голову, и обрушилась ужасным гоготом, который обещал Зло, прекрасное Зло, слишком чистое, чтобы с ним бороться.

А потом внезапно её глаза метнулись вниз к Агате. И с чудовищным криком, который не сулил ничего хорошего, она закуталась в свой змеиный плащ и исчезла в ночи.

Глава 28

Ведьма из-за леса

— Когда происходит что-то страшное, мама всегда говорила «Найди что-то хорошее в этом», — пропыхла Эстер, пробегая мимо окаменевших Кастора и Бизла по залу Вредительства.

— А мой папаня говорил, когда случалось что-то ужасное — «Ешь», — тяжело дыша сказала Дот, сворачивая за угол вслед за Эстер. Они врезались в Мону и Арахне...

— Что происходит! — закричала Мона.

— Живо в свою комнату! — взревела Эстер. — И не выходи!

Мона с Арахне вбежали внутрь и закрыли дверь на засов.

Эстер с Дот сбежали вниз по лестнице и встретили Хорта, Равана и Векса, которые поднимались.

— Марш в свою комнату! — велела Дот. — И не высовывайтесь!

Мальчишки посмотрели сначала на Дот, потом на Эстер.

— *Живо!* — рявкнула Эстер и мальчишки засверкали пятками.

— Похоже, что я приспешник? — расстроено сказала Дот. — Значит в следующем году нам быть в разных классах!

— Если от этой школы вообще что-нибудь *останется!* — отрезала Эстер.

Они пробежались по лестничному залу рывкая на всех перепуганных Несчастливцев, чтобы те сидели в своих комнатах.

— Кажется я нашла кое-что хорошее, — сообщила Дот. — Нет домашки!

Эстер неожиданно остановилась. Глаза её были широко распахнуты.

— Дот, мы не готовы к встрече с настоящей ведьмой! Мы же первогодки!

— Это же *Софи*, — сказала Дот. — Та же девочка, что любит духи и розовый цвет. Нам просто нужно её успокоить.

Эстер выдавила улыбку.

— Знаешь, порой мы тебя недооцениваем.

— Пошли. — Дот покраснела и заковыляла вперед. — Может Анадиль её нашла.

После того, как две девочки разогнали всех из зала Злобы, они опустошенные захромали в комнату номер шестьдесят шесть и обнаружили в ней свою соседку, лежащей на куче простыней.

— Все заперлись в своих комнатах, — сказала Дот, провертивая свою тунику.

Стирая пот, Эстер грозно посмотрела на Анадиль.

— Ты даже *не искала Софи*?

— Не было нужды, — зевнула Анадиль. — Она идет сюда.

— *Сюда?* — фыркнула Эстер. — И с чего ты это взяла?

Анадиль откинула простыни, открывая Гримма с кляпом во рту и связанным.

— Потому что он мне об этом сказал.

В Школе Добра, Чаддик с Тедросом в окровавленных, изорванных рубашках стояли на страже снаружи общей комнаты Доблести. Все забились в полумрак. Девочки сопели на руках у своих бальных вторых половинок, в то время как Беатрикс с Риной подходили к раненым мальчикам с мазью и бинтами. К тому времени, как вошло солнце, заснули и они.

Только Агата не отдыхала с остальными. Свернувшись калачиком на кресле, покрытом шкурой зебры, она думала о девочке, которая однажды принесла ей огуречный сок и отрубные печенья, которая взяла её на прогулку и поделилась своей мечтой.

Та девочка исчезла. А на её месте появилась ведьма, которая охотится за ней, чтобы убить.

Она посмотрела в окно, на рассвет, на окаменевших учителей и застывшую волну внизу. Это был не несчастный случай, не огромная ошибка. Все это было частью плана Школьного директора. Он хотел, чтобы между двумя Чтецами вспыхнула война.

Но на чьей он стороне?

Когда солнце затопило комнату, Агата, так и не сомкнув глаз, ждала следующего шага Софи.

Утро в комнату номер шестьдесят шесть заглянуло и прошло. Как и день.

— У вас есть что-нибудь погрызть? — спросила Дот со своей кровати. Эстер и Анадиль уставились на неё, Гримм с кляпом во рту проворчал что-то неразборчивое.

— Просто у меня со вчерашнего дня во рту ничего не было, и я не могу больше есть шоколад, с тех пор, как вы вынудили меня жить в туалете, потому что шоколад напоминает мне...

Эстер вынула у Гримма кляп.

— Где Софи?

— Придет, — сплюнул Гримм.

— Когда? — спросила Эстер.

— Ждите, — сказал Гримм.

— Чего?

— Гримм пришел. Гримм ждет.

Эстер посмотрела на Анадиль.

— *Поэтому* мы здесь?

В замочной скважине повернулся ключ и все три девочки нырнули под кровати.

— Гримм?

Внутрь проскользнула Софи. Она сняла свой плащ и повесила на дверной крюк.

— Где ты?

Она обошла комнату, почесывая голову острыми грязными когтями.

А Эстер, Дот и Анадиль лежа под кроватями чуть не вскрикнули, когда увидели, как перед ними упал белый волос.

Софи резко повернулась и увидела как под простынями двигается какой-то ком.

— Гримм?

Что-то заподозрив, она потянулась к кровати...

Три девочки набросились на неё сзади.

— Хватай её за запястья! — выкрикнула Эстер, привязывая ноги Софи к кровати обгоревшими простынями. Анадиль скрутила запястья Софи у неё на головой, рядом с руками Гримма, в то время как Дот била купидона по голове подушкой, чтобы хоть как-то быть полезной.

— Возможно вы подзабыли, — растягивая слова, сказала Софи, — но я на вашей стороне.

— Мы сейчас все на одной стороне, — прошипела Эстер. — *Против тебя.*

— Восхищаюсь такими благозвучными намерениями, Эстер, но *Доброне* на твоей стороне.

Эстер заметила в свете, что лицо Софи испорчено морщинами.

— Будешь гнить здесь до тех пор, пока мы не выясним, как оживить учителей, — сказала Эстер, пряча дрожащие руки.

— Просто знай, что я вас всех простила, — вздохнула Софи. — Еще до того, как вы об этом попросите.

— А мы и не попросим, — сказала Эстер, отодвигая Анадиль и Эстер в сторону. Анадиль схватила плащ Софи с крюка...

— Вы еще вернетесь.

Они повернулись к Софи, которая улыбнулась явив отсутствие зубов.

— Посмотрим.

Эстер вздрогнула и захлопнула за ними дверь.

А потом дверь открылась и внутрь заглянула Дот.

— У тебя случайно не найдется чего-нибудь пожевать?

Эстер выдернула Дот и дверь снова захлопнулась.

Гримм тут же сжевал свой кляп и выплюнул остатки.

— Умничка, — сказала Софи, поглаживая его, когда он сжевал и её путы. — Ты хорошо

их здесь удерживал.

Она открыла свой шкаф и вытащила свой затхлый швейный набор и коробки с тканью и нитками.

— Гримм, я была очень занята. И у меня еще много работы.

БАХ!

Софи повернулась к двери.

БАХ! БАХ!

Удары раздавались снаружи. Анадиль стучала по доскам молотком, забивая в них гвозди, закручивала винты и навешивала замки на дверь, пока Эстер с Дот тащили статуи и лавочки из коридора. Несчастливцы повыглядывали из своих комнат, чтобы узнать, что происходит.

— ОСТАВАЙСЯ ВНУТРИ! — проорала Эстер, и двери захлопнулись.

— Я себя ужасно чувствую, — сказала Дот. — Она же наша соседка!

— Что бы *это* ни было, но она не наша соседка, — отчеканила Эстер.

А Софи внутри напевала под стук молотка, пока игла под её светящимся пальцем сама шила.

— Им просто придется все убраться, — вздохнула она, вспоминая, когда в последний раз её запирали в своей комнате и чем все это закончилось.

— Столько стараний и все в пустую.

К началу вечера беспокойство Счастливых возросло, и они стали собираться в группки у ванной. Потом они переместились бдительной толпой в Обеденный зал, где зачарованные горшки и кастрюли на кухне продолжали готовить, несмотря на окаменевших нимф рядом с ними. Ученики наполнили тарелки гусиным карри, салатом из чечевицы и фисташковым шербетом, и ели за круглыми столами в вялой тишине.

Агата, сидевшая во главе стола пыталась встретиться со взглядом Тедроса, но тот с несчастным видом грыз куриную кость. Она еще никогда не видела его таким уставшим; под глазами пролегла синева, румянец оставил щеки, а на челюсти остался небольшой шрам. Он единственный не принимал душ.

Тишина в зале стояла до тех пор, пока дети почти не справились со своим шербетом.

— Эмм, не знаю, в курсе ли вы, но... гм... зал Добра? — пропищала Кико. — Он вроде как... еще... эээ... в порядке.

Сто девятнадцать голов оторвались от своих тарелок.

Кико держала шербет возле своего вспотевшего лица.

— Значит, мы могли бы, если бы захотели, эээ, у нас все еще есть... ну знаете...

Она сглотнула.

— Бал.

Все уставились на неё.

— Или нет, — пробормотала Кико.

Её одноклассники вернулись к своему шербету.

Спустя мгновение Миллисент положила свою ложку.

— Мы потратили столько времени готовясь к нему.

— И у нас еще есть два часа, чтобы подготовиться, — сказала Жизелль.

Рина побелела.

— А разве этого времени хватит?

— Я подберу музыку! — сказал Тристан.

— А я займусь залом! — сказал Таркин.

— Всем одеваться! — выкрикнула Беатрикс и все с радостными воплями побросали ложки и повскакивали на ноги.

— Можно я выскажусь напрямик. — Голос Агаты прервал радостное ликование. — Феи и волки мертвы, учителя под заклятьем, половина школы в руинах, на свободе бродит убийца — а вы хотите устроить *Бал*?

— Мы не можем вот так сдать себя ведьме! — огрызнулся Чаддик.

— Мы не можем вот так, оставить не надетыми наши наряды! — простонала Рина.

Счастливец прорвало от возмущения...

— Учителя будут нами гордиться!

— Добро никогда не сдается Злу!

— Она хочет разрушить наш Бал!

— Все *заткнитесь*.

В комнате повисла тишина. Счастливец повернулся к Тедросу, который все еще сидел.

— Агата права, мы не можем сейчас устроить Бал.

Его одноклассники, кивая, тяжело опустили на свои места. Агата выдохнула.

— Сначала мы должны найти ведьму и *прикончить её*, — прорычал Тедрос.

У Агаты сжались кулаки, когда Счастливец взорвался радостными воплями:

— *Прикончим ведьму! Прикончим ведьму!*

— Думаете, она просто сидит и ждет нас? — выкрикнула Агата, вскакивая на свой стул. — Считаете, что можете вот так прийти и убить *настоящую ведьму*?

Возгласы умолкли.

— Что ты подразумеваешь под «настоящая» ведьма? — уставилась на неё Беатрикс.

Кико все поняла и побледнела.

— Сказочник в самом деле пишет твою сказку, да?

Агата кивнула, и комната взорвалась нервным хихиканьем.

— Мы не знаем, кто контролирует эти сказки, — сказала она, возвышаясь над ними. — Мы не знаем, кто Школьный директор — Добро или Зло. Мы даже не знаем находится ли Бескрайний лес все еще в равновесии или нет. Все, что нам известно — Софи хочет моей смерти и убьет любого, кто встанет у неё на пути. Поэтому я призываю вернуться обратно в Доблесть и ждать.

Все переместили взгляд с Агаты на Тедроса, который хмуро смотрел на неё.

— Значит так, я Староста этой школы, — ответил он, — и я говорю, что мы нападем.

Счастливец переводили взгляд с него на принцессу и обратно.

— Тедрос, ты мне доверяешь? — тихонько спросила Агата, глядя на него сверху вниз.

Молчание становилось все напряженнее, когда её вопрос повис в воздухе. Тедрос покраснел под напором её взгляда.

Принц прервал зрительный контакт и отвернулся.

— Возвращаемся в Доблесть, — пробормотал он.

Когда Счастливец урюмо повиновались его приказу и молча помыли свои тарелки, Агата дотронулась до его плеча.

— Ты правильно поступ...

— Хочу принять ванную, — зло сказал он. — Хочу хорошо выглядеть в наш вечер, когда будем прятаться как девчонки!

Агата оставила в покое негодующего Тедроса. Когда принц вышел из зала, его у дверей

встретила Беатрикс:

— Давай проникнем к Злу, Тедди! Мы вместе уьем ведьму!

— Делай, как тебе *говорят*, — сердито сказал Тедрос и прошел мимо неё.

Беатрикс смотрела ему вслед, к её щекам прилила кровь.

Несколько минут спустя, когда Счастливицы вернулись обратно в свою Доблестную тюрьму, она проскользнула по переходам в свою комнату, где её ждал голодный белый кролик.

— Ты получишь свой ужин, Тедди, — сказала она, поднимая кролика на руки. — Но сначала ты должен его заслужить.

Эстер очнулась в замке, погруженном во тьму, когда Колокольня отбила восемь часов. Стирая слюни со своего лица, она отодвинула книгу «*Снятие заклятий*», которая прилипла к её щеке и нашла глазами Дот и Анадиль, которые развалились друг на друге, подперев спинами мебель, забаррикадировавшую их дверь. Для начала Эстер поднялась и огляделась.

Дверь комнаты номер шестьдесят шесть была не тронута.

Эстер с облегчением вздохнула... но потом напряглась.

Что-то двигалось в конце коридора.

На перелезла через поставленную как попало мебель и на цыпочках прокралась к лестнице. Когда она подошла ближе, то разглядела три сгорбленные крадущиеся фигуры. Минуту спустя к ним присоединились еще две.

Эстер ждала за перилами, пока не увидела еще тени. Она зажгла лестничный факел...

От неё с выпученными глазами отпрянули Мона, Арахне и Брон.

— Почему вы не в своих комнатах! — наорала на них Эстер.

— Мы пришли помочь тебе! — сказала Мона.

— Мы хотим драться! — сказал Векс.

— *Что?* Что вы...

А потом Эстер увидела что они держали в своих руках.

Анадиль снилась канализация, а Дот — фасоль, когда обе они почувствовали тычок в живот.

— *Смотрите!* — Эстер держала черную визитку, отсвечивающую зеленым с серебристой надписью на ней.

— Милый стишок. Но вряд ли нас из-за этого разбудили, — сонно протянула Дот. — А про какую месть речь?

— Да не про какую! — заорала Эстер.

— Тогда зачем написала? — спросила Анадиль.

— Это не я, идиотки!

Обе девочки уставились на неё. И тот час кинулись к лестнице.

— Как же ей удалось выбраться? — воскликнула Анадиль, перепрыгивая через две ступеньки.

— А она сделала все заранее! — в ответ выкрикнула Эстер. Часы отбили половину девятого.

— Как же она хороша в подобных выходках. — Дот споткнулась о ступеньку. — Как думаете она будет мстить?

— Опять вороны? — предложила Анадиль.

— Ядовитые облака? — сказала Эстер.

— Над обеими школами повесит огненные бомбы, а потом одновременно их спустит? — выдвинула свою версию Дот.

Эстер побелела.

— А вдруг они все мертвы!

Они пробежали через комнату с лестницами, мимо Обеденного зала, мимо Выставки достижений Зла, к покрытым паутинами дверям с вырезанными черепами на них в конце коридора. Выбросив приглашение, Эстер распахнула их и три девочки ворвались в зал Зла, готовые к резне...

Дот взглянула и рухнула в обморок. Другие две девочки не могли дышать.

— *Это* мечь? — спросила Эстер, вытирая слезы.

Снаружи зала кролик Тедди опрометью бросился с лестницы к карточке, которую выбросила Эстер. Он осторожно, чтобы не смазать блеск, поднял её двумя передними выступающими зубами. А затем подумав о грушах, сливах и прочих вкусностях, он заскакал обратно, чтобы найти свою хозяйку.

Прислонившись к стене Общей комнаты Доблести, Агата старалась держать глаза открытыми, но веки становились все тяжелее и тяжелее, пока она не упала назад и её не поймали сильные руки. Она сонными глазами посмотрела на Тедроса, когда он опустился на колени, мокрый и разгоряченный после ванной, одетый в нательную рубашку.

— Спи, — сказал он. — Я здесь, с тобой.

— Я знаю, ты расстроился из-за меня...

— Тише, — сказал он, обнимая её крепче. — Не будем больше спорить.

Виновато улыбнувшись, Агата сдалась на милость его сильным рукам и закрыла глаза.

Двери в общую комнату распахнулись.

— Тедди!

Ворвалась Беатрикс и разбудила всех Счастливых. Тедрос раздраженно посмотрел на неё.

— Они идут! — закричала Беатрикс и всучила ему черную карточку, когда Агата села в его руках. — Они идут, чтобы убить нас!

Тедрос прочел мерцающую белую надпись. У него на шее напряглись вены.

— Так и знал! — Агата попыталась заглянуть ему через плечо, но он поднялся на ноги...

— **ВНИМАНИЕ!**

Счастливы одновременно сели.

— В это самое мгновение, злодеи планируют отомстить нашей школе, — провозгласил Тедрос, вызвав рев толпы. — Все Несчастливы сейчас в союзе с Софи. И наше

единственная надежда — напасть на Школу Зла, прежде чем они придут за нами. Мы выступаем в девять часов!

Агата в шоке замерла.

— Готовимся к войне! — взвыл Тедрос в открытые двери.

— *Война!* — взревел Чаддик, а за ним и послушной отарой остальные Счастливицы. —

Готовимся к войне!

Ошеломленная Агата подобрала упавшую карточку. И пока она читала, глаза её сверкали...

— *Нет!* Не нападайте!

Она выбежала из общей комнаты, но ноги не слушались её — Агата врезалась в стену и потеряла сознание.

— Ой, вот не задача, — сказала Беатрикс и продефелировала за остальными.

Глаза Агаты открылись принеся с собой сильную головную боль и опустевший зал.

Кряхтя от боли, она последовала за следами по переходам в Башню Чести, а потом в Прибежище Гензая, прежде чем услышала зловещий скрежет меча о камень.

Она заглянула в комнату, блестящую от кусочков сахара и увидела Счастливцев, точивших настоящие клинки, стрелы, секиры, булавы и цепи, которые они стащили из Оружейной.

— А сколько кипящего масла? — спросил один.

— Столько, чтобы хватило ослепить их всех! — выкрикнул другой, чиркая своим мечом по точильному камню.

А в леденцовом классе Рина резала девичьи платья, чтобы сделать их больше подходящими для драки, пока Беатрикс вооружала каждую девочку мешком острых камней и дротиками из шипов.

— Но мальчики-то готовились на своих *занятиях* к войне, — простонала девочка.

— Мы даже драться не умеем! — сказала другая.

— Захотели стать рабынями злодеев? — резко высказалась Беатрикс — Которые заставят вас есть готовить детей и есть сердца принцесс, а еще пить лошадиную кровь...

— И носить *черное*? — расплакалась Рина.

Счастливицы сглотнули.

— Тогда быстро научитесь, — сказала Беатрикс.

В зефирной комнате, Кико и Жизелль зажигали дюжины факелов, в то время как в мармеладной комнате, Николас и отряд мальчиков мастерили таран.

Тедроса с Чаддиком и еще двумя мальчиками Агата нашла в последней комнате, склонившихся над нарисованной от руки картой, лежащей на конфетном столе профессора Дови.

— А откуда ты знаешь, где этот зал Зла? — спросил Чаддик.

— Это просто предположение, — сказал принц. — Только Агата бывала в этой проклятой школе, но я нигде не могу её найти. Скажите Беатрикс еще раз её поискать.

— Не утруждайтесь.

Мальчики повернулись к Агате.

— Нам понадобится твоя помощь, — сказал, улыбаясь, Тедрос.

— Я не стану помогать Старосте, ведущему своё войско на погибель, — отчеканила Агата.

Тедрос удивился:

— Агата, они же идут убить нас!

— *Теперь Добро придет нас всех убить*, — ответила она, поднимая черную карточку. —

Зло не собирается на нас нападать! Софи хочет, чтобы *мы* напали первыми!

— В коем-то веке я хоть в чем-то согласен с ведьмой, — сказал Тедрос. — Так ты с нами или нет?

— Я не хочу тебя отпускать.

— Здесь я мужчина, не ты!

— Тогда веди себя *как мужчина!*

Часы отбила девять часов.

Когда башенные колокола зазвонили, мальчики нервно переводили взгляд с Тедроса на Агату и обратно.

Перезвон умолк.

В наступившей тишине Агата увидела сомнение в глазах Тедроса и поняла, что победила. Она нежно улыбнулась и протянула руку к его руке, но Тедрос отдернул её. Глядя на неё исподлобья он краснел все сильнее и сильнее...

— **ВЫСТУПАЕМ НЕ МЕДЛЕННО!** — выкрикнул он и по коридору прокатился одобряющий ор.

Когда три его лейтенанта убежали руководить войсками, Тедрос схватил карту со стола и пошел к двери.

Агата преградила ему дорогу. Но прежде чем она успела заговорить, он обнял её за талию.

— Агата, ты доверяешь мне? — выдохнул он.

Она с раздражением вздохнула.

— Само собой, но...

— Хорошо. — Он захлопнул дверь и забаррикадировал её стрелой.

— Извини, — сказал он через щелку. — Но я твой принц и намерен защищать тебя.

— Тедрос! — Агата колотила руками в конфетную дверь. — Тедрос, она вас всех переубивает!

Но через щель она увидела, как он ведет свою армию Добра на войну, вооруженную факелами, оружием, тараном, скандирующую кроваво-красные лозунги: «*Убьем ведьму! Убьем ведьму!*» И в пламени, освещающем зал, их искаженные тени на стенах, темные и кривые, исчезли, словно по волшебству.

У Агаты от паники застыла в жилах кровь. Она должна добраться до Школы Зла раньше Тедроса и его армии. Но что она могла сделать ради их спасения?

«*Только со смертью вашей Немезиды, вы почувствуете удовлетворение*», — сказала леди Лессо.

Слезы высохли на глазах Агаты, горе-решение уже принято.

Отдать себя Софи и больше никто не пострадает.

Позволить ведьме победить.

Это единственный возможный счастливый конец.

С первобытным криком, она сначала ударила кулаком дверь, а потом её пнула, а затем протаранила её столом из сладостей, но конфеты не сломались. Она запустила стульями в стены крем-брюле, попрыгала на полу из патоки...но из комнаты был один-единственный выход. Обливаясь потом, Агата выглянула из окна.

Её черный башмак нашел выступ, когда Агата села на подоконник в своем

развивающемся черном платье. Когда холодный ночной ветер хлестал её лицо, она вытащила в окно вторую ногу и ухватилась за гирлянду золотых фонариков, которыми феи украсили всю башню для Бала. Отчаянно потянув её на себя, она качнулась на узком выступе и резко развернулась.

Она находилась высоко над Срединным Мостом, замороженные учителя на котором казались ей насекомыми с этой верхотуры. Жестокий ветер рвал ей уши и заставлял Агату так сильно дрожать, что она чуть было не сорвалась вниз. Ей было видно сквозь стеклянные переходы, как факелы наводнили башню Чести и двигались в сторону Древесного туннеля. У неё было всего несколько минут, прежде чем Добро попадет прямо в руки Зла.

С растрескавшейся кожей на руках, Агата потянула фонарики над ней и поняла, что они были нанизаны очень плотно. Она искоса посмотрела на перекрещенные фейские гирлянды, спускающиеся вниз по башне, освещающие ей дорогу к Мосту.

«Пожалуйста, будь сильной», — молилась Агата.

Она схватилась за гирлянду, спрыгнула с уступа и услышала, как та треснула. Её тело нырнуло вниз, ударилось в стеклянный выступ и как раз перед тем, как она отклонилась в сторону, что-то просвистело всего лишь в дюйме от её щеки. Агата успела ухватиться за это, как раз тогда, когда гирлянда оборвалась, а потом увидела что это было...

Стрела.

Повиснув на ней, она в шоке посмотрела назад, как раз вовремя, чтобы увидеть, как еще одна стрела пролетела мимо её другой щеки. Из темноты вылетали еще и еще стрелы, направленные прямо в неё. Когда их стальные наконечники снова и снова задевали её, Агата закрыла глаза и приготовилась к боли, которая приведет к летальному исходу.

Свист прекратился.

Агата открыла глаза. Стрелы расположились в виде импровизированных ступенек, убегающих вниз по всей стене башне.

Она не стала задаваться вопросом, кто пытался её убить или это было заклинание удачи. Она просто спустилась вниз по стрелам, настолько быстро, насколько сумела к Срединному мосту, и прошла мимо окаменевших учителей, руки которых вытягивались сквозь барьер, который так и не был опущен. Когда армия Тедроса появилась на Поляне, чтобы отыскать туннели Добра и Зла, которые волшебным образом переплелись и стали непроходимыми, Агата же далеко от них, в безопасности, спешила в злодейское логово.

Высоко над ней, в окне Злобы, Grimm убирал свой лук.

— И ни одна волосинка не упала с её головы, — сказала Софи, лаская его. — Хотя тебе бы хотелось обратного.

Grimm послушно заурчал, а Софи уставилась на марширующую вокруг рва, армию Тедроса, когда Агата спустилась, и исчезла в школе Зла.

— Не будем мешкать, — сказала она.

Она смахнула белые пряди со своего стола и продолжила шить. Хозяйка марионеток радостно дергает за ниточки.

Агата ожидала, что её сразу же схватят, как только она ступит в школу Зла. Но когда она пробралась через фойе с дырявой крышей, то увидела, что там не было никакой стражи, никаких смертельных ловушек, ни каких признаков войны. Школа Зла была пугающе тиха, за исключением железных дверей, которые скрипели, открываясь и закрываясь у дальней стороны лестничного зала. Она заглянула внутрь и обнаружила за ними Театр Сказок,

который был восстановлен в своем изначальном виде, с единственным отличием. Там, где на каменной сцене когда-то изображался возрождающийся из пепла феникс, теперь была новая картинка...

Кричащая ведьма в окружении воронов.

Вся дрожа Агата тихонько поднялась к залу Зла.

*Но, Несчастливцы, полно горевать,
Пора нам армией восстать.*

Что Софи заставит Несчастливцев сделать с ней? Она думала о всех самых ужасных злодеяниях, про которые читала в сказках. Обратят её в камень? Выставят на показ её отрубленную гоолву? Сделают из неё фарш для пирога?

Несмотря на то, что было очень холодно, Агата почувствовала, как её щеки бросило в жар, когда она завернула за угол.

Заколотят в бочке? Вырвут сердце? Наполнят её желудок камнями?

Пот смешался со слезами, когда она посмотрела вниз на сотни следов...

Сожгут её? Обратят в камень? Побьют?

Она перешла на бег и кинулась на встречу пыткам и смерти, надеясь, что когда-нибудь она с Софи встретится в другом мире, в мире без принцев, в мире без боли, и со страшным криком бросилась через двери, покрытых черепами...

У неё перехватило дыхание.

Зал Зла преобразился в великолепный бальный зал, сверкающий зеленой мишурой, черными воздушными шариками, тысячами свечей, горящих зеленым пламенем и вращающейся люстрой, бросающей изумрудный свет на настенные фрески. Вокруг высокой ледяной скульптуры в виде двух переплетенных змей, спотыкаясь, танцевали вальс Хорт и Дот, Анадиль обнимала Векса, Брон старался не наступать на зеленые ноги Моны, а Эстер и Раван покачивались и шептались, в то время как остальные злодейские парочки вальсировали вокруг них. Соседи Равана по койкам подбирали музыку на тростниковых скрипках, и лавина пар затопила пол, неуклюже и застенчиво, но сияя счастьем, танцующих под украшенным блестками баннером:

ПЕРВЫЙ ЕЖЕГОДНЫЙ ЗЛОДЕЙСКИЙ «НЕ БАЛ»

Агата начала плакать.

Музыка прекратилась.

Она вытерла глаза и увидела, как Несчастливцы уставились на неё. Пары распались. Лица покраснели от стыда.

— Что ты здесь делаешь? — сплюнул Векс.

— Она расскажет Счастливым! — сказала Мона.

— Хватай её! — выкрикнула Арахне...

— Я разберусь, — раздался голос.

Эстер шагнула к ней из толпы. Агата отшатнулась назад.

— Эстер, послушай...

— Агата, это злодейская вечеринка, — сказала Эстер, уводя её в сторону. — А ты не

злодейка.

Агата съежилась у стены.

— Постой... не надо...

— Боюсь, у нас имеется только один выход, — сказала Эстер, нависая над ней тенью.

Агата прикрыла лицо.

— Умереть?

— Остаться, — сказала Эстер.

Агата уставилась на неё. Как и Несчастливцы.

Век ткнул в Агату пальцем.

— Н-но... она...

— Будь моей гостьей, — сказала Эстер. — В отличии от Снежного Бала, *Не Бал* не имеет правил.

Агата покачала головой и не сумев подобрать слова, расплакалась. Эстер коснулась её плеча.

— Вот, именно таким мы и нашли Зал, — сказала она надломленным голосом. — Я думаю, она хотела, чтобы у нас было то, чего у неё не могло быть. Может, это её способ извиниться.

Агата еще сильнее разрыдалась.

— Мне тоже очень жаль...

— Я сбросила тебя в *канализацию*, — всхлипнула Эстер. — Мы все совершаем ошибки. Но мы все исправим, да? Обе школы — вместе.

Агата плакала так сильно, что сотрясалось все её тело.

Эстер напряглась.

— В чем дело?

— Я пыталась, — всхлипывала Агата. — Пыталась остановить их.

— Кого?

«УБИТЬ ЗЛОДЕЕВ! НЕСЧАСТЛИВЦАМ СМЕРТЬ!»

Эстер медленно повернулась.

«УБИТЬ ЗЛОДЕЕВ! НЕСЧАСТЛИВЦАМ СМЕРТЬ!»

Несчастливцы бросились к гигантским окнам и вгляделись в ночь. Внизу, по крутому склону холма, огибая ров маршрутовала армия Добра, оружие которой сверкало в свете факелов.

Свет в злодейских лицах померк, и они отпрянули назад, попрятавшись в своих раковинах. В окна влетел ветер и задул свечи, погрузив зал во тьму и холод.

— Значит, ты пришла, чтобы предупредить нас. А твой принц идет, чтобы нас убить, — сказала Эстер, глядя на свирепую толпу. — Все, ради *любви*.

— Вы не должны с ними драться, — с нажимом сказала Агата. — Позвольте им увидеть то, что вижу я.

Эстер повернулась, её глаза горели.

— И позволить им смеяться над нами? Позволить им напомнить, кто мы есть? Уродливые. Недостойные. *Лузеры*.

— Но вы не такие!

Но Эстер превратилась обратно в ту опасную девицу, что Агата когда-то знала.

— Ты *ничего* о нас не знаешь, — огрызнулась она.

— Мы все одинаковые, Эстер! — умолял Агата. — Позволь им увидеть правду. Это

единственный выход!

— Да, — тихо сказала Эстер. — Есть только один выход. — Она обнажила зубы. — *Освободим ведьму!*

— Нет! — выкрикнула Агата. — Она именно этого хочет!

Эстер усмехнулась.

— И напомнить нашей принцессе, что случается, когда красны девицы суются туда, куда *не следует*.

Агата закричала, когда тени злодеев обступили её со всех сторон.

А высоко над землей, в прогнившей башне, сорище из пятидесяти Несчастливцев оттолкнули в сторону последний предмет мебели и вытащили последний гвоздь.

На них в насыщенно-розовом бальном платье взирала сморщенная безобразная карга. Она почесала свою блестящую лысую голову и сверкнула почерневшими деснами.

— Дайте-ка угадаю, — улыбнулась Софи. — Нашу вечеринку посетили *нежданные-негаданные гости*.

Глава 29

Прекрасное зло

Глаза Агаты распахнулись от неожиданного ощущения ледяного холода. Она его почувствовала спиной. Агата лежала в стеклянном гробу, покрытого изморозью. Над ней маячили дюжины размытых силуэтов. В панике она попыталась подняться, но её тело было заморожено.

Это было не стекло. Лед.

Она попыталась вдохнуть побольше воздуха, но поперхнулась. Её глаза вылезли из орбит, щеки посинели... А потом темные тени разделились и сквозь них выплыло розовое видение. Задыхаясь, Агата слизала языком иней со стекла. Лысая и уродливая Софи улыбнулась ей, держа в руках секиру из Пыточной. И когда Агата сделала свой предсмертный вздох, её глаза молили о пощаде. Софи посмотрела на неё сквозь лед, провела пальцами по очертаниям погребенного Агатиного лица... и замахнулась секирой.

Где-то кричала Эстер.

Секира врезалась в лед, разбивая могилу, и остановилась в волоске от Агатиного лица. Она свалилась на мокры пол, тяжело дыша.

— Замораживать бедненькую принцессу? — вздохнула Софи. — Разве с гостями так обращаются, Эстер.

— Стрелы... это была ты... — запинаясь сказала Агата, отползая назад. — Ты меня сюда привела... чтобы убить...

— *Убить* тебя? — Софи казалось ранили её слова. — Ты считаешь, я могу тебя *убить*?

Агата заметила, что Эстер, Анадиль и Дот, находящиеся в дальней части комнаты, держались от своей соседки, которая превратилась в лысую сморщенную каргу, подальше и не сводили с нее глаз.

— Правда в том, Агата, что я хочу тебе навредить, — сказала Софи, плавя секиру светящимся пальцем. — Но просто не могу.

Она изучающе посмотрела на свое прогнившее лицо в воздушный шарик.

— Мое поведение прошлой ночью было так себе.

— *Так себе?* — закашлялась Агата. — Ты вытолкнула меня в окно.

— Можно подумать ты бы не сделала то же самое?! — удивилась Софи, уставившись на синие платье Агаты в шарик. — Если бы я забрала у тебя все, что принадлежало тебе?

Софи повернулась, розовое платье блеснуло.

— Но это же твоя сказка, Агата. И либо мы заканчиваем с тобой врагами, либо друзьями.

— *Друзьями?* — взвилась Агата.

— Школьный директор сказал, что это невозможно. И скорее всего мы обе подумали, что он прав, — сказала Софи. Кожа вокруг её бородавок потрескалась. — Но как он мог что-то понять про нас?

Агата в отвращении отпрянула.

Софи кивнула.

— Я сейчас отвратительная, — легко согласилась она. — Но я могу быть счастлива здесь, Агата. Правда, могу. Мы там, где должны быть. Ты — Добро, я — Зло.

Она подняла взгляд и оглядела украшенный Зал.

— Но Зло ведь может быть красивым, разве нет?

Свет от факелов затопил окна.

— Софи, Счастливы у ворот! — закричала Анадиль, выглядывая наружу...

— Месть, — сказала, трясась, Агата. — Ты сказала, что хочешь мести.

— Агата, а как еще сюда заманить Добро? — грустно спросила Софи. — Как еще показать им, что мы всего лишь хотим свой собственный Бал?

— Софи, они идут! — заверещала Дот. Счастливы внизу протопали двери замков.

— Но сейчас мы со всем покончим, да? — сказала Софи, вынимая корявый кулак из кармана своего платья.

Глаза Агаты расширились. Что-то было в её руке.

— *ОНА НАВЕРХУ!* — Это вломились Счастливы.

— Агата, — сказала Софи, шаркая к ней, плотно сжимая кулак.

— *УБИТЬ ВЕДЬМУ!* — кричали Счастливы, топая по ступенькам.

Софи протянула свой кулак, покрытый старческими пятнами.

— Моя подруга... моя Немезида...

Агата сжалась. Софи раскрыла свою пустую ладонь...

И опустилась на одно колено.

— Потанцуешь со мной?

У Агаты перехватило дыхание.

БУМ! Счастливы сокрушили двери в коридоре.

— Софи, что ты делаешь! — закричала Эстер.

Софи протянула Агате свою усохшую руку.

— Мы покажем им, что все кончено.

Двери раскололась.

— Один танец — за мир, — клялась Софи.

— Софи, они нас всех убьют! — взвизгнула Эстер.

Софи так и стояла с протянутой рукой.

— Один танец, ради счастливого конца, Агги.

Парализованная Агата смотрела на неё, когда запертые двери разрушились.

Бородавки Софи блестели от слез.

— Один танец, чтобы спасти мне жизнь.

— *На счет три!* — раздался голос Тедроса снаружи...

Софи посмотрела на Агату большими угольными глазами.

— Это же я, Агги. Разве не видишь?

Дрожа, Агата внимательно рассматривала её уродливое лицо.

— *Один!*

— Агата, пожалуйста....

Агата в ужасе отступила назад.

— Пожалуйста... — умоляла Софи. Кожа на её лице растрескивалась. — Не дай мне умереть злодейкой.

Агата отпрянула от неё.

— Ты — Зло...

— А Добро прощает.

Агата застыла.

— Разве ты не Добро? — выдохнула Софи.

— *Два!*

Ойкнув, Агата сжала её руку.

Софи обняла её своими костлявыми руками и потянула её кружиться в плавном вальсе по комнате. По эмоциональному сигналу Эстер, Раван с сотоварищами затянули неслаженную песню о любви.

— Ты — Добро. — Софи тяжело дышала, положив голову Агате на плечо.

— Я не позволю им обидеть тебя, — прошептала Агата, крепче обнимая Софи.

Софи дотронулась до её щеки.

— Как бы мне хотелось сказать то же самое.

Агата посмотрела на неё. Софи мрачно улыбнулась.

— *Три!*

Тедрос прорвался через двери, ведя за собой своих головорезов и с диким воплем замахнулся мечом на спину Софи...

— *Смерть ведьм...*

А потом он увидел вальс во всей его красе.

Софи повернулась к нему, держа Агату в своих объятьях. Тедрос выронил меч.

— Бедняжка Тедди, — сказала Софи, заглушая музыку. — Каждый раз, когда он находит свою принцессу — та превращается в ведьму.

Тедрос ошеломленно посмотрел на Агату.

— Ты с.... *ней?*

— Она лжет! — выкрикнула Агата, разжимая объятья Софи...

— А как ты думаешь она выжила после падения? Зачем ты думаешь, она пыталась остановить твоё нападение? — сказала Софи, обнимая Агату сильнее. — Да, Тедди, боюсь, твоя пара для Бала также и *моя*.

Тедрос проследил за взглядом Софи к баннеру висевшему над залом. Счастливицы позади него побледнели.

— Не слушай её! — закричала Агата. — Это ловушка!

— Агата, все в порядке, дорогая. Ты можешь ему все рассказать, — сказала Софи. Она, раздраженная, повернулась к Тедросу. — Она хотела дождаться, когда приложит меч к твоему горлу.

Тедрос посмотрел на Агату. Его глаза округлились.

— Это не правда! — громко запротестовала она. — У меня есть доказательства! — Она повернулась. — Эстер! Дот! Скажите им!

Но Эстер, Дот и остальные Несчастливцы пялились во все глаза на армию Добра держащую в своих руках смертоносное оружие, предназначавшиеся для кровавой расправы. Эстер перевела взгляд на Агату, но ничего не сказала.

Агата видела, как свет в глазах принца померк. Армия у него за спиной обратила свои мечи теперь не против Софи, а против неё.

— Нет! Пойдите! — Она вырвалась из объятий Софи и упала на руки Тедросу. — Ты должен мне поверить! Я на твоей стороне!

— Серьезно?! — удивилась Софи. — Тогда как же так вышло, что твой принц запер тебя в башне... и вот она ты, уже в *другой*?

Агата почувствовала, как руки Тедроса напряглись. Она посмотрела на его бледное лицо.

— Ответь ей, — сказал он.

— Я пришла помочь тебе... я слезла...

— *Слезла?! —* взревела Софи, как ненормальная. — Вниз с той башни?!

Тедрос проследил за взглядом к шпилям башни Добра, упирающихся под самое небо.

— Туттам бббыли стттрелы... — заикаясь проговорила Агата.

— Не знаю, чего она так стыдится, — сказала Софи, почесывая голову. — Это она все придумала: розыгрыши Добра, вашу встречу в Бескрайнем Лесу, нападение на Арену... все это части выдающегося плана Агаты, чтобы заставить тебя думать, будто она Добро. О, за исключением той милой новой улыбочки — все *черная магия*.

Агата не могла дышать.

— Только наивысшее Зло может так замечательно маскироваться под Добро, — сказала Софи, глядя на неё. — Агата даже лучше меня!

Глаза Тедроса округлились, и он отпихнул Агату.

— Принцесса не стала бы во мне сомневаться, — сказал он, становясь красным как помидор.

— Тедди, послушай... — умоляла Агата...

— Принцесса не стала бы сомневаться во мне, как в мужчине.

— Посмотри, что она с тобой делает...

— Я *знал*, что ты ведьма, — сказала он надтреснутым голосом. — Все это время, знал.

— Разве ты не доверяешь мне? — всхлипнула Агата.

— Тот же вопрос моя мать задала моему отцу, — сказал Тедрос, борясь с подступающими слезами. — Но я не повторю его ошибки.

Его взгляд метнулся к Эскалибуру, лежащий между ними. Принц бросился к нему, но Агате удалось первой схватить меч и подняться на ноги, выставив клинок вперед. Счастливы в ужасе похватались за свое оружие.

— Видишь? — усмехнулась Софи. — *Меч у горла*.

Агата посмотрела на Софи, потом на Тедроса, тарачившегося на свой собственный меч выставленный ему в лицо. Она бросила меч.

— Нет! Я просто... я не хотела...

Глаза Тедроса налились кровью.

— *Приготовиться к атаке!*

Агата отступила назад.

— Тедрос, послушай меня!

Тедрос схватил лук Чаддика...

— Тедрос, стой...

— Но я хуже своего отца. — Тедрос поднял глаза, они блестели от слез. — Потому что я все еще люблю тебя.

Он направил стрелу прямо ей в сердце.

— *Нет!* — закричала Агата.

— *Огонь!*

Счастливицы запустили камнями, дротиками, масло в беззащитных Несчастливцев, в то время как Тедрос выстрелил в Агату...

Софи щелкнула своим светящимся пальцем, как раз за мгновение до того, как стрела пронзила бы грудь Агаты. Все оружие превратилось в ромашки и спланировало на пол.

Сжавшиеся от страха Несчастливцы подняли глаза, с удивлением обнаружив себя живыми. Скрючившаяся среди них, Агата медленно обернулась.

— Выучилась кое-чему у своей любимой принцессы, — ласково сказала Софи.

Агата, рыдая, рухнула на пол.

Тедрос смотрел то на одну, то на другую. Его лицо затопил страх. Софи искривила губы в дьявольской улыбке.

— Несчастливцы всегда были хороши в подобных испытаниях, не правда ли, Тедди?

— *Нет!* — Тедрос упал на колени и схватил плачущую Агата в свои объятия, но она оттолкнула его.

— Вот, теперь точно конец. Принц пытался убить свою принцессу, — упивалась происходящим Софи. Она подобрала ромашку, предназначавшуюся для Агатиного сердца и принялась её восторженно нюхать. — К счастью здесь оказалась Несчастливица, чтобы спасти ситуацию.

Тедрос, сидевший на полу, поднял на неё взгляд. Сердце его было разбито.

— И само собой, тут же напрашивается вопрос... — Софи облизнула гниющие губы.

— Что случается, когда Зло становится *Добром*?

На этот раз, когда она улыбнулась, Тедрос увидел, как мелькнули белые зубы. Он в шоке отпрянул.

Прямо у него на глазах, бородавки Софи волшебным образом осыпались, глубокие морщины разгладились, а персиковая кожа засияла молодостью. Волосы выросли на её блестящей лысине и распустились белокуроыми локонами, а губы стали сочными и полными. Агата медленно выглянула из-за своих рук и увидела, что глаза Софи сверкают изумрудным цветом, иссохшее тело расцвело, а тряпье, надетое на величайшую злодейку, превратилось в розовый бальный наряд, еще сияющей и восхитительней, чем прежде.

— Уходите... уходите *сейчас же*... — умоляла Агата, но Счастливицы, будто парализованные, зачарованно смотрели на Софи.

Съезжившись, Агата повернулась.

Эстер оглядела свое платье, теперь розовое. Её жидкие волосы выросли в длинные толстые косы, бледное лицо обрело здоровый вид, а татуировка налилась ярко красным. У Анадиль рядом с ней, белые волосы окрасились в каштановый, красные глаза теперь стали цвета морской волны, в то время как одутловатое тело Дот теперь имело фигуру песочных часов. Смотрясь в шары Хорт видел, как его челюсть превратилась в квадратную, на подбородке появилась ямочка, а его черная неказистая форма расправилась и сменилась на

мундир Счастливец. Раван обратил внимание, что его жирная кожа теперь была чистой, Брон задрал рубашку, чтобы увидеть рельефность своих мышц, Арахне пробежала пальчиками уже по двум новеньким глазам, Мона коснулась гладкой кожи цвета слоновой кости... и так продолжалось до тех пор, пока все злодеи, не преобразившись, оказались в форме Добра, уставившись друг на дружку.

Софи улыбнулась Агате.

— Я же говорила тебе, что Зло может быть прекрасным, а?!

— *Отступаем!* — выкрикнул Тедрос, отходя назад к своей армии.

— А мы еще не закончили, Тедди, — обрушилась на него Софи. — Ты и твоя армия вторглись на Бал. Ты и твоя армия напали на беззащитную школу. Ты и твоя армия попытались переубивать всех учеников, собравшихся в этой комнате, которые просто попытались насладиться впервые в жизни радостью этого вечера. От чего напрашивается еще один вопрос...

— *Немедленно отступаем!* — орал Тедрос...

— Что случается, когда Добро становится Злом?

У Тедроса за спиной раздались крики.

Агата повернулась и увидела Беатрикс визжащую от боли, когда её спина треснула, а потом волосы побелели, лицо пошло оспинами, делая её старухой, а розовое платье осело черным мешком на костях, покрытых сморщенной кожей.

Платья и костюмы Счастливец у неё за спиной медленно превращались в сгнившую черную форму Несчастливец. У Чаддика выросли металлические шипы по всему телу. Миллисент разрыдалась навзрыд, когда её кожа позеленела, Рина завизжала и зачесалась, когда её щеки покрылись струпьями, Николас бродил пошатываясь одноглазый и горбатый. Один за другим Счастливцы, все, кто напал на злодеев оборачивались уродцами, единственная, у кого оказался иммунитет к наказанию — это Агата... пока, наконец, Софи не повернулась с хитрым выражением лица к Тедросу — лысому, тощему, в ужасных шрамах, перед своей армией злодеев.

— Да здравствует Принц! — расхохоталась она.

Прекрасные Несчастливцы принялись тыкать пальцами в уродливых Счастливец и разразились победным смехом, уничтожая последние признаки своего поражения.

Агата схватила упавший меч и направила его на Софи.

— Воюй со мной! Позволь им уйти с миром!

— Конечно, дорогая, — Софи улыбнулась. — Двери открыты.

Гадкие Счастливцы лавиной хлынули к ним. Все, за исключением, высохшего Тедроса, который загородил им дорогу.

— Прощу тебя, Тедди. Прекрати эту войну, — умоляла Агата.

— Я не могу тебя сейчас оставить, — прохрипел принц.

Агата посмотрела в его грустные, свирепые глаза.

— На этот раз ты должен довериться мне.

Тедрос покачал головой, не раз посрамленный, чтобы спорить...

— Отступаем! — задыхаясь приказал он своей школе. — Отступаем сейчас же!

С мучительным криком он повел изуродованных Счастливец к дверям. Двери захлопнулись прямо у них перед носом.

— Вы все должны на зубок выучить свои правила, — вздохнула Софи.

Тедрос и его армия, дрожа, повернулись.

— Зло — *нападает*, Добро — *защищается*, — сказала Софи. — Вы *нападаете*... —

Она улыбнулась. — Теперь мы *защищаемся*.

Она пропела три высокие ноты. Агата вдруг услышала хрюканье, доносившиеся снаружи, которое становилось все громче, громче, пока глаза её не вылезли из орбит от понимания того, что это было.

— *БЕГИТЕ!* — закричала она.

Двери распахнулись и парализованную армию Тедроса смели три огромных крысы, поводья которых держал Гримм. Рыча, визжа крысы большие, как кони, загнали убегающих Счастливец к стенам, сбили их вниз по лестницам, вышвырнули в стеклянные окна в ров внизу. Прежде, чем Доблестные мальчики смогли обнажить свои мечи, крысы затоптали их, словно оловянных солдатиков.

— А я-то думала, что мои таланты так и останутся незамеченными, — сказала ошарашенная Анадиль Дот. Между ними просвистел дротик из шипа. Девочки обернулись и увидели, как Тедрос, и его отвратительная армия судорожно похваталась за оружие.

— Огонь! — завопил Тедрос.

Дот уворачивалась от града стрел, в то время как прекрасные Несчастливцы сопротивлялись проклятьям, и две школы схлестнулись в бою оружия и заклинаний. Когда летели дротики, мечи отклоняли молнии и пальцы обеих сторон разноцветно светились, крысы высвободились из поводьев Гримма, подбрасывая Аву к люстре, кусая спину Николаса. Гримм тут же взвился в воздух и принялся охотиться на Агату по всему залу, стреляя в неё стрелами с огненными наконечниками. Она спряталась за колонну и выставила светящийся палец как раз тогда, когда он выпустил стрелу. Стрела превратилась в мухоловку и укусила Гримма за руку. Агата повернулась, чтобы увидеть, как изуродованные Беатрикс, Рина и Миллесант мнутя рядом с ней.

— Если ты можешь обратить стрелы в цветы, — прорыдала Беатрикс, — значит ты можешь и нас снова сделать красивыми?

Агата проигнорировала её и выглянула из-за колонны, чтобы взглянуть на ревущую бойню. Между сторонами мелькали разноцветные заклинания, устилая пол оглушенными телами. У окна две крысы, посверкивая острыми зубами, загнали в угол изможденного Тедроса и его, еле держащихся на ногах, товарищей.

Агата бросилась к девочкам.

— Мы должны им помочь!

— Какой в этом смысл? — проконючила Миллисент.

— Взгляни на нас, — сказала Рина.

— Нам не за что сражаться, — всхлипнула Беатрикс.

— Вы должны сражаться за Добро! — призвала Агата, когда крысы пожирали оружие мальчиков. — И неважно, как вы *выглядите!*

— Тебе легко говорить, — сказала Беатрикс. — Ты-то так и осталась красивой.

— Наши башни называются не Справедливость и Милосердие! — рявкнула Агата. — Они называются Доблесть и Честь! *Вот*, что значит — Добро, вы, тупые трусики!

Они так и стояли с разинутыми ртами, когда Агата неслась в самую гущу битвы, чтобы спасти мальчиков от крыс. Что-то врезалось в неё и отбросила в стену.

Оглушенная Агата подняла глаза и увидела Софи верхом на самой большой крысе, которая снова собиралась напасть на неё. Агата попыталась вспомнить нужное заклинание, но слишком поздно...

Перед крысой выскочила Беатрикс и выставила вперед руку. С потолка обрушился дождь, затопляя пол. Крыса подскользнулась, накренилась в сторону нападавших Несчастливцев и Софи свалилась с её спины на пол.

— Вот, еще кое-что о Добре, — улыбнулась Беатрикс, рядом с которой по обе стороны стояли Рина и Миллисент, Агате. — Мы нужны друг другу.

Софи подняла глаза и увидела, как Счастливыцы нашли в себе мужество, чтобы нанести удар попадавшим Несчастливцам. Чаддик использовал шипы на своем теле, чтобы протаранить крысу, прямо в самое её сердце, Тедрос схватил хвост другой и проткнул им её шею, в то время как Счастливыцы связали перепугавшихся Несчастливцев своими черными туниками и поясами...

Неожиданно её собственные руки и ноги опутали вьюны.

— Ты забыла, мы же в сказке, — раздался голос позади неё.

Пытающаяся подняться на ноги, Софи развернулась, а над ней уже стояла Агата, палец которой светился.

— В конце, Добро всегда *побеждает*, — сказала Агата.

Софи ослабла в своих путях.

— Так и есть, — сказала она, глядя в ответ на Агату.

А потом Агата заметила, что Софи смотрит совсем не на неё. Она уставилась мимо неё, на последнюю зальную роспись: нарисованный народ преклонил колена перед Сказочником, светящимся, словно звезда, в руке Школьного директора.

На лице Софи появилась слабая улыбка.

— До тех пор, пока я *сама* не напишу конец.

Она нанесла удар светящимся пальцем и лужи на полу, оставшиеся после дождя тут же стали глубже, сбивая Агату и обе армии с ног. Ученики оказались в воде. Они старались держать головы выше над поверхностью, но вода все прибывала и прибывала, под самый потолок, до тех пор, пока не скрыла их всех полностью. Щеки распухли, посинели, они повернулись к Софи, закрывающую разбитое окно своим связанным телом. Она лукаво улыбнулась, а затем позволила себе провалиться сквозь него.

Водопад вырвался из башенного окна в морозную ночь мощным потоком с двумя сотнями учеников, и влился в мутный ручей.

Война немедленно возобновилась в мутной жиже, но покрытые ею ученики не могли разглядеть друг друга в занимающемся рассвете. Эстер сунула Анадиль лицом в грязь, приняв её за Счастливицу, Беатрикс ударила Рину в подбородок, считая, что бьет Несчастливицу, Чаддик душил того, кто оказался ближе всего к нему — как выяснилось, Тедроса, который дал знать об этом, погрузив свои гнилые зубы в шею своего закадычного приятеля. Теперь, когда правила были нарушены, да еще так стремительно, ученики начали меняться от розового в черный, из черного в голубой, из уродцев в красавцев, из красавцев в уродцев, туда-сюда, все быстрее и быстрее, пока никто уже не мог разобрать, где Добро, а где Зло.

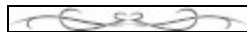
Ни один из противников не заметил, что далеко в заливе, девушка в розовом забралась на башню Школьного директора, кирпичик за кирпичиком, подтягивая себя по стрелам Гримма. А далеко внизу, за ней карабкался принц, силуэт которого был хорошо виден в лунном свете. Если приглядеться получше, то можно было увидеть, что волосы у него были цвета воронова крыла и железная воля, которая помогала ему уворачиваться от купидовых стрел в развивающийся синей...

Мантии.

При ближайшем рассмотрении, это оказался совсем не принц.

Глава 30

Никакого Долго и Счастливого

Софи стиснула зубы, когда прорывалась через окно из серебряного кирпича.

Добро всегда побеждает.

Её Немезида была права. Пока жив Школьный директор, пока Сказочник у него в руках, ей никогда не добиться отмщения. Чтобы испортить Агатин счастливый конец, оставался один-единственный выход.

Уничтожить обоих: перо и его защитника.

Софи с рычанием затащила себя в башню Школьного директора, выставив вперед свой светящийся палец...

И он потускнел.

Пустая каменная палата была освещена сотнями свечей, расставленных на книжных полках и горевших алым пламенем. Под её ногами каменный пол устилали красные лепестки роз. Бренчание призрачной арфы незаметно перетекло в нежную мелодию.

Софи нахмурилась. Она шла на войну, а пришла на свадьбу. Добро сейчас было жалким, как никогда, — подумала она.

А потом она увидела Сказочника.

Он свободно парил, никем не охраняемый, над сказочной книгой Агаты, на затененном каменном столе.

Софи прошагала сквозь падающие лепестки и мерцающие свечи прямо к смертельно острому перу. Когда она приблизилась надпись на стальном пере медленно разгорелась. Её глаза засверкали, дыхание стало прерывистым, тогда она протянула руку, чтобы схватить его, но перо увернулось и укололо её в палец. Софи в шоке отдернула руку.

Единственная капля её крови упала на Сказочника, заполняя канавки в надписи, прежде чем стечь чернилами со смертоносного наконечника. Ожив, благодаря своим новым

чернилам, перо раскалилось до красна и погрузилось в книгу, неистово перелистывая страницы. У неё перед глазами развернулась вся её сказка ослепительными картинками и вспышками слов: Тедрос на Приветствии, когда она отпрянула от своего принца на Испытании, свидетельство его предложения Агате, заманивая армии Добра объявить войну, даже взбирание по стрелам в эту самую башню — пока Сказочник не перелистнул очередную страницу и единственным взмахом начертал кровью наброски. Они волшебным образом насыщались цветом и Софи созерцала великолепную иллюстрацию её самой, здесь в этой башне, какой она была сейчас. Само очарование в розовом бальном наряде, её изображение смотрело в глаза прекрасного незнакомца, высокого, худощавого, в расцвете молодости и красоты.

Софи прикоснулась к его лицу на странице... мерцающие голубые глаза, кожа, словно мрамор, призрачно-белые волосы...

Он не был незнакомцем.

Она грезилась о нем в свою последнюю ночь в Гавальдоне. Принц, которого она выбрала из сотен не балу в замке. Тот самый, единственный с которым, как она почувствовала могло сложиться её Долго и Счастливо.

— Все эти годы, я ждал, — раздался воодушевленный голос.

Она повернулась и увидела Школьного директора в маске, который плавно скользнул к ней через всю комнату. На голове у него криво восседала поверх белых волос ржавая корона. Медленно его тело выпрямилось, горб исчез, и теперь он перед ней стоял высокий с ровной спиной. А потом он снял маску, обнажая алебастровую кожу, четкие скулы и пляшущие голубые глаза.

У Софи подогнулись колени.

Он был принцем с картины.

— Ты... ты... *моолод*...

— Все это было проверкой, Софи, — сказал Школьный директор. — Испытание, чтобы найти свою истинную любовь.

— Твоя истинная любовь — я?! — пробормотала Софи. — Но ты — Добро, а я — Зло.

Школьный директор улыбнулся: — Возможно мы должны начать с этого места.

Вися посередине над рвом и озером, Агата взбиралась по стрелам воткнутому в серебристый кирпич, уворачиваясь от новых ударов Гримма, который летал вокруг шпиля башни Школьного директора. Когда купидон вставил очередную стрелу в свой лук, она рванула к следующему древку, но оно сломалось и остатки стрелы упали с башни. Её голова повернулась. Гримм сверкнул желтыми акульими зубами, прицелившись ей в лицо...

Он застыл в воздухе, словно оглушенная птица, а потом рухнул с небес в темные воды под ним.

Агата повернулась и увидела красное свечение пальца Эстер направленное в её сторону, которое уже гасло. Тело её было связано цепями, которые увязли в иле. В лунном свете она могла разглядеть лицо Эстер, переполненное сожалениями из-за отказа закончить войну, когда был шанс. Счастливыццы вокруг неё, уже брали битву под свой контроль. Злодеи боролись против их связывания, возвращаясь к своей уродливой внешности, в то время как четыре Счастливыца пригвоздили воющего человека-волка Хорта пинками и тычками.

Агата почувствовала, как у неё под рукой оказалась оставшаяся часть стрелы.

— Помогите... — пропыхтела она, болтая ногами. Стрела сломалась...

И крепко-накрепко застыла в её хватке.

Агата повернулась и увидела вдалеке зеленое свечение пальца Анадиль, который тыкал в направлении замороженной стрелы.

А затем у неё над головой следующий серебристый кирпич превратился в темно-коричневый. Агата услышала насыщенную, сахарную сладость и её рука вытянулась вверх и погрузила её в шоколад. Вытягивая себя вверх по помадке, она глянула вниз через залив.

Где гордо светился синиц палец Дот.

Когда следующий кирпич над ней превратился в шоколад, Агата, потянувшись вверх, улыбнулась.

Похоже ведьмочки сменили сторону.

— Я был там все время, — сказал Школьный директор. Его холодное прекрасное лицо горело в первых солнечных лучах. — Приведя Агату к тебе той ночью, я тебя похитил. Я сделал так, чтобы ты не была отчислена в первые же дни в школе. Открыл тебе двери на Арену. Дал тебе загадку, ответ которой привел тебя ко мне... Я вмешался в твою сказку, потому что знал, какой у неё должен быть конец.

— Но это означает, что ты... — проямлила Софи. — Ты Зло?

— Я очень заботился о своем брате, — напряженно сказал Школьный директор, вглядываясь в бушующую войну школ. — Нам навечно был доверен Сказочник, потому что наша связь преодолела наши враждующие души. До тех пор, пока мы защищали друг друга — мы могли оставаться бессмертными и прекрасными, Добро и Зло в идеальном равновесии. Ни один не уступает другому в достоинстве и силе.

Он отвернулся.

— Но Злу предназначено всегда быть одиноким.

— Значит, ты *убил* своего собственного брата? — спросила Софи.

— Точно так же, как ты пыталась убить свою лучшую подругу и любимого принца, — улыбнулся Школьный директор. — Но как бы я ни старался управлять Сказочником... *Добро* отныне побеждало в каждой новой сказке.

Он нежно гладил символы на пере.

— Потому что есть что-то большее, чем чистейшее Зло, Софи. Нечто такое, чего ни я, ни ты не можем иметь.

Наконец Софи все поняла. Её запал остыл и превратился в печаль.

— Любовь, — тихонько сказал она.

— Вот, почему Добро побеждает в каждой сказке, — сказал Школьный директор. — Они сражаются друг за друга. Мы же можем сражаться только за себя.

— Моей единственной надеждой был поиск чего-то сильнее, чего-то такого, что бы дало нам шанс. Я преследовал каждого провидца в Бескрайнем лесу до тех пор, пока один не дал ответ на мой вопрос. Тот, который сказал мне, что мне необходимо *выйти за рамки* нашего мира. Поэтому все эти годы я занимался поиском, осторожно, чтобы сохранить равновесие, но мои тело и надежда слабли... пока наконец не появилась ты. Та, которая навсегда сможет сместить равновесие. Та — кто могущественнее Любви Добра.

Он дотронулся до её щеки.

— Любовь *Зла*.

Софи не могла вздохнуть, почувствовав его холодные пальцы на коже.

Губы Школьного директора искривились в улыбке.

— Сэдер знал, что ты придешь. Сердце — такое же мрачное, как и мое. Зло, чья красота могла возродить мою. — Его руки опустились ей на талию. — Если мы объединимся, то это укрепит связь Зла. Если бы мы поженились с целью причинить боль, уничтожения, наказания... тогда у нас с тобой наконец-то появилось бы за что бороться.

От дыхания Школьного директора её ухо покрылось инеем.

— *Никакого Долго и Счастливо.*

Глядя на него, Софи наконец все поняла. У него в глазах были те же пагубная холодность, та же боль. Еще задолго до Тедроса, её душа знала свою истинную пару. Это не рыцарь в сияющих доспехах, сражающийся за Добро. Он вообще не принадлежит к Добру.

Все эти годы она пыталась быть кем-то другим. Она совершила столько ошибок на этом пути. Но вот, наконец, она обрела дом.

— Поцелуй, — прошептал Школьный директор. — Поцелуй ради *Никакого Долго и Счастливо.*

По щекам Софи потекли слезы. И после всего, что выпало на её долю, у неё будет её счастливый конец.

Она отдалась объятиям Школьного директора, и он притянул её ближе. Когда он обнял её за шею, наклоняясь, чтобы подарить ей сказочный поцелуй, Софи нежно посмотрела на принца своей мечты.

Но теперь его кожа растрескалась по контуру овала лица.

Сквозь его светящуюся кожу червоточинами проступала обугленная плоть. Падающие лепестки роз позади него превратились в червей, а красные свечи зажглись адовыми тенями. Снаружи рассветное небо заволкло адским зеленым и камень башни Добра почернел. Когда разлагающиеся губы Школьного директора коснулись её губ, Софи почувствовала, как у неё перед глазами все поплыло в красном цвете, её вены жег яд, его тело стало разлагаться, в точности как его. Кожа пузырилась волдырями, она смотрела в глаза своему принцу, умоляя о желании почувствовать любовь, любовь, которую обещали ей книги сказок, любовь, которая будет длиться вечность...

Но все, что она нашла в себе — это ненависть.

Снедаемая поцелуем, она увидела, что ей никогда не найти любовь ни в этой, ни в следующей жизни. Она была Злом, всегда Злом, а это никогда бы не принесло ни счастья, ни покоя. Когда её сердце разбилось от грусти, она поддалась тьме, без боя, едва услышав умирающие эхо, доносящееся откуда-то из глубин, глубже, чем душа.

Важно не кто мы, Софи.

А что мы делаем.

Софи вырвала себя из объятий Школьного директора и тот упал спиной на каменный стол, смахивая Сказочника, а книга сказок врезалась в стену. В падающем Сказочнике она увидела свое наполовину сгнившие лицо, вторая же половина от лба до подбородка была чиста. Задыхаясь, она бросилась к окну, но не было из башни пути вниз.

Сквозь жуткий зеленый туман, она увидела дальний берег. Оружие, заклинания и обе стороны исчезли. Ямы с илом были переполнены почерневшими телами, дети били всех, кто попадался им на глаза, кидая в лицо грязь, рвя кожу и волосы, корчась и моля о пощаде. Софи уставилась на эту войну, которую она начала, Добру и Злу в данный момент вообще не из-за чего было сражаться.

— Что я натворила? — выдохнула она.

Она повернулась и увидела, как Школьный директор зашевелился на полу.

— Пожалуйста, — умоляла Софи. — Я хочу быть Добром!

Школьный директор поднял красные глаза, кожа собралась складками вокруг его тонкой улыбки.

— Тебе *никогда* не быть Добром, Софи. Вот почему ты *моя*.

Он медленно подполз к ней. Софи в ужасе отшатнулась к окну, когда он протянул руки в гнойниках, чтобы схватить её...

Но неожиданно сзади её обняли, словно ангельские, нежные, теплые руки и выдернули в ночное небо.

— Задержи дыхание! — выкрикнула Агата, когда они падали...

В крепком объятии две девочки ударились о поверхность озера и погрузились в холодную воду. Ледяное озеро обожгло их легкие, заставив онеметь каждый дюйм их кожи, но девочки так и не расцепились. Их тела переплелись, погрузившись в арктические глубины, а потом были выброшены на солнечный свет. Но как только их руки прорезали воду, наверх в воздух, Агата увидела, как к ним рванула черная тень. С беззвучным криком она выбросила вперед светящийся палец и, поднявшаяся гигантская волна, отсекала их от Школьного директора и выбросила на бесплодном берегу Зла.

Агата заставила себя встать на колени во рву и слышала крики войны вокруг себя, разъяренных, покрытых грязью детей безликих и безымянных, избивающих друг друга подобно зверью.

А потом в отдалении из ила выросла фигура.

— Софи? — прохрипела она.

Ил отступил и Агата в ужасе заспешила к берегу.

Она глянула назад и увидела старого прогнившего Школьного директора, спокойно пробирающегося к ней со Сказочником в руках. Булькая густой жижей, которая утягивала её вниз, словно зыбучие пески, она пробиралась, работая торсом, к берегу, борясь с черными маслянистыми руками, царапающими ей лицо. Агата опять обернулась и увидела, как Школьный директор скользит, незамеченный воюющими учениками. Давясь илистой гадостью, она вытолкнула себя через чумазую толпу на мертвую траву, поднялась на ноги, чтобы побежать...

Школьный директор стоял перед ней. Плоть слезала с его головы, обнажая череп.

— Большого я ожидал от Чтеца, Агата, — сказал он. — Наверняка ты знаешь, что случается с теми, кто встает на пути у *любви*.

Агата приготовилась драться.

— Ты никогда её не получишь. Пока я жива.

Голубые глаза Школьного директора налились кровью.

— А так и написано.

Он занес Сказочника, словно кинжал и метнул его в Агату с оглушительным криком.

Загнанная в ловушку, Агата закрыла глаза...

В неё врезалось тело и повалило на землю.

Глаза Агаты открылись.

Софи лежала рядом с ней. Сказочник торчал у неё из сердца.

Школьный директор в шоке закричал.

Война вокруг них замерла.

Окровавленные студенты застыли в гробовой тишине, когда увидели своего сгнившего злобного предводителя, нависшего над телом ведьмы, которая спасла жизнь принцессе.

Телом одной из них.

Лица Счастливых и Несчастливых, утопивших в грязи, тронули ужас и стыд. Они предали друг друга, они перестали понимать — кто их истинный враг. В погоне за глупой мстью, они предали равновесие, которое им было вверено защищать. Но, когда глаза нашли Школьного директора, сотня их молодых лиц загорелась целью. А потом у всех разом, серебристые лебеди на груди на обеих формах Добра и Зла стали ослепляюще белыми и ожили, заклёкатель и замахали крыльями.

И тут же крошечные птички высвободились, вырвались в сумрачное небо и объединились в сверкающий силуэт. От лица Школьного директора отхлынула кровь, когда он взглянул на светящийся призрак — знакомое лицо, обрамленное белоснежными волосами, легко узнаваемые щеки цвета слоновой кости, и теплыми голубыми глазами...

— Ты всего лишь дух, братец, — зло сказал Школьный директор. — У тебя нет силы без тела.

— Это пока, — раздался голос.

Он обернулся и увидел, как из Бескрайнего леса вышел, хромая, профессор Сэдер и прошел через школьные ворота, исцарапанный шипами. Дрожащий Сэдер посмотрел вверх на призрак в небе.

— *Пожалуйста.*

Добрый брат ринулся с небес вниз и предложенное Сэдером тело.

Сэдера затрясло, карие глаза округлились, а потом он рухнул на колени и закрыл глаза.

Медленно его глаза открылись, сверкая синевой.

Школьный директор от удивления отступил назад. Кожа на руках провидца превратилась в оперение, изрезая его зеленый костюм на лоскуты. Школьный директор в ужасе обернулся тенью, которая убежала по мертвой траве напрямик к озеру, но Сэдер взлетел в воздух, человеческие руки которого теперь стали гигантскими лебедиными крыльями, последовал за ним и, бросившись вниз, подцепил тень клювом. С пронзительным птичьим клетотом он разорвал тень на части, посыпая черными перьями поле битвы под ними.

Сэдер с небес посмотрел на Софи, лежащую на руках у Агаты, и на большие карие глаза навернулись слезы. И это было первое и последнее, что увидел Сэдер, прежде чем, его жертва была исчерпана, и он растворился золотой пылью, а потом исчез.

Учителя неистово крича, выбежали из замков, освобожденные от проклятья Школьного директора. Первой остановилась профессор Дови, а следом за ней и остальные. Подбородок Леди Лессо задрожал, когда Кларисса вцепилась ей в руку. У профессора Анемон, профессора Шикс, профессора Мэнли, принцессы Умы — у всех было одинаковое выражение ужаса и беспомощности на лице. Даже Кастор с Поллуксом не смогли ничего сказать. Все склонили головы в знак траура, зная, что они опоздали даже для магии пощады.

Дети, перед ними, собрались вокруг Софи, умирающей у Агаты на руках. Агата, заливаясь слезами, тщетно пыталась остановить кровотечение из раны.

Тедрос опустился рядом с ними.

— Позволь мне помочь, — сказал он, беря Софи на руки.

— Нет, — прохрипела Софи. — Агата...

Не сказав ни слова, Тедрос опустил её на руки принцессы.

Агата прижала Софи к своей груди. Руки принцессы были влажными от крови Софи.

— Теперь ты в безопасности, — тихонько проговорила Агата.

— Я... не... хочу... быть... Злом, — с трудом выговорила Софи сквозь всхлипывания.

— Ты не Зло, Софи, — прошептала Агата, касаясь её сгнившей щеки. — Ты — человек.

Софи слабо улыбнулась.

— Только, если у меня есть ты.

В её глазах угасала жизнь.

— Нет... еще нет... — боролась Софи.

— Софи! Софи, прошу тебя! — задыхаясь умоляла Агата.

— Агата, — Софи испустила последний вздох. — Я люблю тебя.

— *Постой!* — закричала Агата.

Ледяной ветер задул оставшиеся факелы и почерневший замок Добра исчез в туманной тьме.

Всхлипывая и дрожа, Агата поцеловала Софи в холодные губы.

Между детскими ступнями на мертвой земле трепетали черные перья. Когда они в ужасе уставились на них, Агата склонила голову, приложив её к безмолвному сердцу Софи и расплакалась в ужасающей тишине. Рядом с этими двумя телами померк, став серым, холодный окровавленный Сказочник, когда его работа была наконец завершена.

Когда преподаватели приняли детей в свои объятия, Агата продолжала обнимать тело, понимая, что должна отпустить Софи. Но она не могла. Щека была мокрой от крови Софи. Она слушала рыдания, нарастающие вокруг неё, ветер разносил последствия войны, её прерывистое дыхание гасло возле трупа.

И биения сердца.

Губам Софи вновь вернулся цвет.

Её кожу согрело сияние.

Кровь исчезла с её груди.

Её кожа восстановилась в своей прекрасной целостности и с резким вздохом, глаза её открылись, оказавшись изумрудно-зеленого цвета.

— Софи? — прошептала Агата.

Софи прикоснулась к её лицу и улыбнулась.

— Да кому нужны принцы в нашей сказке?

Сквозь туман прорвались лучи солнца, позолотив оба замка. Когда трава вокруг позеленела, Сказочник вновь возродился и взмыл обратно в свою башню под небо. А по всему берегу, разбросанная детская форма, черная, розовая, синяя, выцвела серебром, а потом вся разом исчезла.

Но когда ликующие ученики и преподаватели сбежали к девочкам, те неожиданно отступили. Софи Агата начали мерцать, и за какие-то несколько секунд стали прозрачными. Они повернулись друг к другу на ветру и услышали звук, который не был доступен остальным: звон городских часов все ближе и ближе...

Глаза Софи сверкнули:

— Принцесса и ведьма...

— *Подруги*, — выдохнула Агата.

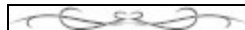
Она резко обернулась к Тедросу. Её принц схватил её с криком:

— *Постой!*

Но поймал пальцами лишь свет.

Они исчезли.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Перевод: **Виктория Салосина, Светлана Егошина, Иван Биндарович**

Редактура: **Виктория Салосина**

Вычитка: **Александр Маруков**

notes

Стимфы — Стимфалийские птицы — в древнегреческой мифологии хищные птицы, жившие возле аркадского города Стимфала. Вскормлены Аресом и имели медные клювы, крылья и когти. Они нападали как на людей, так и на животных. Самым грозным их оружием были перья, которые птицы сыпали на землю как стрелы. Они пожирали урожай в округе, либо также поедали людей.

Кандированный (леденцовый) сахар — продукт кристаллизации сахара, который используют для производства леденцов. Бывает самых разных форм и расцветок. Для получения кандиса перенасыщенный сахаропаточный сироп уваривают до легкой пробы на волос и в горячем виде оставляют кристаллизоваться на натянутых в сосудах нитях, при температуре 50–60°. Через 8—10 дней на нитях получаются как бы нанизанными крупные кристаллы сахара-кандис. Сироп сливают, кристаллы обмывают известковой водой и обсушивают.

Вольта — старинный парный танец.

Неуд.